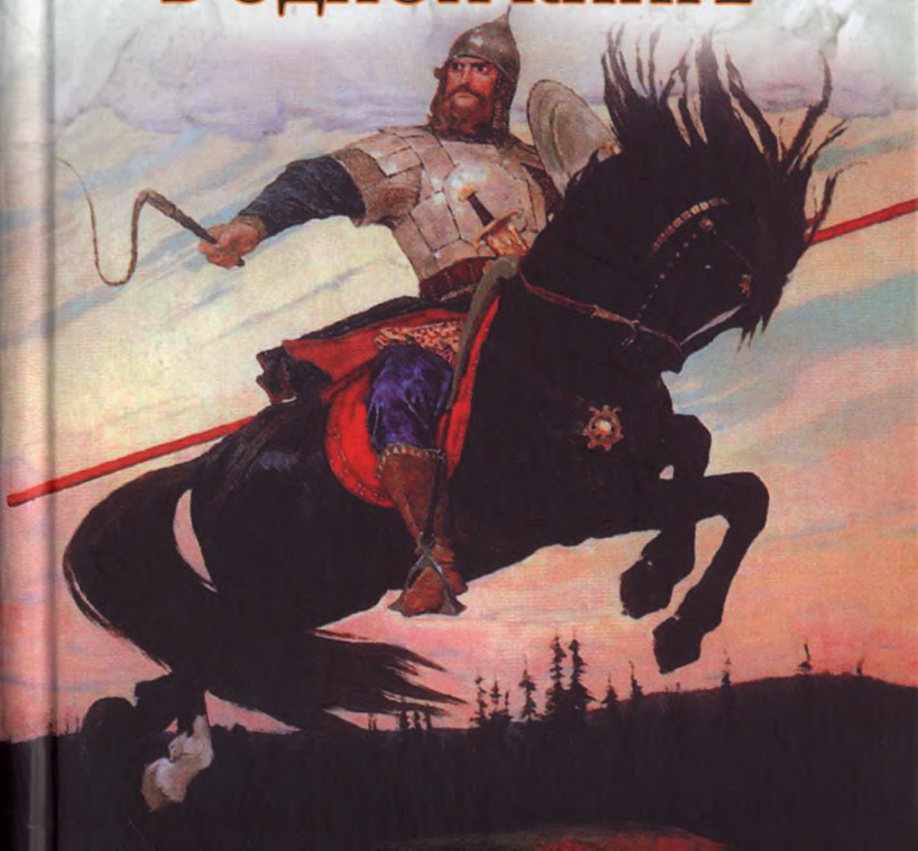

■ Николай Михайлович ■
Карамзин

ПОЛНЫЙ КУРС
РУССКОЙ
ИСТОРИИ
В ОДНОЙ КНИГЕ

Н. М. Карамзин

**ПОЛНЫЙ КУРС
РУССКОЙ ИСТОРИИ
в одной книге**

**В современном изложении
Лин фон Паль**

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА
«Астрель-СПб»
Санкт-Петербург

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
К21

Серия «Историческая библиотека»
Дизайн обложки: *Ю. Межова*

Карамзин, Н.М.

К21 Полный курс русской истории : в одной книге / Н.М. Карамзин; в совр. излож. Лин фон Паль. — М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2010. — 537, [1] с. — (Историческая библиотека).

ISBN 978-5-17-065090-3 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-9725-1693-3 (ООО «Астрель-СПб»)

Николай Михайлович Карамзин (1766–1826) – выдающийся русский историк, литератор и журналист. В дореволюционное время считался отцом-основателем русской истории. Практически все учебники для детей и юношества строились на основе его многолетнего труда «История государства Российского». О характере написанной им «Истории» даже желчный критик девятнадцатого столетия В. Г. Белинский заметил, что это «поэма, написанная прозой».

Перед вами сокращенное изложение трудов великого историка, дополненное современными комментариями.

Грандиозный труд теперь доступен любому читателю, интересующемуся отечественной историей.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Подписано в печать 20.01.10.

Формат 84×108^{1/32}. Усл. печ. л. 28,56.

Тираж 3000 экз. Заказ № 658

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 – книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.012280.10.09 от 20.10.2009 г.

© Лин фон Паль, 2010, предисловие, адаптация,
заключение
© ООО «Астрель-СПб.», 2010

Патриотизм не должен ослеплять нас; любовь к отечеству есть действие ясного рассудка, а не слепая страсть.

Н. М. Карамзин

ЛЕТОПИСЕЦ ИЛИ ИСТОРИК?

В далекое дореволюционное время Николай Михайлович Карамзин считался отцом-основателем русской истории. Практически все учебники для детей и юношества строились на основе его многотомного труда «История государства Российского». Само собой, когда власть переменялась, переменялось и отношение к Карамзину. Его тут же ничтоже сумняшеся причислили к ортодоксам и реакционерам.

И напрасно. История, изложенная Карамзиным,— яркая, живописная, с патриотической подоплекой,— как нельзя более подходила государству, которое, хоть и отрещивалось от царизма и именовало тогдашний строй «тюрьмой народов», строило точно такую же, только более обширную «зону». Карамзинский патриотизм в той стране был очень даже к месту... если, конечно, правильным образом его интерпретировать. И, не упоминая имени имперского Нестора, наши отечественные историки лепили свои труды для детей и юношества, то есть для общеобразовательной системы, точно по лекалу Карамзина, только по-ленински правильно расставив акценты. Из этой новой расстановки тоже получалось, что Ярослав Мудрый был великим, пускай себе и княжеской породы. И русские тоже оказывались великим народом, как и предполагал в своем темном столетии Николай Михайлович.

Советская наука признавала даже заслуги Карамзина, не исключив его имени из учебников. Только вот его книги считались почему-то нежелательными для освоения школярами. Впервые они были изданы в советское время уже ближе к его концу, да и то в журнальном варианте. И сразу же стали настольным чтением для всякого рода ура-патриотов. Члены общества «Память», например, журнал «Москва» (в нем была напечатана карамзинская «История») зачитывали до дыр. Бедняга Карамзин! Он, конечно, был патриотом, и в его веке это вполне простительно, но вот почтения со стороны человеконенавистников явно не предполагал. Так что, читая Николая Михайловича, нужно, прежде всего, делать скидку на время, набежавшее после первой публикации, и на особенности мышления этого человека.

Карамзина совершенно напрасно считают историком. Он был человеком просвещенным, с энциклопедическими знаниями, но специалистом-историком не был никогда. Карамзин был литератором. Но для того, чтобы понять, почему слава Карамзина-историка затмила славу Карамзина-писателя, почему его называли то первым русским историком, то последним русским летописцем, нам стоит обратиться к его человеческой судьбе, увидеть в нем не почившего классика, а человека из плоти и крови, который жил, любил и страдал, был счастлив и несчастлив, имел успехи и неудачи, достигал задуманного и совершал ошибки. Так мы сможем понять не только особенности его мышления, но и особенности той исторической правды, которую он пытался донести до своего читателя — дворянского читателя начала XIX века.

Читатель этот, заметим, был весьма своеобразен: он превосходно понимал по-французски и с большим тру-

дом связывал русские слова в предложения. Родной язык виделся ему грубым и неотесанным. Если поэзия во времена Карамзина еще хоть кое-как переменялась в лучшую сторону благодаря Державину, то отечественная проза была такой архаичной, что, и правда, лучше было читать французские романы в оригинале. Или немецкие. Или английские, хотя язык «туманного Альбиона» был в России не в ходу.

Писатель Карамзин взялся за перо в то злосчастное время, когда русской прозы практически не существовало. А исторические сочинения писались на таком русском языке, что через пару страниц утомленный читатель откладывал книгу в сторону, зевал, надевал на голову чепец и отправлялся в объятия Морфея. Научные исторические труды могли доставить радость и удовольствие разве что одержимому ученому, простой дворянский муж или тем более дама этой пытки не выносили. Для тогдашнего дворянина история ограничивалась историей его рода да памятными событиями, в которых принимали участие деды и отцы. Дальше вместо истории зияла черная яма. Нет, конечно, профессиональные историки, и большей частью заграничного происхождения, писали о России, но читателю эти писания были либо вовсе не интересны, либо трудны для восприятия.

Да, время было удивительное: существовала огромная страна, могучая российская Империя, а дворянское сословие с воодушевлением пересказывало эпизоды из чужой западной истории, особенно римской. Но, стоило чуть отойти от благословенного родословия, все тут же начинали путаться в именах и событиях. Вся история, что происходила на территории России до Петра Великого, отсутствовала. Сначала Ло-

моносов, затем Татищев пытались восполнить этот пробел, срастить эпохи, однако читатель вряд ли понимал всю важность их изысканий. Простого и связного изложения событий русской древности, да еще чтобы картины запечатлевались в мозгу помимо воли, — такого исторического живописания не было. Если переводить коллизию на наши дни, то это все равно что заставить рядового человека читать на древнерусском языке «Повесть временных лет» или на другом мертвом — латыни — исторический труд, посвященный проблемам сфрагистики.

Теперь, думаю, понятно, почему образованное дворянское сословие истории своей страны не знало и знать не хотело. Французские, немецкие, английские романы и даже исторические труды были куда как приятнее для глаза и душевного удовлетворения. Русский мужик об отечественной истории вообще никакого представления не имел. Впрочем, Карамзин на его понимание и не рассчитывал. Не для крепостных крестьян задумывалась и писалась его «История». Но удивительное дело: адресованная дворянам, она стала впоследствии учебником патриотизма для всех слоев населения. Прочли ее, пусть и в пересказах, и мужики.

Но довольно предисловий, обратимся, наконец, к личности нашего героя, Николая Михайловича Карамзина. По иронии судьбы, года своего рождения он не знал — так и умер, не выяснив даты начала собственной истории. Если требовалось, в графу «год рождения» он вносил 1765, хотя на самом деле родился в 1766 году (это выяснили уже те, кто изучал его биографию).

Предки Карамзина выводили свое родословие от татарского князька Кара-Мурзы, происходившего из Крыма, но перешедшего на русскую службу. Татарину,

само собой, пришлось креститься, и от него-то и пошли русские православные дворяне Карамзины. Впрочем, потомки Кара-Мурзы были люди не слишком богатые. Батюшка историка, дослужившийся до капитана, был и вовсе незначительного достатка, хотя на благо Отечества живота своего не щадил. Но угоды и крепостные души у семьи все же имелись. Именно это умело организованное помещичье хозяйство обеспечивало семью Карамзиных.

Очевидно, что отец был строг к мужикам, но справедлив. Никаких помещичьих зверств в имении не происходило. Это раннее впечатление от единения барина со своими крестьянами глубоко запало в душу Карамзина, он и в зрелом возрасте считал, что для поддержания мужика в достатке и душевном равновесии необходим прежде всего правильный хозяин. Попадет мужик в дурные руки — будет беда и для мужика, и для отечества. Попадет в руки к завзятому либералу, не желающему вникать в мужичьи проблемы, а только гнать его на волю, предоставив собственному мужичьему разумению, — будет беда похлеще.

У Карамзиных крестьяне были обихожены и сыты. Вопрос об их гражданских свободах будущему историку и в голову не приходил. Из детства он запомнил только приветливые лица мужиков.

В помещичьем доме и прошли ранние годы жизни Николая Михайловича. Это было обычное детство барчука из небогатых дворян: читать и писать его учил местный дьячок — обошлись без гувернеров-французов и элитных школ. Надо сказать, что это дворянское детство протекало на Волге, в местах действительно живописных. Карамзин навсегда полюбил русскую природу, медленные воды величавой реки, паруса рыбачьих ло-

док, кружащих над ними чаек, которых он именовал рыболовами. Эту особую любовь к родине, которую, конечно, можно назвать патриотизмом, он вынес из детства. Она всегда была связана с первыми осмысленными впечатлениями от мира. Недаром, будучи уже вполне зрелым человеком, он признавался, что вид широкой и медленно текущей реки вызывает в его душе восторг до слез. Большие реки, которых он повидал потом немало, всегда напоминали ему родную Волгу.

Позднее это детское восприятие Родины расширилось и охватило все пространство империи, но изначально Родина заключалась для барчука Коленьки в этих волжских плёсах, в усадьбе, где он рос, в тенистых лесах, которые подступали к дому. Карамзин рос мальчиком впечатлительным и рано пристрастился к чтению. А читал он все, что попадало под руку, но особое пристрастие имел к романтическим историям. Особой любовью для него стал роман Сервантеса «Дон Кихот». Втайне он считал себя рыцарем печального образа.

В этом барчук не ошибся. Хотя его жизнь сложилась гораздо удачнее, чем у литературного героя. Но завет Дон Кихота бороться со злом и защищать добро Карамзин выполнял неукоснительно. Самое любопытное, что это ему удавалось без тяжелых последствий для себя (что совершенно не получалось у Дон Кихота). Рассказывали, что, когда царь решил расправиться с молодым поэтом Пушкиным и загнать его в ссылку, он как бы между прочим проговорил вслух: «Куда бы его сослать?» Карамзин, человек уже известный и при царе не безмолвный, тут же посоветовал отправить Пушкина на юг. Так оно и случилось: вместо Нерчинска или какого иного нехорошего сибирского места Пушкин отправился на юг в армию Инзова, где, как всем извест-

но из школьной программы, стал головной болью для всех военных начальников, то ухлестывая за красивыми дамочками, то сочиняя деловые отчеты в стихах. А не случись рядом Карамзина, где бы оказалось «солнце русской поэзии»? Подумать страшно! Но самое пикантное, что царь никогда не помянул историка злым словом за столь полезный совет.

Так что, ежели говорить о картонном мече и ветряных мельницах, Николай Михайлович отлично видел, как обезвредить зло, чтобы и добро не пострадало. Он ведь в том счастливом детстве читал не только романтические истории, но и вполне реальные «Истории» — Плутарха, например, из древних, или Роллена, составившего описание римской истории, из современников. Но романтическая жилка в юном возрасте была сильна и окрашена в православные тона: кроме светской литературы, читал он также и церковную. Так что, когда однажды произошел с ним опасный случай, завершившийся благополучно, то свое спасение он отнес только на волю Божию.

А дело было так. По одним сведениям, летом барчук отправился почитать к любимому старому дубу. Книжка была увлекательной, так что немудрено, что Коленька зачитался. Опомнился он только тогда, когда в небе запылали молнии и ударил проливной дождь. Он, конечно, стремглав бросился к дому, но точно на его пути появился медведь, и этот зверь питал к барчуку нехорошие чувства. Мальчик окаменел от страха, он ожидал смерти. Но в тот момент, когда он уже полностью протиснулся с земными радостями, полыхнула молния, грянул гром... и медведь стал обугленным куском мяса.

По другим сведениям, встреча с опасным зверем случилась во время прогулки барчука с его дядькой, но

суть происшествия адекватна: медведь едва не бросился на мальчика, но пал, сраженный молнией. Как бы то ни было, Карамзин воспринял свое спасение как настоящее чудо: будто бы Бог охранил его от неминуемой смерти с помощью грома и молнии. И он продолжал свято верить до старости, что Господь уберег его от медвежьих лап именно потому, что предназначил ему особую миссию. Учитывая чтение Сервантеса и веру в Провидение, можно твердо сказать: судьба должна была получиться необычной.

Но ничего знаменательного не произошло ни через год, ни через два. Разве что соседка по имению, Пушкина, стала привечать хорошенького мальчугана, учить его этикету и — как сильно опасался его отец — прельщать женскими прелестями. Дабы оградить чадо от соблазна, Николеньку отдали учиться в симбирскую гимназию, точнее в пансион, то есть вырвали мальчика из дворянского гнезда и посадили в пансионерскую клетку.

Учеником Карамзин оказался отменным. Он хорошо и отлично успевал практически по всем предметам. Успехи так вдохновили родителей мальчика, что они отправили его учиться в Москву, в пансион Шадена. Это было специфическое учебное заведение. Шаден был германофилом, и в его пансионе воспитывались отроки, суть которых Пушкин отобразил в своем Ленском таковыми словами: «всегда возвышенная речь и кудри черные до плеч». Впрочем, кроме повышенной чувствительности и чувства умиления прекрасным, Шаден дал своим воспитанникам и знания: пансионеры зубрили мертвые языки — греческий и латынь, осваивали философию и риторику.

Для большинства пансионеров умение красиво излагать свои мысли было всего лишь элементом обуче-

ния, но для юного Карамзина стало профессией. Батюшка желал видеть сына офицером, однако с этим у молодого человека ничего дельного не получилось. Это Державин мог и стихи писать, и солдат вести в бой, а Карамзин оказался юношей совершенно штатским. Отслужив в гвардейском Преображенском полку несколько лет, он с радостью вышел в отставку.

Нельзя сказать, что военная слава не грела ему душу. Грела. В мечтах он побеждал врагов и совершал подвиги. Но оказалось, что служба вовсе не подвиги, а рутина. Кроме того, служба в столичном Петербурге пожирала огромное количество денег. Все-таки гвардейский полк, особые требования к внешнему виду. И этот гвардейский лоск требовал капиталовложений. Но небогатая семья обеспечить их не могла, и Карамзину пришлось полагаться только на собственные способности. А в чем он был способен? В изящном слоге. Так, по совету одного из друзей, офицер Карамзин стал заниматься переводами, благо языкам в пансионе его обучили неплохо. Ему даже удалось издать один такой переводной опус со страшным названием «Деревянная нога».

Может быть, юноша и дальше бы тянул военную лямку и пробавлялся переводами с немецкого, но тут умер отец. Для отставки смерть родителя считалась уважительной причиной, а в военной будущности молодой человек успел окончательно разочароваться.

Примерно с год он прожил в Симбирске, деля время между визитами, картами и разного рода переводами. Только теперь переводы его интересовали больше, и не только как средство заработка. Учтите, что это были 80-е годы XVIII века. Еще не родился Пушкин, а Жуковский еще не открыл русской публике переводных баллад и не со-

чинил романтических историй. Время для литературы совершенно дикое. Изящным в то время считался слог Михаила Ломоносова и поэтов Сумарокова и Тредиаковского. Так что даже «Деревянная нога» вполне могла считаться высоким искусством, а уж переводы из Эдварда Юнга — и вовсе предел совершенства.

В глухом Симбирске между картами и Юнгом Карамзин неожиданно открыл для себя Вильяма Шекспира. И был сражен. Наверно, ни один другой писатель после Сервантеса не оказал на молодого Карамзина такого влияния. Характеры героев шекспировских трагедий запали ему в душу. Именно у английского драматурга он научился так выстраивать повествование, чтобы читатели замирали в восторге и не могли оторваться от текста. Позже это ему очень пригодилось.

Пока же, покончив с делами, он подался в более веселую Москву. Тому были особые причины. Кроме Шекспира в симбирском захолустье Карамзин открыл для себя оплот инакомыслия — московский журнал «Трутень», который издавал его тезка Николай Новиков.

Об этой поре жизни Карамзина злопыхатели говорят с ненавистью: он подался в масоны. Одни видят в этом масонском «обращении» зло, которое едва не сгубило талант юноши, другие благо, которое подвигло его углубиться в тайные недра истории. На самом деле не правы ни те ни другие. Масонство в Россию, где прежде ни о чем подобном не слыхивали, принесли бежавшие из Франции дворяне, перепуганные революцией. По сути, контрреволюционеры, избежавшие благодаря переезду на Восток гильотины. Но, по сравнению с русскими консерваторами, эти западные монархисты были невероятными вольнодумцами. Они по наивности полагали, что смогут внушить царям наиболее ра-

зумное государственное устройство и, как позже напишет Пушкин, «чувства добрые лирой пробуждать».

Увы, не одна лира сломалась, пытаясь пробудить эти чувства, и ничего путного у пробудителей не вышло. Зато появились масонские кружки. В один из них, куда входили авторы и издатель «Трутня», попал и Карамзин. Масонские ложи в России, несмотря на тайные обряды и непонятные простым смертным символы, были всего лишь клубами по интересам. Очень скоро в них оказалось вовлечено все высшее дворянское сословие.

Масонский кружок, к которому прибился Карамзин, был хотя бы интеллектуальным, то есть в него входили люди просвещенные и имеющие прямое отношение к литературе. Новиков был человеком талантливым и многосторонним. Для юного Карамзина он не мог не стать образцом для подражания. Ведь Новиков был на двадцать лет его старше, и в тот самый год, когда Карамзин появился на свет, молодой Новиков оказался по распоряжению Екатерины в комиссии, которая занималась составлением проекта нового Уложения, то есть с молодости был вовлечен в дела государственной важности. Правда, занимал он должность невысокую (вел протоколы), однако в указе императрицы о занятии, порученном Новикову, говорилось высоким слогом: «к держанию протокола определить особливых дворян с способностями».

Новиков оказался человеком с огромными способностями. Екатерина скоро обратила на него свое внимание. Ловкий царедворец использовал бы этот шанс для упрочения своего положения, но Новиков был мечтателем и максималистом: он хотел реального улучшения жизни людей — с ужасами тогдашней русской жизни он отлично ознакомился, работая в комиссиях. Он пытался

предложить проекты переустройства государства, которое пошло бы на пользу его жителям, но куда там! Разочаровавшись и в реформах «сверху», и в самой Екатерине, и в помещиках, и в государственных деятелях, он просто взял и подал в отставку.

Но кипучая энергия требовала выхода, и Новиков стал заниматься делом довольно безопасным (так он думал) – изданием журнала «Трутень». Однако, как оказалось, литературное поприще в России легко может стать поводом для ареста и суда. Журнал получился злым и ядовитым, и жалил он как раз тот общественный слой, который с пылом защищал орган императрицы журнал «Всякая всячина». Новиков рисовал картины чудовищной эксплуатации крестьян и ставил вопрос о скорейшем их освобождении из крепостной неволи. Официозный журнал Екатерины, разумеется, остро полемизировал с «Трутнем» и рисовал картины идиллического рабства. Вся русская печать разделилась на два лагеря: одни были за Новикова, другие – за императрицын журнальчик для светской публики. Последний сражение явно проигрывал. Так что новиковский «Трутень» Екатерина закрыла своим распоряжением.

Новиков не сдался. После «Трутня» он издавал «Живописца», «Кошелек», а также серьезные периодические издания – «Санкт-Петербургские ведомости», «Утренний свет». В конце 70-х годов, устав от столичной жизни, он перебрался в более уютную и свободную Москву, подальше от двора. Здесь он получил в аренду университетскую типографию и стал издавать «Московские ведомости», снабдив скучное и провинциальное издание приложениями и добавив остроты в материалы. Одновременно у Новикова возник сильный интерес к русской истории, и он занялся сбором материалов, ко-

торые дошли до его столетия, — гражданских актов, договоров, летописей. Это историческое собрание получило именование «Древняя российская вивлиофика».

Кроме того, Новиков занимался разными насущными проблемами страны, не будучи чиновником, — когда, например, разразился голод, он изыскал средства, чтобы помочь попавшим в беду людям. Но более всего его заботило развитие и просвещение общества, не дворянского общества, а людей простого звания — мещан и крестьян. Наверное, на этом интересе он близко сошелся в Москве с местными масонами — в отличие от столичных, которые Новикова зазывали не раз в свою среду, московские пришли к нему по душе: все они были люди умные, талантливые, желавшие счастья своей стране. К 1780 году Новиков прошел масонский обряд посвящения и обрел верных друзей — И. Лопухина, С. Гамалея, И. Тургенева, И. Шварца, князей Трубецкого и Черкасского и даже одну женщину, принятую в масонскую ложу, — княгиню Трубецкую.

Примерно в это же время из провинциального Симбирска в Москву перебрался юный совсем Карамзин. Надо ли говорить, что он с огромным воодушевлением влился в эту хорошую московскую компанию. Так что на вопрос, вступил ли Карамзин в масонскую ложу, следует ответить утвердительно: да, вступил. Но остался ли Карамзин верен масонским идеалам? С этим все гораздо сложнее.

В юные годы будущий историк вполне разделял революционные идеалы, да и что дурного может быть в свободе, равенстве, братстве и просвещении народа? Пересмотреть свои взгляды его заставило другое. В пору самого расцвета масонских мечтаний Карамзин решил посмотреть мир. Он хотел видеть все доступные

европейские страны, и большинство из них увидел. Никто не посылал Карамзина туда по служебной необходимости, никто не отправлял его для научных занятий — две причины, по которой русские той эпохи оказывались за границей. Не ехал он и для сугубо дворянского развлечения — поблистать в европейском свете. Молодой Карамзин просто желал увидеть, как выглядит мир по ту сторону границы Российской империи. Он желал не читать о заграничной жизни в книгах и журналах, а составить собственное впечатление. Оценить, какие перемены там происходят.

Самые радикальные перемены происходили тогда во Франции. Это оттуда с ужасом бежали роялисты и туда же с восторгом стремились те, кто видел надежду и счастье в свободе, равенстве и братстве. Но то, что увидел в революционной Франции Карамзин, навсегда изменило его мировоззрение. Такой свободы, такого равенства и такого братства он не хотел видеть. Процесс создания правового государства Карамзин представлял несколько иначе — без отрубленных голов и ликующей черни, сбегаящейся поглазеть на очередную казнь. Да и посещение им «штаба революции», Конвента, тоже большого восторга не вызвало: в Конвенте ругались, выносили смертные приговоры, большинством голосов решали, кому жить, а кому умереть...

Не только русский путешественник, но и другие очевидцы той кровавой эпохи вспоминали скорее не победы освобожденных французов, а тот страх и трепет, который внушали им вооруженные отряды и толпы обезумевшей черни. Единственный человек, который запомнился Карамзину и которого он защищал даже тогда, когда его именовали не иначе как тираном, был Робеспьер. Для Карамзина он навсегда остался Не-

подкупным. Для себя русский путешественник сделал такой вывод: «Всякое гражданское общество, веками утвержденное, есть святыня для добрых граждан, и в самом несовершеннейшем надобно удивляться чудесной гармонии, благоустройству, порядку.. Когда люди уверятся, что для собственного их счастья добродетель необходима, тогда настанет век золотой и во всяком правлении человек насладится мирным благополучием жизни. Всякие же насильственные потрясения гибельны, и каждый бунтовщик готовит себе эшафот».

А масоны? Масоны, которые приняли деятельное участие в рождении революции, увидев первые ее кровавые плоды, постарались откреститься от своего детища. Они тоже не предполагали, на что способен освобожденный простолудин. Так что, если Великая французская революция и была детищем масонов, то разве что бастардом, незаконнорожденным ребенком.

Карамзин сделал для себя еще один важный вывод: никакая свобода не может окупиться ценой пролитой крови. Ему еще предстояло пройти путями русской истории, тоже богатой кровавыми реками, и, по большому счету, эта русская кровь была пролита также напрасно, чего Карамзин не желал признавать, находя те или иные оправдания... Но это было уже много позже, в зрелом возрасте. А тогда, путешествуя по Европе, он мог честно сказать словами Тютчева: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые». То, что он увидел, сделало способного юношу писателем.

Его первая серьезная книга называлась «Письма русского путешественника». Конечно, не стоит отождествлять рассказчика с самим Карамзиным, это все же герой литературный, но многое из того, что он увидел и услышал во время европейского турне, вошло в эту

книгу. И многие мысли были созвучны с мыслями самого Николая Михайловича. Возвращение на родину виделось и герою «Писем», и самому Карамзину как возвращение из бурлящего котла революции в тихую и стабильную страну. Если до отъезда Карамзин находил в России одни лишь пороки, то после возвращения он уже точно знал местоположение всех возможных добродетелей.

Однако за время его путешествия в этом тихом болотном мирке многое переменялось. Напуганная революцией во Франции, Екатерина больше не желала выглядеть вольнодумицей, и в русском обществе начались гонения на свободу слова. К моменту возвращения из-за границы Карамзина за дело книгоиздания и просвещения пострадал уже известный нам Николай Новиков. Жандармский отряд явился к нему в имение и силой забрал больного издателя, наделав шума и насмерть перепугав домочадцев: последние не отошли от этого шока до конца своих дней, обзаведясь нервными тиками и заиканием.

Удар Екатерины был направлен на московский ма-сонский кружок, но пострадал за правду один только Новиков. Его осудили и заточили в Шлиссельбургскую крепость. Для Карамзина это тоже был наглядный урок: не только революция пожирает собственных детей — власть, данная Богом, этим тоже занимается регулярно.

Может быть, два этих совпавших по времени события и породили особую черту Карамзина-человека: он предпочитал не ссориться с сильными мира сего и свое приватное мнение держать при себе. С тех пор собственную частную жизнь он полностью отделил от общественной. Он много позволял себе в частных письмах и высказываниях, говорил нелицеприятные слова и о власти имущих, но при дворе держал себя как

хороший солдат — полностью соответствуя пожеланиям своего командира. Только в редкие минуты, когда высокое начальство изволило расслабиться и было способно не закусывать человечинкой, Карамзин позволял себе вольности — просил за обреченных или излагал разумные государственные идеи. Он понял природу власти. Он знал, как с ней следует управляться.

Что же касается юношеских светлых идей — Карамзин порвал с масонами не только потому, что боялся последствий: он ясно увидел, куда приводят благие идеи, и к тому же понял еще одно: дела намного важнее слов, даже если эти дела выполнены с недочетами. А у масонского сообщества ничего, кроме пустопорожней болтовни, он не находил. Очевидно, в этом и была причина разрыва.

Впрочем, в некоторых статьях и книгах можно найти иное объяснение: Карамзин просто струсил. Но если бы это было именно так, он не написал бы оду в защиту шлиссельбургского узника Николая Новикова — «К милости»! Удивительное дело: Екатерина, которая личным распоряжением упрятила вольнодумца в крепость, приблизила к себе его защитника, Николая Карамзина.

Но первоначально следствие сильно заинтересовалось мыслями оды. Вот тогда-то в следственном комитете по делу Новикова и родилась та идея, которую до сих пор повторяют все искатели конспирологических связей Карамзина: за границу последний поехал на деньги масонов, по поручению масонов и едва ли не с целью принять участие во французской революции, чтобы, обогатившись опытом свержения самодержавия, повторить эту штуку на собственной родине. Идея совершенно бредовая, но, как показало время, на редкость живучая. Масонские деньги и до сих пор упоминаются Карамзину его недоброжелателями.

Само собой, никаких масонских денег не было. Карамзин не имел привычки принимать деньги, которые не заработал. А представить себе молоденького русского дворянчика без связей в обществе, которого всерьез примут в Конvente,— это просто немыслимо. Единственное, что роднило этого юношу с французскими революционерами,— его отношение к Богу. Карамзин в юности был деистом, чего не показывал, но и особо не скрывал. Деистом он остался и позже, но научился прятать свое неверие за общепринятой религиозностью. Для него свобода совести была сугубо частным делом. Такой вот он был человек.

Но вернемся к 1792 году. Усердные следователи вознамерились арестовать Карамзина и пустить его по Новиковскому делу. Однако будущий историк распознал возможную угрозу и попросту заперся на пару лет в деревне, где усердно работал над литературными произведениями, а потом вернулся в уже успокоенную Москву и посвятил себя все тем же литературным занятиям и светским мероприятиям. Пробовал он себя на ниве стихосложения, но, надо сказать, с этим у него получалось плохо. Карамзин не был поэтом, он сам (к счастью) понял это годам к тридцати.

С прозой дело обстояло лучше, хотя оказалось, что фантазии (в смысле, художественного вымысла) он тоже лишен. Недаром в одном из писем он признавался: «Все му есть время, и сцены переменяются. Когда цветы на лугах пафосских теряют для нас свежесть, мы перестаем летать зефиром и заключаемся в кабинете для философских мечтаний... Таким образом, скоро бедная муза моя или пойдет совсем в отставку, или... будет переключивать в стихи Кантову метафизику с Платоновой республикой». Разумеется, Кантова метафизика и Платонова рес-

публика, изложенные рифмованным стихом, в конце уходящего века выглядели бы более чем странно.

Проза Карамзина, его «Бедная Лиза» и «Наталья, боярская дочь», хотя и шли в струе современной ему словесности, дав новое течение тогдашнего времени – сентиментализм, все же не были полноценной литературой. Эти прозаические опыты дали идущим следом молодым литераторам ориентиры, но сами по себе высокой художественной ценности не представляли. Хотя, конечно, русская литература пребывала в том состоянии, что одно только владение изящным слогом возносило Карамзина на недостижимые вершины. Но сам он понимал, чего стоят его литературные опыты. На одном мелодраматическом эффекте с ненастоящими героями-литература не делается. А русским Шекспиром Карамзин стать не мог. И мало-помалу Николай Михайлович обратился к той отрасли русской словесности, которая практически в те времена отсутствовала.

В начале нового XIX столетия он все чаще стал публиковать заметки и рассуждения на историческую тему. Сразу стоит оговориться, что историком в ученном смысле он, конечно, не был. Но история сама по себе давала тот колорит, который мог использовать Карамзин-писатель. Работать не с вымыслом, но с правдой, окрашивая эту правду в привычно-сентиментальные тона, было для него и удобнее, и приятнее. Пока что это были небольшие статьи.

Между тем в государстве Российском наступили перемены. Сначала умерла Екатерина, и престол унаследовал Павел, который боготворил масонов и тут же выпустил из тюрьмы Новикова. За недолгое время заточения в крепости из активного и живого человека он превратился в ходячего мертвеца: вдруг обнажи-

лись все болезни, наступила старость. Павел жаждал призвать Новикова служить отечеству, но тот уже ничего не мог. Согбенный и больной, он удалился в свое имение, где и прожил еще много лет, но участия в политической жизни более никогда не принимал.

О печальной судьбе Новикова, подводя ей итог, и уже в царствование Александра, сам Карамзин писал так: «Господин Новиков в самых молодых годах сделался известен публике своим отличным авторским дарованием: без воспитания, без учения писал остроумно, приятно и с целию нравственную; издал многие полезные творения, например: «„Древнюю российскую вивлиофику“», «„Детское чтение“», разные экономические, учебные книги. Императрица Екатерина II одобряла труды Новикова, и в журнале его («„Живописце“») напечатаны некоторые произведения собственного пера ее. Около 1785 года он вошел в связь по масонству с берлинскими теософами и сделался в Москве начальником так называемых *мартинистов*, которые *были* (или *суть*) не что иное, как *христианские мистики*: толковали природу и человека, искали таинственного смысла в Ветхом и Новом Завете, хвалились древними преданиями, унижали школьную мудрость и проч.; но требовали истинных христианских добродетелей от учеников своих, не вмешивались в политику и ставили в закон верность к государю. Их общество, под именем *масонства*, распространилось не только в двух столицах, но и в губерниях; открывались *ложы*; выходили книги масонские, мистические, наполненные загадками. В то же время Новиков и друзья его на свое иждивение воспитывали бедных молодых людей, учили их в школах, в университетах; вообще употребляли немалые суммы на благотворение. Императрица, опасаясь

вредных тайных замыслов сего общества, видела его успехи с неудовольствием: сперва только шутила над заблуждением умов и писала комедии, чтобы осмеивать оное; после запретила *ложж*; — но, зная, что масоны не перестают *работать*, тайно собираются в домах, проповедают, обращают, внутренне досадовала и велела московскому градоначальнику наблюдать за ними. Три обстоятельства умножили ее подозрения.

1. Один из мартинистов, или теософистских масонов, славный архитектор Баженов, писал из С.-Петербурга к своим московским друзьям, что он, говоря о масонах с тогдашним великим князем Павлом Петровичем, удостоверился в его добром об них мнении. Государыне вручили это письмо. Она могла думать, что масоны, или мартинисты, желают преклонить к себе великого князя.

2. Новиков во время неурожая роздал много хлеба бедным земледельцам. Удивлялись его богатству, не зная, что деньги на покупку хлеба давал Новикову г. Походяшин, масон, который имел тысяч шестьдесят дохода и по любви к благодеяниям в сей год разорился.

3. Новиков вел переписку с прусскими теософами, хотя и не политическую, в то время когда наш двор был в явной неприязни с берлинским.

Сии случаи, французская революция и излишние опасения московского градоначальника решили судьбу Новикова: его взяли в Тайную канцелярию, допрашивали и заключили в Шлиссельбургской крепости, не уличенного действительно ни в каком государственном преступлении, но сильно подозреваемого в намерениях, вредных для благоустройства гражданских обществ. Главное имение Новикова состояло в книгах: их конфисковали и большую часть сожгли (то есть все мистические).

Были тайные допросы и другим главным московским мистикам: двух из них сослали в их деревни; третьего, И. В. Лопухина, который отвечал смелее своих товарищей, оставили в Москве на свободе.

Император Павел в самый первый день своего восшествия на престол освободил Новикова, сидевшего около четырех лет в душной темнице; призывал его к себе в кабинет, обещал ему свою милость как невинному страдальцу и приказал возвратить конфискованное имение, то есть остальные, несожженные книги. Заключим: Новиков как гражданин, полезный своею деятельностью, заслуживал общественную признательность; Новиков как теософический мечтатель, по крайней мере, не заслуживал темницы: он был жертвою подозрения извинительного, но несправедливого. Бедность и несчастье его детей подают случай государю милосердому вознаградить в них усопшего страдальца, который уже не может принести ему благодарности в здешнем свете, но может принести ее Всевышнему».

Это было писано в назидание Александру Первому, дабы заботой о детях тот «отмыл» грехи своей бабки.

При Павле Новиков мог пригодиться отечеству. Но отечество сделало его практически инвалидом. К тому же император видел в Новикове прежде всего масона, а не реформатора. В этом плане новый император был большой оригинал. Понимая, что отечественные масоны своего рода суррогатные, он стал привечать на родине заграничных масонов — членов мальтийского ордена, потерявших свою Мальту. В благодарность за теплый прием мальтийские рыцари произвели императора в должность магистра, хотя по всем орденским канонам никакого права на это не имели. Павел гор-

дился масонским званием. Масоны спешно входили в моду. Вряд ли Карамзин мог наблюдать это императорское масонское воссияние без улыбки.

Впрочем, время правления Павла было недолгим. В новом XIX столетии его сменил отцеубийца Александр. Именно на восшествие Александра на русский престол Карамзин и опубликовал первое свое произведение нового для него направления — «Историческое похвальное слово императрице Екатерине II». В этом тексте писатель отдавал должное блестящему столетию Екатерины и ее деяниям, проводя подспудно идею, что только разумное и просвещенное правление монарха может гарантировать стране процветание.

Поскольку текст был сугубо назидательным, Николай Михайлович не стал в нем поминать пороки екатерининского правления, сделав упор только на заслугах. Император оценил похвалу. В молодые лета он действительно жаждал быть просвещенным монархом и задумывал ряд реформ. Неудивительно, что в Карамзине он увидел союзника. Но тут император несколько ошибался: Карамзин не считал пороки добродетелями, но придерживался мнения, что по случаю праздника не следует говорить о дурном. Всему существует свое время и место.

В «Слове» Карамзин впервые попробовал нарисовать целостную картину минувшего века. К его удивлению, картина получилась впечатляющая. За «Словом» последовали другие исторические опыты. Эта новая публицистика на историческую тему быстро нашла своего читателя, стала печататься в «Вестнике Европы» — солидном тогдашнем журнале, который издавал сам Николай Михайлович. В этом журнале, кроме статей на разную тему и переводов, появилась также бо-

лее значительная его повесть «Марфа Посадница», произведение, сложенное на основе исторических фактов и преданий.

Если манерные, переполненные умилением и слезами, то есть тем, что называлось емким словом «настроение», ранние повести сделали Карамзина любимцем читающей России, то «Марфа» сразу обозначила новый этап в его творчестве. Он заявил о себе как писатель исторический. Кошмарная судьба самой Марфы, конец новгородских вольностей — все это позволило Карамзину обозначить для широкого круга читателей узкоспециальную тему. История, представлявшая для образованного слоя сплошное черное пятно, вдруг оказалась расцвечена бытовыми деталями, в ней действовали живые люди, которые за что-то боролись, кого-то любили и чему-то радовались или печалились. Исторические персонажи впервые обрели человеческое лицо. Пусть карамзинские герои изъяснялись в традициях Расина и Корнеля, а в обращении к соратникам использовали цитаты из Тита Ливия, это все же были картинки из русской истории.

Неслучайно, ознакомившись со статьями и прозой Карамзина, товарищ министра народного образования М. Муравьев предложил тому звание историографа и ежегодный пенсион в 2000 рублей. От писателя требовалось только одно: составить историю Русского государства так, чтобы она была написана простым и живым языком.

До Карамзина, конечно, существовали специальные труды по русской истории. Одним из них пользовался при составлении своей «Истории государства Российского» сам автор — это была история, написанная Щербатовым, с которым Николай Михайлович кон-

сультировался не раз. К сожалению, Щербатов был историком своеобразным, в его сочинении содержалось немало неточностей и ошибок, да и факты он предпочитал подбирать под собственные идеи. Щербатовские огрехи переползли и в повествование Карамзина. Труды другого историка, Шлецера, Карамзину не нравились из-за сугубой научности.

Карамзин, повторюсь, не был ученым-историком, он не понимал критического отношения к источникам, не понимал и философского взгляда на исторические события. Вся история проходила перед ним в лицах. Так что неудивительно, что факты он домывлял, зачастую убивая этим истину, а красивая картинка, трепетное описание, живо выписанный характер имели больше отношения к литературе, чем к исторической правде.

Саму щербатовскую «Историю» Карамзин переработал так, что домыслы заступили место приведенных в ней фактов, которые, как уже указывалось, и так имели некоторую однобокость. Но если щербатовский труд был известен разве что любителям древностей, то карамзинская «История» стала настольной книгой в каждом образованном семействе.

И если винить Карамзина в искажении исторической действительности, то прежде стоит указать на те же пороки книги князя Щербатова. Карамзин ведь исторического образования не имел, он был совершеннейшим дилетантом. Удивительно, что в немолодые уже годы он сумел изучить этот серьезный предмет так, что спустя шесть лет после вступления в историографическую должность мог без страха и трепета возражать своим ученым оппонентам и спорить на специальные научные темы.

Что же касается ошибок и искажений в «Истории», стоит сразу оговориться, что Карамзин действовал в

ущерб исторической правде ненамеренно: он просто искал для своих персонажей более выигрышный литературный ход, вкладывал им в головы собственные мысли и переживания, как делал прежде с вымышленными литературными героями. Для него исторические персонажи ничем не отличались от литературных героев.

Так что «История», которую на протяжении 22 лет писал для русского читателя Карамзин, говорит больше не о реальных лицах, в ней действовавших, а о предпочтениях и взглядах самого писателя. Если ему встречалось несколько источников, по-разному рассказывающих о реальных событиях, Карамзин выбирал не тот, что достовернее, а тот, что давал более яркую картинку.

Как практически придворному историографу, ему были открыты многие древние тексты, которые затем были навсегда утрачены для потомков. Он пользовался рукописями, которые в более позднее время погибли при пожарах и других бедствиях. И только по комментариям к каждому тому (а таковых вышло 12, последний — уже после смерти автора) мы можем судить, что же это были за источники и о чем они говорили. Если просвещенная публика читала с упоением текст самой «Истории», то специалисты с гораздо большим интересом изучали позже его комментарии к тексту. И для историков они так и остались самым важным из всего, что написал Карамзин в чине придворного историка.

Сам же Карамзин составлял комментарии по той простой причине, что источников было много, часто они противоречили друг другу, и вместить их в сам текст оказалось невозможным. Если бы ему удалось, то он написал бы свою «Историю» без комментариев. Но, к великому счастью для потомков, это у него не получилось.

Начав свою «Историю» в 1804 году, он продолжал работу над ней до самой своей смерти в 1826 году. Начав с бытописания жизни первых русских князей, он закончил временем Смуты. Правящий дом Романовых не попал в карамзинскую историю. Для русского читателя это была самая что ни есть древнейшая история отчизны. То, о чем рассказывал Карамзин, было отделено от его времени минимум двумя столетиями. Повествуя о «начале начал», он мог не бояться показаться непатриотичным. Но его «История» оказалась излишне патетична и переполнена восклицаниями и славословиями тем князьям, которых принято было считать «хорошими». Имея под рукой разного рода источники, Карамзин исключал те, где его герои выглядели не столь привлекательно.

Почему? Мне кажется, что разгадка проста: Карамзин не боялся гнева царя, но желал преподать урок читателям: вот как нужно радеть за отечество, вот как его следует защищать, вот как нужно относиться по доброму ко всем его жителям. Он ведь искренне считал, что счастливым может быть только добрый человек. И только добрый человек может быть сильным. И только он может быть мудрым. И такими — сильными, мудрыми и счастливыми, а потому добрыми — он желал видеть своих читателей. Так что сюжеты для своей «Истории» он отбирал такие, где зло в конечном счете наказано, справедливость восстановлена и герои вознаграждены по заслугам. В хорошем романе так ведь, собственно, и бывает: злодей погибает от собственной злобы, добродетельный юноша находит счастье, прекрасную девушку спасают от поругания, и живут они далее за пределами романа долго и счастливо и умирают в один день.

Но русские летописи рассказывали такие ужасающие подробности о древних героях, что приходилось изобретать средство, как этих героев оправдать. И если древние летописцы не видели в их жестокостях ничего особенного, то современник Карамзина уже не понял бы, почему это князь, которого рекомендуют в добродетельные, умерщвляет своих братьев или насилует чужую невесту на глазах ее родителей.

Вот и приходилось Карамзину восклицать, объяснять, даже убирать наиболее пикантные эпизоды из своей «Истории». В результате то, что родилось за четверть века постоянного труда, стоит называть не «Историей», а романом, или, как предлагали противники Карамзина, летописью.

Иными словами, умело пряча негативные факты за красивыми картинками, Николай Михайлович не столько желал восславить самодержавие (в этом вопросе он вообще ничего нового не изобретал — все исторические труды, написанные до Карамзина, считали самодержавие единственно возможной формой государственного правления), сколько воспламенить сердца читателей любовью к положительным героям своей длинной книги.

Увы, исторические персонажи за эти 22 года труда стали для него не чужими людьми, а его героями. И — слаб человек! — иногда он оправдывал их не самые хорошие поступки. Зато хорошие для отечества воспевал едва ли не со страстью мифического Бояна.

Что же касается смелости или трусости Карамзина, то судите сами. В 1811 году, накануне войны с Наполеоном, увидев, что Александр не справляется с управлением страной в духе просвещения, Карамзин передал через великую княгиню Екатерину Павловну (с ней

он дружил) «Записку о древней и новой истории в ее политическом и гражданском отношении». Это был практически самоубийственный поступок. Начиналась «Записка» цитатой из Псалтыри: «Несть лести в языке моем». Стоит привести этот любопытный, хотя и длинный документ частично. В нем, как ни в каком ином тексте, отражена так ясно и точно гражданская позиция Карамзина. Начиная с древних времен, автор переходит к событиям современности и без всякого снисхождения обличает пороки общественного устройства, хотя при всем том остается верноподданным своему государю — безмолвным и с чистым сердцем.

«Настоящее бывает следствием прошедшего. Чтобы судить о первом, надлежит вспомнить последнее; одно другим, так сказать, дополняется и в связи представляется мыслям яснее. От моря Каспийского до Балтийского, от Черного до Ледовитого, за тысячу лет пред сим жили народы кочевые, звероловные и земледельческие, среди обширных пустынь, известных грекам и римлянам более по сказкам баснословия, нежели по верным описаниям очевидцев. Провидению угодно было составить из сих разнородных племен обширнейшее государство в мире. Рим, некогда сильный доблестью, ослабел в неге и пал, сокрушенный мышцею варваров северных. Началось новое творение: явились новые народы, новые нравы, и Европа восприняла новый образ, донныне ею сохраненный в главных чертах ее бытия политического. Одним словом, на развалинах владычества римского основалось в Европе владычество народов германских.

В сию новую, общую систему вошла и Россия. Скандинавия, гнездо витязей беспокойных — officina gentium, vagina nationum — дала нашему отечеству первых

государей, добровольно принятых славянскими и чудскими племенами, обитавшими на берегах Ильменя, Бела-озера и реки Великой. «Идите,— сказали им чудь и славяне, наскучив своими внутренними междоусобиями,— идите княжить и властвовать над нами. Земля наша обильна и велика, но порядка в ней не видим». Сие случилось в 862 году, а в конце X [века] Европейская Россия была уже не менее нынешней, то есть, во сто лет она достигла от колыбели до величия редкого. В 964 г. россияне, как наемники греков, сражались в Сицилии с аравитянами, а после в окрестностях Вавилона. Что произвело феномен столь удивительный в истории? Пылкая, романтическая страсть наших первых князей к завоеваниям и единовластие, ими основанное на развалинах множества слабых, несогласных держав народных, из коих составила Россия. Рюрик, Олег, Святослав, Владимир не давали образумиться гражданам в быстром течении побед, в непрестанном шуме воинских станов, платя им славою и добычею за утрату прежней вольности, бедной и мятежной.

В XI [веке] государство Российское могло, как бодрый, пылкий юноша, обещать себе долголетие и славную деятельность. Монархи его в твердой руке своей держали судьбы миллионов, озаренные блеском побед, окруженные воинственною, благородною дружиною, казались народу полубогами, судили и рядили землю, мановением воздвигали рать и движением перста указывали ей путь к Боспору Фракийскому, или к горам Карпатским. В счастливом отдохновении мира государь пировал с вельможами и народом, как отец среди семейства многочисленного. Пустыни украсились городами, города — избранными жителями; свирепость диких нравов смягчилась верою христианскою; на берегах Днеп-

ра и Волхова явились искусства византийские. Ярослав дал народу свиток законов гражданских, простых и мудрых, согласных с древними немецкими. Одним словом, Россия не только была обширным, но, в сравнении с другими, и самым образованным государством.

К несчастью, она в сей бодрой юности не предохранила себя от государственной общей язвы тогдашнего времени, которую народы германские сообщили Европе: говорю о системе удельной. Счастье и характер Владимира, счастье и характер Ярослава могли только отсрочить падение державы, основанной единовластием на завоеваниях. Россия разделилась.

Вместе с причиною ее могущества, столь необходимого для благоденствия, исчезло и могущество, и благоденствие народа. Открылось жалкое междоусобие малодушных князей, которые, забыв славу, пользу отечества, резали друг друга и губили народ, чтобы прибавить какой-нибудь ничтожный городок к своему уделу. Греция, Венгрия, Польша отдохнули: зрелище нашего внутреннего бедствия служило им поручительством в их безопасности. Дотоле боялись россиян, — начали презирать их. Тщетно некоторые князья великодушные — Мономах, Василько — говорили именем отечества на торжественных съездах, тщетно другие — Боголюбский, Всеволод III — старались присвоить себе единовластие: покушения были слабы, недружны, и Россия в течение двух веков терзала собственные недра, пила слезы и кровь собственную. Открылось и другое зло, не менее гибельное. Народ утратил почтение к князьям: владелец Торопца, или Гомеля, мог ли казаться ему столь важным смертным, как монарх всей России? Народ охладел в усердии к князьям, видя, что они, для ничтожных, личных выгод, жертвуют его кровью, и равнодушно

смотрел на падение их тронов, готовый все еще взять сторону счастливейшего, или изменить ему вместе с счастьем; а князя, уже не имея ни доверенности, ни любви к народу, старались только умножать свою дружину воинскую: позволили ей теснить мирных жителей сельских и купцов; сами обирали их, чтоб иметь более денег в казне на всякий случай, и сею политикою, утратив нравственное достоинство государей, сделались подобны судьям-лихоимцам, или тиранам, а не законным властителям. И так, с ослаблением государственного могущества, ослабела и внутренняя связь подданства с властью.

В таких обстоятельствах удивительно ли, что варвары покорили наше отечество? Удивительнее, что оно еще столь долго могло умирать по частям и в сердце, сохраняя вид и действия жизни государственной, или независимости, изъясняемую одною слабостью наших соседей.

Земля Русская, упоенная кровью, усыпанная пеплом, сделалась жилищем рабов ханских, а государи ее трепетали баскаков. Казалось, что Россия погибла навеки.

Сделалось чудо. Городок, едва известный до XIV века, от презрения к его маловажности именуемый селом Кучковым, возвысил главу и спас отечество. Да будет честь и слава Москве! В ее стенах родилась, созрела мысль восстановить единовластие в истерзанной России, и хитрый Иоанн Калита, заслужив имя Собирателя земли Русской, есть первоначальник ее славного воскресения, беспримерного в летописях мира. Надлежало, чтобы его преемники в течение века следовали одной системе с удивительным постоянством и твердостью, — системе наилучшей по всем обстоятельствам и которая состояла в том, чтобы употребить самих ханов в орудие нашей свободы... Глубокомысленная политика князей москов-

ских не удовлетворялась собранием частей в целое: надлежало еще связать их твердо и единовластие усилить самодержавием... Князья пресмыкались в Орде, но, возвращаясь оттуда с милостивым ярлыком ханским, повелевали смелее, нежели в дни нашей государственной независимости. Народ, смиренный игом варваров, думал только о спасении жизни и собственности, мало заботясь о своих правах гражданских. Сим расположением умов, сими обстоятельствами воспользовались князья московские и, мало-помалу истребив все остатки древней республиканской системы, основали истинное самодержавие. Умолк вечевой колокол во всех городах России. Дмитрий Донской отнял власть у народа избирать тысяцких, и, вопреки своему редкому человеколюбию, первый установил торжественную смертную казнь для государственных преступников, чтобы вселить ужас в дерзких мятежников.

Сие великое творение князей московских было произведено не личным их геройством, ибо, кроме Донского, никто из них не славился оным, но единственно умной политической системой, согласно с обстоятельствами времени. Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием<...>

Политическая система государей московских заслуживала удивление своею мудростью: имея целью одно благоденствие народа, они воевали только по необходимости, всегда готовые к миру, уклоняясь от всякого участия в делах Европы, более приятного для суетности монархов, нежели полезного для государства, и, восстановив Россию в умеренном, так сказать, величии, не алкали завоеваний неверных или опасных, желая сохранять, а не приобретать.

Внутри самодержавие укоренилось. Никто, кроме государя, не мог ни судить, ни жаловать: всякая власть была изливанием монаршей. Жизнь, имение зависели от произвола царей, и знаменитейшее в России титуло уже было не княжеское, не боярское, но титуло слуги царева. Народ, избавленный князьями московскими от бедствий внутреннего междоусобия и внешнего ига, не жалел о своих древних вечах и сановниках, которые умеряли власть государеву; детальным действием, не спорил о правах. Одни бояре, столь некогда величавые в удельных господствах, роптали на строгость самодержавия; но бегство или казнь их свидетельствовали твердость оногo. Наконец, царь сделался для всех россиян земным Богом...

Князья московские учредили самодержавие — отечество даровало оное Романовым.

Самое личное избрание Михаила доказывало искреннее намерение утвердить единовластие. Древние княжеские роды, без сомнения, имели гораздо более права на корону, нежели сын племянника Иоанновой супруги, коего неизвестные предки выехали из Пруссии, но царь, избранный из сих потомков Мономаховых, или Олеговых, имея множество знатных родственников, легко мог бы дать им власть аристократическую и тем ослабить самодержавие. Предпочли юношу, почти безродного; но сей юноша, свойственник царский, имел отца, мудрого, крепкого духом, непреклонного в советах, который долженствовал служить ему пестуном на троне и внушать правила твердой власти. Так строгий характер Филарета, не смятенный принужденною монашескою жизнью, более родства его с Федором Иоанновичем способствовал к избранию Михаила.

Исполнилось намерение сих незабвенных мужей, которые в чистой руке держали тогда урну судьбы нашей, обуздывая собственные и чуждые страсти. Дуга небесного мира воссияла над тронem Российским. Отечество под сенью самодержавия успокоилось, извергнув чужеземных хищников из недр своих, возвеличилось приобретениями и вновь образовалось в гражданском порядке, творя, обновляя и делая только необходимое, согласное с понятиями народными и ближайшее к существующему. Дума Боярская осталась на древнем основании, т. е. советом царей во всех делах важных, политических, гражданских, казенных. Прежде монарх рядил государство через своих наместников, или воевод; недовольные ими прибегали к нему: он судил дело с боярами.

Сия восточная простота уже не ответствовала государственному возрасту России, и множество дел требовало более посредников между царем и народом. Учредились в Москве приказы, которые ведали дела всех городов и судили наместников. Но еще суд не имел устава полного, ибо Иоаннов оставлял много на совесть, или произвол судящего. Уверенный в важности такого дела, царь Алексей Михайлович назначил для оного мужей думных и повелел им, вместе с выборными всех городов, всех состояний, исправить Судебник, дополнить его законами греческими, нам давно известными, новейшими указами царей и необходимыми прибавлениями на случаи, которые уже встречаются в судах, но еще не решены законом ясным. Россия получила Уложение, скрепленное патриархом, всеми значительными духовными, мирскими чиновниками и выборными городскими. Оно, после хартии Михаила избрания, есть доньне важнейший Государственный завет нашего Отечества.

Вообще, царствование Романовых, Михаила, Алексея, Феодора, способствовало сближению россиян с Европою как в гражданских учреждениях, так и в нравах от частых государственных сношений с ее дворами, от принятия в нашу службу многих иноземцев и поселения других в Москве. Еще предки наши усердно следовали своим обычаям, но пример начинал действовать, и явная польза, явное превосходство одерживали верх над старым навыком в воинских Уставах, в системе дипломатической, в образе воспитания или учения, в самом светском обхождении: ибо нет сомнения, что Европа от XIII до XIV века далеко опередила нас в гражданском просвещении. Сие изменение делалось постепенно, тихо, едва заметно, как естественное возрастание, без порывов и насилия. Мы заимствовали, но как бы нехотя, применяя все к нашему и новое соединяя со старым.

Явился Петр<...> Потомство воздало усердную хвалу сему бессмертному государю и личным его достоинствам и славным подвигам. Он имел великодушие, проныцание, волю непоколебимую, деятельность, неутомимость редкую: исправил, умножил войско, одержал блестящую победу над врагом искусным и мужественным; завоевал Ливонию, сотворил флот, основал гавани, издал многие законы мудрые, привел в лучшее состояние торговлю, рудокопни, завел мануфактуры, училища, академию, наконец поставил Россию на знаменитую степень в политической системе Европы. Говоря о превосходных его дарованиях, забудем ли почти важнейшее для самодержцев дарование: употреблять людей по их способностям? Полководцы, министры, законодатели не родятся в такое или такое царствование, но единственно избираются... Чтобы избрать, надобно

угадать; угадывают же людей только великие люди — и слуги Петровы удивительным образом помогли ему на ратном поле, в Сенате, в Кабинете. Но мы, россияне, имея перед глазами свою историю, подтвердим ли мнение несведущих иноземцев и скажем ли, что Петр есть творец нашего величия государственного?.. Забудем ли князей московских: Иоанна I, Иоанна III, которые, можно сказать, из ничего воздвигли державу сильную, и,— что не менее важно,— учредили твердое в ней правление единовластное?.. Петр нашел средства делать великое — князья московские приготавливали оное. И, славя славное в сем монархе, оставим ли без замечания вредную сторону его блестящего царствования?

Умолчим о пороках личных; но сия страсть к новым для нас обычаям преступила в нем границы благоразумия. Петр не хотел вникнуть в истину, что дух народный составляет нравственное могущество государств, подобно физическому, нужное для их твердости.

Сей дух и вера спасли Россию во времена самозванцев; он есть не что иное, как привязанность к нашему особенному, не что иное, как уважение к своему народному достоинству. Искореняя древние навыки, представляя их смешными, хваля и вводя иностранные, государь России унижал россиян в собственном их сердце.

Презрение к самому себе располагает ли человека и гражданина к великим делам? Любовь к Отечеству питается сими народными особенностями, безгрешными в глазах космополита, благотворными в глазах политика глубокомысленного. Просвещение достохвально, но в чем состоит оно? В знании нужного для благоденствия: художества, искусства, науки не имеют иной цены. Русская одежда, пища, борода не мешали заведению школ. Два государства могут стоять на одной

степени гражданского просвещения, имея нравы различные. Государство может заимствовать от другого полезные сведения, не следуя ему в обычаях. Пусть сии обычаи естественно изменяются, но предписывать им Уставы есть насилие, незаконное и для монарха самодержавного. Народ в первоначальном завете с венценосцами сказал им: «Блюдите нашу безопасность вне и внутри, наказывайте злодеев, жертвуйте частью для спасения целого», — но не сказал: «противоборствуйте нашим невинным склонностям и вкусам в домашней жизни». В сем отношении государь, по справедливости, может действовать только примером, а не указом.

Петр ограничил свое преобразование дворянством. Дотоле, от сохи до престола, россияне сходствовали между собою некоторыми общими признаками наружности и в обыкновениях — со времен Петровых высшие степени отделились от нижних, и русский земледелец, мещанин, купец увидел немцев в русских дворянах, ко вреду братского, народного единогодушия государственных состояний.

В течение веков народ обывк чтить бояр как мужей, ознаменованных величием, — поклонялся им с истинным уничижением, когда они со своими благородными дружинами, с азиатскою пышностью, при звуке бубнов являлись на стогнах, шествуя в храм Божий или на совет к государю. Петр уничтожил достоинство бояр: ему надобны были министры, канцлеры, президенты! Вместо древней славной Думы явился Сенат, вместо приказов — коллегии, вместо дьяков — секретари и проч. Та же бессмысленная для россиян перемена в воинском чиновачалии: генералы, капитаны, лейтенанты изгнали из нашей рати воевод, сотников, пятидесятников и проч. Честью и достоинством россиян сделалось подражание.

Семейственные нравы не укрылись от влияния царской деятельности. Вельможи стали жить открытым домом; их супруги и дочери вышли из непроницаемых теремов своих; балы, ужины соединили один пол с другим в шумных залах; россиянки перестали краснеть от нескромного взора мужчин, и европейская вольность заступила место азиатского принуждения... Чем более мы успевали в людскости, в обходительности, тем более слабели связи родственные: имея множество приятелей, чувствуем менее нужды в друзьях и жертвуем свету союзом единокровия.

Не говорю и не думаю, чтобы древние россияне под великокняжеским, или царским правлением были вообще лучше нас. Не только в сведениях, но и в некоторых нравственных отношениях мы превосходнее, т. е. иногда стыдимся, чего они не стыдились, и что, действительно, порочно; однако ж должно согласиться, что мы, с приобретением добродетелей человеческих, утратили гражданские. Имя русского имеет ли теперь для нас ту силу неисповедимую, какую оно имело прежде? И весьма естественно: деды наши, уже в царствование Михаила и сына его присваивая себе многие выгоды иноземных обычаев, все еще оставались в тех мыслях, что правоверный россиянин есть совершеннейший гражданин в мире, а Святая Русь — первое государство. Пусть назовут то заблуждением; но как оно благоприятствовало любви к Отечеству и нравственной силе оно!

Теперь же, более ста лет находясь в школе иноземцев, без дерзости можем ли похвалиться своим гражданским достоинством? Некогда называли мы всех иных европейцев неверными, теперь называем братьями; спрашиваю: кому бы легче было покорить Рос-

сию — неверным или братьям? Т. е. кому бы она, по вероятности, должна была более противиться? При царе Михаиле или Феодоре вельможа российский, обязанный всем Отечеству, мог ли бы с веселым сердцем навеки оставить его, чтобы в Париже, в Лондоне, Вене спокойно читать в газетах о наших государственных опасностях? Мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России. Виною Петр.

Он велик без сомнения; но еще мог бы возвеличиться гораздо более, когда бы нашел способ просветить ум россиян без вреда для их гражданских добродетелей<...> Еще народные склонности, привычки, мысли имели столь великую силу, что Петр, любя в воображении некоторую свободу ума человеческого, долженствовал прибегнуть ко всем ужасам самовластия для обуздания своих, впрочем, столь верных подданных. Тайная канцелярия день и ночь работала в Преображенском: пытки и казни служили средством нашего славного преобразования государственного. Многие гибли за одну честь русских кафтанов и бороды: ибо не хотели оставить их и дерзали порицать монарха. Сим бедным людям казалось, что он, вместе с древними привычками, отнимает у них самое Отечество<...>

Утаим ли от себя еще одну блестящую ошибку Петра Великого? Разумею основание новой столицы на северном крае государства, среди зыбей болотных, в местах, осужденных порою на бесплодие и недостаток. Еще не имея ни Риги, ни Ревеля, он мог заложить на берегах Невы купеческий город для ввоза и вывоза товаров; но мысль утвердить там пребывание государей была, есть и будет вредною. Сколько людей погибло, сколько миллионов и трудов употреблено для приведе-

ния в действо сего намерения? Можно сказать, что Петербург основан на слезах и трупах<...>

Но великий муж самыми ошибками доказывает свое величие: их трудно или невозможно изгладить — как хорошее, так и худое делает он навеки. Сильною рукою дано новое движение России; мы уже не возвратимся к старине!.. Второй Петр Великий мог бы только в 20 или 30 лет утвердить новый порядок вещей гораздо основательнее, нежели все наследники Первого до самой Екатерины II. Несмотря на его чудесную деятельность, он многое оставил исполнить преемникам, но Меншиков думал единственно о пользах своего личного властолюбия; так и Долгорукие. Меншиков замышлял открыть сыну своему путь к трону; Долгорукие и Голицыны хотели видеть на престоле слабую тень монарха и господствовать именем Верховного Совета. Замыслы дерзкие и малодушные! Пигмеи спорили о наследии великана. Аристократия, олигархия губила отечество...

И, в то время, когда оно изменило нравы, утвержденные веками, потрясенные внутри новыми, важными переменами, которые, удалив в обычаях дворянство от народа, ослабили власть духовную, могла ли Россия обойтись без государя? Самодержавие сделалось необходимее прежнего для охранения порядка — и дочь Иоаннова, быв несколько дней в зависимости осьми аристократов, восприняла от народа, дворян и духовенства власть неограниченную. Сия государыня хотела править согласно с мыслями Петра Великого и спешила исправить многие упущения, сделанные с его времени<...>

Но злосчастная привязанность Анны к любимцу бездушному, низкому омрачила и жизнь, и память ее в ис-

тории. Воскресла Тайная канцелярия Преображенская с пытками; в ее вертепах и на площадях градских лились реки крови. И кого терзали? Врагов ли государыни? Никто из них и мысленно не хотел ей зла: самые Долгорукие виновны были только перед Отечеством, которое примирилось с ними их несчастьем. Бирон, не достойный власти, думал утвердить ее в руках своих ужасами: самое легкое подозрение, двусмысленное слово, даже молчание казалось ему иногда достаточною виною для казни или ссылки. Он, без сомнения, имел неприятелей: добрые россияне могли ли видеть равнодушно курляндского шляхтича почти на троне? Но сии Бироновы неприятели были истинными друзьями престола и Анны. Они гибли; враги наушника Бирона гибли; а статный конь, ему подаренный, давал право ждать милостей царских.

Вследствие двух заговоров злобный Бирон и добродушная правительница утратили власть и свободу. Лекарь француз и несколько пьяных гренадеров возвели дочь Петрову на престол величайшей империи в мире с восклицаниями: «гибель иноземцам! честь россиянам!»

Первые времена сего царствования ознаменовались нахальством славной лейбкомпании, возложением голубой ленты на малороссийского певчего и бедствием наших государственных благодетелей — Остермана и Миниха, которые никогда не были так велики, как стоя под эшафотом и желая счастья России и Елизавете. Как при Анне, так и при Елизавете Россия текла путем, предписанным ей рукою Петра, более и более удаляясь от своих древних нравов и сообразуясь с европейскими.

Замечались успехи светского вкуса. Уже двор наш блистал великолепием и, несколько лет говорив по-немецки, начал употреблять язык французский. В одежде,

в экипажах, в услуге вельможи наши мерялись с Парижем, Лондоном, Веною. Но грозы самодержавия еще пугали воображение людей: осматривались, произнося имя самой кроткой Елизаветы или министра сильного; еще пытки и Тайная канцелярия существовали.

Новый заговор — и несчастный Петр III в могиле со своими жалкими пороками... Екатерина II была истинною преемницею величия Петрова и второю образовательницею новой России. Главное дело сей незабвенной монархини состоит в том, что ею смягчилось самодержавие, не утратив силы своей. Она ласкала так называемых философов XVIII века и пленялась характером древних республиканцев, но хотела повелевать, как земной Бог,— и повелевала. Петр, насильствуя обычаи народные, имел нужду в средствах жестоких — Екатерина могла обойтись без оных, к удовольствию своего нежного сердца: ибо не требовала от россиян ничего противного их совести и гражданским навыкам, стараясь единственно возвеличить данное ей Небом Отечество или славу свою — победами, законодательством, просвещением. Ее душа, гордая, благородная, боялась унизиться робким подозрением,— и страхи Тайной канцелярии исчезли, с ними вместе исчез у нас и дух рабства, по крайней мере, в высших гражданских состояниях. ...

Екатерина очистила самодержавие от примесов тиранства. Следствием были спокойствие сердец, успехи приятностей светских, знаний, разума. Возвысив нравственную цену человека в своей державе, она пересмотрела все внутренние части нашего здания государственного и не оставила ни единой без поправления: уставы Сената, губерний, судебные, хозяйственные, военные, торговые усовершенствовались ею. Внешняя

политика сего царствования достойна особенной хвалы: Россия с честью и славою занимала одно из первых мест в государственной европейской системе<...> Она была женщина, но умела избирать вождей так же, как министров или правителей государственных<...> Ее победы утвердили внешнюю безопасность государства<...> Правилom монархини было не мешаться в войны, чуждые и бесполезные для России, но питать дух ратный в империи, рожденной победами.

Слабый Петр III, желая угодить дворянству, дал ему свободу служить или не служить. Умная Екатерина, не отменив сего закона, отвратила его вредные для государства следствия: любовь к Святой Руси, охлажденную в нас переменами Великого Петра, монархиня хотела заменить гражданским честолюбием; для того соединила с чинами новые прелести или выгоды, вымышляя знаки отличий, и старалась поддерживать их цену достоинством людей, украшаемых оными. Крест Св. Георгия не рождал, однако ж усиливал храбрость. Многие служили, чтобы не лишиться места и голоса в Дворянских собраниях; многие, несмотря на успехи роскоши, любили чины и ленты гораздо более корысти. Сим утвердилась нужная зависимость дворянства от трона.

Но согласимся, что блестящее царствование Екатерины представляет взору наблюдателя и некоторые пятна. Нравы более развратились в палатах и хижинах. <...> В самых государственных учреждениях Екатерины видим более блеска, нежели основательности: избиралось не лучшее по состоянию вещей, но красивейшее по формам. Таково было новое учреждение губерний, изящное на бумаге, но худо примененное к обстоятельствам России. Солон говорил: «Мои законы несовершенные, но лучшие для афинян». Екатерина

хотела умозрительного совершенства в законах, не думая о легчайшем, полезнейшем действии оных: дала нам суды, не образовав судей; дала правила без средств исполнения.

Многие вредные следствия Петровой системы также яснее открылись при сей государыне: чужеземцы овладели у нас воспитанием, двор забыл язык русский; от излишних успехов европейской роскоши дворянство одолжало; дела бесчестные, внушаемые корыстолюбием для удовлетворения прихотям, стали обыкновеннее; сыновья бояр наших рассыпались по чужим землям тратить деньги и время для приобретения французской или английской наружности. У нас были академии, высшие училища, народные школы, умные министры, приятные светские люди, герои, прекрасное войско, знаменитый флот и великая монархиня, — не было хорошего воспитания, твердых правил и нравственности в гражданской жизни. Любимец вельможи, рожденный бедным, не стыдился жить пышно; вельможа не стыдился быть развратным. Торговали правдою и чинами.

Екатерина — Великий Муж в главных собраниях государственных — являлась женщиною в подробностях монаршей деятельности: дремала на розах, была обманываема или себя обманывала; не видала или не хотела видеть многих злоупотреблений, считая их, может быть, неизбежными и довольствуясь общим, успешным, славным течением ее царствования.

По крайней мере, сравнивая все известные нам времена России, едва ли не всякий из нас скажет, что время Екатерины было счастливейшее для гражданина российского; едва ли не всякий из нас пожелал жить тогда, а не в иное время.

Следствия кончины ее заградили уста строгим судьям сей великой монархини: ибо особенно в последние годы ее жизни, действительно слабейшие в правилах и исполнении, мы более осуждали, нежели хвалили Екатерину, от привычки к добру уже не чувствуя всей цены оного и тем сильнее чувствуя противное: доброе казалось нам естественным, необходимым следствием порядка вещей, а не личной Екатериной мудрости, худое же — ее собственною виною.

Павел восшел на престол в то благоприятное для самодержавия время, когда ужасы французской революции излечили Европу от мечтаний гражданской вольности и равенства... Но что сделали якобинцы в отношении к республикам, то Павел сделал в отношении к самодержавию: заставил ненавидеть злоупотребления оного. По жалкому заблуждению ума и вследствие многих личных претерпленных им неудовольствий он хотел быть Иоанном IV; но россияне уже имели Екатерину II, знали, что государь не менее подданных должен исполнять свои святые обязанности, коих нарушение уничтожает древний завет власти с повиновением и низвергает народ со степени гражданственности в хаос частного естественного права. Сын Екатерины мог быть строгим и заслужить благодарность отечества; к неизъяснимому изумлению россиян, он начал господствовать всеобщим ужасом, не следуя никаким уставам, кроме своей прихоти; считал нас не подданными, а рабами; казнил без вины, награждал без заслуг; отнял стыд у казни, у награды — прелесть; унизил чины и ленты расточительностью в оных; легкомысленно истреблял долговременные плоды государственной мудрости, ненавидя в них дело своей матери; умертвил в полках наших благородный дух

воинский, воспитанный Екатериною, и заменил его духом капральства... <...>

Россияне смотрели на сего монарха как на Грозный метеор, считая минуты и с нетерпением ожидая последней. <...> Заговоры да устрашают народ для спокойствия государей! Да устрашают и государей для спокойствия народов!.. Две причины способствуют заговорам: общая ненависть или общее неуважение к властителю. Бирон и Павел были жертвою ненависти, правительница Анна и Петр III – жертвою неуважения. Миних, Лесток и другие не дерзнули бы на дело, противное совести, чести и всем уставам государственным, если бы сверженные ими властители пользовались уважением и любовью россиян.

Не сомневаясь в добродетели Александра, судили единственно заговорщиков, подвигнутых местию и страхом личных опасностей; винули особенно тех, которые сами были орудием Павловых жестокостей и предметом его благодеяний. Сии люди уже, большею частью, скрылись от глаз наших в мраке могилы или неизвестности... Едва ли кто-нибудь из них имел утешение Брута или Кассия пред смертью или в уединении. Россияне одобрили юного монарха, который не хотел быть окружен ими, и с величайшею надеждою устремили взор на внука Екатерины, давшего обет властвовать по её сердцу!.. <...>

Два мнения были тогда господствующими в умах: одни хотели, чтобы Александр в вечной славе своей взял меры для обуздания неограниченного самовластия, столь бедственного при его родителе; другие, сомневаясь в надежном успехе такового предприятия, хотели единственно, чтобы он восстановил разрушенную систему Екатеринына царствования, столь счастливую и мудрую в сравнении с системою Павла... <...>

В самом деле, можно ли и какими способами ограничить самовластие в России, не ослабив спасительной царской власти? Умы легкие не затрудняются ответом и говорят: «Можно, надобно только поставить закон еще выше государя». Но кому дадим право блюсти неприкосновенность этого закона? Сенату ли? Совету ли? Кто будут члены их? Выбираемые государем или государством? В первом случае они — угодники царя, во втором захотят спорить с ним о власти, — вижу аристократию, а не монархию.

Далее: что сделают сенаторы, когда монарх нарушит Устав? Представят о том его величеству? А если он десять раз посмеется над ними, объявят ли его преступником? Возмутят ли народ?.. Всякое доброе русское сердце содрогается от сей ужасной мысли. Две власти государственные в одной державе суть два грозные льва в одной клетке, готовые терзать друг друга, а право без власти есть ничто.

Самодержавие основало и воскресило Россию: с переменою Государственного Устава ее она гибла и должна погибнуть, составленная из частей столь многих и разных, из коих всякая имеет свои особенные гражданские пользы. Что, кроме единовластия неограниченного, может в сей машине производить единство действия? Если бы Александр, вдохновенный великодушною ненавистью к злоупотреблениям самодержавия, взял перо для предписания себе иных законов, кроме Божиих и совести, то истинный добродетельный гражданин российский дерзнул бы остановить его руку и сказать: «Государь! Ты преступаешь границы своей власти: наученная долговременными бедствиями, Россия пред святым алтарем вручила самодержавие твоему предку и требовала, да управляет ею верховно, нераздельно. Сей завет

есть основание твоей власти, иной не имеешь; можешь все, но не можешь законно ограничить ее!..»

Но вообразим, что Александр предписал бы монаршей власти какой-нибудь Устав, основанный на правилах общей пользы, и скрепил бы оный святостью клятвы... Сия клятва без иных способов, которые все или невозможны, или опасны для России, будет ли уздою для преемников Александровых? Нет, оставим мудрствования ученические и скажем, что наш государь имеет только один верный способ обуздать своих наследников в злоупотреблениях власти: да царствует добродетельно! да приучит подданных ко благу!.. Тогда родятся обычаи спасительные; правила, мысли народные, которые лучше всех бранных форм удержат будущих государей в пределах законной власти... Чем? — страхом возбудить всеобщую ненависть в случае противной системы царствования. Тиран может иногда безопасно господствовать после тирана, но после государя мудрого — никогда! «Сладкое отвращает нас от горького» — сказали послы Владимировы, изведав веры европейские.

Все россияне были согласны в добром мнении о качествах юного монарха: он царствует 10 лет, и никто не переменит о том своих мыслей; скажу еще более: все согласны, что едва ли кто-нибудь из государей превосходил Александра в любви, в ревности к общему благу; едва ли кто-нибудь столь мало ослеплялся блеском венца и столь умел быть человеком на троне, как он!..

Но здесь имею нужду в твердости духа, чтобы сказать истину. Россия наполнена недовольными: жалуются в палатах и в хижинах, не имеют ни доверенности, ни усердия к правлению, строго осуждают его цели и меры. Удивительный государственный феномен!

Обыкновенно бывает, что преемник монарха жестокого легко снискивает всеобщее одобрение, смягчая правила власти: успокоенные кротостью Александра, безвинно не страшась ни Тайной канцелярии, ни Сибири и свободно наслаждаясь всеми позволенными в гражданских обществах удовольствиями, каким образом изъясним сие горестное расположение умов? Несчастными обстоятельствами Европы и важными, как думаю, ошибками правительства, ибо, к сожалению, можно с добрым намерением ошибаться в средствах добра. Движимый любовью к общему благу, Александр хотел лучшего, советовался и учредил министерства, согласно с мыслями фельдмаршала Миниха и с системою правительств иностранных... <...> Министерские бюро заняли место коллегий... <...> Начали являться, одни за другими, комитеты: они служили сатирой на учреждение министерств, доказывая их недостаток для благоуспешного правления. <...>

Далее, основав бытие свое на развалинах коллегий, — ибо самая Военная и Адмиралтейская утратили важность свою в сем порядке вещей, — министры стали между государем и народом, заслоня Сенат, отнимая его силу и величие, хотя подведомые ему отчетами; но сказав: «Я имел счастье докладывать государю!» — заграждали уста сенаторам, а сия мнимая ответственность была доселе пустым обрядом. Указы, законы, предлагаемые министрами, одобряемые государем, общались Сенату только для обнародования. Выходило, что Россией управляли министры, т. е. каждый из них по своей части мог творить и разрушать. Спрашиваем: кто более заслуживает доверенность — один ли министр или собрание знатнейших государственных сановников, которое мы обыкли считать высшим пра-

вительством, главным орудием монаршей власти? Правда, министры составляли между собою Комитет; ему надлежало одобрить всякое новое установление прежде, нежели оно утверждалось монархом; но сей Комитет не походит ли на Совет 6 или 7 разноземцев, из коих всякий говорит особенным языком, не понимая других. Министр морских сил обязан ли разуместь тонкости судебной науки, или правила государственного хозяйства, торговли и проч.?.. Еще важнее то, что каждый из них, имея нужду в сговорчивости товарищей для своих особенных выгод, сам делается сговорчив.

«Просим терпения», отвечают советники монарха: «мы изобретаем еще новый способ ограничить власть министров». Выходит учреждение Совета <...> Совет, говорят, будет уздою для министров. Император отдает ему рассматривать важнейшие их представления; но, между тем, они все будут править государством именем государя. Совет не вступается в обыкновенное течение дел, вопрошаемый единственно в случаях чрезвычайных, или в новых постановлениях, а сей обыкновенный порядок государственной деятельности составляет благо или зло нашего времени.

Спасительными уставами бывают единственно те, коих давно желают лучшие умы в государстве, и которые, так сказать, предчувствуются народом, будучи ближайшим целебным средством на известное зло: учреждение министерств и Совета имело для всех действие внезапности <...>

Рассматривая таким образом сии новые государственные творения и видя их незрелость, добрые россияне жалеют о бывшем порядке вещей. С Сенатом, с коллегиями, с генерал-прокурором у нас шли дела, и прошло блестящее царствование Екатерины II. Все мудрые зако-

нодатели, принуждаемые изменять уставы политические, старались как можно менее отходить от старых. «Если число и власть сановников необходимо должны быть переменены,— говорит умный Макиавелли,— то удержите хотя имя их для народа». Мы поступаем совсем иначе: оставляем вещь, гоним имена, для произведения того же действия вымышляем другие способы! Зло, к которому мы привыкли, для нас чувствительно менее нового, а новому добру как-то не верится. Перемены сделанные не ручаются за пользу будущих: ожидают их более со страхом, нежели с надеждой, ибо к древним государственным зданиям прикасаться опасно. Россия же существует около 1000 лет и не в образе дикой Орды, но в виде государства великого, а нам все твердят о новых образованиях, о новых уставах, как будто бы мы недавно вышли из темных лесов американских! Требуем более мудрости хранительной, нежели творческой. Если история справедливо осуждает Петра I за излишнюю страсть его к подражанию иноземным державам, то оно в наше время не будет ли еще страшнее? <...>

Мы читаем в прекрасной душе Александра сильное желание утвердить в России действие закона... Оставив прежние формы, но двигая, так сказать, оные постоянным духом ревности к общему добру, он скорее мог бы достигнуть сей цели и затруднил бы для наследников отступление от законного порядка. Гораздо легче отменить новое, нежели старое; гораздо легче придать важности Сенату, нежели дать важность нынешнему Совету в глазах будущего преемника Александрова; новости ведут к новостям и благоприятствуют необузданностям произвола.

Скажем ли, повторим ли, что одна из главных причин неудовольствия россиян на нынешнее правитель-

ство есть излишняя любовь его к государственным преобразованиям, которые потрясают основу империи, и коих благотворность остается доселе сомнительной. Теперь пройдем в мыслях некоторые временные и частные постановления Александрова царствования; посмотрим, какие меры брались в обстоятельствах важных и что было их следствием.

Наполеон, одним махом разрушив дотоле знаменитую державу прусскую, стремился к нашим границам. Никто из добрых россиян не был покоен: все чувствовали необходимость усилий чрезвычайных и ждали, что сделает правительство. Выходит Манифест о милиции... Верю, что советники государевы имели доброе намерение, но худо знали состояние России. Вооружить 600 000 человек, не имея оружия в запасе! Прокормить их без средства везти хлеб за ними, или изготовить его в тех местах, куда им идти (не?) надлежало! <...>

Сию статью заключу особенным примечанием. Во время милиции все жаловались на недостаток оружия и винили беспечность начальства: не знаю, воспользовались ли мы опытом для нашей будущей безопасности? <...> Все намерения Александровы клонятся к общему благу. Гнушаясь бессмысленным правилом удержать умы в невежестве, чтобы властвовать тем спокойнее, он употребил миллионы для основания университетов, гимназий, школ... К сожалению, видим более убытка для казны, нежели выгод для Отечества. Выписали профессоров, не приготовив учеников; между первыми много достойных людей, но мало полезных; ученики не разумеют иноземных учителей, ибо худо знают язык латинский, и число их так невелико, что профессоры теряют охоту ходить в классы.

Вся беда от того, что мы образовали свои университеты по немецким, не рассудив, что здесь иные обстоятельства. В Лейпциге, в Геттингене надобно профессору только стать на кафедру — зал наполнится слушателями. У нас нет охотников для высших наук. Дворяне служат, а купцы желают знать существенно арифметику, или языки иностранные для выгоды своей торговли. В Германии сколько молодых людей учатся в университетах для того, чтобы сделаться адвокатами, судьями, пасторами, профессорами! — наши стряпчие и судьи не имеют нужды в знании римских прав; наши священники образуются кое-как в семинариях и далее не идут, а выгоды ученого состояния в России так еще новы, что отцы не вдруг еще решатся готовить детей своих для оного. Вместо 60 профессоров, приехавших из Германии в Москву и другие города, я вызвал бы не более 20 и не пожалел бы денег для умножения числа казенных питомцев в гимназиях; скудные родители, отдавая туда сыновей, благословляли бы милость государя, и призренная бедность чрез 10, 15 лет произвела бы в России ученое состояние. Смею сказать, что нет иного действительнейшего средства для успеха в сем намерении. Строить, покупать дома для университетов, заводить библиотеки, кабинеты, ученые общества, призывать знаменитых иноземных астрономов, филологов — есть пускать в глаза пыль. Чего не преподают ныне даже в Харькове и Казани? А в Москве с величайшим трудом можно найти учителя для языка русского, а в целом государстве едва ли найдешь человек 100, которые совершенно знают правописание, а мы не имеем хорошей грамматики <...>

Заметим также некоторые странности в сем новом образовании ученой части. Лучшие профессоры, коих

время должно быть посвящено науке, занимаются подрядами свеч и дров для университета! В сей круг хозяйственных забот входит еще содержание ста, или более, училищ, подведомых университетскому Совету. Сверх того, профессоры обязаны ежегодно ездить по губерниям для обозрения школ... Сколько денег и трудов потерянных! Прежде хозяйство университета зависело от его особой канцелярии — и гораздо лучше <...>

Сделав многое для успеха наук в России и с неудовольствием видя слабую ревность дворян в снискании ученых сведений в университетах, правительство желало принудить нас к тому и выдало несчастный Указ об экзаменах. Отныне никто не должен быть производим ни в статские советники, ни в асессоры без свидетельства о своей учености.

Доселе в самых просвещенных государствах требовалось от чиновников только необходимого для их службы знания: науки инженерной — от инженера, законоведения — от судьи и проч. У нас председатель Гражданской палаты обязан знать Гомера и Феокрита, секретарь сенатский — свойство кислорода и всех газов. Вице-губернатор — пифагорову фигуру, надзиратель в доме сумасшедших — римское право, или умрут коллежскими и титулярными советниками. Ни 40-летняя деятельность государственная, ни важные заслуги не освобождают от долга знать вещи, совсем для нас чуждые и бесполезные. Никогда любовь к наукам не производила действия, столь несогласного с их целью! Забавно, что сочинитель сего Указа, предписывающего всем знать риторику, сам делает в нем ошибки грамматические!.. Не будем говорить о смешном; заметим только вредное.

Доныне дворяне и не дворяне в гражданской службе искали у нас чинов или денег; первое побуждение не-

винно, второе опасно: ибо умеренность жалованья производит в корыстолюбивых охоту мздоимства. Теперь, не зная ни физики, ни статистики, ни других наук, для чего будут служить титулярные и коллежские советники? Лучшие, т. е. честолюбивые, возьмут отставку, худшие, т. е. корыстолюбивые, останутся драть кожу с живого и мертвого.

Законодатель должен смотреть на вещи с разных сторон, а не с одной; иначе, пресекая зло, может сделать еще более зла. Так, нынешнее правительство имело, как уверяют, намерение дать господским людям свободу.

Должно знать происхождение сего рабства. В девятом, десятом, первом-на-десять веке были у нас рабами одни холопы, т. е. или военнопленные и купленные чужеземцы, или преступники, законом лишенные гражданства, или потомки их; но богатые люди, имея множество холопей, населяли ими свои земли: вот первые, в нынешнем смысле, крепостные деревни. Сверх того, владелец принимал к себе вольных хлебопашцев в кабалу на условиях, более или менее стеснявших их естественную и гражданскую свободу; некоторые, получая от него землю, обязывались и за себя, и за детей своих служить ему вечно — вторая причина сельского рабства!

Другие же крестьяне, и большая часть, нанимали землю у владельцев только за деньги, или за определенное количество хлеба, имея право по истечении урочного времени идти в другое место. Сии свободные переходы имели свое неудобство: вельможи и богатые люди сманивали к себе вольных крестьян от владельцев малосильных, которые, оставаясь с пустою землею, лишались способа платить государственные повинности. Царь Борис отнял первый у всех крестьян волю переходить с места на место, т. е. укрепил их за

господами, — вот начало общего рабства. Сей устав изменялся, ограничивался, имел исключения и долгое время служил поводом к тяжбам, наконец, утвердился во всей силе — и древнее различие между крестьянами и холопами совершенно исчезло <...>

Что значит освободить у нас крестьян? Дать им волю жить, где угодно, отнять у господ всю власть над ними, подчинить их одной власти правительства. Хорошо. Но сии земледельцы не будут иметь земли, которая — в чем не может быть и спора — есть собственность дворянская. Они или останутся у помещиков, с условием платить им оброк, обрабатывать господские поля, доставлять хлеб куда надобно, одним словом, для них работать, как и прежде, — или, недовольные условиями, пойдут к другому, умереннейшему в требованиях, владельцу. В первом случае, надеясь на естественную любовь человека к родине, господа не предпишут ли им самых тягостных условий? Дотоле щадили они в крестьянах свою собственность, — тогда корыстолюбивые владельцы захотят взять с них все возможное для сил физических: напишут контракт, и земледельцы не исполнят его, — тяжбы, вечные тяжбы!.. Во втором случае, буде крестьянин ныне здесь, а завтра там, казна не потерпит ли убытка в сборе подушных денег и других податей? Не потерпит ли и земледелие? Не останутся ли многие поля не обработанными, многие житницы пустыми?

Освобожденные от надзора господ, имевших собственную земскую исправу, или полицию, гораздо деятельнейшую всех земских судов, станут пьянствовать, злодействовать, — какая богатая жатва для кабаков и мздоимных исправников, но как худо для нравов и государственной безопасности! <...>

Не знаю, хорошо ли сделал Годунов, отняв у крестьян свободу (ибо тогдашние обстоятельства не совершенно известны), но знаю, что теперь им неудобно возвратить оную. Тогда они имели навык людей вольных — ныне имеют навык рабов. Мне кажется, что для твердости бытия государственного безопаснее поработить людей, нежели дать им не вовремя свободу, для которой надобно готовить человека исправлением нравственным, а система наших винных откупов и страшные успехи пьянства служат ли к тому спасительным приготовлением? В заключение скажем доброму монарху: «Государь! История не упрекнет тебя злом, которое прежде тебя существовало (положим, что неволя крестьян и есть решительное зло), — но ты будешь ответствовать Богу, совести и потомству за всякое вредное следствие твоих собственных Уставов».

Не осуждаю Александрова закона, дающего право селениям откупаться от господ с их согласия; но многие ли столь богаты? Многие ли захотят отдать последнее за вольность? Крестьяне человеколюбивых владельцев довольны своею участью; крестьяне худых — бедны: то и другое мешает успеху сего закона.

К важнейшим действиям нынешнего царствования относятся меры, взятые для уравниения доходов с расходами, для приведения в лучшее состояние торговли и вообще государственного хозяйства <...> Умножать государственные доходы новыми налогами есть способ весьма ненадежный и только временный. Земледелец, заводчик, фабрикант, обложенные новыми податями, всегда возвышают цены на свои произведения, необходимые для казны, и чрез несколько месяцев открываются в ней новые недостатки < . >

Искренно хваля правительство за желание способствовать в России успехам земледелия и скотоводства, похвалим ли за бережливость? Где она? В уменьшении дворцовых расходов? Но бережливость государя не есть государственная!

Александра называют даже скупым; но сколько изобретено новых мест, сколько чиновников ненужных! Здесь три генерала стерегут туфли Петра Великого; там один человек берет из 5 мест жалованье; всякому — столовые деньги; множество пенсий излишних; дают займы без отдачи и кому? — богатейшим людям! Обманывают государя проектами, заведениями на бумаге, чтобы грабить казну... Непрестанно на государственное иждивение ездят инспекторы, сенаторы, чиновники, не делая ни малейшей пользы своими объездами; все требуют от императора домов — и покупают оные двойною ценою из сумм государственных, будто бы для общей, а в самом деле для частной выгоды, и проч., и проч. Одним словом, от начала России не бывало государя, столь умеренного в своих особенных расходах, как Александр, — и царствования, столь расточительного, как его! В числе таких несообразностей заметим, что мы, предписывая дворянству бережливость в указах, видим гусарских армейских офицеров в мундирах, облитых серебром и золотом! Сколько жалованья сим людям? И чего стоит мундир? Полки красятся не одеждою, а делами.

Мало остановить некоторые казенные строения и работы, <...> — не надобно тешить бесстыдного корыстолюбия многих знатных людей, надобно бояться всяких новых штатов, уменьшить число тунеядцев на жалованье, отказывать невеждам, требующим денег для мнимого успеха наук, и, где можно, ограничить роскошь самых

частных людей, которая в нынешнем состоянии Европы и России вреднее прежнего для государства <...>

Уже царь Федор Алексеевич видел недостаток Уложения, — вышли новые статьи в прибавление. Петр Великий, все обнимая, хотел полной книги законов и собственною рукою написал о том Указ Сенату, желая, чтобы правила оных были утверждены по основательном рассмотрении всех наших и чужестранных Гражданских уставов. Екатерина Первая несколько раз побуждала Сенат заниматься сим важным делом. Петр II указал из каждой губернии прислать для оного в Москву по несколько выборных дворян, знающих, благомысленных. Императрица Анна присоединила к ним и выборных из купечества, но граф Остерман в наставлении Правительнице говорит: «Уже более 20 лет трудятся при Сенате над сочинением книги законов, а едва ли будет успех, если не составят особенной для того комиссии из двух особ духовных, пяти или шести дворян, граждан и некоторых искусных законоведцев...».

Прошло и царствование Елизаветы, миновал и блестящий век Екатерины II, а мы еще не имели Уложения, несмотря на добрую волю правительства, на учреждение в 1754 г. особенностей Законодательной комиссии, на план Уложения, представленный ею Сенату, несмотря на шумное собрание депутатов в Москве, на красноречивый Наказ Екатерины II, испещренный выписками из Монтескье и Беккари. Чего не доставало? Способных людей!.. Были ли они в России? По крайней мере, их не находили, может быть, худо искали!

Александр, ревностный исполнить то, чего все монархи российские желали, образовал новую Комиссию: набрали многих секретарей, редакторов, помощников, не сыскали только одного и самого необходимейшего

человека, способного быть ее душою, изобрести лучший план, лучшие средства и привести оные в исполнение наилучшим образом <...> Что ж находим?.. Перевод Наполеонова Кодекса!

Какое изумление для россиян! Какая пища для злословия! <...> Оставляя все другое, спросим: время ли теперь предлагать россиянам законы французские, хотя бы оные и могли быть удобно применены к нашему гражданственному состоянию? Мы все, все любящие Россию, государя, ее славу, благоденствие, так ненавидим сей народ, обогранный кровью Европы, осыпанный прахом столь многих держав разрушенных, и, в то время, когда имя Наполеона приводит сердца в содрогание, мы положим его Кодекс на святой алтарь Отечества? <...> Но думаю, что лучше начать с важнейшего и последовать не Кодексу Наполеонову, не Фридрихову, а Юстинианову и царя Алексея Михайловича <...> Сей труд велик, но он такого свойства, что его нельзя поручить многим. Один человек должен быть главным, истинным творцом Уложения Российского; другие могут служить ему только советниками, помощниками, работниками... Здесь единство мысли необходимо для совершенства частей и целого; единство воли необходимо для успеха. Или мы найдем такого человека, или долго будем ждать Кодекса!

Есть и другой способ. Мы говорили доселе о систематическом законодательстве: когда у нас нет людей, способных для одного, то умерьте свои требования, и вы сделаете еще немалую пользу России. Вместо прагматического Кодекса издайте полную сводную книгу российских законов или указов по всем частям судным, согласив противоречия и заменив лишнее нужным, чтобы судьи по одному случаю не ссылались и на Уло-

жение царя Алексея Михайловича, и на Морской устав, и на 20 указов, из коих иные в самом Сенате не без труда отыскиваются. Для сей сводной книги не требуется великих усилий разума, ни гения, ни отличных знаний ученых. Не будем хвалиться ею в Европе, но облегчим способы правосудия в России, не затрудним судей наших галлицизмом и не покажемся жалкими иностранцам, что, без сомнения, заслужим переводом Наполеонова Кодекса.

Прибавим одну мысль к сказанному нами о российском законодательстве. Государство наше состоит из разных народов, имеющих свои особенные Гражданские уставы, как Ливония, Финляндия, Польша, самая Малороссия. Должно ли необходимо ввести единство законов?..

Должно, если такая перемена не будет существенным, долговременным бедствием для сих областей — в противном случае, не должно. Всего лучше готовить оную издали, средствами предварительными, без насилия и действуя на мягкий ум юношества. Пусть молодые люди, хотящие там посвятить себя законоведению, испытываются в знании и общих законов российских, особенно языка нашего; вот — самое лучшее приготовление к желаемому единству в Гражданских уставах! Впрочем, надобно исследовать основательно, для чего, например, Ливония или Финляндия имеют такой-то особенный закон? Причина, родившая оный, существует ли и согласна ли с государственным благом? Бude существует и согласна, то можно ли заменить ее действия иным способом? От новости не потерпят ли нравы, не ослабеют ли связи между разными гражданскими состояниями той земли?.. Опасайтесь внушения умов легких, которые думают, что надобно только велеть — и все сравняется!

Мы означили главные действия нынешнего правительства и неудачу их. Если прибавим к сему частные ошибки министров в мерах государственного блага: постановление о соли, о суконных фабриках, о прогоне скота,— имевшие столь много вредных следствий — всеобщее бесстрашие, основанное на мнении о кротости государя, равнодушие местных начальников ко всяким злоупотреблениям, грабеж в судах, наглое взяточничество капитан-исправников, председателей палатских, вице-губернаторов, а всего более самих губернаторов, наконец, беспокойные виды будущего, внешние опасности,— то удивительно ли, что общее мнение столь не благоприятствует правительству?

Не будем скрывать зла, не будем обманывать себя и государя, не будем твердить, что люди, обыкновенно, любят жаловаться и всегда недовольны настоящим,— сии жалобы разительны их согласием и действием на расположение умов в целом государстве.

Я совсем не меланхолик, и не думаю подобно тем, которые, видя слабость правительства, ждут скорого разрушения,— нет! Государства живущи и в особенности Россия, движимая самодержавною властью! Если не придут к нам беды извне, то еще смело можем и долгое время заблуждаться в нашей внутренней государственной системе! Вижу еще обширное поле для всяких новых творений самолюбивого, неопытного ума, но не печальна ли сия возможность? Надобно ли изнурять силы для того, что их еще довольно в запасе? Самым худым медикам нелегко уморить человека крепкого сложения, только всякое лекарство, данное некстати, делает вред существенный и сокращает жизнь.

Мы говорили о вреде, говорить ли о средствах целебных? И какие можем предложить? — самые простейшие!

Минувшего не возвратить. Было время (о чем мы сказали в начале), когда Александр мог бы легко возобновить систему Екатеринина царствования, еще живого в памяти и в сердцах, по ней образованных: бурное царствование Павлово изгладилось бы, как сновидение в мыслях. Теперь поздно — люди и вещи, большею частью, переменялись; сделано столько нового, что и старое показалось бы нам теперь опасною новостью: мы уже от него отвыкли, и, для славы государя, вредно с торжественностью признаваться в десятилетних заблуждениях, произведенных самолюбием его весьма неглубокомысленных советников, которые хотели своею творческою мудростью затмить жену Екатерину и превзойти мужа Петра. Дело сделано: надобно искать средств, пригоднейших к настоящему.

Главная ошибка законодателей сего царствования состоит в излишнем уважении форм государственной деятельности: от того — изобретение различных министерств, учреждение Совета и проч. Дела не лучше производятся — только в местах и чиновниками другого названия. Последуем иному правилу и скажем, что не формы, а люди важны. Пусть министерства и Совет существуют: они будут полезны, если в министерстве и в Совете увидим только мужей, знаменитых разумом и честью.

Итак, первое наше доброе желание есть, да способствует Бог Александру в счастливом избрании людей! Такое избрание, а не учреждение Сената с коллегиями ознаменовало величием царствование Петра во внутренних делах империи. Сей монарх имел страсть к способным людям, искал их в кельях монастырских и в темных каютах: там нашел Феофана и Остермана, славных в нашей государственной истории. Обстоятель-

ства иные и скромные, тихие свойства души отличают Александра от Петра, который везде был сам, со всеми говорил, всех слушал и брал на себя по одному слову, по одному взору решить достоинство человека; но да будет то же правило: искать людей! Кто имеет доверенность Государя, да замечает их вдали для самых первых мест. Не только в республиках, но и в монархиях кандидаты должны быть назначены единственно по способностям. Всемогущая рука единовластителя одного ведет, другого мчит на высоту; медленная постепенность есть закон для множества, а не для всех. Кто имеет ум министра, не должен поседеть в столоначальниках или секретарях.

Чины унижаются не скорым их приобретением, но глупостью или бесчестьем сановников; возбуждается зависть, но скоро умолкает пред лицом достойного. Вы не образуете полезного министерства сочинением Наказа, — тогда образуете, когда приготовите хороших министров. Совет рассматривает их предложение, но уверены ли вы в мудрости его членов?

Общая мудрость рождается только от частной. Одним словом, теперь всего нужнее люди!

Но люди не только для министерства, или Сената, но и в особенности для мест губернаторских. Россия состоит не из Петербурга и не из Москвы, а из 50 или более частей, называемых губерниями; если там пойдут дела как должно, то министры и Совет могут отдыхать на лаврах; а дела пойдут как должно, если вы найдете в России 50 мужей умных, добросовестных, которые ревностно станут блюсти вверенное каждому из них благо полумиллиона россиян, обуздают хищное корыстолюбие нижних чиновников и господ жестоких, восстановят правосудие, успокоят земледельцев, ободрят

купечество и промышленность, сохраняют пользу казны и народа. Если губернаторы не умеют или не хотят делать того, — виною худое избрание лиц; если не имеют способа, — виною худое образование губернских властей.

1) Каковы ныне, большею частью, губернаторы? Люди без способностей, и дают всякою неправдою наживаться секретарям своим — или без совести и сами наживаются. Не выезжая из Москвы, мы знаем, что такой-то губернии начальник — глупец и весьма давно! а такой-то — грабитель, и весьма давно!.. Слухом земля полнится, а министры не знают того, или знать не хотят! К чему же служат ваши новые министерские образования? К чему писать законы, разве для потомства? Не бумаги, а люди правят.

2) Прежде начальник губернии знал над собою один Сенат; теперь, кроме Сената, должен относиться к разным министерствам! Сколько хлопот и письма!.. А всего хуже то, что многие части в составе губерний не принадлежат к его ведомству: школы, удельные имения, казенные леса, дороги, воды, почта — сколько пестроты и многочисленности!.. Выходит, что губерния имеет не начальника, а начальников, из коих один в Петербурге, другие в Москве...

Система правления весьма не согласная с нашею старинною, истинно-монархическою, которая соединяла власти в наместнике для единства и силы в их действиях. Всякая губерния есть Россия в малом виде; мы хотим, чтобы государство управлялось единою, а каждая из частей оного — разными властями; страшимся злоупотреблений в общей власти, но частная разве не имеет их? Как в большом доме не может быть исправности без домоправителя, дающего во всем отчет гос-

подину, так не будет совершенно порядка и в губерниях, пока столь многие чиновники действуют независимо от губернаторов, ответствующих государю за спокойствие государства и, гораздо более, всех живущих в Петербурге министров, членов Совета, сенаторов.

Одна сия мысль не убеждает ли в необходимости возвысить сан губернаторский всеобщим уважением? Да будет губернатор, что были наместники при Екатерине! Дайте им достоинство сенаторов, согласите оное со отношениями их к министрам, которые в самом деле должны быть единственно секретарями государя по разным частям, и тогда умеете только избирать людей! Вот главное правило.

Второе, не менее существенное, есть: умеете обходиться с людьми! Мало ангелов на свете, не так много и злодеев, гораздо более смеси, т. е. добрых и худых вместе. Мудрое правление находит способ усиливать в чиновниках побуждение добра или обуздывает стремление ко злу. Для первого есть награды, отличия, для второго боязнь наказаний. Кто знает человеческое сердце, состав и движение гражданских обществ, тот не усомнится в истине сказанного Макиавелли, что страх гораздо действительнее, гораздо обыкновеннее всех иных побуждений для смертных.

Если вы, путешествуя, увидите землю, где все тихо и стройно, народ доволен, слабый не утеснен, невинный безопасен,— то скажете смело, что в ней преступления не остаются без наказания. Сколько агнцев обратилось бы в тигров, если бы не было страха! Любить добро для его собственных прелестей есть действие высшей нравственности — явления, редкого в мире: иначе не посвящали бы алтарей добродетели. Обыкновенные же люди соблюдают правила честности, не столько в

надежде приобрести тем особенные некоторые выгоды, сколько опасаясь вреда, сопряженного с явным нарушением сих правил.

Одно из важнейших государственных зол нашего времени есть бесстрашие. Везде грабят, и кто наказан? Ждут доносов, улики, посылают сенаторов для исследования, и ничего не выходит! Доносят плуты — честные терпят и молчат, ибо любят покой. Не так легко уличить искусного вора-судью, особенно с нашим законом, по коему взяткобратель и взяткодатель равно наказываются. Указывают пальцем на грабителей — и дают им чины, ленты, в ожидании, чтобы кто на них подал жалобу. А сии недостойные чиновники, в надежде на своих, подобных им, защитников в Петербурге, беззаконствуют, смело презирая стыд и доброе имя, коего они условно лишились. В два или три года наживают по несколько сот тысяч и, не имев прежде ничего, покупают деревни!

Иногда видим, что государь, вопреки своей кротости, бывает расположен и к строгим мерам: он выгнал из службы двух или трех сенаторов и несколько других чиновников, оглашенных мздоимцами; но сии малочисленные примеры отвечают ли бесчисленности нынешних мздоимцев? Негодяй так рассуждает: «Брат мой N.N. наказан отставкою; но собратья мои, такие-то, процветают в благоденствии: один многим не указ, а если меня и выгонят из службы, то с богатым запасом на черный день,— еще найду немало утешений в жизни!»

Строгость, без сомнения, неприятна для сердца чувствительного, но где она необходима для порядка, там кротость не у места. Как живописцы изображают монарха? Воином и с мечом в руке — не пастушком и не с цветами!.. В России не будет правосудия, если госу-

дарь, поручив оное судилищам, не будет смотреть за судьями. У нас не Англия; мы столько веков видели судью в монархе и добрую волю его признавали вышним уставом. Сирены могут петь в круге трона: «Александр, воцари закон в России... и проч.»...

Я возьмусь быть толкователем сего хора: «Александр! Дай нам, именем закона, господствовать над Россией, а сам покойся на троне, изливай единственно милости, давай нам чины, ленты, деньги!»... В России государь есть живой закон: добрых милует, злых казнит, и любовь первых приобретается страхом последних. Не боятся государя — не боятся и закона! В монархе российском соединяются все власти: наше правление есть отеческое, патриархальное. Отец семейства судит и наказывает без протокола, — так и монарх в иных случаях должен необходимо действовать по единой совести. Чего Александр не сведает, если захочет ведать? И да накажет преступника! Да накажет и тех, которые возводят его на степень знаменитую! Да отвечает министр, по крайней мере, за избрание главных чиновников! Спасительный страх должен иметь ветви; где десять за одного боятся, там десять смотрят за одним...

Начинайте всегда с головы: если худы капитан-исправники — виновны губернаторы, виновны министры!.. Не сему правилу следовали те, которые дали государю совет обесчестить снятием мундира всех комиссариатских и провиантских чиновников, кроме начальников. Равные не могут отвечать друг за друга; если они все причиною бедствий армии, то мало лишить их мундира; если еще не доказаны виноватые, то надобно подождать, а казнь виновного вместе с правым отнимает стыд у казни. Малейшее наказание, но бесполезное, ближе к тиранству, нежели самое жесто-

кое, коего основанием есть справедливость, а целью — общее добро. Ненавидят тирана, но мягкосердие тогда есть добродетель в венценосце, когда он умеет превозмогать оное долгом благоразумной строгости.

Единственно в своих личных, тайных оскорблениях государь может прощать достохвально, а не в общественных; когда же вредно часто прощать, то еще вреднее терпеть, — в первом случае винят слабость, во втором — беспечность или непроницание. Мы упомянули о личных оскорблениях для монарха. Они редко бывают без связи со вредом государственным. Так, например, не должно позволять, чтоб кто-нибудь в России смел торжественно представлять лицо недовольного или не уважать монарха, коего священная особа есть образ отечества. Дайте волю людям — они засыпят Вас пылью! Скажите им слово на ухо — они лежат у ног Ваших!

Говорив о необходимости страха для удержания нас от зла, скажем нечто о наградах: они благодетельны своею умеренностью, — в противном же случае делаются или бесполезны, или вредны. Я вижу всех генералов, осыпанных звездами, и спрашиваю: «Сколько побед мы одержали? Сколько царств завоевали?..» Ныне дают голубую ленту — завтра лишают начальства!.. Сей, некогда лестный, крест Св. Георгия висит на знамени ли витязе? Нет, на малодушном и презренном в целой армии! Кого же украсит теперь Св. Георгий? Если в царствование Павла чины и ленты упали в достоинстве, то в Александрово, по крайней мере, не возвысились, чего следствием было и есть — требовать иных наград от государя, денежных, ко вреду казны и народа, ко вреду самых государственных добродетелей. О бережливости говорили мы в другом месте.

Здесь напомним две аксиомы: 1) за деньги не делается ничего великого; 2) изобилие располагает человека к праздной неге, противной всему великому. Россия никогда не славилась богатством — у нас служили по должности, из чести, из куска хлеба, не более! Ныне не только воинские, но и гражданские чиновники хотят жить большим домом на счет государства. И какая пестрота: люди в одном чине имеют столь различные жалованья, что одному нечего есть, а другой может давать лакомые обеды; ибо первый служит по старым, а второй по новым штатам, — первый в Сенате, в губернии, а второй — у министра в канцелярии, или где-нибудь в новом месте. Не думают о бедных офицерах, удовлетворяя корыстолюбие генералов арендами и пенсиями. Ставят в пример французов — для чего же не русских времени Петрова или Екатерины?..

Но и французские генералы всего более недовольны Наполеоном за то, что он, дав им богатство, отнимает у них досуг и способ наслаждаться оным. Честь, честь должна быть главною наградою! Римляне с дубовыми венками завоевали мир. Люди в главных свойствах не изменились; соедините с каким-нибудь знаком понятие о превосходной добродетели, т.е. награждайте им людей единственно превосходных, — и вы увидите, что все будут желать оно́го, несмотря на его ничтожную денежную цену!.. Слава Богу, мы еще имеем честолюбие, еще слезы катятся из глаз наших при мысли о бедствиях России; в самом множестве недовольных, в самых нескромных жалобах на правительство вы слышите нередко голос благодарной любви к отечеству. Есть люди, умеете только обуздать их в зле и поощрять к добру благоразумною системою наказаний и наград! Но, повторим, первое еще важнее.

Сие искусство избирать людей и обходиться с ними есть первое для государя российского; без сего искусства тщетно будете искать народного блага в новых органических уставах!.. Не спрашивайте: как писаны законы в государстве? сколько министров? есть ли Верховный Совет? Но спрашивайте: каковы судьи? Каковы властители?.. фразы — для газет, только правила — для государства.

В дополнение сказанного нами, прибавим некоторые особенные замечания.

Самодержавие есть палладиум России; целость его необходима для ее счастья; из сего не следует, чтобы государь, единственный источник власти, имел причины унижать дворянство, столь же древнее, как и Россия. Оно было всегда не что иное, как братство знаменитых слуг великокняжеских или царских. Худо, ежели слуги овладеют слабым господином, но благоразумный господин уважает отборных слуг своих и красится их честью. Права благородных суть не отдел монаршей власти, но ее главное, необходимое орудие, двигающее состав государственный <...>

Дворянство есть наследственное; порядок требует, чтобы некоторые люди воспитывались для отправления некоторых должностей и чтобы монарх знал, где ему искать деятельных слуг отечественной пользы. Народ работает, купцы торгуют, дворяне служат, награждаемые отличиями и выгодами, уважением и достатком. Личные подвижные чины не могут заменить дворянства родового, постоянного, и, хотя необходимы для означения степеней государственной службы, однако ж в благополучной монархии не должны ослаблять коренных прав его, не должны иметь выгод оною. Надлежало бы не дворянству быть по чинам, но чинам

по дворянству, т. е. для приобретения некоторых чинов надлежало бы необходимо требовать благородства, чего у нас со времен Петра Великого не соблюдается: офицер уже есть дворянин. Не должно для превосходных дарований, возможных во всяком состоянии, заграждать пути к высшим степеням,— но пусть государь дает дворянство прежде чина и с некоторыми торжественными обрядами, вообще редко и с выбором строгим.

Польза ощутительна: 1) Если часто будете выводить простолюдинов в министры, в вельможи, в генералы, то с знатностью приведется давать им и богатство, необходимое для ее сияния,— казна истощается... Напротив того, дворяне, имея наследственный достаток, могут и в высших чинах обойтись без казенных денежных пособий. 2) Оскорбляете дворянство, представляя ему людей низкого происхождения на ступенях трона, где мы издревле обыкли видеть бояр сановитых. Ни слова, буде сии люди ознаменованы способностями редкими, выпренними; но буде они весьма обыкновенны, то лучше, если бы сии высшие места занимались дворянами. 3) Природа дает ум и сердце, но воспитание образует их. Дворянин, облагодетельствованный судьбою, навикает от самой колыбели уважать себя, любить Отечество и государя за выгоды своего рождения, пленяться знатностью — уделом его предков, и наградою личных будущих заслуг его. Сей образ мыслей и чувствований дает ему то благородство духа, которое, сверх иных намерений, было целью при учреждении наследственного дворянства,— преимущество важное, редко заменяемое естественными дарами простолюдина, который, в самой знатности, боится презрения, обыкновенно не любит дворян и мыслит личною над-

менностью изгладить из памяти людей свое низкое происхождение.

Добродетель редка. Ищите в свете более обыкновенных, нежели превосходных душ. Мнение не мое, но всех глубокомысленных политиков есть, что твердо основанные права благородства в монархии служат ей опорю. Итак, желаю, чтобы Александр имел правилом возвышать сан дворянства, коего блеск можно назвать отливом царского сияния,— возвышать не только государственными хартиями, но и сими, так сказать, невинными, легкими знаками внимания, столь действительными в самодержавии. Например, для чего императору не являться иногда в торжественных Собораниях дворянства в виде его главы, и не в мундире офицера гвардейского, а в дворянском? Сие произвело бы гораздо более действия, нежели письмо красноречивое и словесные уверения в монаршем внимании к обществу благородных; но ничем Александр не возвысил бы оногo столь ощутительно, как законом принимать всякого дворянина в воинскую службу офицером, требуя единственно, чтобы он знал начала математики и русский язык с правильностью... Давайте жалованье только комплектным,— все благородные, согласно с пользою монархии, основанной на завоеваниях, возьмут тогда шпагу в руки вместо пера, коим ныне, без сомнения, ко вреду государственному и богатые, и небогатые дворяне вооружают детей своих в канцеляриях, в архивах, в судах, имея отвращение от солдатских казарм, где сии юноши, деля с рядовыми воинами и низкие труды, и низкие забавы, могли бы потерпеть и в здоровьи, и в нравственности. В самом деле, чего нужного для службы нельзя узнать офицером? Учиться же для дворянина гораздо приятнее в сем чине, неже-

ли в унтер-офицерском. Армии наши обогатились бы молодыми, хорошо воспитанными дворянами, тоскующими ныне в повытьях. Гвардия осталась бы исключением — единственно в ней начинали бы мы служить с унтер-офицеров.

Но и в гвардии надлежало бы отличать сержанта благородного от сына солдатского. Можно и должно смягчать суровость воинской службы там, где суровость не есть способ победы. Строгость в безделицах уменьшает охоту к делу. Занимайте, но не утомляйте воинов игрушками, или вахт-парадами. Действуйте на душу еще более, нежели на тело. Герои вахт-парада оказываются трусами на поле битвы; сколько знаем примеров! Офицеры Екатеринина века ходили иногда во фраках, но ходили смело и на приступы. Французы не педантствуют — и побеждают. Мы видели прусских героев!

Как дворянство, так и духовенство бывает полезно государству по мере общего к ним народного уважения. Не предлагаю восстановить Патриаршество, но желаю, чтоб Синод имел более важности в составе его и в действиях; чтобы в нем заседали, например, одни архиепископы; чтоб он, в случае новых коренных государственных постановлений, сходился вместе с Сенатом для выслушания, для принятия оных в свое хранилище законов и для обнародования, разумеется, без всякого противоречия.

Ныне стараются о размножении духовных училищ, но будет еще похвальнее закон, чтобы 18-летних учеников не ставить в священники и никого без строгого испытания, — закон, чтобы иереи более пеклись о нравственности прихожан, употребляя на то данные им от Синода благоразумные, действительные средства, о коих мыслил и государь Петр Великий. По характеру

сих важных духовных сановников можете всегда судить о нравственном состоянии народа. Не довольно дать России хороших губернаторов — надобно дать и хороших священников; без прочего обойдемся и не будем никому завидовать в Европе.

Дворянство и духовенство, Сенат и Синод как хранилище законов, над всеми — государь, единственный законодатель, единовластный источник властей. Вот основание российской монархии, которое может быть утверждено или ослаблено правилами царствующих. Державы, подобно людям, имеют определенный век свой: так мыслит философия, так вещает история. Благоразумная система в жизни продолжает век человека, — благоразумная система государственная продолжает век государств; кто исчислит грядущие лета России? Слышу пророков близкочечного бедствия, но, благодаря Всевышнего, сердце мое им не верит, — вижу опасность, но еще не вижу гибели! Еще Россия имеет 40 миллионов жителей, и самодержавие имеет государя, ревностного к общему благу. Если он, как человек, ошибается, то, без сомнения, с добрым намерением, которое служит нам вероятностью будущего исправления ошибок.

Если Александр вообще будет осторожнее в новых государственных творениях, стараясь всего более утвердить существующие и думая более о людях, нежели о формах, ежели благоразумною строгостью обратит вельмож, чиновников к ревностному исполнению должностей; если заключит мир с Турцией и спасет Россию от третьей, весьма опасной, войны с Наполеоном, хотя бы и с утратою многих выгод так называемой чести, которая есть только роскошь сильных государств и не равняется с первым их благом, или с

целостью бытия; если он, не умножая денег бумажных, мудрою бережливостью уменьшит расходы казны и найдет способ прибавить жалованья бедным чиновникам воинским и гражданским; если таможенные Уставы, верно наблюдаемые, приведут в соразмерность ввоз и вывоз товаров; если — что в сем предположении будет необходимо — дороговизна мало-помалу уменьшится, то Россия благословит Александра, колебания утихнут, неудовольствия исчезнут, родятся нужные для государства привычки, ход вещей сделается правильным, постоянным; новое и старое сольются в одно, реже и реже будут вспоминать прошедшее, злословие не умолкнет, но лишится жала!.. Судьба Европы теперь не от нас зависит. Переменит ли Франция свою ужасную систему, или Бог переменит Францию, — неизвестно, но бури не вечны! Когда же увидим ясное небо над Европой и Александра, сидящего на троне целой России, тогда восхвалим Александрово счастье, коего он достоин своею редкою добротою!

Любя Отечество, любя монарха, я говорил искренно.

Возвращаюсь к безмолвию верноподданного с сердцем чистым, моля Всевышнего, да блюдет царя и Царство Российское!»

Александр, прочитав «Записку», был рассержен. И этого человека он прочил в министры! Хорошо, Сперанский отговорил! Правильно сказал: не справится. Тильзитский мир он считал вовсе не позорным и не пагубным, а едва ли не успехом русской дипломатии. А некоторое несоответствие денег с их реальной стоимостью смущало императора еще меньше. Система образования, на его взгляд, значительно улучшилась. Законодательство тоже приходило в европейскую норму.

Болезненнее всего задел Карамзин его крестьянским вопросом. По этому вопросу работало много тогдашних «креативщиков». Но проект буксовал. Утверждение же историографа, что крестьян вообще лучше ни на какую волю не отпускать, ему и вовсе не понравилось. Александр считал себя либералом. И знал, что крестьян нужно отпустить. Вопрос стоял по-другому — как? Вывод Карамзина его покорибил: выходило, что за десятилетие власти он ничего толком не сделал, а только разрушил то, что пыталась создать Екатерина.

Так открыто, жестоко и так (как казалось царю) несправедливо с ним не говорил еще никто из приближенных. И потребовалось время, чтобы император простил Карамзину эту резкость и обличительную страсть. За это время он успел разочароваться в реформах и в Сперанском, отправив последнего в ссылку. То, что творилось в государственных учреждениях, царю нравилось все меньше. Правда Карамзина была налицо. Из хорошей затеи на деле получались не учреждения, а мертворожденные уродцы...

К 1812 году Александр вновь вернул расположение к Карамзину. Он даже думал назначить его государственным секретарем (впрочем, на это место впоследствии был определен Шишков). Карамзин так никогда и не получил ни одной государственной должности, но говорил об этом со смирением: «Милое отечество ни в чем не упрекнет меня; я всецело был готов служить ему, сохраняя достоинство своего характера, за которое ему же обязан отвечать; и что же? Я мог описать одни только варварские времена его истории; меня не видали ни на поле сражения, ни в советах государственных; зная однако, что я не трус и не ленивец, говорю самому себе: „Так было угодно Богу“; и не имея смешной автор-

ской спеси, вхожу в общество наших генералов и наших министров».

Входя в общество этих «генералов и министров», он оставался частным лицом. Вполне вероятно, что императору не хотелось видеть Карамзина на любой государственной должности — его образ мыслей мог оказаться опасным. О неприятных для себя выводах «Записки» и столь же неприятных предсказаниях возможного хода истории Александр старался не думать.

Однако то, во что не хотел верить Александр, случилось: в 1812 году началась война с Наполеоном. Долгая, тяжелая, кровопролитная. Но для Карамзина она стала только причиной еще больше углубиться в труды по написанию многотомной «Истории». Москву он покинул одним из последних — уже подступали французы. С собой много увезти не удалось, так что вся библиотека осталась в его доме. Там она и сгорела во время московского пожара. Когда спустя год Карамзин вернулся, Москву он не узнал: всюду были следы пожара, а жители стали озлобленными, жестокими и дерзкими, прежде в москвичах такого историк не замечал.

Тогда-то и стали еще теснее связи Карамзина с царствующей семьей. Между ним и императрицей завязалась переписка. Императрица звала его в Петербург, даже предлагала поселиться в Павловске. Впрочем, к этому Карамзин был пока не готов: он не мог бросить своей «Истории». К великому счастью, война пощадила Остафьево, где было его имение. Там хранились нужные ему книги и рукописи. В столицу он приехал только в 1816 году. С собой он привез восемь томов своего эпохального труда.

Предваряя первый том своей «Истории», автор поместил в нем обращение к Александру. «С благоговени-

ем представляю вашему императорскому величеству,— писал он царю,— плод усердных, двенадцатилетних трудов (шел 1816 год). Не хвалюся ревностию и постоянством: ободренный вами, мог ли я не иметь их? В 1811 году, в счастливейшие, незабвенные минуты жизни моей, читал я вам, Государь, некоторые главы сей истории — об ужасах Батыева нашествия, о подвиге героя — Дмитрия Донского, — в то время, когда густая туча бедствий висела над Европою, угрожая и нашему любезному отечеству. Вы слушали с восхитительным для меня вниманием; сравнивали давно минувшее с настоящим, и не завидовали славным опасностям Дмитрия, ибо предвидели для себя еще славнейшие. Великодушное предчувствие исполнилось: туча грянула над Россиею — но мы спасены, прославлены; враг истреблен, Европа свободна, и глава Александрова сияет в лучезарном венце бессмертия.

Государь! Если счастье вашего добродетельного сердца равно вашей славе, то вы счастливее всех земнородных. Новая эпоха наступила. Будущее известно единому Богу; но мы, судя по вероятностям разума, ожидаем мира твердого, столь вожделенного для народов и венценосцев, которые хотят властвовать для пользы людей, для успехов нравственности, добродетели, наук, искусств гражданских, благосостояния государственного и частного. Победою устранив препятствия в сем истинно царском деле, даровав златую тишину нам и Европе, чего вы, Государь, не совершите в крепости мужества, в течение жизни долговременной, обещаемой вам и законом природы и теплою молитвой подданных! Бодрствуйте, монарх возлюбленный!

Сердцеведец читает мысли, История предаёт деяния великодушных царей, и в самое отдаленное потом-

ство вселяет любовь к их священной памяти. Примите милостиво книгу, служащую тому доказательством. История народа принадлежит царю. Всемиловитейший государь! Его императорского величества верноподанный Николай Карамзин».

Мог ли Александр устоять перед такой искренностью и верой, что именно ему, наследнику русского престола, даровано совершить великие дела? Александр и сам верил в великие дела. Он выделил на издание первых томов «Истории» 60 тысяч рублей. Это были большие деньги. Но что гораздо важнее — Александр отнесся к историку ласково и просил его быть искренним и высказывать свое мнение, хотя бы оно могло и не понравиться (как оно может не понравиться, историк на себе уже испытал — после подачи своей «Записки» он ожидал либо опалы, либо ареста). Александр назначил себя цензором карамзинской «Истории». Цензором он старался быть милосердным.

В то же время Карамзин следовал просьбе царя и высказывал свои мнения, иногда весьма нелицеприятные. Как-то он записал такие слова: «Я всегда был чистосердечен, Он был терпелив, притом любезен неизъяснимо, не требовал моих советов, однако ж слушал их, хотя им большею частью не следовал».

Впрочем, к другим просьбам историка царь прислушивался: вольнодумцев после войны стало немало, и Карамзин то и дело просил то за одного, то за другого диссидента. Одним из них, как я уже говорила, был и племянник старинного друга Карамзина, Василия Пушкина, молодой и горячий Саша. Многим это заступничество спасло жизнь. Александр выслушивал Карамзина и смягчал наказание.

Люди, знавшие Карамзина в эти годы, вспоминали, какую симпатию вызывал этот искренний и честный

человек. Фаддей Булгарин, тогда совсем молодой литератор, рассказывал о своей встрече с Карамзиным: «В 1819 году, в зимние вечера собирались к одному держателю пансиона в Петербурге (французскому дворянину) любители словесности, из находившихся в то время в столице французских путешественников, чиновников и нескольких дам и мужчин из высшего класса русского общества.... Однажды хозяин объявил нам, что в будущем заседание один известный русский чтец будет декламировать сцены из Мольеровой комедии и что несколько отличных русских литераторов посетят нашу беседу. Я тогда только что возвратился из долговременного странствия по Европе и не знал в лицо ни одного русского литератора...»

Будущий доносчик и тайный сотрудник охраны в те годы только начинал литературный путь. На чтение из Мольера он явился первым. Но никаких прославленных литераторов почему-то на чтение не пришло. Фаддей Венедиктович обиделся и уселся где-то в углу, размышляя о различии известности в свете и литературе. Началось чтение. «Вдруг дверь в зале потихоньку отворяется и входит человек, высокого роста, немолодых лет и прекрасной наружности. Он так тихо вошел, что нимало не расстроил чтения, и, пробираясь за рядом кресел, присел в самом конце полукруга. Орденская звезда блестела на темном фраке и еще более возвышала его скромность. Другой вошел бы с шумом и шарканьем, чтоб обратить на себя внимание и получить почетное место. Незнакомец никого не беспокоил.

Я смотрел на него с любопытством и участием. Черты его лица казались мне знакомыми, но я не мог вспомнить, где и когда видел его. Лицо его было про-

долговатое; чело высокое, открытое, нос правильный, римский. Рот и уста имели какую-то особенную приятность и, так сказать, дышали добродушием. Глаза небольшие, несколько сжатые, но прекрасного разреза, блестели умом и живостью. Вполовину поседелые волосы зачесаны были с боков на верх головы. Физиономия его выражала явственно душевную простоту и глубокую проницательность ума. Отличительными чертами его лица были две большие морщины при окончании щек, по обеим сторонам рта. Я, по невольному влечению, искал его взгляда, который, казалось, говорил душе что-то сладостное, утешительное.

На его одушевленной физиономии живо отражались все впечатления, производимые чтением. Ни одно острое слово, ни одна счастливая мысль, ни одна удачная черта характера не ускользнули от его внимания. Неудовольствие изображалось на лице, как облако в чистой воде, когда чтец дошел до некоторых плоскостей, встречающихся в комедиях Мольера, жертвовавшего иногда вкусу своего современного партера. Я не сводил глаз с незнакомца и размерял по его ощущениям мои собственные...»

Как оказалось, этот скромный и мягкий человек — историк Карамзин. Позже, познакомившись и получив приглашение бывать в доме, Булгарин с удивлением отмечал, что на чай к Карамзину приходило множество людей самого разного статуса, и тот со всеми умел найти общий язык, ко всем был предельно внимателен и доброжелателен: «В обращении его не видно было, чтобы он отдавал кому-либо преимущество насчет другого. Добродушная его вежливость разливалась равно на всех. Он говорил со всяким одним тоном и слушал

каждого с одинаким вниманием. Люди сближались между собою Карамзиным. Все преимущества нисходили или возвышались на одинакую степень в его присутствии. Он был душою и располагал движениями членов своего общества...

Первое мое посещение продолжалось два часа. Я не мог решиться оставить беседу. Мне так было хорошо и весело. Ум и сердце беспрестанно имели новые, легкие, приятные занятия. Я хотел, по модному обычаю, выйти из комнаты, не простясь с хозяином, но Карамзин не допустил меня до этого. Он встал с своего места, подошел ко мне, пожал руку (по-английски) и пригласил посещать его. Я видел почти всех знаменитых ученых и литераторов на твердой земле Европы, во время моего странствия, но признаюсь, что весьма немногие из них произвели во мне такое впечатление при первой встрече, как Карамзин, и это оттого, что весьма немногие люди имеют такое добродушие в обращении, такую простоту в приемах, какие имел Карамзин, что он при обширных сведениях знал искусство беседовать, и наконец, что в каждом его слове видна была душа добрая, благородная. Вот магнит сердец!»

Однако молодой Булгарин и не предполагал, что этот «магнит сердец» совершает какие-то странные и необычные для человека его звания поступки. Вскоре после визита «на чай» Булгарин встретил историка рано утром на одной из отдаленных и бедных улиц. «Погода была самая несносная: мокрый снег падал комками и ударял в лицо. Оттепель испортила зимний путь. Один только процесс или другая какая беда могли выгнать человека из дому в эту пору. Я думал, что Карамзин меня не узнает, ибо он два раза только видел меня,

и то вечером. Но он узнал меня. Я изъявил ему мое удивление, что встречаю его в такое время.

— Я имею обыкновение, — сказал Карамзин, — прогуливаться пешком поутру до 9-ти часов. В эту пору я возвращаюсь домой, к завтраку. Если я здоров, то дурная погода не мешает мне; напротив того, после такой прогулки лучше чувствуешь приятность теплого кабинета.

— Но должно сознаться, — возразил я, — что вы выбираете не лучшие улицы в городе для своей прогулки.

— Необыкновенный случай завел меня сюда, — отвечал Карамзин, — чтобы не показаться вам слишком скрытным, я должен сказать, что отыскиваю одного бедного человека, который часто останавливает меня на улице, называет себя чиновником и просит подаянья именем голодных детей. Я взял его адрес и хочу посмотреть, что могу для него сделать.

Я взялся сопутствовать Карамзину. Мы отыскивали квартиру бедного человека, но не застали его дома. Семейство его в самом деле было в жалком положении. Карамзин дал денег старухе и расспросил ее о некоторых обстоятельствах жизни отца семейства. Выходя из ворот, мы встретили его, но в таком виде, который тотчас объяснил нам загадку его бедности. Карамзин не хотел обременять его упреками: он покачал только головою и прошел мимо.

— Досадно, — сказал Карамзин, улыбаясь, — что мои деньги не попадали туда, куда я назначал их. Но я сам виноват; мне надлежало бы прежде осведомиться об его положении. Теперь буду умнее и не дам денег ему в руки, а в дом».

Таков был Карамзин — обходительный и добрый хозяин, больше всего боявшийся обидеть кого-то из гос-

тей и сострадательный человек, не на словах, а на деле оказывавший материальную помощь неимущим.

Впрочем, об этой своей особой черте – невозможности пройти мимо чужого страдания – историк старался умалчивать. Добрые дела, по его пониманию, должны делаться тайно. А ведь в год знакомства с Булгариным Карамзин был уже в зените своей славы. И какой славы!

В январе 1818 года первые восемь томов «Истории» наконец-то были отпечатаны. Пушкин оставил такие воспоминания: «Это было в феврале 1818 года. Первые восемь томов „Русской истории“ Карамзина вышли в свет. Я прочел их в моей постели с жадностью и со вниманием. Появление сей книги (так и быть надлежало) наделало много шума и произвело сильное впечатление, 3000 экземпляров разошлись в один месяц (чего никак не ожидал и сам Карамзин) – пример единственный в нашей земле. Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка – Колумбом. Несколько времени ни о чем ином не говорили».

В том же 1818 году Карамзина приняли в члены Академии Наук. В речи, которую историк произнес на этом заседании, он так обозначил задачу, которая стоит перед литератором, взявшимся описать события родной истории: «Будучи источником душевных удовольствий для человека, словесность возвышает и нравственное достоинство государств. Великие тени Паскалей, Боссюэтов, Фенелонов, Расинов спасали знаменитость их отечества и в самые ужасные време-

на его мятежей народных. Если бы греки, если бы самые римляне только побеждали, мы не произносили бы их имени с таким уважением, с такою любовью; но мы пленялись „Илиадою“ и „Энеидою“, вместе с афинянами слушали Демосфена, с римлянами – Цицерона. Побеждали и моголы: Тамерланы затмили бы Фемистоклов и Цесарей; но моголы только убивали, а греки и римляне питают душу самого отдаленного потомства вечными красотами своих творений. Для того ли образуются, для того ли возносятся державы на земном шаре, чтобы единственно изумлять нас грозным колоссом силы и его звучным падением; чтобы одна, низвергая другую, чрез несколько веков обширную свою могилую служила вместо подножия новой державе, которая в чреду свою падет неминуемо? Нет! И жизнь наша и жизнь империй должны содействовать раскрытию великих способностей души человеческой; здесь все для души, все для ума и чувства; все бессмертие в их успехах! Сия мысль, среди гробов и тления, утешает нас каким-то великим утешением: возвеличенная, утвержденная победами, да сияет Россия всеми блестящими дарами ума бессмертного; да умножает богатства наук и словесности; да слава России будет славою человечества – и да исполнится таким образом желание Екатерины Второй и Александра Первого!»

Иными словами, «История» должна была послужить неким воспитательным средством для молодых умов, ищущих ориентиров в бурном море событий. Академики речь выслушали, но на первые тома «Истории» их отзывы были большей частью негативные. Они увидели в ней литературу, далекую от науки. Некоторые рецензии были совершенно разгромными.

Арцыбашев яростно нападал на Карамзина как раз за то, что тот в угоду литературе искажает историю, Левель упрекал историка за то, что тот вкладывает понятия и мысли своего времени в уста людей далекого прошлого, Полевой считал, что язык Карамзина и его стиль изложения давно устарел, а Погодин находил массу несообразностей и противоречий. При всем этом «Историей» зачитывались! Продолжения истории ждали!

И Карамзин оправдал ожидания своих читателей. Он переработал огромное количество совершенно сырого материала, архивных документов и рукописных текстов, доведя свое повествование до относительно недалекого времени – начала правящей династии Романовых. Самым страшным и тяжелым был для него девятый том. Именно из-за страха, что царь вдруг передумает и наложит запрет на его печать, Карамзин представил Александру первые восемь томов, в которых особую крамолу найти было сложно. Александр, первый читатель Карамзина, крамолы и не нашел. Но девятый том! После ошеломляющего успеха первых восьми запретить его издание было уже невозможно...

Девятый том был посвящен Ивану Грозному, той страшной русской истории, когда самодержец являет собой не благо, а зло. Карамзину пришлось объяснять, что ужасное царствование Грозного – это пример того, как не нужно управлять государством. И такие отрицательные примеры столь же необходимы, как и положительные. И цензура вынуждена была пропустить в печать эту книгу, где о московском монархе рассказаны ужасающие истории.

С девятого тома крови и злодеяний было описано еще немало, ведь за царствованием Ивана Грозного

следовали короткие правления Федора Иоанновича, Бориса Годунова, Лжедмитрия Первого, Второго, князя Василия Шуйского. Но девятый том был так страшен, что у Карамзина возникло немало врагов, обвинявших его в клевете на русского самодержца. От Александра даже требовали срочно принять меры и сжечь писания Карамзина. Но император не только не внял упрекам сверхчувствительных граждан, но и ободрил историка на дальнейшие труды. По сути, потомок другой правящей династии, он не видел особой крамолы в том, что и среди царей могут оказаться тираны и люди с нездоровой психикой. Многостраничный рассказ о времени Ивана Грозного, может быть, его и покорило, но накладывать запрет на его издание он считал бессмысленным.

Зато девятый том стал особым томом для подрастающего поколения революционеров. По нему они учились ненавидеть царскую власть. Если по выходе первых восьми томов шаловливый Пушкин разразился такой эпиграммой:

В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута,—

то после девятого тома тот же Пушкин резко изменил мнение и называл карамзинскую «Историю» подвигом честного человека.

Работа над «Историей» была долгой, утомительной, но она захватила Карамзина целиком. Даже отвлекаясь на разговоры или какие-то бытовые дела, он продолжал держать события в голове, не в силах остановить мысли. Выдавшийся с ним в Петербурге Сербинович расска-

зывает, что труд этот шел часто по вдохновению — Карамзин записывал текст целыми страницами, но ему приходилось вести много подготовительной работы, сверять рукописные источники, делать немало выписок, отбирать то, что должно войти в книгу, а что окажется в примечаниях. «Черновые листы „Истории“ в первоначальном их виде, — писал Сербинович, — подвергались большим переделкам или перемеркам; целые строки бывали перечеркиваемы и заменяемы новыми строками; даже случалось видеть, что и между этих строк вставлены были другие слова и выражения вместо зачеркнутых, в такой степени, что только глаз, привычный к его почерку, может надлежащим образом разобрать и прочесть все. А между тем он никогда не упускал означать *в строках меж скобками* название сокращенное источника с указанием страниц. Все такие места непременно требовали собственноручной его переписки; затем являлись и перебеленные им целые главы, с указанием уже на полях книг и страниц, откуда взяты события».

Сам Карамзин в начале своей «Истории» указал, какого рода материалами (кроме сочинений современных авторов) пользовался: это летописи («Повесть временных лет» в разных списках, Ипатьевский, Хлебниковский, Кенигсбергский, Ростовский, Воскресенский, Львовский, Архивский, Никоновский летописные своды), Степенная книга, сочиненная в царствование Иоанна Грозного, «Хронографы, или Всеобщая история по византийским летописям», жития святых в патерике, в прологах, в минеях, в особенных рукописях, старинные дееписания, разрядные книги, родословные книги, письменные каталоги митрополитов и епископов, послания святителей к князьям, духовенству и ми-

рянам, грамоты и душевные записи, статейные списки, иностранные хроники (византийские, скандинавские, немецкие, венгерские, польские) и записки путешественников, посещавших Русь или Московское царство, государственные бумаги иностранных архивов, а также предметы материальной культуры и фольклорные тексты.

В примечаниях к первому тому он пространно поясняет значимость каждого из таких источников. Подобная работа требовала не только усердия и кропотливости, но и специальных знаний, которыми ему пришлось овладеть,— так, он освоил палеографию, сфрагистику и прочие вспомогательные дисциплины, которые позволяли работать с таким обилием древнего наследия. К этой части своих занятий никого он, конечно, не подпускал. Разве что по его просьбе делались переводы с древних иноязычных текстов.

Но всю основную работу делал он сам. Как рассказывает Сербинович, «в семействе он читал только некоторые интереснейшие места супруге, с которой, как сам говорит, жил в одну мысль, в одно чувство. Окончательно она же переписывала если не все, то очень многие главы „Истории“: эту обязанность впоследствии стала разделять с ней старшая дочь его Софья Николаевна, а потом уже и Екатерина Николаевна. Таким образом переписанное подносилось и государю. Из московской жизни Николая Михайловича я знаю от Екатерины Андреевны, что, когда он занимался „Историею“ и жил еще в доме своего тестя, все утро было посвящено этой работе; что даже он не обедал с семейством, а приносили ему кушать в кабинет, где после умеренной своей трапезы он отдохнет, бывало, на короткое время и опять возвращается к

труду, и только с наступлением вечера проводит время уже исключительно в семействе с близкими родными и знакомыми.

...В Петербурге он вставал в 9 часу утра и всякий день в 10 часу делал довольно большую прогулку: здесь не мешает прибавить, что он всегда с самого начала дня был совершенно одет и не надевал шлафрока иначе как уже к ночи, ложась спать. Когда он жил в доме Екатерины Федоровны Муравьевой у Аничкова мосту и потом на Моховой в доме Межуева, то гулял обыкновенно по Фонтанке до Прачечного моста, иногда и по Дворцовой набережной и по Невскому проспекту; когда ж погода не позволяла, прогулка ограничивалась Невским проспектом. Большею частью он гулял один, иногда ж случалось видеть его с одною из дочерей. Помню, что зимою он был в темно-зеленой бекеше с бобровым воротником, в теплых темного цвета перчатках и с тростью в руке...

Возвратясь домой, Николай Михайлович садился за работу свою и занимался ею без отдыха до самого обеда, то есть до 5 часов. Случалось, однако ж, что постоянное занятие его было прерываемо визитами лиц, которым он не мог отказывать. С другой стороны, хотя и очень редко, необходимость требовала, чтобы перед обедом он сам сделал кому-либо посещение. Эти исключения были всегда ему очень тягостны.

После обеда он обыкновенно отдыхал с полчаса или с четверть часа на диване в полулежачем положении. «Мне только нужно немного забыться, чтобы освежить себя», — говаривал он. После короткого сна следующее время у него назначено было для чтения полученных в тот день русских, французских и не-

мецких газет, а также и журналов, какие ему доставлялись.

Затем он приходил в гостиную, где семейство и добрые знакомые ожидали его. Тут приезжали друзья, ученые, литераторы и люди государственные или те молодые таланты, которым суждено было впоследствии занять важнейшие государственные места. Разговор шел обо всех предметах, которые могли интересовать русского гражданина и образованного человека... Ложился спать обыкновенно в 12 часу, но приятная беседа с друзьями длилась иногда и далеко за полночь....

Николай Михайлович работал сам, не диктуя никому. Во время последней его болезни, с января по май 1826 года, когда бывало ему легче и он говорил, что у него в голове много роится мыслей, много приходит соображений о предметах политических, нравственных, литературных, ему предлагали диктовать кому-нибудь, но он отвечал: „Нет, к этому я не привык, и когда передам бумаге мои мысли, то не иначе как с пером в руке“. Он и перебеливал сам. Окончательно (как уже сказано) переписывали набело Екатерина Андреевна и старшие дочери, а в последние годы А. И. Тургенев присылал ему писцов из Канцелярии, которые занимались у него в кабинете переписыванием одних примечаний и уже считали себя счастливыми.

Сотрудников для „Истории“ он не имел, а пользовался выписками и переводами разных документов и отрывков, присылаемыми от государственного канцлера графа Румянцева, от директора Императорской Публичной библиотеки Оленина, от А. Ф. Малиновского, Бантыш-Каменского, Калайдовича и многих других».

Так что без всякой снисходительности можно сказать, что работа была каторжная. Но он ее жаждал. Он в ней нуждался. Без нее терялся смысл его существования.

Первые книги еще при жизни историка были переведены на европейские языки. Последний, двенадцатый том изданным он так и не увидел. Не увидел этого тома и император. 1 сентября 1825 года Карамзин простился с отъезжавшим в Таганрог Александром. «Вы не можете более ничего откладывать и должны еще столько сделать, чтобы конец вашего царствования был достоин его прекрасного начала», — сказал он императору, Александр обнял историка, на том и расстались.

Карамзин вновь погрузился в работу. Он никуда не выезжал, даже не посещал Гатчину, чтобы встретиться с императрицей. «Работа сделалась для меня опять сладка: знаешь ли, что я с слезами чувствую признательность к небу за свое историческое дело? Знаю, что и как пишу; в своем тихом восторге не думаю ни о современниках, ни о потомстве: я независим и наслаждаюсь только своим трудом, любовью к отечеству и человечеству. Пусть никто не будет читать моей „Истории“: она есть, и довольно для меня», — писал он Дмитриеву.

Но это счастье от занятия любимым делом вдруг резко и трагично оборвалось. Из Таганрога пришло известие о неожиданной смерти Александра. События стали развиваться стремительно и ужасно. 14 декабря началось восстание. Историк надел парадный придворный мундир и отправился на Сенатскую площадь, то ли надеясь остановить кровопролитие, то ли хотя бы запечатлеть событие в памяти...

Его осмысленная жизнь началась с французского Конвента, конец его жизни совпал с восстанием декабристов. К этому времени Карамзин равно разочаровался как в способностях аристократии создать нормальное государственное устройство, так и в возможностях молодого дворянского поколения изменить строй по примеру республиканскому. «Аристократы, сервиллисты хотят старого порядка, ибо он для них выгоден. Демократы, либералисты хотят нового беспорядка — ибо надеются воспользоваться им для своих личных выгод», — к такому выводу он пришел. Первые хотят править «палицей», то есть принуждением и устрашающими мерами, вторые — на словах говорят о всеобщем счастье, но «есть ли счастье там, где есть смерть, болезни, пороки, страсти»?

С сенатскими бунтарями Карамзин был хорошо знаком. Многих он любил и уважал, но не принимал их методов, при помощи которых они желали достичь этого всеобщего благоденствия. В торжество общечеловеческой утопии он и вовсе не верил: «Основание гражданских обществ неизменно: можете низ поставить наверху, но будет всегда низ и верх, воля и неволя, богатство и бедность, удовольствие и страдание». Сенатское восстание представлялось ему бессмыслицей.

Сербинович говорил об этом событии так: «С кротостию нрава, с миролюбием, с полным к каждому доброжелательством, с уважением к заслугам и старшинству, Николай Михайлович соединял постоянство в чувствах родства и дружбе и великую твердость духа в опасностях как физических, так и нравственных: известно, что в 14 день декабря 1825 г., желая собственными глазами удостовериться, где государь, чтобы потом успокоить императрицу Марию, он вышел из

дворца на Адмиралтейскую площадь, искал его глазами, принужден был вмешаться в толпу народа и лично подвергался оскорблениям людей или злонамеренных или обманутых злонамеренными, которых старался образумить. Здесь-то он, будучи по-тогдашнему в чулках и башмаках, получил ту простуду, которая расстроила окончательно его здоровье. Любя государя всей душою, он никогда не боялся подвергнуться явной немилости его, высказывая правду так, как был убежден относительно пользы России. Он никогда не скрывал своего образа мыслей, не заботясь о людских пересудах, хотя и знал, что люди иных убеждений составят об нем превратное мнение. И действительно были такие, которые, даже по издании „Истории государства Российского“, старались выставлять его как преданного новизнам вредного либерализма (особенно после появления IX тома); были другие, особенно из нового поколения, которые сильно восставали против него за приверженность к самодержавию».

«Любя государя»? Александра — да, но только не Николая. Выгнать не слишком здорового уже человека на пронизывающий холод, который был в тот роковой день, могла лишь забота об императрице (она волновалась за Николая Павловича) и надежда, что все еще можно остановить, исправить, обратиться к благу.

Из похода на Сенатскую площадь ничего не получилось. Рассказывали, что он подходил к восставшим и умолял их разойтись, чтобы не проливать невинной крови. «Видел ужасные лица, слышал ужасные слова, камней пять-шесть упало к моим ногам», — записал историк для себя. Остановить восставших он не мог. Ответственность за этот бунт молодых дворян он мучительно ощущал: это поколение выросло из его читателей. На

его «Историю» как источник идей, породивших восстание, декабристы ссылались потом на допросах.

Самому Карамзину посещение Сенатской площади стоило жизни. Погода была скверная, историк был без шляпы, его длинные седые волосы развевались на ветру, долгое время он пытался уговорить то одного, то другого, охрип, простудился и тяжело заболел. Простуда усугубилась еще и невыносимым чувством вины: он должен был спасти этих юношей, остановить их, но не нашел нужных слов.

Карамзин через силу поехал к Николаю, умоляя пощадить восставших. Но найти общего языка с новым царем тоже не сумел. Тот предпочитал аресты, допросы и наказания. Историк и до этого уже чувствовал себя подавленно, смерть Александра оказалась для него тяжелым ударом. А теперь рушилась надежда, что самодержавие способно вести процветающую страну в будущее. Дворяне, которых он считал опорой самодержавия, жаждали не самодержавия, а конституции.

Переживания, болезнь, тяжелые размышления — все это надолго лишило его сил. Писать он больше не мог. Жить, кажется, тоже. Вот если бы уехать, как в юности, куда-нибудь далеко, может быть, в Италию, залечить душевные раны и телесные недуги на вольном средиземноморском воздухе... Непривыкший вести праздную жизнь, он даже стал просить у Николая места во флорентийской дипломатической миссии, по слухам, там как раз образовалась вакансия.

К чести Николая Павловича стоит сказать, тот возмутился этим искательством Карамзина и велел готовить корабль, чтобы отвезти больного историка и полностью оплатить все его расходы. Даже послал к больному Карамзину его друга и тоже придворного человека поэта

Жуковского, чтобы тот напомнил историку о немеркнущей славе и корабле, который ждет часа, дабы отвезти его в Италию.

Карамзин вроде бы обрадовался, но вместо того, чтобы строить планы о средиземноморском отдыхе, стал просить за Пушкина — пусть Жуковский похлопочет и передаст Николаю его пожелание: нужно бы отпустить поэта из деревенской ссылки. Просьбу эту Николай выполнил: Пушкину разрешили вернуться в столицу. Но ни денег на поездку, ни корабля — ничего этого историку уже не потребовалось. Карамзин не дожид до начала серого северного лета. Он умер в мае 1826 года. А вскоре в Петропавловской крепости были повешены пятеро организаторов сенатского восстания. Остальные отправились этапом в Сибирь. Просить за этих несчастных было уже некому. И не у кого. Николай Павлович мог выделить для Карамзина фрегат, мог отпустить из ссылки несносного Пушкина, но посягнувших на самодержавную власть никогда бы не помиловал.

Уже после смерти Карамзина был издан последний, двенадцатый том, собранный по его рукописям и заметкам. С этого времени «История» периодически переиздавалась. Сторонники и противники вроде бы притихли и примирились. Но спустя еще пару лет благодаря усилиям Погодина, который прежде искал в трудах Карамзине только несообразности, возникло почвенническое русское направление. Оно подняло труды Карамзина как штандарт. От многого, что проповедовали эти историки, Карамзин, наверное, открестился бы. Он видел в самодержавии благо, но в то же время вовсе не считал русских каким-то избранным народом-миссионером. Своих современников он пытал-

ся убедить, что русские не хуже немцев, французов и англичан, но никогда бы ему в голову не пришло, что они — лучше! Последователи же как раз считали, что лучше. И для вящей убедительности шпарили цитатами из Карамзина.

Такой странной оказалась судьба его «Истории», что спор между сторонниками и противниками длится и до сих пор. И в наши дни Карамзина пытаются читать, выискивая кто необходимость реставрации монархии, кто особую миссию русского человека, кто принудительное введение православия — сколько одержимых собственными идеями читателей, столько и Карамзиных. Каждый изымает из него то, что ему кажется наиболее звучным собственным теориям.

Своего вывода о том, что такое «История» Карамзина, я делать не стану. Лучше приведу слова критика XIX века Виссариона Белинского, который, при всей своей революционной направленности и ядовитом языке, предпочел не растоптать эту первую русскую «Историю» для русской же публики, а защитить от нападок.

«Карамзин воздвигнул своему имени прочный памятник „Историю государства Российского“, хотя и успел довести ее только до избрания на царство дома Романовых. Как всякий важный подвиг ума и деятельности, исторический труд Карамзина приобрел себе и безусловных, восторженных хвалителей, и безусловных порицателей. Разумеется, те и другие равно далеки от истины, которая в середине. Для Карамзина уже настало потомство, которое, будучи чуждо личных пристрастий, судит ближе к истине. Главная заслуга Карамзина как историка России состоит совсем не в том, что он написал истинную историю России, а в том, что

он создал *возможность в будущем* истинной истории России. Были и до Карамзина опыты написать историю, но тем не менее для русских история их отечества оставалась тайною, о которой так или сяк толковали одни ученые и литераторы. Карамзин открыл целому обществу русскому, что у него есть отечество, которое имеет историю, и что история его отечества должна быть для него интересна, и знание ее не только полезно, но и необходимо. Подвиг великий! И Карамзин совершил его не столько в качестве исторического, сколько в качестве превосходного беллетрического таланта. В его живом и искусном *литературном* рассказе вся Русь прочла историю своего отечества и в первый раз получила о ней понятие. С той только минуты сделались возможными и изучение русской истории, и ученая разработка ее материалов; ибо только с той минуты русская история сделалась живым и всеобщим интересом.

Повторяем: великое это дело совершил Карамзин преимущественно своим превосходным беллетрическим талантом. Карамзин вполне обладал редкою в его время способностью говорить с обществом языком общества, а не книги. Бывшие до него историки России не были известны России, потому что прочесть их историю могло только одно испытанное школьное терпение. Они были плохи, но их не бранили.

История Карамзина, напротив, возбудила против себя жестокую полемику. Эта полемика особенно устремляется на собственно историческую, или фактическую, часть труда Карамзина. Большая часть указаний критиков дельна и справедлива; но укоризненный тон их делает вреда больше самим критикам, нежели Карамзину. Труд его должно рассматривать не безусловно, а прини-

мая в соображение разные временные обстоятельства.

Карамзин, воздвигая здание своей истории, был не только зодчим, но и каменщиком, подобно Аристотелю Фиоравенти, который, воздвигая в Москве Успенский собор, в то же время учил чернорабочих обжигать кирпичи и растворять известь. И потому фактические ошибки в истории Карамзина должно замечать для пользы русской истории, а обвинять его за них не должно. Гораздо важнее разбор его понятий об истории вообще и взгляд его на историю России в частности, равно как и манера его повествовать.

Но и здесь должно брать в соображение временные обстоятельства: Карамзин смотрел на историю в духе своего времени — как на поэму, писанную прозою. Заняв у писателей XVIII века их литературную манеру изложения, он был чужд их критического, отрицающего направления. Поэтому он сомневался как историк только в достоверности некоторых фактов; но несколько не сомневался в том, что Русь была государством еще при Рюрике, что Новгород был республикою, на манер карфагенской, и что с Иоанна III Россия является государством, столь органическим и исполненным самобытного, богатого внутреннего содержания, что реформа Петра Великого скорее кажется возбуждающею соблезнование, чем восторг, удивление и благодарность...

И однако ж мы далеки от детского намерения ставить в упрек Карамзину то, что было недостатком его времени. Нет, лучше воздадим благодарность великому человеку за то, что он, дав средства сознать недостатки своего времени, двинул вперед последовавшую за ним эпоху. Если когда-нибудь явится удовлетвори-

тельная история России,— этим обязано будет русское общество историческому же труду Карамзина, упрочившему возможность явления истинной истории России. Но и тогда „История“ Карамзина не перестанет быть предметом изучения и для историка, и для литератора, и новый историк России не раз сошлется на нее в труде своем... Как памятник языка и понятий известной эпохи, „История“ Карамзина будет жить вечно».

Часть первая

ПОРТРЕТЫ ВЛАСТИТЕЛЕЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ 962—1174

НАРОДЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ ?—962

Первые сведения о народах, населявших Восточно-Европейскую равнину, говорит Карамзин, пришли от греков. В те времена, когда Греция была уже вполне цивилизованной страной, эти народы были еще дикими и погруженными в глубину невежества, никаких исторических памятников они не оставили. Греки проникли через Босфор и Геллеспонт в Черное море и основали фактории на новых для них землях. В глубины земель, лежащих за пределами побережья, греки не совались — там обитали местные и практически неизвестные грекам племена. Гомер в «Одиссее» называет жителей будущей Южной России киммерианами (киммерийцами в современном правописании). Их землю он изображает «покрытой облаками и туманом: ибо солнце не озаряет сей печальной страны, где беспрестанно царствует глубокая ночь».

Карамзин считал, что этот миф о Киммерийских мраках породил название самого Черного моря. Те же греки выдумали также гиперборейцев — жителей отдаленного Севера, живших за Рифейскими горами «в

счастливом спокойствии, в странах мирных и веселых, где бури и страсти неизвестны; где смертные питаются соком цветов и росой, блаженствуют несколько веков и, насытая жизнь, бросаются в волны морские».

Рифейские горы он почитал за выдуманные и преу-преждал, что не стоит их отождествлять с Уральскими. Не стоит, по Карамзину, искать и страну гипербореев, как и их самих, — существование столь удивительного народа в столь удивительной земле он относил к разряду сказок.

Постепенно место мифологии заступила реальность: греки стали путешествовать на север. Гипербореев они там не встретили, но столкнулись со скифами и вытесненными ими западнее германскими племенами. Еще через пару веков они уже различали, кроме скифов, также агафирсов (в Седмиградской области или Трансильвании), невров (в Польше), андрофагов и меланхленов в России (эти были каннибалами и близко знакомиться с ними грекам не хотелось). Восточнее жили сарматы (савроматы), «будины, гелоны (народ греческого происхождения, имевший деревянную крепость), ирки, фиссагеты (славные звероловством), а также бежавшие еще восточнее от своих соплеменников царские скифы.

Греческие торговые караваны доходили только до Уральских гор. О народах, живущих по ту сторону гор, доходили только легенды — и про людей на полгода впадающих в спячку, и про исседонов, в землях которых грифы стерегут золото, и про людей с козьими ногами, и про циклопов, но иногда с той стороны гор на равнину выплескивались вполне реальные орды массагетов. Греки их видели и описывали одежду и вооружение. Греки не желали особенно разбираться в этническом составе северных земель: всех, кто жил к северу от Черного мо-

ря, они называли скифами, а их землю — Скифией. Греки наладили со скифами контакты, торговали, но попытки просветить этот народ обычно кончались плачевно.

Во времена правления Филиппа, отца Александра Македонского, скифы были разбиты, а на их земли со временем пришли геты и сарматы. Скифской державы, да и самих скифов как народа не осталось — только имя. Их именем греки и римляне продолжали называть новые народы к северу от моря. Но прошло время, и утвердилось новое наименование для жителей этих мест — сарматы. По римской географии, они жили от Германии до Каспийского моря. Римляне считали, что сарматы — единый народ, состоящий из множества племен, но говорящий на одном языке. К сарматам они причисляли роксоланов, язвигов, аланов, аорсов, сираков и прочих.

В III веке с севера на юг, от Балтийского к Черному морю, стали двигаться готы. Век спустя император Германарих основал государство, простиравшееся от Балтики до Тавриды. Именно ему, по словам хрониста Иордана, удалось покорить балтские племена эстов и герулов и соседствующие с ними племена венедов, которых он считал славянами.

«Во время Плиния и Тацита, — пишет Карамзин, — или в первом столетии, венеды жили близ Вислы и граничили к югу с Дакиею. Птолемей, астроном и географ второго столетия, полагает их на восточных берегах моря Балтийского, сказывая, что оно издревле называлось *Венедским*. Следственно; ежели славяне и венеды составляли один народ, то предки наши были известны и грекам, и римлянам, обитая на юге от моря Балтийского. Из Азии ли они пришли туда и в какое время, не знаем.

Мнение, что сию часть мира должно признавать колыбелию всех народов, кажется вероятным, ибо, согласно с преданиями священными, и все языки европейские, несмотря на их разные изменения, сохраняют в себе некоторое сходство с древними азиатскими; однако ж мы не можем утвердить сей вероятности никакими *действительно историческими* свидетельствами и считаем венедов европейцами, когда история находит их в Европе. Сверх того они самыми обыкновениями и нравами отличались от азиатских народов, которые, приходя в нашу часть мира, не знали домов, жили в шатрах или *колесницах* и только на конях сражались: Тацитовы же венеды имели дома, любили ратоборствовать пешие и славились быстротою своего бега».

В конце IV столетия началось неожиданное переселение гуннов, которое полностью перекроило карту Западной и Восточной Европы. Современники описывали нашествие гуннов как страшную беду. Под ударами воинов Аттилы пал Рим, славянские племена венедов и антов попали под власть гуннов, а южные земли, по Карамзину, обратились в пустыню, где скитались остатки разнообразных племен.

На берега Дуная с востока пришли угры и болгары — там они и осели. Карамзин считал, что движение гуннов заставило сойти со своих мест и многочисленные славянские племена, которые прежде сидели по лесам и были неизвестны римским историкам. Эти племена после исчезновения гуннов расселились как по Западной Европе, так и по Восточной и стали уже племенами известными, они получили общее имя славян.

Карамзин выводил это именование от слова «слава», якобы славяне были хорошими воинами. «Уже в конце пятого века,— сообщает историк,— летописи Византий-

ские упоминают о славянах, которые в 495 году дружелюбно пропустили через свои земли немцев-герулов, разбитых лонгобардами в нынешней Венгрии и бежавших к морю Балтийскому; но только со времен Юстиниановых, с 527 года, утвердись в Северной Дакии, начинают они действовать против империи, вместе с угорскими племенами и братьями своими антами, которые в окрестностях Черного моря граничили с болгарами.

Ни сарматы, ни готфы, ни самые гунны не были для империи ужаснее славян. Иллирия, Фракия, Греция, Херсонес — все страны от залива Ионического до Константинополя были их жертвою; только Хильвуд, смелый Вождь Юстинианов, мог еще с успехом им противоборствовать; но славяне, убив его в сражении за Дунаем, возобновили свои лютые нападения на греческие области, и всякое из оных стоило жизни или свободы бесчисленному множеству людей, так южные берега Дунайские, облитые кровию несчастных жителей, осыпанные пеплом городов и сел, совершенно опустели. Ни легионы римские, почти всегда обращаемые в бегство, ни великая стена Анастасиева, сооруженная для защиты Царяграда от варваров, не могли удерживать славян, храбрых и жестоких.

Империя с трепетом и стыдом видела знамя Константиново в руках их. Сам Юстиниан, совет верховный и знатнейшие вельможи должны были с оружием стоять на последней ограде столицы, стене Феодосиевой, с ужасом ожидая приступа славян и болгаров ко вратам ее. Один Велисарий, посевший в доблести, осмелился выйти к ним навстречу, но более казною императорскою, нежели победою, отвратил сию грозную тучу от Константинополя. Они спокойно жительствова-
вали в империи, как бы в собственной земле своей, уве-

ренные в безопасной переправе чрез Дунай: ибо гепиды, владевшие большею частию северных берегов его, всегда имели для них суда в готовности.

Между тем Юстиниан с гордостью величал себя *Антическим*, или *Славянским*, хотя сие имя напоминало более стыд, нежели славу его оружия против наших диких предков, которые беспрестанно опустошали империю или, заключая иногда дружественные с нею союзы, занимались служить в ее войсках и способствовали их победам».

Воинственными оказались не только славяне. В середине VI века с востока по Европе прошли орды аваров, подчинив себе огромную территорию от Волги до Эльбы. Византии удалось договориться с аварами и их руками начать подчинение славянских племен, которые очень мешали этой стране спокойно существовать. Аварского хана, подчинившего славянские дунайские племена, именовали — по Карамзину — Баяном.

Осколком древних аваров историк считал кавказских аваров и приводил интереснейший пассаж. Якобы в 1727 году тамошний князек Усмей-Авар сильно захотел дружить с русскими и отправился в стан тогдашнего русского войска. Он всячески заверял русских, что слухи об их победах призвали его поглядеть на таких славных воинов, и припамятовал, что еще его предки в давние времена получили грамоту от русского царя и с его помощью вернули себе княжеское достоинство и земли. Начальник войска, узнав, что эта грамота хранится в семье князька как священная реликвия, решил посмотреть на такую диковину. Каково ж было его удивление, когда князек предъявил документ: это и вправду оказалась грамотка, но выданная...ханом Батыем!

Авары в XIII веке уже прочно занимали свою нишу на Кавказе. Но во времена более древние они владели огромной территорией, которую позже потеряли: на Дунае аваров вытеснили угры, которые взяли себе имя аваров — такая вот история. И авары, и угры были народами не менее воинственными, чем славяне.

Но не все славяне, от зверств которых содрогалась южная Европа, были жестокими воинами. Однажды, приводит историк византийский источник, «греки взяли в плен трех чужеземцев, имевших, вместо оружия, кифары, или гусли. Император спросил, кто они? Мы — славяне, ответствовали чужеземцы, и живем на отдаленнейшем конце Западного океана (моря Балтийского). Хан аварский, прислав дары к нашим старейшинам, требовал войска, чтобы действовать против греков. Старейшины взяли дары, но отправили нас к хану с извинением, что не могут за великою отдаленностью дать ему помощи. Мы сами были 15 месяцев в дороге. Хан, невзирая на святость посольского звания, не отпускал нас в отечество. Слыша о богатстве и дружелюбии греков, мы воспользовались случаем уйти во Фракию. С оружием обходиться не умеем и только играем на гуслиях. Нет железа в стране нашей: не зная войны и любя музыку, мы ведем жизнь мирную и спокойную.

Император дивился тихому нраву сих людей, великому росту и крепости их: угостил послов и доставил им способ возвратиться в отечество.

Такое миролюбивое свойство балтийских славян, — добавляет Карамзин, — во времена ужасов варварства, представляет мыслям картину счастья, которого мы обыкли искать единственно в воображении. Согласие византийских историков в описании сего происшествия доказывает, кажется, его истину, утверждаемую и самыми тогдаш-

ними обстоятельствами севера, где славяне могли наслаждаться тишиною, когда германские народы удалились к югу и когда разрушилось владычество гуннов».

Постепенно, воспользовавшись моровой язвой, стывшей треть населения Пелопонесса, славяне расселились по Греции, основали поселения в центральной и юго-восточной Европе.

Но в VII веке дунайские славянские племена были вытеснены усилившимся Болгарским царством. Их потеснили болгары и волохи, впрочем последним тоже не удалось удержать большой территории — их согнали с земли угры белые. Славянам же пришлось переселяться на относительно свободные восточные земли. Таким образом, часть южных славян перешла на территорию Поднепровья. Пришедшие не были чуждым этносом: на этой территории жили родственные им племена.

О происхождении славян историк говорит так: «Может быть, еще за несколько веков до Рождества Христова под именем венедов (Карамзин относительно именованья венедов дает ссылку, что, вероятно, название произошло от немецкого глагола «венден» — переходить в места на место, это есть венеды были вынуждены часто менять место жительства) известные на восточных берегах моря Балтийского, Славяне в то же время обитали и внутри России; может быть Андрофаги, Меланхлены, Невры Геродотовы принадлежали к их племенам многочисленным. Самые древние жители Дакии, Геты, покоренные Траяном, могли быть нашими предками: сие мнение тем вероятнее, что в Русских сказках XII столетия упоминается о счастливых воинах Траяновых в Дакии, и что Славяне Российские начинали, кажется, свое летосчисление от времени сего мужественного Императора.

Заметим еще какое-то древнее предание народов Славянских, что праотцы их имели дело с Александром Великим, победителем Гетов. Но Историк не должен предлагать вероятностей за истину, доказываемую только ясными свидетельствами современников. Итак, оставляя без утвердительного решения вопрос: «Откуда и когда Славяне пришли в Россию?», опишем, как они жили в ней задолго до того времени, в которое образовалось наше Государство».

Карамзин считал, что невозможно восстановить пути расселения славян и доказать их автохтонность или неавтохтонность в первые века нашей эры, но можно обозначить ареалы расселения для более позднего времени. В этом вопросе он честно следует начальной русской летописи «Повести Временных лет».

«Повесть» обозначала расселение славян так: «Так же и эти славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие — древлянами, потому что сели в лесах, а другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами, по речке, впадающей в Двину, именуемой Полота, от нее и назвались полочане. Те же славяне, которые сели около озера Ильменя, назывались своим именем — славянами, и построили город, и назвали его Новгородом. А другие сели по Десне, и по Сейму, и по Суле, и назвались северянами».

Карамзин комментирует Нестора так: «Многие Славяне, единоплеменные с Ляхами, обитавшими на берегах Вислы, поселились на Днепре в Киевской губернии и назвались *Полянами* от чистых *полей* своих. Имя сие исчезло в древней России, но сделалось общим именем Ляхов, основателей Государства Польского. От сего же племени Славян были два брата, Радим и Вятко, глава-

ми Радимичей и Вятичей: первый избрал себе жилище на берегах Сожа, в Могилевской Губернии, а второй на Оке, в Калужской, Тульской или Орловской. Древяне, названные так от лесной земли своей, обитали в Во-лынской Губернии; Дулебы и Бужане по реке Бугу, впадающему в Вислу; Лутичи и Тивирцы по Днестру до самого моря и Дуная, уже имея *города* в земле своей; Белые Хорваты в окрестностях гор Карпатских; Северяне, соседи Полян, на берегах Десны, Семи и Сулы, в Черниговской и Полтавской Губернии; в Минской и Витебской, между Припятью и Двиною Западною, Дреговичи; в Витебской, Псковской, Тверской и Смоленской, в верховьях Двины, Днепра и Волги, Кривичи; а на Двине, где впадает в нее река Полота, единоплеменные с ними Полочане; на берегах же озера Ильменя собственно так называемые Славяне, которые *после* Рождества Христова основали Новгород».

Разрыва во времени между основанием этих двух он практически не дает, в следующем же предложении добавляя, что примерно в это же время был основан и Киев.

Согласно той же летописи, Киев был основан Кием, его братьями и сестрой: «Братья Кий, Щек и Хорив, с сестрою Лыбедью, жили между Полянами на трех горах, из коих две слынут по имени двух меньших братьев, Щековицею и Хоривицею; а старший жил там, где ныне (в Несторово время). Они были мужи знающие и разумные; ловили зверей в тогдашних густых лесах Днепровских, построили город и назвали оный именем старшего брата, т. е. *Киевом*. Некоторые считают Кия перевозчиком, ибо в старину был на сем месте перевоз и назывался Киевым; но Кий начальствовал в роде своем: ходил, как сказывают, в Константинополь и приял великую честь от Царя Греческого; на возврат-

ном пути, увидев берега Дуная, полюбил их, срубил городок и хотел обитать в нем; но жители Дунайские не дали ему там утвердиться, и доныне именуют сие место *городищем Киевцом*. Он скончался в Киеве, вместе с двумя братьями и сестрою».

Историк, впрочем, считал существование этой семьи основателей мифической. «Имя Киева,— замечает он,— горы Щековицы — ныне Скавицы — Хоривицы, уже забытой, и речки Лыбеди, впадающей в Днепр недалеко от новой Киевской крепости, могли подать мысль к сочинению басни о трех братьях и сестре их: чему находим многие примеры в Греческих и Северных повествователях, которые, желая питать народное любопытство, во времена невежества и легковерия, из географических названий составляли целые Истории и Биографии».

Однако Карамзин добавляет, что из самой легенды следует, что Киев был основан задолго до начала русско-византийских войн и что дулебы, поляне днепровские, лутичи и тивирцы могли участвовать в этих войнах на стороне угнетаемых дунайских славян. Нестор относит основание Киева к 854 году. Современный Карамзину историк Щербатов считал, что на самом деле было построено несколько городков: Хорив воздвиг Хоривицу, Щек — Щековицу, а Лыбедь — городок Лыбедь, и все это кроме Киева.

Чушь, говорит Карамзин, не было таких городов в России, был один Киев. И кто его строил — неизвестно. Между прочим, он дает по византийским источникам и другое имя города — Самватас. Причем, Константин Багрянородный утверждал, что именно так называют город сами его жители. Нестор такого наименования не знает. Но Нестору нужно верить в одном: к десятому

веку город уже существовал. Из всех возможных источников «Повесть» — наиболее достоверный.

А вот в приводимую Татищевым Иоакимовскую летопись и легенду об основании Новгорода Карамзин не верит нисколько. Саму летопись он считал подделкой позднего времени, которую принял за реальный первоисточник его предшественник.

По Иоакимовской летописи, история славян выглядела ничем не хуже библейской: «О князях русских старобытных монах Нестор плохо знал, какие дела свершали славяне в Новгороде, а святитель Иоаким, хорошо знающий, написал, что сыны Иафетовы и внуки отделились, и один от князь, Славен с братом Скифом, ведя многие войны на востоке, идя к западу, многие земли у Черного моря и Дуная себе покорили. И от старшего брата прозвались славяне, а греки их либо похвально алазоны, либо поносно амазоны (что значит жены без титек) именовали, как о том стихотворец древний Ювелий говорит.

Князь Славен, оставив во Фракии и Иллирии около моря по Дунаю сына Бастарна, пошел к полуночи и град великий создал, во свое имя Славенск нарек. А Скиф остался у Понта и Меотиса в пустынях обитать, питаясь от скота и грабительства, и прозвалась страна та Скифия Великая. После сего Вандал послал на запад подвластных своих князей и свойственников Гардорика и Гунигара с великими войсками славян, руси и чуди.

И сии уйдя, многие земли завоевав, не возвратились. А Вандал разгневался на них, все земли их от моря до моря себе подчинил и сынам своим передал. Он имел три сына: Избора, Владимира и Столпосвята. Каждому из них построил по городу, и в их имена нарек, и всю землю им разделив, сам пребывал в Великом граде лета

многие и в старости глубокой умер, а после себя Избору град Великий и братию его во власть передал.

Потом умер Избор и Столпосвят, а Владимир принял власть над всей землей. Он имел жену от варяг Адвинду, очень прекрасную и мудрую, о ней же многое стариками повествуется и в песнях восхваляется.

По смерти Владимира и матери его Адвинды княжили сыновья его и внуки до Буриvoja, который девятым был после Владимира, имена же сих восьми неведомы, ни дел их, разве в песнях древних воспоминают».

Последователи этой точки зрения, в которую Карамзин при всем своем патриотизме не верил, ссылаются в наши дни не только на Иоакимовскую летопись, но также на «Велесову книгу», текст которой стал известен просвещенной публике благодаря так называемым дощечкам Изенбека. Серьезные ученые в дощечки не верят, тем более, что от оных остались только фотоснимки, а сам артефакт сгинул во время последней мировой войны.

Но легенда оказалась весьма живучей. Эх, жаль, что про дощечки ничего не ведал Карамзин, вот бы он рассердился! А ведь те, кто в них верит, как раз считают себя патриотами и защитниками древности славянства!

Легенду о происхождении славян, построивших свой Новгород, хоть и красивую, Карамзин считал, разумеется, легендой. По этой легенде, предки новгородцев владели мало что всей Европой от моря до моря, так еще и воевали во времена Македонского в Египте, Палестине, Греции и подчиняли себе варварские народы. Вот отсюда растут ноги построений Фоменко-Носовского. Карамзин в своих комментариях справедливо называет эту легенду басней.

Карамзин сожалел, что в древних текстах не обозначено времени создания первых городов (кроме Киева и Новгорода), а они, по его разумению, должны были существовать: «Летописец не объявляет времени, когда построены другие Славянские, также весьма древние города в России: Изборск, Полоцк, Смоленск, Любеч, Чернигов; знаем только, что первые три основаны Кривичами и были уже в IX веке, а последние в самом начале X; но они могли существовать и гораздо прежде. Чернигов и Любеч принадлежали к области Северян».

Во всяком случае, на территории Молдавии и Бессарабии имелись города, построенные лутичами. Один из них в позднее время носил название Акермана, но давным-давно он именовался Белым городом. Арабы упоминали также какой-то процветающий торговый центр недалеко от самой Хазарии — Машфат.

К тому же города были не только у славян. На восточно-европейской равнине кроме них жили и другие этносы. «*Меря* вокруг Ростова и на озере Клещине, или Переславском; *Мурома* на Оке, где сия река впадает в Волгу; *Черемиса*, *Мещера*, *Мордва* на юго-восток от Мери; *Ливь* в Ливонии; *Чудь* в Эстонии и на восток к Ладожскому озеру; *Нарова* там, где Нарва; *Ямь* или *Емь* в Финляндии; *Весь* на Белеозере; *Пермь* в Губернии сего имени; *Югра* или нынешние Березовские Остяки на Оби и Сосве; *Печора* на реке Печоре.

Некоторые из сих народов уже исчезли в новейшие времена или смешались с Россиянами; но другие существуют и говорят языками столь между собой сходственными, что можем несомнительно признать их, равно как и Лапландцев, Зырян, Остяков Обских, Чуваш, Вотяков, народами единоплеменными и назвать вообще *Финскими*».

И эти народы, которые совершенно напрасно считались во времена Карамзина дикими, тоже имели свои города: «весь — Белоозеро, меря — Ростов, мурома — Муром».

Близкими соседями были также балтские народы — земгола, литва, летгола, корс. Эти племена были менее развитыми и вынуждены были платить своим соседям дань, как и более северные эсты. В таком положении находились земли от северного до южного морей, когда появились новые завоеватели. С севера на юг двинулись варяги, с юга-востока на юго-запад — хазары.

В VII веке хазары дошли до Византии, охватив огромную территорию между Дунаем и Волгой. Они не могли не зацепить по дороге славянские племена. Для них это была легкая добыча, поскольку племена были разобщены.

С новыми соседями пришлось считаться не только славянским племенам, но и всемогущей Византии. Хазарский каган считался у римлян другом и союзником. «Цари — пишет Карамзин, — искали убежища в их странах, дружбы и родства с Каганами; в знак своего к ним почтения украшались в некоторые торжества одеждою Козарскою и стражу свою составили из сих храбрых Азиатцев. Империя в самом деле могла хвалиться их дружбою; но, оставляя в покое Константинополь, они свирепствовали в Армении, Иверии, Мидии; вели кровопролитные войны с Аравитянами, тогда уже могущественными, и несколько раз побеждали их знаменитых Калифов».

Несомненно, в список хазарских завоеваний вошла и вся южная часть восточно-европейской равнины. Славяне вынуждены были платить опасному соседу дань. Точно так же они сами получали дань со своих со-

седей, ничего неординарного. Приведенной Нестором легенде, что славянские вожди сумели напугать хазар и как-то выпутались из этого рабства, Карамзин совершенно не верил. «Киевляне,— пишет Нестор,— дали своим завоевателям по мечу с дыма и мудрые старцы Козарские в горестном предчувствии сказали: *Мы будем данниками сих людей: ибо мечи их остры с обеих сторон, а наши сабли имеют одно лезвие*».

Басня, отвечает на это историк: летопись составлялась в счастливом веке, когда угроза завоевания и рабства миновала. На самом деле все племена, до которых добрались хазарские военные отряды, платили дань. Впрочем, хазарам пришлось довольствоваться бедной данью — славянские племена не пользовались драгоценными металлами, так что могли платить лишь плодами своего труда и живым товаром — рабами. Под власть новых хозяев попал только юг — до Оки на севере. Но и север тоже не оказался без захватчиков.

РЮРИК, СИНЕУС И ТРУВОР 862—879

Славян, осевших на северных землях, подчинили варяги. Первое их появление датировано летописью 850 годом. Это вообще первая дата, которую приводит Нестор. Данью были обложены все народы севера — чудь, меря, весь и славяне. Очевидно, что эти племена находились в союзе.

Спустя два года местные жители сумели изгнать захватчиков, но тут — по летописи — возникла другая проблема: начались раздоры в стане союзников. И, по лето-

писной легенде, из-за моря были срочно приглашены трое братьев-варягов, чтобы управлять этой многонациональной землей.

Эти призванные чужеземцы происходили, как сообщала летопись, от племени русского. Вот здесь Карамзин и предлагает сначала разобраться, что ж это за племя русское и чем оно отличалось от славянского племени, которое их, собственно, призвало: «Прежде всего решим вопрос: кого именует Нестор Варягами? Мы знаем, что Балтийское море издревле называлось в России *Варяжским*: кто же в сие время — то есть в IX веке — господствовал на водах его? Скандинавы, или жители трех Королевств: Дании, Норвегии и Швеции, единоплеменные с Готфами. Они, под общим именем Норманов или *Северных людей*, громили тогда Европу. Еще Тацит упоминает о мореходстве Свеонов или Шведов; еще в шестом веке Датчане приплывали к берегам Галлии: в конце осьмого слава их уже везде гремела, и флаги Скандинавские, развеваясь пред глазами Карла Великого, смиряли гордость сего Монарха, который с досадою видел, что Норманы презирают власть и силу его.

В девятом веке они грабили Шотландию, Англию, Францию, Андалузию, Италию; утвердились в Ирландии и построили там города, которые донныне существуют; в 911 году овладели Нормандиею; наконец, основали Королевство Неаполитанское и под начальством храброго Вильгельма в 1066 году покорили Англию. Мы уже говорили о древнем их плавании вокруг Норд-Капа, или Северного мыса: нет, кажется, сомнения, что они за 500 лет до Колумба открыли полунощную Америку и торговали с ее жителями.

Предпринимая такие отдаленные путешествия и завоевания, могли ли Норманы оставить в покое страны

ближайшие: Эстонию, Финляндию и Россию? Нельзя, конечно, верить Датскому Историку Саксону Грамматику, именующему Государей, которые будто бы царствовали в нашем отечестве прежде Рождества Христова и вступали в родственные союзы с Королями Скандинавскими: ибо Саксон не имел никаких исторических памятников для описания сей глубокой древности и заменял оные вымыслами своего воображения; нельзя также верить и баснословным *Исландским повестям*, сочиненным, как мы уже заметили, в новейшие времена и нередко упоминающим о древней России, которая называется в них Острагардом, Гардарикиею, Гольмгардом и Грециею: но Рунические камни, находямые в Швеции, Норвегии, Дании и гораздо древнейшие Христианства, введенного в Скандинавии около десятого века, доказывают своими надписями (в коих именуется *Girkia*, *Grikia* или Россия), что Норманы давно имели с нею сообщение.

А как в то время, когда, по известию Несторовой летописи, Варяги овладели странами Чуди, Славян, Кривичей и Мери, не было на Севере другого народа, кроме Скандинавов, столь отважного и сильного, чтобы завоевать всю обширную землю от Балтийского моря до Ростова (жилища Мери), то мы уже с великою вероятностью заключить можем, что Летописец наш разумеет их под именем Варягов. Но сия вероятность обращается в совершенное удостоверение, когда прибавим к ней следующие обстоятельства:

Имена трех Князей Варяжских — Рюрика, Синеуса, Трувора — призванных Славянами и Чудью, суть неоспоримо Норманские: так, в летописях Франкских около 850 года — что достойно замечания — упоминается о трех *Рориках*: один назван Вождем Датчан, другой Ко-

ролем (Rex) Норманским, третий просто Норманом; они воевали берега Фландрии, Эльбы и Рейна. В Саксонне Грамматике, в Стурлезоне и в *Исландских повестях*, между именами Князей и Витязей Скандинавских, находим *Рурика, Рерика, Трувара, Трувфа, Снио, Синия*.

Русские Славяне, будучи под владением Князей Варяжских, назывались в Европе *Норманнами*, что утверждено свидетельством Лиутпранда, Кремонского Епископа, бывшего в десятом веке два раза Послом в Константинополе. «Руссов, говорит он, именуем и Норманнами».

Цари Греческие имели в первом-надесять веке особенных телохранителей, которые назывались *Варягами, βαρσγγοι*, а по-своему *Waringar*, и состояли большею частью из Норманов. Слово *Vaere, Vaga* есть древнее Готфское и значит *союз*: толпы Скандинавских витязей, отправляясь в Россию и в Грецию искать счастья, могли именовать себя Варягами в смысле *союзников* или товарищей. Сие нарицательное имя обратилось в собственное,— Константин Багрянородный, царствовавший в X веке, описывая соседственные с Империею земли, говорит о порогах Днепровских и сообщает имена их на *Славянском* и *Русском* языках. Русские имена кажутся Скандинавскими: по крайней мере не могут быть изъяснены иначе.

Законы, данные Варяжскими Князьями нашему Государству, весьма сходны с Норманскими. Слова *Тиун, Вири* и прочие, которые находятся в *Русской Правде*, суть древние Скандинавские или Немецкие (о чем будем говорить в своем месте).

Сам Нестор повествует, что Варяги живут на море Балтийском к западу, и что они разных народов: Урмяне, Свис, Англяне, Готы. Первое имя в особенности

означает Норвежцев, второе — Шведов, а под Готами Нестор понимает жителей Шведской Готии. Англяне же причислены им к Варягам для того, что они вместе с Норманами составляли Варяжскую дружину в Константинополе. Итак, сказание нашего собственного Летописца подтверждает истину, что Варяги его были Скандинавы.

Но сие общее имя Датчан, Норвежцев, Шведов не удовлетворяет любопытству Историка: мы желаем знать, какой народ, в особенности называясь *Русью*, дал отечеству нашему и первых Государей и само имя, уже в конце девятого века страшное для Империи Греческой?

Напрасно в древних летописях Скандинавских будем искать объяснения: там нет ни слова о Рюрике и братьях его, призванных властвовать над Славянами; однако ж Историки находят основательные причины думать, что Несторовы Варяги-Русь обитали в Королевстве Шведском, где одна приморская область издавна именуется *Росскою*, *Ros-lagen*. Жители ее могли в VII, VIII или IX веке быть известны в землях соседственных под особенным названием так же, как и Готландцы, коих Нестор всегда отличает от Шведов. Финны, имея некогда с *Рослагеном* более сношения, нежели с прочими странами Швеции, доньше именуют всех ее жителей *Россами*, *Ротсами*, *Рютсами*.

Сие мнение основывается еще на любопытном свидетельстве историческом. В Бертинских Летописях, изданных Дюшеном, между случаями 839 года описывается следующее происшествие: «Греческий Император Феофил прислал Послов к Императору Франков, Людовику *Благоуравному*, и с ними людей, которые на

звали себя *Россами* (Rhos), а Короля своего Хаканом (или Гаканом), и приезжали в Константинополь для заключения дружественного союза с Империею. Феофил в грамоте своей просил Людовика, чтобы он дал им способ безопасно возвратиться в их отечество: ибо они ехали в Константинополь чрез земли многих диких, варварских и свирепых народов: для чего Феофил не хотел снова подвергнуть их таким опасностям. Людовик, расспрашивая сих людей, узнал, что они принадлежат к народу *Шведскому*.

Гакан был, конечно, одним из Владетелей Швеции, разделенной тогда на маленькие области, и, сведав о славе Императора Греческого, вздумал отправить к нему Послов. Сообщим и *другое* мнение с его доказательствами. В *Степенной Книге* XVI века и в некоторых новейших летописях сказано, что Рюрик с братьями вышел из *Пруссии*, где издавна назывались Курский залив *Русною*, северный рукав Немана, или Мемеля, *Руссою*, окрестности же их *Порусьем*.

Варяги-Русь могли переселиться туда из Скандинавии, из Швеции, из самого Рослагена, согласно с известиями древнейших Летописцев Пруссии, уверяющих, что ее первобытные жители, Ульмиганы или Ульмигеры, были в гражданском состоянии образованы Скандинавскими выходцами, которые умели читать и писать. Долго обитав между Латышами, они могли разуместь язык Славянский и тем удобнее примениться к обычаям Славян Новгородских. Сим удовлетворительно изъясняется, отчего в древнем Новгороде одна из многолюднейших улиц называлась Прусскою.

Заметим также свидетельство Географа Равенского: он жил в VII веке, и пишет, что близ моря, где впадает в него река Висла, есть отечество *Роксолан*, думают, на-

ших Россов, коих владение могло простираться от Курского залива до устья Вислы.

Вероятность остается вероятностию: по крайней мере знаем, что какой-то народ *Шведский* в 839 году, следственно, еще до пришествия Князей Варяжских в землю Новгородскую и Чудскую, именовался в Константинополе и в Германии *Россами*».

Итак, в 859 году на землю славян вторгаются завоеватели с севера, через два года им удается скинуть это ярмо, а в 862 году славяне вдруг почему-то сами идут на поклон к варягам и просят себе правителя. Карамзин в этом никакой логики не видел. Он предлагает не видеть этой логики и своему читателю. Если раньше славяне отлично обходились без князя, которого историк считает самодержцем, если они не желали никому подчиняться, то что же заставило их после удачного освобождения от варяжской дани пойти на поклон к варягам?

За два года, справедливо замечает Карамзин, идея самодержавного правления не может поселиться в головах, привыкших веками к народному правлению. Этого не может быть потому, что *не может быть*. Действительно, так быть не может. И тут бы усомниться Карамзину в достоверности сведений Нестора, ведь в прочих вопросах он сомневается, и не однажды, но... Вопрос определяющий: самодержавие для него — наилучшая модель построения государства. Монарх, который отец своим подданным, должен заботиться об их благе и определять их будущее. Вот почему на правильно заданный вопрос он дает неправильный ответ: «Историк должен по крайней мере изъявить сомнение и признать вероятною мысль некоторых ученых мужей, полагающих, что Норманы ранее 859 года брали дань с Чуди и Славян. Как Нестор мог знать годы про-

исшествий за 200 и более лет до своего времени? Славяне, по его же известию, тогда еще не ведали употребления букв: следственно, он не имел никаких письменных памятников для нашей *древней* Истории и счисляет годы со времен Императора Михаила, как сам говорит, для того, что Греческие Летописцы относят первое наше шествие Россиян на Константинополь к Михайлову Царствованию.

Из сего едва ли не должно заключить, что Нестор по одной догадке, по одному вероятному соображению с известиями Византийскими, хронологически расположил начальные происшествия в своей летописи. Самая краткость его в описании времен Рюриковых и следующих заставляет думать, что он говорит о том единственно по изустным преданиям, всегда немногословным. Тем достовернее сказание нашего Летописца в рассуждении главных случаев: ибо сия краткость доказывает, что он не хотел прибегать к вымыслам; но летосчисление делается сомнительным. При Дворе Великих Князей, в их дружине отборной и в самом народе долженствовала храниться память Варяжского завоевания и первых Государей России: но вероятно ли, чтобы старцы и Бояре Княжеские, коих рассказы служили, может быть, основанием нашей древнейшей летописи, умели с точностию определить год каждого случая? Положим, что языческие Славяне, замечая лета какими-нибудь знаками, имели верную хронологию: одно ее соображение с хронологиею Византийскою, принятою ими вместе с Христианством, не могло ли ввести нашего первого Летописца в ошибку?

Впрочем, мы не можем заменить летосчисление Несторова другим вернейшим; не можем ни решительно опровергнуть; ни исправить его, и для того, следуя

оному во всех случаях, начинаем Историю Государства Российского с 862 года».

Все. Нестор не знал, что варяги давненько уже ходили за данью к славянам. За это время те попривыкли к самодержавному правлению. Потом, видимо, решили взбунтоваться, но власть поделить не смогли. Вот и пришлось снова идти на поклон. Зато эти самые заморские хозяева тут же стали никакими не завоевателями, а отцами-основателями всей русской государственности...

Легенда о варяжском призвании была не лучше и не хуже других, помещенных в летописи. Однако именно она идеальнейшим образом соотносилась с самодержавием как лучшей формой правления. Французы тоже попробовали сделать у себя революцию — и что? Появился император Наполеон, который взял престол силой. Если даже французам пришлось отказаться от народного правления, то древним славянам сам бог велел. Мир у них был патриархальный, нравы довольно дикие, без хорошего самодержца не обойтись... К тому же, указывает Карамзин, южные славяне уже превосходно знали княжеское правление. У них имелась собственная племенная аристократия: «Сия власть означалась у Славян именами *Боярина, Воеводы, Князя, Пана, Жупана, Короля* или *Кралья* и другими. Первое без сомнения происходит от *боя* и в начале своем могло знаменовывать воина отличной храбрости, а после обратилось в народное достоинство. Византийские летописи в 764 году упоминают о Боярах, Вельможах, или главных чиновниках Славян Болгарских.

Воеводами назывались прежде одни воинские начальники; но как они и в мирное время умели присвоить себе господство над согражданами, то сие имя знаменовало уже вообще повелителя и властелина у Богемских и

Саксонских Вендов, в Крайне Государя, в Польше не только воинского предводителя, но и судию.

Слово Князь родилось едва ли не от *коня*, хотя многие ученые производят его от Восточного имени *Каган* и Немецкого *König*... Имя Панов, долго могущественных в Венгрии, до самого XIII века означало в Богемии владельцев богатых, а на Польском языке и ныне значит *Господина*.

Округи в Славянских землях назывались *Жупанствами*, а Правители их *Жупанами*, или *Старейшинами*, по толкованию Константина Багрянородного; древнее слово *Жупа* означало *селение*. Главную должность сих чиновников было правосудие: в Верхней Саксонии и в Австрии Славянские поселяне доньше называют так судей своих; но в средних веках достоинство Жупанов уважалось более Княжеского. В разборе тяжёбных дел помогали им *Суддавы*, или частные судьи. Странное обыкновение сохранилось в некоторых Славянских деревнях Лаузица и Бранденбурга: земледельцы тайно избирают между собою Короля и платят ему дань, какую они во время своей вольности платили Жупанам.

Наконец, в Сервии, в Далмации, в Богемии Владетели стали именоваться *Кралями* или *Королями*, то есть, по мнению некоторых, *наказателями преступников, от слова кара или наказание*».

То есть, делает он вывод, первая власть, которая образовалась у славянских племен, была военной. Судя по особенностям тогдашней жизни, иной она и быть не могла. Но такая власть зависела от народного выбора, если пан, король, жупан или князь правили дурно, народ находил кого-нибудь получше.

Некоторые князья оказывались счастливыми: их не изгоняли, и в некоторых случаях они даже умудря-

лись передавать власть своим детям. Так складывалась форма наследственной власти, сосредоточенной в руках одной семьи.

К IX веку, к которому относится легенда о призвании варягов, наследное право уже практически победило выборную военную власть. Именно этим объясняется, что власть приглашенных править князей распространяется только на их семью и передается от отца к сыну.

Правда, тут стоит заметить, что с передачей власти могла бы возникнуть проблема, если бы братья Рюрика вовремя не умерли, оставив ему фактически ничем не ограниченную власть, а жена произвела на свет только одного наследника, тоже не давая повода борьбы за власть между потомством. Причем, эта власть не была установлена силой и порабощением, а была вручена избранному правителю всенародным сходом.

«Нестор пишет, — сообщает Карамзин, — что Славяне Новгородские, Кривичи, Весь и Чудь отправили Посольство за море, к Варягам-Руси, сказать им: Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет: идите княжить и владеть нами. Слова простые, краткие и сильные! Братья, именов Рюрик, Синеус и Трувор, знаменитые или родом или делами, согласились принять власть над людьми, которые, умев сражаться за вольность, не умели ею пользоваться.

Окруженные многочисленною Скандинавскою дружиною, готовую утвердить мечом права избранных Государей, сии честолюбивые братья навсегда оставили отечество. Рюрик прибыл в Новгород, Синеус на Белозеро в область Финского народа Веси, а Трувор в Изборск, город Кривичей. Смоленск, населенный также

Кривичами, и самый Полоцк оставались еще независимыми и не имели участия в призвании Варягов».

Для Карамзина это очень важно: русские правители — не узурпаторы, они получили власть по единодушному приговору всего народа (и не только славянского, но и финно-угорских племен). С какой стати местная аристократия вдруг пожертвовала собственной выгодой и решилась призвать чужеземцев? Найдено великолепное объяснение: норманны (то есть варяги) были гуманистами — поддерживали порядок, брали легкую дань, не проявляли насилия и всячески образовывали народы.

А вот местные бояре дрались за власть и народ, очевидно, мучили. Так что решение позвать варягов назад исходило не от аристократов, а от простого народа. Боярам пришлось согласиться, потому что... сами понимаете: откажутся — больше не жить.

Для Карамзина 862 год — точка отсчета, с которой начинается путь объединения народов и их движение к созданию сильного государства с легитимными монархами во главе.

Однако не только потомков, но даже современников Карамзина донимал вопрос: а где же он, собственно, увидел монархию? В чем выразалось самодержавное правление того же Рюрика?

Ведь именно при Рюрике, пусть и легендарном, зафиксированы летописцем первые народные выступления против княжеской власти. То есть тот самый народ, что всем миром звал на правление заморского князя со всей Русью, вдруг взбунтовался в Новгороде и послал этого князя подальше.

Рюрик был первым, кто этой новгородской чести удостоился, пусть это и легенда: «новейшие Летописцы говорят, что Славяне скоро вознегодовали на раб-

ство и какой-то Вадим, именуемый *Храбрым*, пал от руки сильного Рюрика вместе со многими из своих единомышленников в Новгороде — случай вероятный: люди, привыкшие к вольности, от ужасов безначалия могли пожелать Властителей, но могли и раскаяться, *если* Варяги, единоземцы и друзья Рюриковы, утесняли их — однако ж сие известие, не будучи основано на древних сказаниях Нестора, кажется одною догадкою и вымыслом».

В другой главе, безотносительно Рюрика, Карамзин подобные случаи бунта вовсе не находил «догадкою и вымыслом», а давал такое объяснение: не народ пытался изгнать князей, а бояре, недовольные тем, что власть у них уплыла прямо из рук. Конечно, никаких бояр в том виде, что существовали несколько столетий спустя, в новгородской земле IX века не имелось. Как не имелось ни монарха, ни монархии, ни гуманистов-варягов.

Но эта карамзинская неточность в определениях и желание найти идеальный способ правления в глубокой древности породили уже идею государственного уровня: версия самодержавия в исполнении Рюрика легла в основу той искомой даты, откуда началась государственность. 862 год был признан ее рождением. Именно поэтому и тысячелетие существования Российской империи как государства отмечалось в 1862 году. Карамзин до этого дня не дожил, но мог бы порадоваться.

НАЧАЛО ДРЕВНЕЙ РУСИ

ОЛЕГ-ПРАВИТЕЛЬ

879—912

Если в 862 году произошло утверждение варяжской власти, то в 864 году после смерти братьев Рюрик получил единоличное правление. И — по Карамзину — тут же сложилась система монархического правления с феодальным, поместным или удельным землевладением и новыми общественными отношениями, аналогичная европейской.

То есть новгородская Русь IX века ничем не отличалась от королевств Западной Европы, точнее — от системы управления, характерной для германских народов. Принцип построения был один и тот же: «Монархи обыкновенно целыми областями награждали Вельмож и любимцев, которые оставались их подданными, но властвовали как Государи в своих Уделах: система, сообразная с обстоятельствами и духом времени, когда еще не было ни удобного сношения между владениями одной державы, ни уставов общих и твердых, ни порядка в гражданских степенях, и люди, упорные в своей независимости, слушались единственно того, кто держал меч над их головою. Признательность Государей к верности Вельмож участвовала также в сем обыкновении, и завоеватель делился областями»

ми с товарищами храбрыми, которые помогали ему приобретать оные». Между тем современные исследователи склонны считать, что если и был какой-нибудь заграничный Рюрик, то власть он, без всякого сомнения, узурпировал, местное население подчинил (отсюда и бунты), но скорее всего с Новгородом у него имелся договор примерно того же содержания, что после заключали все приглашенные князья с городом — там точно назначались обязанности князя и плата за его услуги. То есть он обладал только властью над собственной дружиной, а всеми действиями руководило новгородское правительство.

Карамзин ничего подобного видеть не желал. Он искал в Новгороде неограниченную власть князя, истинное отечественное самодержавие. Именно поэтому эпизод с убийством отправившихся в Киев варягов Аскольда и Дира он рассматривает как возвращение власти законному самодержцу.

Для тех, кто запамätовал, суть происшествия такого. Двое варягов отправились (не то по заданию северного князя, не то в поисках легкой добычи) дальше на юг, куда Рюрик не совался, взяли Киев и стали там благополучно править. По летописи они легко отобрали богатый Киев у прежних хозяев хазар, прекратили выплату дани и создали, по видимости, самостоятельное государство, независимое от восточного соседа. В этот свободный Киев из Новгорода отправилась следом уже более крупная военная экспедиция, которая не только осела в том же Киеве, но и снарядила большой флот для похода на Константинополь. По летописи, поход оказался неудачным. По Карамзину — тоже: «Прежде шли они в Константинополь, вероятно, для того, чтобы служить Императору: тогда, ободренные

своим успехом и многочисленностью войска, дерзнули объявить себя врагами Греции.

Судоходный Днепр благоприятствовал их намерению: вооружив 200 судов, сии витязи Севера, издревле опытные в кораблеплавании, открыли себе путь в Черное море и в самый Воспор Фракийский, опустошили огнем и мечом берега его и скоро осадили Константинополь с моря. Столица Восточной Империи в первый раз увидела сих грозных неприятелей; в первый раз с ужасом произнесла имя Россиян. Молва народная возвестила их Скифами, жителями баснословной горы Тавра, уже победителями многих народов окрестных.

Михаил III, Нерон своего времени, царствовал тогда в Константинополе, но был в отсутствии, воюя на берегах Черной реки с Агарянами. Узнав от Эпарха, или Наместника Цареградского, о новом неприятеле, он спешил в столицу, с великою опасностью пробрался сквозь суда Российские и, не смея отразить их силою, ожидал спасение от чуда. Оно совершилось, по сказанию Византийских Летописцев. В славной церкви Влахернской, построенной Императором Маркианом на берегу залива, между нынешнею Перою и Царемградом, хранилась так называемая риза Богоматери, к которой прибегал народ в случае бедствий. Патриарх Фотий с торжественными обрядами вынес ее на берег и погрузил в море, тихое и спокойное. Вдруг сделалась буря; рассеяла, истребила флот неприятельский, и только слабые остатки его возвратились в Киев».

Летопись дает событие под 866 годом. Из византийских источников известно, что неудачный поход закончился договоренностью между митрополитом Фотием и варягами о принятии христианства. В этот год в Киев были посланы греческие миссионеры, а еще через год киев-

ские варяги частично крестились. Это расходится с официальной версией, что крещение было принято Русью при князе Владимире век спустя, но Карамзин был склонен доверять византийским историкам: тем вовсе не требовалось удревять дату принятия христианства в Киеве.

Одновременно с христианством киевляне получили и приспособленную для славянских народов письменность — кириллицу. Новгородские варяги от всех этих благ оставались отрезанными: о контактах между Киевом и Новгородом ничего не говорится. Рюрик правил севером, присоединял область за областью и в конце концов умер. Наследник (вот тут становится ясным, что Нестор не мыслил в своем веке другой способ передачи власти, тем более этого не мыслил Карамзин, потому и полностью доверяется «показаниям» летописца) был слишком мал для самостоятельного правления, так что роль регента при нем взял на себя Олег. О нем известно только то, что он был родичем Рюрика.

Первое, что сделал Олег — набрал огромное войско, включив в него не только новгородских варягов и заморских сотоварищей, но и местное население севера: славян, мерю, чудь, весь. И стал понемногу двигаться на юг, присоединяя город за городом.

В конце концов это войско добралось до Киева. Желая захватить город малыми усилиями, Олег попросту обманул киевских правителей: представившись варяжскими купцами, он с немногочисленными людьми выманил их к судам, после чего предъявил наследника Рюрика и обвинил в якобы состоявшейся узурпации власти: *«Вы не Князь и не знаменитого роду, но я Князь, — и показав Игоря, примолвил: — Вот сын Рюриков! Сим словом осужденные на казнь Аскольд и Дир под мечами убийц пали мертвые к ногам Олеговым...»*

Признавая правомерность отъема самой власти, Карамзин тем не менее вынужден тут заметить: «Просто-та, свойственная нравам IX века, дозволяет верить, что мнимые купцы могли призвать к себе таким образом Владетелей Киевских; но самое общее варварство сих времен не извиняет убийства жестокого и коварного.

Тела несчастных Князей были погребены на горе, где в Несторово время находился Ольмин двор; кости Дировы покоились за храмом Св. Ирины; над могилою Аскольда стояла церковь Св. Николая, и жители Киевские доныне указывают сие место на крутом берегу Днепра, ниже монастыря Николаевского, где вырастает в землю малая, ветхая церковь».

Киевлянам ничего не оставалось, как признать нового князя. Киев понравился Олегу гораздо больше Новгорода. Недаром, по летописи, именно Олег первым назвал этот город матерью городов русских. Карамзин объясняет это предпочтение тем, что Киев лежал на границе освоенной Олегом земли, из него было удобнее делать набеги на соседей и еще непокоренные племена, чем из северного Новгорода.

На всем пути между Новгородом и Киевом по приказу Олега стали ставить новые города. Скоро ему удалось отбить у хазар окрестные славянские племена: он разбил хазарские военные отряды и снизил дань для «освобожденных» славян. Северяне, древляне, радимичи, дулебы, тивирцы, хорваты, волыняне и другие племена перешли под власть киевского правителя.

При Олеге же был проведен поход на Константинополь, чего ожидали, очевидно, варяги, памятуя о неудачном Аскольдовом. «Олег, наскучив тишиною, опасною для воинственной Державы, или завидуя богатству Царяграда и желая доказать, что казна робких принадлежит

смелому, решился воевать с Империею. Все народы, ему подвластные: Новгородцы, Финские жители Белоозера, Ростовская Меря, Кривичи, Северяне, Поляне Киевские, Радимичи, Дулебы, Хорваты и Тивирцы соединились с Варягами под его знаменами. Днепр покрылся *двумя тысячами* легких судов: на всяком было сорок воинов; *конница* шла берегом.

Игорь остался в Киеве: Правитель не хотел разделить с ним ни опасностей, ни славы. Надлежало победить не только врагов, но и природу, такими чрезвычайными усилиями, которые могли бы утратить самую дерзкую предприимчивость нашего времени и кажутся едва вероятными. (Тут Карамзин имеет в виду опасные днепровские пороги...)

Но Олег вел с собою еще сухопутное конное войско: жители Бессарабии и сильные Болгары дружелюбно ли пропустили его? Летописец не говорит о том. Но мужественный Олег приблизился наконец к Греческой столице, где суеверный Император Леон, прозванный Философом, думал о вычетах Астрологии более, нежели о безопасности Государства. Он велел только заградить цепью гавань и дал волю Олегу разорять Византийские окрестности, жечь селения, церкви, увеселительные дома, Вельмож Греческих.

Нестор, в доказательство своего беспристрастия, изображает самыми черными красками жестокость и бесчеловечие Россиян. Они плавали в крови несчастных, терзали пленников, бросали живых и мертвых в море... Греки, которые все еще именовались согражданными Сципионов и Брутов, сидели в стенах Константинополя и смотрели на ужасы опустошения вокруг столицы; но Князь Российский привел в трепет и самый город. В летописи сказано, что Олег поставил суда свои

на колеса и силою одного ветра, на распушенных парусах, сухим путем шел со флотом к Константинополю. Может быть, он хотел сделать то же, что сделал после Магомет II: велел воинам тащить суда берегом в гавань, чтобы приступить к стенам городским; а баснословие, вымыслив действие парусов на сухом пути, обратило трудное, но возможное дело в чудесное и невероятное.

Греки, уstraшенные сим намерением, спешили предложить Олегу мир и дань. Они выслали войску его съестные припасы и вино: Князь отвергнул то и другое, боясь отравы, ибо храбрый считает малодушного коварным. Если подозрение Олегово, как говорит Нестор, было справедливо, то не Россиян, а Греков должно назвать истинными варварами X века. Победитель требовал 12 гривен на каждого человека во флоте своем, и Греки согласились с тем условием, чтобы он, прекратив неприятельские действия, мирно возвратился в отечество».

В результате был заключен «вечный» мир между Византией и Киевом. Нестор также упоминал, что в знак победы Олег повесил на ворота Константинополя свой щит. По этому поводу Карамзин ехидничал в комментариях, что Олег-то, может, щит и повесил, но вряд ли бы византийцы такой позор стерпели: ушел Олег, и щит был снят. Он не верил ни в число указанных летописью кораблей Олега, ни в его конницу, ни в сухопутное «плавание» Олегова войска, ни в размер дани, ни в прибитый щит, ни в паволоки вместо крепких парусов. Карамзин признавал, что рассказ летописца о походе Олега мог со временем обрасти сказочными деталями, но в одном он был уверен: Олег ходил на Константинополь и победил в этом походе.

Правил он (по Нестору) 33 года и умер от укуса змеи. Эту историю с предсказанием и мистической смертью

знают даже те, кто не читал исторических текстов. Рассказ про смерть Олега переложил в стихи поэт Пушкин, вдохновленный чтением Карамзина.

КНЯЗЬ ИГОРЬ **912—945**

А что же Игорь? Ведь Олег обещал Рюрику передать власть его сыну? Олег правил долго и власти Игорю отдавать не собирался. Только смерть Олега наконец-то привела Игоря к этой власти.

Еще в 903 году Олег женил наследника на Ольге, уроженке северного Плескова (Пскова). Жена наследника оказалась девушкой мудрой. Большую роль в управлении Киевской Русью, наверно, играла именно она. Но власть досталась князю поздно, и за время правления он успел немного. Он то терял доставшиеся от Олега области, то присоединял, то снова их терял, снова присоединял. Племенные вожди чувствовали слабость князя. Недаром Карамзин вынужден был предварить рассказ о княжении Игоря такими словами: «Игорь в зрелом возрасте мужа приял власть опасную: ибо современники и потомство требуют величия от наследников Государя великого или презирают недостойных».

Этим все, собственно, и обозначено. Князь не обладал ни личным мужеством, ни мудростью. Он совершил (непонятно зачем после договора, заключенного Олегом) неудачный поход на Византию, когда практически погубил весь флот, но сам спасся.

Второй поход был удачнее: Игорь выступал вместе с союзниками — печенегами и наемной варяжской дру-

жиной. Боя не было. Греки поспешили выслать послов к устью Дуная, где и был заключен еще один договор, а Византия отделалась богатыми дарами. В историю Игорь вошел не благодаря этой победе без боя, а совсем по иному поводу.

У князей того времени был обычай ходить в дань, то есть они отправлялись вместе с дружиной по своим землям и взымали с подданных плату. Размер дани был заранее оговорен. Так что, если князь требовал больше, чем положено, он мог нарваться на неприятности. Порядок взимания дани был таков, что князь с дружиной отправлялись в полюдье в начале ноября и возвращались в Киев только к апрелю.

В тот злополучный год Игорь отправился за данью в Деревскую землю. Причем, взял дани больше, чем обычно, угрожая расправой. Но этого ему показалось мало. Уже дойдя до границы владения древлян, он решил вернуться в Искоростень с малой дружиной и «добрать» дани.

Это его и сгубило. Древляне ненасытного князя просто убили. Нестор не упоминает, какой смертью погиб этот князь. Византийский хронист более прямолинеен: возмущенные древляне привязали князя к двум деревьям и отпустили верхушки вверх. Князя разорвало напополам. Такая вот поучительная история.

Больше о деяниях этого Игоря, сына Рюрика, сказать нечего. Зато его жена вошла в русскую историю как первая местная святая. Но прежде чем удостоиться включения в святцы Ольга полностью рассчиталась с убийцами мужа. Мсть ее была совершенной и изощренной.

В год смерти Игоря его сын Святослав был еще отроком, что, скажем, вызывало у Карамзина подозрения в неточности хронологического ряда «Повести». Получалось, что он родился почти через сорок лет по-

сле женитьбы Игоря на Ольге. Иначе чем путаницей в датах историк этой странности объяснить не мог. Но он старался придерживаться сюжетной канвы. А по этой канве мальчик был слишком мал, чтобы мстить за смерть отца. И исполнять функцию мстителя пришлось его вдове. Летописную историю о четырех этапах этой мести историк считал басней. В комментариях, дабы не прерывать рассказ летописца, он по каждому сомнительному пункту высказал свои соображения.

Вкратце месть Ольги была такова. Сначала, упившись победой, древлянский князь решил посвататься за вдову Игоря. Ольга сделала вид, что предложением довольна, однако велела копать посреди двора яму. Ничего не подозревающих послов понесли в ладьях и бросили в яму, а потом засыпали живьем. Древлянам же отравили предложение прислать для великого пира самых именитых людей. Когда гости собрались, их отвели в баню, якобы для того, чтобы освежиться перед праздником, но в этой бане их сожгли, тоже живьем.

Затем Ольга отправилась с войском на место, где был убит муж. Над этим местом воины возвели высокий холм, древлян пригласили на поминальную тризну. Тут сложили головы все приглашенные: войско княгини просто порубило их на куски. И последний акт мести был уже не именитым гражданам, а всему городу Искоростеню. Княгиня потребовала дани, а получив ответ, что Игорь обобрал их до нитки, велела дать символическую дань: по три воробья и голубя с каждого двора. Привязав птицам горящий трут, их отпустили. Птицы вернулись к своим гнездам. Город Искоростень сгорел. Часть жителей погибла в пожаре, часть убита, часть уведена в рабство, на оставшихся наложили тяжелейшую дань.

Таков этот сюжет в летописи. Карамзин нашел массу несообразностей, которые собрал в комментариях. Если древлянский князь решил жениться на Ольге, сколько ей было лет? По Нестору выходило, что за пятьдесят... Нехороший возраст для замужества в IX веке нашей эры! Но в способ взятия Искоростеня он верил: такой способ был упомянут в иноязычных хрониках. Зять Ярослава Мудрого Гаральд именно при помощи птиц и горящего тута взял один городок на Сицилии.

«Истинное происшествие, отделенное от баснословных обстоятельств,— пишет историк,— состоит, кажется, единственно в том, что Ольга умертвила в Киеве Послов Древлянских, которые думали, может быть, оправдаться в убиении Игоря; оружием снова покорила сей народ, наказала виновных граждан Коростена, и там воинскими играми, по обряду язычества, торжествовала память сына Рюрикова».

Как бы то ни было, но, отомстив за мужа, Ольга посвятила себя воспитанию Святослава и объехала все подчиненные ей территории, приказав везде рубить погосты и назначать управителей. Ольга правильно рассудила, что только строгий контроль и назначенные ею ответственные лица смогут поддерживать в создающемся государстве порядок. Иначе все будет как с Искоростенем.

Переложив таким образом груз государственных дел на исполнителей, она целиком посвятила себя спасению души. За это, собственно говоря, и вошла в историю государства и церкви. По Нестору, она первая официально приняла христианство от Византии.

«Ольга достигла уже тех лет,— пишет Карамзин,— когда смертный, удовлетворив главным побуждениям земной деятельности, видит близкий конец ее перед

собою и чувствует суетность земного величия. Тогда истинная Вера, более нежели когда-нибудь, служит ему опорой или утешением в печальных размышлениях о тленности человека. Ольга была язычница, но имя Бога Вседержителя уже славилось в Киеве. Она могла видеть торжественность обрядов Христианства; могла из любопытства беседовать с Церковными Пастырями и, будучи одарена умом необыкновенным, увериться в святости их учения.

Плененная лучом сего нового света, Ольга захотела быть Христианкою и сама отправилась в столицу Империи и Веры Греческой, чтобы почерпнуть его в самом источнике. Там Патриарх был ее наставником и крестителем, а Константин Багрянородный — восприемником от купели. Император старался достойным образом угостить Княгиню народа знаменитого и сам описал для нас все любопытные обстоятельства ее представления.

Когда Ольга прибыла во дворец, за нею шли *особы Княжеские*, ее свойственницы, многие знатные госпожи, Послы Российские и купцы, обыкновенно жившие в Царьграде. Константин и супруга его, окруженные придворными и Вельможами, встретили Ольгу: после чего Император на свободе беседовал с нею в тех комнатах, где жила Царица.

В сей первый день, 9 Сентября [955 г.], был великолепный обед в огромной так называемой *храмине Юстиниановой*, где Императрица сидела на троне и где Княгиня Российская, в знак почтения к супруге великого Царя, стояла до самого того времени, как ей указали место за одним столом с придворными господами. В час обеда играла музыка, певцы славили величие Царского Дома, и плясуны оказывали свое искусство в приятных телодвижениях.

Послы Российские, знатные люди Ольгины и купцы обедали в другой комнате; потом дарили гостей деньгами: *племяннику* Княгини дали 30 *милиаризий* — или $2\frac{1}{2}$ червонца, — каждому из осьми ее приближенных 20, каждому из двадцати Послов 12, каждому из сорока трех купцов то же, Священнику или Духовнику Ольгину именем Григорий 8, двум переводчикам 24, Святославовым людям 5 на человека, посольским 3, собственному переводчику Княгини 15 милиаризий. На особенном золотом столике были поставлены закуски: Ольга села за него вместе с Императорским семейством. Тогда на золотой, осыпанной драгоценными камнями тарелке поднесли ей в дар 500 милиаризий, шести ее родственницам каждой 20 и осмнадцати служительницам каждой 8.

18 Октября Княгиня вторично обедала во дворце и сидела за одним столом с Императрицею, ее невесткою, Романовой супругою, и с детьми его; сам Император обедал в другой зале со всеми Россиянами. Угощение заключилось также дарами, еще умереннейшими первых: Ольга получила 200 милиаризий, а другие менее по соразмерности. Хотя тогдашние Государи Российские не могли еще быть весьма богаты металлами драгоценными; но *одна учтивость*, без сомнения, заставила Великую Княгиню принять в дар шестнадцать червонцев».

Во времена Карамзина даже в церковных кругах была распространена легенда, что константинопольский государь пленился красотой русской княгини и хотел взять ее в жены, но мудрая Ольга мягко напомнила ему, что по церковному закону это невозможно — она стала его крестной дочерью.

Карамзин на этот рассказ смог только добавить, что император мог плениться разве что умом Ольги, но уж

никак не возжелать ее телесно: княгиня была стара. Святослав тем не менее новой веры своей матери не разделял. Он остался язычником. Война ему была интереснее веры.

КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВ 945—972

Сначала Святослав отбил у хазарского кагана племя вятичей (вместе с данью, которую те платили), затем начал походы на самого кагана. Он взял Белую Вежу и Саркел, по пути завоевав ясов и касогов, присоединил к Киеву побережье Азовского моря, будущее княжество Тьмутараканское, и от бывшего величия хазар на западе осталась только Таврида.

К этому времени начались войны болгар с Византией. И Святослав вошел в союз с ромеями против болгар. По существовавшему между Византией и Киевом договору русский князь должен был оказать военную помощь. Он оказал. Болгары были разбиты, Святослав получил хорошее вознаграждение. Болгарский царь, как пишет историк, умер от горести.

Однако, выполнив интернациональный долг, Святослав вовсе не собирался возвращаться в Киев. Он решил взять Болгарию себе и утвердился в Переяславце. Греков такое положение дел радовать не могло, но пока они терпели. Святослав подумывал и вовсе расстаться с Киевом, а столицу перенести на запад, создав новое русско-болгарское государство.

Этому помешало вторжение печенегов. Они едва не взяли Киев. Только мужество горожан и военная хит-

рость позволили киевлянам отразить удар. К Святославу тут же послали гонца, и он вынужден был вернуться и начать войны с печенегами. Скоро те прекратили набеги на Русь.

Князь думал вернуться в свой Переяславец, где, по его словам, была середина его земли (включая, очевидно, Болгарское царство), но Ольга уговорила дожидаться хотя бы ее смерти. Эта смерть вскоре и последовала. Княгиню погребли по христианскому обычаю, князь плакал, но вскоре покинул Киев и вернулся в Болгарию.

Теперь он решил выбить греков за пределы царства и упрочиться в Болгарии навсегда. Была только одна проблема: между Русью и Болгарией имелись еще Валахия, Молдавия и Бессарабия, а там властвовали печенеги — следовало сначала разобраться с этой проблемой.

Перед отъездом он выделил своим сыновьям земельные владения, которыми они должны были управлять: в Киеве оставил Ярополка, в прежде свободную деревскую землю — Олега, в Новгород (по просьбе новгородцев) — младшего, Владимира. В этом историк видел начало всей грядущей беды: «Святослав первый ввел обыкновение *давать сыновьям особенные Уделья*: пример несчастный, бывший виною всех бедствий России».

Но в Болгарии, куда он думал вернуться как желанный царь, его встретили как врага. И не удивительно: для болгар он и был завоевателем, который совсем недавно выступал на стороне ромеев. Против князя из Переяславца выступило болгарское войско. Ценой больших потерь Святославу удалось разбить неприятеля. После чего он ввел в Болгарии своеобразное двойное правление: его соправителем был сын умершего царя болгар Борис.

Византии новое положение дел не понравилось. Она давно желала полностью урезать самостоятельность мизян (так в Византии именовались болгары) и лишить их автономии. С приходом Святослава могла возникнуть неприятная ситуация, когда Болгария полностью бы отошла от Империи.

В Византии стали собирать войско. Святослав упредил греков и нанес удар первым. В летописи эта битва описывается так: «Император встретил Святослава мирными предложениями и хотел знать число его витязей, обещая на каждого из них заплатить ему дань. Великий Князь объявил у себя 20 000 человек, едва имея и половину. Греки, искусные в коварстве, воспользовались временем и собрали 100 000 воинов, которые со всех сторон окружили Россиян. Великодушный Святослав, покойно осмотрев грозные ряды неприятелей, сказал дружине: *Бегство не спасет нас; волею и неволею должны мы сразиться. Не посрадим отечества, но ляжем здесь костями: мертвым не стыдно! Станем крепко. Иду пред вами, и когда положу свою голову, тогда делайте, что хотите!* Воины его, приученные не бояться смерти и любить Вождя смелого, единодушно ответствовали: *Наши головы лягут вместе с твоею!* Вступили в кровопролитный бой и доказали, что не множество, а храбрость побеждает. Греки не устояли: обратили тыл, рассеялись — и Святослав шел к Константинополю, означая свой путь всеми ужасами опустошения...».

На стороне русских в битве принимали участие союзники — венгры и печенеги. Этих союзников в Империи боялись куда больше Святослава. Дружина Святослава умела биться только в пешем строю, а его союзники были великолепными всадниками.

Второе сражение с Цимисхием было гораздо менее удачным. «Оставив главное войско назади,— пишет Карамзин,— Император с отборными ратниками, с Легионом так называемых *Бессмертных*, с 13 000 конницы, с 10 500 пехоты, явился нечаянно под стенами Переяславца и напал на 8000 Россиян, которые спокойно занимались там воинским учением. Они изумились, но храбро вступили в бой с Греками. Большая часть их легла на месте, и вылазка, сделанная из города в помощь им, не имела успеха; однако ж победа весьма дорого стоила Грекам, и Цимисхий с нетерпением ожидал своего остального войска.

Как скоро оно пришло, Греки со всех сторон окружили город, где начальствовал Российский Полководец Сфенкал. Сам Князь с 60 000 воинов стоял в укрепленном стане на берегу Дуная... Между тем 8000 воинов Святославовых заперлись в Царском дворце, не хотели сдаться и мужественно отражали многочисленных неприятелей. Напрасно Император ободрял Греков: он сам с оруженосцами своими пошел на приступ и должен был уступить отчаянной храбрости осажденных. Тогда Цимисхий велел зажечь дворец, и Россияне погибли в пламени.

Святослав, сведав о взятии Болгарской столицы, не показал воинам своим ни страха, ни огорчения и спешил только встретить Цимисхия, который со всеми силами приближался к Доростолу, или нынешней Силистрии. В 12 милях оттуда сошлись оба воинства. Цимисхий и Святослав — два Героя, достойные спорить друг с другом о славе и победе,— каждый ободрив своих, дали знак битвы, и при звуке труб началось кровопролитие.

От первого стремительного удара Греков поколебались ряды Святославовы; но, вновь устроенные Кня-

зем, сомкнулись твердою стеною и разили неприятелей. До самого вечера счастье ласкало ту и другую сторону; двенадцать раз то и другое войско думало торжествовать победу. Цимисхий велел распустить священное знамя Империи; был везде, где была опасность; махом копия своего удерживал бегущих и показывал им путь в средину врагов.

Наконец судьба жестокой битвы решилась: Святослав отступил к Доростолу и вошел в сей город. Император осадил его. В то же самое время подоспел и флот Греческий, который пресек свободное плавание Россиян по Дунаю. Великодушная Святославова бодрость возрастала с опасностями. Он заключил в оковы многих Болгаров, которые хотели изменить ему; окопал стены глубоким рвом, беспрестанными вылазками тревожил стан Греков...

Нередко, побеждаемые силою превосходною, обращали тыл без стыда: шли назад в крепость с гордостью, медленно, закинув за плеча огромные щиты свои. Ночью, при свете луны, выходили жечь тела друзей и братьев, лежащих в поле; закалывали пленников над ними и с какими-то священными обрядами погружали младенцев в струи Дуная.

Пример Святослава одушевлял воинов. Но число их уменьшалось. Главные Полководцы, Сфенкал, Икмор (не родом, по сказанию Византийцев, а доблестию Вельможа) пали в рядах неприятельских. Сверх того Россияне, стесненные в Доростоле и лишены всякого сообщения с его плодоносными окрестностями, терпели голод. Святослав хотел преодолеть и сие бедствие: в темную, бурную ночь, когда лил сильный дождь с градом и гремел ужасный гром, он с 2000 воинов сел на лодки, при блеске молнии обошел Грече-

ский флот и собрал в деревнях запас пшена и хлеба. На возвратном пути, видя рассеянные по берегу толпы неприятелей, которые поили лошадей и рубили дрова, отважные Россияне вышли из лодок, напали из лесу на Греков, множество их убили и благополучно достигли пристани. Но сия удача была последней».

После нескольких кровопролитных сражений Святослав был вынужден начать мирные переговоры с Византией. По этому договору русское войско выходило из Болгарии свободно и между двумя государствами возобновлялся мир. Однако далее произошла некоторая странность: на обратном пути на Святослава напали бывшие союзники-печенег, и он был убит.

Византийские историки видели причину в том, что Святослав нарушил слово, данное союзникам, воевать Болгарию и не заключать сепаратного мира с греками. Нестор, и следом за ним Карамзин — в вероломстве греков, которые подкупили печенегов, натравив их на русского князя.

Карамзин полностью отдавал должное мужеству, отваге, выносливости и открытому духу Святослава, но тем не менее вывод из событий его жизни сделал такой: «Святослав, образец великих Полководцев, не есть пример Государя великого: ибо он славу побед уважал более государственного блага и, характером своим пленяя воображение Стихотворца, заслуживает укоризну Историка».

Иными словами, деяния князя явно не пошли на благо его собственному государству, хотя как личность Святослав заслуживает уважения.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ЯРОПОЛК 972—980

Трое сыновей Святослава после его смерти так и сидели на своих землях. Но земли эти по качеству изначально предполагали неравенство. Карамзин, следуя за летописцем, считал, что кровавой междоусобицы могло бы и не произойти, если бы в окружении Ярополка киевского не оказался воевода Святослава Свенельд. По летописи, вся вина за кровавые распри между братьями перенесена именно на него. Воевода считал Олега виновным в смерти своего сына (тот подстрелил юношу на охоте).

По тогдашним меркам, добавляет, впрочем, историк, причина убийства сына Свенельда была серьезной: он нарушил права владения и охотился в земле Олега. Но Свенельд подговорил Ярополка пойти на брата войной. Олег бежал в Овруч, но случайно погиб, раздавленный толпой, прямо на городском мосту.

Деревская земля осталась без князя, и Ярополк присоединил ее к своим владениям. Это напугало младшего Святославича, Владимира. Он бежал из Новгорода за море и там набрал варяжскую дружину. Новгород остался без управления. Ярополк тут же отправил туда своих наместников или посадников. Таким образом, он объединил всю землю умершего отца.

Но у Ярополка оказался сильный соперник. Вернувшись через два года с варягами, Владимир начал завоевывать все земли с севера на юг. Попутно он взял и полоцкое княжество, которое вообще не входило во владение Святослава.

В Полоцком княжестве имелся свой князь Рогволод. Его дочь Рогнеда официально считалась невестой Ярополка. «Владимир, готовясь отнять Державу у брата,— пишет Карамзин,— хотел лишить его и невесты и чрез Послов требовал ее руки; но Рогнеда, верная Ярополку, ответствовала, что не может соединиться браком с сыном рабы: ибо мать Владимира, как нам уже известно, была ключницею при Ольге.

Раздраженный Владимир взял Полоцк, умертвил Рогволода, двух сыновей его и женился на дочери. Совершив сию ужасную месть, он пошел к Киеву. Войско его состояло из дружины Варяжской, Славян Новгородских, *Чуди и Кривичей*: сии три народа северо-западной России уже повиновались ему, как их Государю. Ярополк не дерзнул на битву и затворился в городе.

Окружив стан свой окопами, Владимир хотел взять Киев не храбрым приступом, но злодейским коварством. Зная великую доверенность Ярополкову к одному Воеводе, именем Блуду, он вошел с ним в тайные переговоры. „Желаю твоей помощи,— велел сказать ему Владимир: — ты будешь мне вторым отцем, когда не станет Ярополка. Он сам начал братоубийства: я вооружился для спасения жизни своей“.

Гнусный любимец не усомнился предать Государя и благодетеля; советовал Владимиру обступить город, а Ярополку удаляться от битвы. Страшася верности добрых Киевлян, он уверил Князя, будто они хотят изменить ему и тайно зовут Владимира. Слабый Ярополк, думая спастись от мнимого заговора, ушел в Родню: сей город стоял на том месте, где Рось впадает в Днепр.

Киевляне, оставленные Государем, должны были покориться Владимиру, который спешил осадить брата в последнем его убежище. Ярополк с ужасом видел мно-

гочисленных врагов за стенами, а в крепости изнеможение воинов своих от голода, коего память долго хранилась в древней пословице: *беда аки в Родне*. Изменник Блуд склонял сего Князя к миру, представляя невозможность отразить неприятеля, и горестный Ярополк отвечал наконец: „Да будет по твоему совету! Возьму, что уступит мне брат“.

Тогда злодей уведомил Владимира, что желание его исполнится и что Ярополк отдается ему в руки. Если во все времена, варварские и просвещенные, Государи бывали жертвою изменников: то во все же времена имели они верных добрых слуг, усердных к ним в самой крайности бедствия. Из числа сих был у Ярополка некто прозванием *Варяжко* (да сохранит История память его!), который говорил ему: „Не ходи, Государь, к брату: ты погибнешь. Оставь Россию на время и собери войско в земле Печенегов“.

Но Ярополк слушал только изверга Блуда и с ним отправился в Киев, где Владимир ожидал его в теремном дворце Святослава. Предатель ввел легковерного Государя своего в жилище брата, как в вертеп разбойников, и запер дверь, чтобы дружина Княжеская не могла войти за ними: там два наемника, племени Варяжского, пронзили мечами грудь Ярополкову...

Верный слуга, который предсказал гибель сему несчастному, ушел к Печенегам, и Владимир едва мог возвратить его в отечество, дав клятву не мстить ему за любовь к Ярополку».

Из этого летописного сообщения историк делает такой вывод: Ярополк имел доброе сердце и был незлобив, «но Государь, который действует единственно по внушению любимцев, не умея ни защитить своего трона, ни умереть Героем, достоин сожаления, а не власти».

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР, НАЗВАННЫЙ В КРЕЩЕНИИ ВАСИЛИЕМ 980—1014

Владимир, добившийся власти, был совершенно другим. «Владимир,— поясняет историк,— с помощью злодеяния и храбрых Варягов овладел Государством; но скоро доказал, что он родился быть Государем великим». Среди его качеств были хитрость, мстительность, властолюбие и удивительная целеустремленность. Добившись власти, он сразу же избавился от тех, кто мог помешать насладиться этой властью,— то есть варягов. Карамзин не упоминает этого, но новый правитель был еще и скуп: получив желаемое, он не спешил расплатиться с заморской дружиной, переложив в конце концов расплату на новгородцев, а самих варягов, которых боялся, отправил на службу в Византию. Причем одновременно послал уведомление тамошнему императору держать их подальше от столицы и рассредоточить, чтобы они не сбились в шайку, потому что варяги могут быть опасны. Так он наградил этих воинов за утверждение на столе.

Затем, решив «варяжский вопрос», он стал искать идею, которая может объединить его многонациональное владение. Сначала он решил ввести модифицированный вариант язычества. Известно, что новым элементом здесь стало человеческое жертвоприношение. Летопись приводит чудовищные подробности. Карамзин же только упоминает, что нового идола с серебряной бородой, Перуна, князь велел поставить близ теремного двора, ему-то и приносились кровавые жертвы. Такого же идола по его приказу на берегу Волхова поставил Добрыня.

Но что-то в этом новом механизме устрашения и объединения не сработало. И киевляне, и новгородцы давно забыли, что такое человеческая жертва. Появилось недовольство. Пока Владимир бывал в походах (а он успел много повоевать: добыл Киеву червенские города на юго-западе, захватил ятвягов в Литве, усмирил вятичей, взял Ливонию, обложил данью Курляндию), все было тихо, но, вернувшись на родину, он захотел отметить победы хорошей человеческой жертвой. Жертвы при Владимире избирались жребием. На этот раз он пал на христианскую варяжскую семью. Отца и сына, которые не желали расставаться и добровольно отдать душу ради идола, толпа убила на месте. Эти двое русских киевских мучеников вошли в святцы под именами Федора и Иоанна.

Жертва не удалась. Владимир, который был от природы очень осмотрителен, понял, что подобные мероприятия могут привести к недовольству. А этого он опасался. Поэтому взамен Перуну он стал искать более достойную религию.

Но выбор был сложен. Сам Владимир не отличался ни кротостью нрава, ни целомудрием. Напротив, о нем говорили, что он не пропустит ни единой смазливой девицы. Жен у него имелось четыре, а наложниц около восьмисот — 300 в Вышегороде, 300 в Белогородке (близ Киева) и 200 в селе Берестове. Любил он хорошо поесть и хорошо выпить. Однако из всех возможных религий выбрал для Руси такую, где плоть положено смирять, а блуд считается делом греховным. Впрочем, и выбор был невелик: иудаизм (но это была вера в Хазарском каганате и стала бы напоминанием о веках неволи), ислам (с этой верой Владимир мог столкнуться в восточных походах, ког-

да усмирял радимичей и воевал с волжскими болгарами), христианство.

Последняя религия уже успешно разделилась на латинскую и православную веру. Латинский вариант веры не устраивал князя по самой простой причине — ее исповедовали поляки, а с ними он воевал. Католицизм, таким образом, был верой врагов. Да и Рим находился относительно далеко от Руси. Гораздо разумнее и дипломатичнее было принять восточное христианство, поскольку рядом находился Константинополь и русские были связаны с ним договорами о дружбе.

Карамзин в эти геополитические тонкости не вникает, он берет за основу сообщение Нестора, что князь имел диспуты о вере, прежде чем выбрать наилучшую для его земли. Конечно, диспуты могли вестись, но вряд ли они повлияли на решение Владимира: Русь и Византию в X веке связывало слишком многое, чтобы сделать иной выбор. Князь желал строить государство по образу соседней Империи, вера которой наилучшим образом подходила для такого строительства. Мнением самого народа, конечно же, никто не интересовался. А народ был совершенно языческим. Причем имелись язычники славянского и финского образца. Так что обратиться в православие этот многонациональный субстрат можно было только решением сверху. Что Владимир и сделал.

Но даже принятие веры Владимир превратил в завоевательный поход. Право на новую веру он желал добыть мечом. «Собрав многочисленное войско,— пишет Карамзин,— Великий Князь пошел на судах к Греческому Херсону, которого развалины донныне видимы в Тавриде, близ Севастополя. Сей торговый город, построенный в самой глубокой древности выходцами Гераклей-

скими, сохранял еще в X веке бытие и славу свою, несмотря на великие опустошения, сделанные дикими народами в окрестностях Черного моря, со времен Геродотовых скифов до Козаров и Печенегов. Он признавал над собою верховную власть Императоров Греческих, но не платил им дани; избирал своих начальников и повиновался собственным законам Республиканским. Жители его, торгуя во всех пристанях Черноморских, наслаждались изобилием.

Владимир, остановясь в гавани, или заливе Херсонском, высадил на берег войско и со всех сторон окружил город. Издревле привязанные к вольности, Херсонцы оборонялись мужественно. Великий Князь грозил им стоять три года под их стенами, ежели они не сдадутся: но граждане отвергали его предложения, в надежде, может быть, иметь скорую помощь от Греков; старались уничтожать все работы осаждающих и, сделав тайный подкоп, как говорит Летописец, ночью уносили в город ту землю, которую Россияне сыпали перед стенами, чтобы окружить оную валом, по древнему обыкновению военного искусства.

К счастью, нашелся в городе доброжелатель Владимиру, именем Анастас: сей человек пустил к Россиянам стрелу с надписью: *За вами, к Востоку, находятся колодези, дающие воду Херсонцам чрез подземельные трубы; вы можете отнять ее.* Великий Князь спешил воспользоваться советом и велел перекопать водоводы (коих следы еще заметны близ нынешних развалин Херсонских). Тогда граждане, изнуряемые жаждою, сдались Россиянам.

Завоевав славный и богатый город, который в течение многих веков умел отражать приступы народов варварских, Российский Князь еще более возгордился

своим величием и чрез Послов объявил Императорам, Василию и Константину, что он желает быть супругом сестры их, юной Царевны Анны, или, в случае отказа, возьмет Константинополь. Родственный союз с Греческими знаменитыми Царями казался лестным для его честолюбия. Империя, по смерти Героя Цимисхия, была жертвою мятежей и беспорядка: Военачальники Склир и Фока не хотели повиноваться законным Государям и спорили с ними о Державе. Сии обстоятельства принудили Императоров забыть обыкновенную надменность Греков и презрение к язычникам. Василий и Константин, надеясь помощью сильного Князя Российского спасти трон и венец, ответствовали ему, что от него зависит быть их зятем; что, приняв Веру Христианскую, он получит и руку Царевны, и Царство небесное.

Владимир, уже готовый к тому, с радостью изъявил согласие креститься, но хотел прежде, чтобы Императоры, в залог доверенности и дружбы, прислали к нему сестру свою. Анна ужаснулась: супружество с Князем народа, по мнению Греков, дикого и свирепого, казалось ей *жестоким пленом* и ненавистнее смерти. Но Политика требовала сей жертвы, и ревность к обращению идолопоклонников служила ей оправданием или предложом.

Горестная Царевна отправилась в Херсон на корабле, сопровождаемая знаменитыми духовными и гражданскими чиновниками: там народ встретил ее как свою избавительницу, со всеми знаками усердия и радости. В летописи сказано, что Великий Князь тогда разболелся глазами и не мог ничего видеть; что Анна убедила его немедленно креститься и что он прозрел в самую ту минуту, когда Святитель возложил на него ру-

ку. Бояре Российские, удивленные чудом, вместе с Государем приняли истинную Веру (в церкви Св. Василия, которая стояла на городской площади, между двумя палатами, где жили Великий Князь и невеста его).

Херсонский Митрополит и Византийские Пресвитеры совершили сей обряд торжественный, за коим следовало обручение и самый брак Царевны с Владимиром, благословенный для России во многих отношениях и весьма счастливый для Константинополя: ибо Великий Князь, как верный союзник Императоров, немедленно отправил к ним часть мужественной дружины своей, которая помогла Василию разбить мятежника Фоку и восстановить тишину в Империи.

Сего не довольно: Владимир отказался от своего завоевания и, соорудив в Херсоне церковь — на том возвышении, куда граждане сносили из-под стен землю, возвратил сей город Царям Греческим в изъявление благодарности за руку сестры их. Вместо пленников он вывел из Херсона одних Иереев и того Анастаса, который помог ему овладеть городом; вместо дани взял церковные сосуды, мощи Св. Климента и Фива, ученика его, также два истукана и четырех коней медных, в знак любви своей к художествам (сии, может быть, изящные произведения древнего искусства стояли в Несторово время на площади старого Киева, близ нынешней Андреевской и Десятинной церкви). Наставленный Херсонским Митрополитом в тайнах и нравственном учении Христианства, Владимир спешил в столицу свою озарить народ светом крещения».

Свет, который пролился вместе с крещением всего народа, был больше подобен молнии Перуна: Владимир приказал изрубить прежних идолов (вместе с Перуном, которого сам втащит в русский пантеон) на кус-

ки, а людей согнать в Днепр силой, если не пойдут по доброй воле.

«Изумленный народ,— добавляет историк,— не смел защитить своих мнимых богов, но проливал слезы, бывшие для них последнею данию суеверия: ибо Владимир на другой день велел объявить в городе, чтобы все люди Русские, Вельможи и рабы, бедные и богатые шли креститься — и народ, уже лишенный предметов древнего обожания, устремился толпами на берег Днепра, рассуждая, что новая Вера должна быть мудрою и святою, когда Великий Князь и Бояре предпочли ее старой Вере отцев своих.

Там явился Владимир, провождаемый собором Греческих Священников, и по данному знаку бесчисленное множество людей вступило в реку: большие стояли в воде по грудь и шею; отцы и матери держали младенцев на руках; Иереи читали молитвы крещения и пели славу Вседержителю.

Когда же обряд торжественный совершился; когда Священный Собор нарек всех граждан Киевских Христианами, тогда Владимир, в радости и восторге сердца устремив взор на небо, громко произнес молитву: „Творец земли и неба! Благослови сих новых чад Твоих; дай им познать Тебя, Бога истинного, утверди в них Веру правую. Будь мне помощию в искушениях зла, да восхваляю достойно святое имя Твое!“».

Но такую идиллическую картину рисует только монах-летописец. Реальная картина была и жестче, и кровавее. Во всяком случае, Новгородская летопись сохранила как раз более правдивое описание поголовного крещения. Людей загоняли в воды Волхова силой, несогласных просто швыряли в реку, кто-то тонул, отказывающихся наотрез убивали, а дабы не перепутать, кто

уже крещен, а кто еще не прошел через обряд, на шею надевали заготовленные кресты единого образца.

Воевода Путята велел рубить головы непокорным язычникам, а Добрыня приказал зажечь их дома. Новгород горел. Трупы несчастных швыряли в Волхов, и они плыли по течению вместе с кусками изрубленных идолов.

После крещения воды Волхова были красны от крови. Вряд ли в Киеве крещение прошло более спокойно...

Карамзин приводит новгородский рассказ, но не рискует его комментировать. К тому же рассказ происходит из Иоакимовской летописи, которую историк считал поддельной. Но это вряд ли. Родословие первых князей и мифическая история славян могли быть подделкой. Но память народная сохранила пословицу о новгородском крещении: Путята крестил Новгород мечом, а Добрыня огнем. Вот этого-то уже никоим образом подделать невозможно...

Введение новой веры сразу повысило престиж Руси в глазах крещеных соседей. Это можно записать Владимиру в плюс. Кроме того, в его правление было построено множество новых городков: так усиливался контроль над отдаленными областями. Новые города встали и на порубежье, где необходимо было держать защиту от набегов кочевников. С западными соседями к концу правления он установил мирные отношения, но с печенегами приходилось сражаться, практически раз в пару лет, а то и через год они доходили чуть не до самого Киева.

Но самая сложная проблема ожидала его не в стане врагов, а в собственной семье. Владимир, имея множество жен, имел и множество наследников. Двенадцать его сыновей получили свои уделы, но мира не было не

только между ними, но и между сыновьями и отцом. Со- сланный в отдаленный, хотя и богатый Новгород сын Ярослав так же алкал власти, что и Владимир, когда-то пошедший войной из Новгорода на своих братьев.

Точно по отцовскому рецепту Ярослав призвал из-за моря варяжскую дружину и готовил поход на Киев. Дело было вот в чем: Владимир требовал с Новгорода высокой дани, Ярослав, унаследовавший ту же отцовскую скупость, платить не желал. Киевский князь увидел в этом нежелании стремление и вовсе выйти из подчинения Киеву. Он готовил против Ярослава свое войско, ждали только установления погоды.

Но пока ждали, Владимир от ярости занемог и умер. Сразу после его смерти разгорелась жестокая борьба за киевский стол.

ПОТОМСТВО ВЛАДИМИРА СВЯТОГО

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ СВЯТОПОЛК 1015—1019

Детей у Владимира было множество. «Первою его супругою,— сообщает Карамзин,— была Рогнеда, мать Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода и двух дочерей; умертвив брата, он взял в наложницы свою беременную невестку, родившую Святополка; от другой законной супруги, Чехини или Богемки, имел сына Вышеслава; от третьей Святослава и Мстислава; от четвертой, родом из Болгарии, Бориса и Глеба... Станислав, Позвизд, Судислав родились, кажется, после.

Думая, что дети могут быть надежнейшими слугами отца, или, лучше сказать, следуя несчастному обыкновению сих времен, Владимир разделил Государство на области и дал в Удел Вышеславу Новгород, Изяславу Полоцк, Ярославу Ростов: по смерти же Вышеслава Новгород, а Ростов Борису; Глебу Муром, Святославу Древлянскую землю, Всеволоду Владимир Волынский, Мстиславу Тмуторокань, или Греческую Таматарху, завоеванную, как вероятно, мужественным дедом его; а Святополку, усыновленному племяннику, Туров, который донныне существует в Минской Губернии и назван так от имени Варяга Тура, повелевавшего некогда сею областью.

Владимир отправил малолетних Князей в назначенный для каждого Удел, поручив их до совершенного возраста благоразумным пестунам. Он, без сомнения, не думал раздробить Государства и дал сыновьям одни права своих Наместников; но ему надлежало бы предвидеть следствия, необходимые по его смерти».

Государство Владимира оказалось разделено на уделы, по количеству сыновей (двое старших умерли еще при жизни Владимира). Любимого сына Бориса он держал при себе в Киеве, но так случилось, что Бориса в Киеве не было — он находился в войске, посланном отцом против печенегов. По тогдашнему праву занять киевский стол должен был старший наследник, Святополк, который не приходился Владимиру сыном, но был им усыновлен.

Владимир умер, не успев назвать законного наследника. Народное мнение склонялось к Борису. Именно по этой причине кончину князя пытались скрыть: тело выносили тайно. Но сберечь секрет не удалось. Пришлось устроить торжественные похороны, и князя погребли рядом с любимой женой Анной в церкви Богоматери. И то, чего так не желали, свершилось: на стол сел Святополк.

Карамзин, безраздельно доверявший Нестору, видел в Святополке изверга и злодея. Современные исследователи более осторожны. Вполне вероятно, что Святополк вовсе не совершал тех убийств, которые позже ему приписали. Во всяком случае, не совершал всех инкриминированных ему убийств.

Но Карамзин опирался лишь на те тексты, которые ему были известны. И для него Святополк не мог быть правомочным наследником хотя бы потому, что летописец не считал его сыном Владимира. А племян-

ники, как известно из русской истории более позднего времени, часто оказывались замешанными в неблагоприятных поступках. Им, согласно феодальному русскому праву, было трудно бороться с всесильными дядьями.

Переносить эту кальку на время ранней Руси довольно небезопасно. Право наследования в том виде, в каком оно проявилось позже, еще не существовало. Во всяком случае той «лестницы», что характерна для удельного периода Руси, еще не было. К тому же Святополк может оказаться и не племянником Владимира, а его сыном. Зная особенную любвеобильность князя, полагаться на приговор летописи, что он был зачат до брака Владимира с его матерью, опасно. Тем более нам известно, как поступил Владимир с его матерью, и что она была не женой, а только невестой его брата. В отношении прелюбодеяния у Владимира не было комплексов, он в этом находил особенную сладость.

Но даже если Святополк и оказывался племянником, он автоматически зачислялся в сыновья благодаря этому браку. Во всяком случае, польские источники называют Святополка сыном Владимира и в этом не сомневаются. Официально он был признан таковым и самим князем. По праву старшинства Святополк был безоговорочно лучшей кандидатурой, поскольку не ущемлял ничьих прав. Что же касается Бориса, то как младший брат преимущественного права он не имел. И будем считать, что Святополк ничего престола не похитил, а занял главное место по праву. Пусть многим это и было не по душе.

Не по душе это было бы, наверное, и самому Владимиру. Причина была проста. Он женил Святополка на дочке польского короля Болеслава и выделил удел. Но

Святополк, по указаниям наших летописей, желал отделить свою землю от Киева. (Ну, не так ли собирался поступить сам Владимир? Не так ли поступил Ярослав?) Вся беда Святополка в том, что он проиграл и стал кругом виноватым.

Другая причина гнева Владимира кроется глубже: он желал, чтобы молодая жена Святополка приняла веру по греческому образцу, но та привезла с собой ксендза и уговаривала мужа перейти в латинскую веру. Святополк любил жену, но к вере был равнодушен. Как дед Святослав, он больше был занят военными походами. Для Владимира такое свободомыслие в вопросах веры было неприемлемым. Так что Святополк, несчастная королева и ксендз отправились в тюрьму. Официальная версия обвинения гласила: за измену.

Но почти перед смертью старик, по летописи, смилостивился и выпустил Святополка из заточения. Правда, забывают упомянуть, что жена и ее ксендз продолжали сидеть в тюрьме, а сам несчастный выбрался из «поруба» только после того, как Владимир испустил дух. Посмертное, что ли, было прощение?

Естественно, Святополк поспешил воспользоваться плодами такой удачи — он тут же занял место великого князя. Но это вокняжение требовало времени. Ему еще предстояло утвердиться в Киеве и склонить жителей на свою сторону. Вот почему выпущенный народом из тюрьмы (стало быть, был и народ, который освободил Святополка, считая того законным наследником?), первое, что князь сделал (и в чем его обвиняют все, Карамзин в том числе), — «созвал граждан, объявил себя Государем Киевским и роздал им множество сокровищ из казны Владимировой».

Проще говоря, наследник расплатился с теми, кто отпер для него темницу. Поступок, скорее показывающий широту натуры, нежели какое-то зло.

А вот затем, согласно летописи, Святополк приступил к планомерному уничтожению братьев. И вот тут возникает неувязка. С севера на Киев уже движется во время осведомленный о смерти отца Ярослав. Он желает взять власть во что бы то ни стало. С границы возвращается к Киеву Борис, тоже поставленный в известность о смерти Владимира. Остальные дети (включая Глеба) об этом событии получают известие много позже. Причем Глеба ставит в известность Ярослав.

Но летописец смешивает временной ход событий. Для него все свершается как бы в один день: и Святополк давно на свободе, и Борис получает от него весточку и спешит в Киев, и Глеб туда же рвется, и Ярослав... Ярослав-то как раз туда спешит изо всех сил. Он вынужден даже помириться с новгородцами, добрую часть коих накануне казнил и едва не лишился ополчения. Так кто у кого желает отнять власть? Ясно, что не Святополк. Это для Ярослава Святополк узурпатор и вечный «племянник», а не брат. С родственными чувствами в этой звериной стае очень плохо. Власти хотят все. Борис и Глеб из перечисленных просто имеют на нее гораздо менее прав (по старшинству)... и гораздо более прав, если исходить из того, что они дети от единственного законного брака с православной царевной.

По скандинавским источникам совершенно ясно, кто убил хотя бы одного из братьев, по польским — где находился Святополк. Но ни для Карамзина, ни даже для более позднего историка Соловьева это неизвестно. У них источник один — летописный. И Соловьеву даже пришлось оправдывать Святополка, поясняя, что

братоубийство после прихода к власти — явление широко распространенное по всей Европе. Ведь летопись точно называет имя убийцы, а Борис и Глеб давно внесены в святцы.

Святополку приписывают также убийство еще одного брата, Святослава, который якобы испугался и решил бежать из Деревской земли в Венгрию, но по дороге был застигнут и убит. Кто убил Святослава, наверно, и вовсе останется тайной, даже летописец говорит только о каком-то распоряжении Святополка. Что же произошло вне летописного свода, об этом можно гадать. Карамзин предпочитал гаданию текст. А из него получалось, что мучеников убил Святополк, за что получил имя Окаянного.

Но из той же летописи можно вывести лишь одно: Святополку, утвержденному на киевском столе, пришлось сражаться со своим братом Ярославом. Летопись оправдывает Ярослава, поскольку он как бы мстит за смерть Бориса и Глеба. Беда только, что войска у Святополка нет и ему приходится сначала просить о помощи печенегов (князья охотно прибежали к такому приему, но летописец упрекает именно Святополка, что он навел поганых на землю Русскую), вместе с которыми он был разбит на берегу Днепра (киевская дружина, стремясь объединиться с союзниками, пошла по тонкому льду и погибла), а затем — срочно спешить к своему тестю в Польшу за помощью. Это летописец назовет наведением ляхов на православную Русь.

Но дело было куда проще: Святополк отстаивал свой кусок пирога — Киев. Как великий князь он обязан был этим заниматься ради покоя в стране. А пока он добывал помощь, его жена с немецким епископом все так же сидели в тюрьме. Тюрьма находилась на се-

вере, во владениях Ярослава. Для последнего это была козырная карта.

Ярослав утвердился в Киеве, но киевлянам его правление не очень понравилось. И когда подоспел Святополк с Болеславом, киевляне просто сдали город Святополку. Правда, удача недолго грела этого князя. Киевлянам не понравилось поведение поляков, и они стали их понемногу прореживать. Болеслав, понимая, что так можно и всего войска лишиться, поспешил вывести свои отряды из Киева и других городов.

Летописец, между прочим, упрекнул Святополка и в этом «прореживании»: будто бы Святополк отдал такой приказ. Но до этого начались переговоры с Ярославом. Несчастный Святополк хотел только одного: возвращения своей жены и немецкого епископа из тюрьмы. Святополк предлагал ему честный обмен: жену с епископом на сестер Ярослава, оказавшихся в Киеве.

Ярослав предложение проигнорировал. Он убедил новгородцев в необходимости новой войны. Болеслав тем временем взял себе червенские города (предмет спора между соседними державами) и отошел в Польшу, по пути, на Буге, еще раз разгромив войско Ярослава. Но несколько ранее Ярославу удалось взять Киев, Святополк снова бежал, теперь к печенегам.

Сражение между Ярославом и Святополком состоялось на берегу речки Альты, где погиб Борис. Союзники были разбиты, Ярослав вернулся в Киев, а Святополк побоялся даже идти в Польшу, поскольку его жена оставалась в русском плену. Он, по Карамзину, «кончил гнусную жизнь свою в пустынях Богемских, заслужив проклятие современников и потомства», то есть печальнее судьбы и представить себе трудно. В истории он остался оклеветанным и реабилитированным потомками.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВ, ИЛИ ГЕОРГИЙ 1019—1054

Зато Ярослав удостоился похвального слова и вечной славы. Он воссел на киевском столе... и принялся планомерно уничтожать оставшихся братьев. История в вину ему этого не поставила.

Начал он не с братьев, а с полоцких князей. «В Полоцке княжил тогда Брячислав, сын Изяславов и внук Владимира,— пишет Карамзин.— Сей юноша хотел смелым подвигом утвердить свою независимость: взял Новгород, ограбил жителей и со множеством пленных возвращался в свое Удельное Княжение. Но Ярослав, выступив из Киева, встретил и разбил его на берегах реки Судомы, в нынешней Псковской Губернии. Пленники Новгородские были освобождены, а Брячислав ушел в Полоцк и, как вероятно, примирился с Великим Князем: ибо Ярослав оставил его в покое».

Что же это были за пленники новгородские, если Ярослав сорвался из Киева наперерез Брячиславу? Карамзин приподнимает завесу тайны: среди новгородских пленников была жена самого Ярослава, и захватил ее для полоцкого князя бывший союзник Ярослава по войне со Святополком варяг Эймунд. Так что Ярославу пришлось отбивать у полочан собственную супругу.

Уладив личные дела, он занялся наведением порядка. Первым от него пострадал князь Тьмутараканский Мстислав, брат Ярослава, но от другой матери. Мстиславу тоже хотелось занять Киев, но силы у него были невелики, так что он удовольствовался Черниговом, который — так у Карамзина — сам впустил к себе Мстислава.

Ярослава на юге тогда не было: он усмирал бунт в Суздале. Там он и получил известие, что Мстислав сел в Чернигове, и сразу отправился в Новгород, собирать войско. Мстислава он боялся. Это был сильный, отважный князь. Ярослав же храбростью не отличался, характер имел скрытный и подозревал всюду измену.

«Знаменитый Варяг Якун пришел на помощь к Ярославу,— пишет Карамзин.— Сей витязь Скандинавский носил на больных глазах шитую золотом луду или повязку; едва мог видеть, но еще любил войну и битвы. Великий Князь вступил в область Черниговскую. Мстислав ожидал его у Листвена, на берегу Руды; ночью изготовил войско к сражению; поставил Северян или Черниговцев в середине, а любимую дружину свою на правом и левом крыле.

Небо покрылось густыми тучами — и в то самое время, когда ударил гром и зашумел сильный дождь, сей отважный Князь напал на Ярослава. Варяги стояли мужественно против Северян: казалось, что ужас ночи, буря, гроза тем более остервеняли воинов, при свете молнии, говорит Летописец, страшно блистало оружие.

Храбрость, искусство и счастье Мстислава решили победу: Варяги, утомленные битвою с Черниговцами, смятые пылким нападением его дружины, отступили. Вождь их, Якун, бежал вместе с Ярославом в Новгород, оставив на месте сражения златую луду свою.

На другой день Мстислав, осматривая убитых, сказал: „Мне ли не радоваться? Здесь лежит Северянин, там Варяг; а собственная дружина моя цела“. Слово, недостойное доброго Князя: ибо Черниговцы, усердно пожертвовав ему жизнью, стоили по крайней мере его сожаления.

Но Мстислав изъявил редкое великодушие в рассуждении брата, дав ему знать, чтобы он безопасно шел в

Киев и господствовал, как старший сын великого Владимира, над всею правою стороною Днепра. Ярослав боялся верить ему; правил Киевом чрез своих Наместников и собирал войско.

Наконец сии два брата съехались у Городца, под Киевом; заключили искренний союз и разделили Государство: Ярослав взял западную часть его, а Мстислав восточную; Днепр служил границею между ими, и Россия, десять лет терзаемая внутренними и внешними неприятелями, совершенно успокоилась».

Впрочем, таковое положение дел длилось недолго. Однажды Мстислав поехал на охоту, почувствовал недомогание и скоро умер. Ярослав присоединил территорию Мстислава к своей половине. Все остальные братья Ярослава и вовсе в летописях не упоминаются. Известно только, что псковского Судислава великий князь посадил в «поруб» и там бедняга пребывал до самой смерти Ярослава.

О Ярославе известно, что он имел большое семейство и сумел организовать династические браки чуть не со всей Европой: «В Польше царствовал тогда Казимир, внук Болеслава *Храброго*: изгнанный в детстве из отечества вместе с матерью, он удалился (как рассказывают Историки Польские) во Францию и, не имея надежды быть Королем, сделался Монахом.

Наконец Вельможи Польские, видя мятеж в Государстве, прибегнули к его великодушию: освобожденный Папою от уз духовного обета, Казимир возвратился из кельи в чертоги Царские. Желая пользоваться дружбою могущественного Ярослава, он женился на сестре его, дочери Св. Владимира.

Польские Историки говорят, что брачное торжество совершилось в Кракове; что добродетельная и любезная

Мария, названная Доброгневою, приняла Веру Латинскую и что Король их взял за супругою великое богатство, множество серебряных и золотых сосудов, также драгоценных конских и других украшений. Собственный Летописец наш сказывает, что Казимир дал Ярославу за *вену* — то есть за невесту свою — 800 человек: вероятно, Россиян, плененных в 1018 году Болеславом.

Сей союз, одобренный здравою Политикою обоих Государств, утвердил за Россиею города Червенские; а Ярослав, как искренный друг своего зятя, помог ему смирить мятежника смелого и хитрого, именем Моислава, который овладел Мазовиею и хотел быть Государем независимым. Великий Князь, разбив его многочисленное войско, покорил сию область Казимиру.

Нестор совсем не упоминает о дочерях Ярославовых; но достоверные Летописцы чужестранные именуют трех: Елисавету, Анну и Анастасию, или Агмунду. Первая была супругою Гаральда, Принца Норвежского. В юности своей выехав из отечества, он служил Князю Ярославу; влюбился в прекрасную дочь его, Елисавету, и, желая быть достойным ее руки, искал великого имени в свете. Гаральд отправился в Константинополь; вступил в службу Императора Восточного; в Африке, в Сицилии побеждал неверных; ездил в Иерусалим для поклонения Святым Местам и чрез несколько лет, с богатством и славою возвратясь в Россию, женился на Елисавете, которая одна занимала его сердце и воображение среди всех блестящих подвигов героизма. Наконец он сделался Королем Норвежским.

Вторая княжна, Анна, сочеталась браком с Генриком I, Королем Французским. Папа объявил кровосмешением супружество отца его и гнал Роберта как беззаконника за то, что он женился на родственнице в четвертом ко-

лене. Генрик, будучи свойственником Государей соседственных, боялся такой же участи и в стране отдаленной искал себе знаменитой невесты.

Франция, еще бедная и слабая, могла гордиться союзом с Россиею, возвеличенною завоеваниями Олега и Великих его преемников. В 1048 году — по известию древней рукописи, найденной в Сент-Омерской церкви, — Король отправил Послом к Ярославу Епископа Шалонского, Рогера: Анна приехала с ним в Париж и соединила кровь Рюрикову с кровию Государей Французских.

По кончине Генрика I, в 1060 году, Анна, славная благочестием, удалилась в монастырь Санлизский; но чрез два года, вопреки желанию сына, вступила в новое супружество с Графом де-Крепи. Один Французский Летописец говорит, что она, потеряв второго, любезного ей супруга, возвратилась в Россию: но сие обстоятельство кажется сомнительным. Сын ее, Филипп, царствовал во Франции, имея столь великое уважение к матери, что на всех бумагах государственных Анна вместе с ним подписывала имя свое до самого 1075 года. Честолюбие, узы семейственные, привычка и Вера Католическая, ею принятая, удерживали сию Королеву во Франции.

Третья дочь Ярославова, Анастасия, вышла за Короля Венгерского, Андрея I. Вероятно, что сей брачный союз служил поводом для некоторых Россиян переселиться в Венгрию, где в разных Графствах, на левой стороне Дуная, живет доньше многочисленное их потомство, утратив чистую Веру отцев своих.

Ссылаясь на Летописцев Норвежских, Торфей называет Владимира, старшего Ярославова сына, супругом Гиды, дочери Английского Короля Гаральда, побежденного Вильгельмом *Завоевателем*. Саксон Грамматик,

древнейший Историк Датский, также повествует, что дети несчастного Гаральда, убитого в Гастингском сражении, искали убежища при дворе Свенона II, Короля Датского, и что Свенон выдал потом дочь Гаральдову за Российского Князя, именем Владимира; но сей Князь не мог быть *Ярославич*. Гаральд убит в 1066 году, а Владимир, сын Ярославов, скончался в 1052 (построив в Новгороде церковь Св. Софии, которая еще не разрушена временем и где погребено его тело).

Кроме Владимира, Ярослав имел пятерых сыновей: Изяслава, Святослава, Всеволода, Вячеслава, Игоря. Первый женился на сестре Казимира Польского, несмотря на то, что его родная тетка была за сим Королем; а Всеволод, по сказанию Нестора, на *Греческой Царевне*. Новейшие Летописцы называют Константина Мономаха тестем Всеволода; но Константин не имел детей от Зои. Мы не знаем даже, по Византийским летописям, ни одной Греческой Царевны сего времени, кроме Евдокии и Феодоры, умерших в девстве. Разве положим, что Мономах, еще не быв Императором, прижил супругу Всеволодову с первою, неизвестною нам женою?

О супружестве других сыновей Ярославовых не можем сказать ничего *верного*. Историки Немецкие пишут, что дочь Леопольда, Графа Штадского, именем Ода, и Кунигунда, Орламиндская Графиня, вышли около половины XI века за Князей Российских, но, скоро овдовев, возвратились в Германию и сочетались браком с Немецкими Принцами. Вероятно, что Ода была супругою Вячеслава, а Кунигунда Игоревую: сии меньшие сыновья Ярославовы скончались в юношестве, и первая от Российского Князя имела одного сына, воспитанного ею в Саксонии: думаю, Бориса Вячеслави-

ча, о коем Нестор говорит только с 1077 года и который мог до того времени жить в Германии. Летописцы Немецкие прибавляют, что мать его, выезжая из нашего отечества, зарыла в землю сокровище, найденное им по возвращении в Россию».

Приписывают Ярославу и создание русской правовой системы, хотя законы, известные под названием Ярославовой правды, были доработаны уже при его сыновьях. Так что часть этого законодательного свода носит имя Правды Ярославичей. Очевидно, что долгое время на землях Руси действовала обычная кровная месть. С этим мы сталкиваемся, например, во времена Ольги. Но спустя два века потребовалось соотнести местное законодательство с европейским и византийским. Нужны были писанные законы, которые бы исполнялись по всей стране одинаково.

Таким кодексом и стала Ярославова правда. Новшеством здесь была замена смерти или увечья в ответ на смерть и увечье денежными выплатами. Разные категории населения по этому законодательству имели право возмещения ущерба согласно своему положению в обществе.

«Кто убьет человека, тому родственники убитого мстят за смерть смертью; а когда не будет мстителей, то с убийцы взыскать деньгами в Казну: за голову Боярина Княжеского, Тиуна *Огнищан*, или граждан именитых, и Тиуна *Конюшего* — 80 гривен или двойную Виру; за Княжеского Отрока или Гридню, *повара, конюха, купца*, Тиуна и Мечника Боярского, за всякого Людина, то есть свободного человека, Русского (Варяжского племени) или Славянина — 40 гривен или Виру, а за убиение жены полвиры. За раба нет Виры; но кто убил его безвинно, должен платить господину так называемый урок, или цену убитого: за Тиуна *сельского* или старосту Княжеско-

го и Боярского, за ремесленника, дядьку или пестуна, и за кормилицу 12 гривен, за простого холопа Боярского и Людского 5 гривен, за рабу шесть гривен, и сверх того в Казну 12 гривен *продажи, дани или пени*».

Высшее место в обществе занимали бояре княжеские, тиуны, именитые горожане, на втором месте стояли военные люди, купцы, свободное население, еще ниже податное население и на самом низу иерархии — холопы, то есть рабы. В холопство обельное, то есть рабство, человек мог попасть разными путями: за долги заимодавцу, за женитьбу на рабыне, за продажу личной свободы (что практиковалось особенно в голодные годы), даже от незнания местного правила, гласившего, что согласившийся стать слугой автоматически становится рабом, если не заключит с хозяином договор.

Убийство во время ссоры или пьяном угаре, если виновник известен, налагало вину не только на него, но и на весь мир, то есть пеню платила, допустим, вся деревня, где случилось несчастье. Если виновник не был известен, хотя убийство произошло, мир ничего не платил. Зато за убийство без ссоры, то есть по умыслу, виновника отдавали на поток всей семьей.

В Ярославовой правде были оговорены случаи нанесения самых разнообразных увечий, за них тоже полагалась теперь узаконенная плата (раньше вопрос решался просто: выбил в драке глаз — готовься потерять собственный).

«За повреждение ноги, руки, глаза, носа виновный платит 20 гривен в Казну, а самому изувеченному 10 гривен; за выдернутый клоч борода 12 гривен в Казну; за выбитый зуб то же, а самому битому гривну; за отрубленный палец 3 гривны в Казну, и раненому гривну. Кто погрозит мечом, с того взять гривну пени; кто же вынул

его для обороны, тот не подвергается никакому взысканию, ежели и ранит своего противника. Кто самовольно, без Княжеского повеления, накажет *Огнищанина* (именитого гражданина) или *Смерда* (земледельца и простого человека), «платит за первого 12 гривен Князю, за второго 3 гривны, а битому гривну в том и в другом случае. Если холоп ударит свободного человека и скроется, а господин не выдаст его, то взыскать с господина 12 гривен. Истец же имеет право везде умертвить раба, своего обидчика».

Закон вводил необходимость доказывать, что жертва подверглась насилию, для этого требовалось представить либо очевидцев события, либо вещественные доказательства. Оговаривалось также, что в доме хозяин имеет право убить ночного вора, а если не убьет, то его нужно связать и держать до света, после чего вести на княжеский суд. Если связанного вора убивали, за это полагалось платить, как за обычное убийство. Разного рода кражи и порча имущества тоже наказывались выплатой пени. За воровство своей челяди хозяева обязаны были возмещать ущерб пострадавшим.

Оговаривались и случаи, когда хозяин украденного добра вдруг случайно опознавал его у другого человека. Тут требовалось доказать, что эта вещь прежде принадлежала потерпевшему. Для подтверждения истинности показаний требовалось тоже предоставить свидетелей. Свидетелями могли быть только люди свободные, и только в редких случаях, когда дело было слишком серьезным, разрешали допрашивать слугу или холопа. Последние считались имуществом и бегство или кража несвободного человека рассматривалось как порча или потеря вещи.

При обнаружении беглых холопов хозяин мог потребовать с приютившего его определенную сумму денег. Эта статья закона, наверно, часто использовалась, потому что механизм возвращения раба прописан до мелочей:

«О беглом холопе господин объявляет на торгу, и ежели чрез три дни опознает его в чьем доме, то хозяин сего дому, возвратив укрытого беглеца, платит еще в Казну 3 гривны.— Кто беглецу даст хлеба или укажет путь, тот платит господину 5 гривен, а за рабу 6, или клянется, что он не слышал об их бегстве. Кто представит ушедшего холопа, тому дает господин гривну; а кто упустит задержанного беглеца, платит господину 4 гривны, а за рабу 5 гривен: в первом случае пятая, а во втором шестая уступается ему за то, что он поймал беглых.— Кто сам найдет раба своего в городе, тот берет Посадникова Отрока и дает ему 10 кун за свяжание беглеца».

Точно так же был проработан механизм законов, связанных с возвращением денег.

«Ежели кто будет требовать своих денег с должника, а должник запрется, то истец представляет свидетелей. Когда они поклянутся в справедливости его требования, заимодавец берет свои деньги и еще 3 гривны в удовлетворение.

Ежели заем не свыше трех гривен, то заимодавец один присягает; но больший иск требует свидетелей или без них уничтожается.

Если купец поверил деньги купцу для торговли и должник начнет запираяться, то свидетелей не спрашивать, но ответчик сам присягает».

Законодатель хотел, кажется, изъявить в сем случае особенную доверенность к людям торговым, которых дела бывают основаны на чести и Вере.

«Если кто многим должен, а купец *иностранный*, не зная ничего, поверит ему товар: в таком случае продать должника со всем его имением, и *первыми* вырученными деньгами удовлетворить иностранца или Казну; остальное же разделить между прочими заимодавцами: но кто из них взял уже много ростов, тот лишается своих денег.

Ежели чужие товары или деньги у купца потонут, или сгорят, или будут отняты неприятелем, то купец не отвечает ни головою, ни вольностию и может разложить платеж в сроки: ибо власть Божия и несчастье не суть вина человека. Но если купец в пьянстве утратит вверенный ему товар или промотает его, или испортит от небрежения: то заимодавцы поступят с ним, как им угодно: отсрочат ли платеж, или продадут должника в неволю.

Если холоп *обманом*, под именем вольного человека, испросит у кого деньги, то господин его должен или заплатить, или отказаться от раба; но кто поверит *известному* холопу, лишается денег.

Господин, позволив рабу торговать, обязан платить за него долги».

Часть законов была посвящена правам наследования. И это тоже очень разработанный пласт узаконений.

«Когда простолюдин умрет бездетен, то все его имение взять в Казну; буде остались дочери незамужние, то им дать некоторую часть оного. Но Князь не может наследовать после Бояр и мужей, составляющих воинскую дружину; если они не имеют сыновей, то наследуют дочери».

Но когда не было и последних? Родственники ли брали имение или князь?..

Здесь видим законное, важное преимущество чиновников воинских.

«Завещание умершего исполняется в точности. Буде он не изъявил воли своей, в таком случае отдать все детям, а часть в церковь для спасения его души. Двор отцевский всегда без раздела принадлежит меньшему сыну» — как юнейшему и менее других способному наживать доход.

«Вдова берет, что назначил ей муж: впрочем она не есть наследница.

Дети первой жены наследуют ее достояние или вено, назначенное отцом для их матери. Сестра ничего не имеет, кроме добровольного приданого от своих братьев.

Если жена, дав слово остаться вдовою, проживет имение и выйдет замуж, то обязана возвратить детям все прожитое. Но дети не могут согнать вдовствующей матери со двора или отнять, что отдано ей супругом. Она властна избрать себе одного наследника из детей или дать всем равную часть. Ежели мать умрет *без языка*, или без завещания, то сын или дочь, у коих она жила, наследуют все ее достояние.

Если будут дети разных отцов, но одной матери, то каждый сын берет отцевское. Если второй муж расхитил имение первого и сам умер, то дети его возвращают оное детям первого, согласно с показанием свидетелей.

Если братья станут тягаться о наследии пред князем, то Отрок Княжеский, посланный для их раздела, получает гривну за труд.

Ежели останутся дети малолетние, а мать выйдет замуж, то отдать их при свидетелях на руки ближнему родственнику, с имением и с домом; а что сей опекун присовокупит к оному, то возьмет себе за труд и попечение о малолетних; но приплод от рабов и скота остается детям.

За все утраченное платит опекун, коим может быть и сам вотчим.

Дети, прижитые с рабою, не участвуют в наследии, но получают свободу, и с материю».

Надо сказать, что суд вершил князь или назначенные князем судьи, но в Новгороде дело обстояло несколько иначе. Там для вынесения решения слушали дело 12 горожан, которые и выносили решение. Но хотя процедура суда отличалась в Киеве и Новгороде, законы были одинаковы для всей земли.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ИЗЯСЛАВ, НАЗВАННЫЙ В КРЕЩЕНИИ ДИМИТРИЕМ 1054—1077

Ярослав дожил до старости и оставил множество сыновей, которые в свою очередь заняли отписанные им уделы: «Область Изяславова, сверх Новагорода, простиралась от Киева на Юг и Запад до гор Карпатских, Польши и Литвы. Князь Черниговский взял еще отдаленный Тмуторокань, Рязань, Муром и страну Вятичей; Всеволод, кроме Переяславля, Ростов, Суздаль, Белоозеро и *Поволжье*, или берега Волги. Смоленская область заключала в себе нынешнюю Губернию сего имени с некоторою частию Витебской, Псковской, Калужской и Московской.

Пятый сын Ярославов, Игорь, получил от старшего брата, в *частный* Удел, город Владимир. Князь Полоцкий, внук славной Рогнеды, Брючислав, умер еще в 1044 году: сын его, Всеслав, наследовал Удел отца — и Россия имела тогда шесть юных Государей».

Единственный из перечисленных, полоцкий князь не был Ярославичем. Но его княжество считалось частью Руси. Великим князем был Изяслав, старший сын Ярослава. Первые десять лет его правления прошли спокойно, но затем на сцену истории выступили дотоле неизвестные кочевые племена — половцы, которые сменили досаждавших прежде печенегов. Эта новая опасность была еще неизведанна.

Между братьями царил видимый мир, решения они стремились принимать сообща. Но оказалось, что даже при таком единогласии всего предусмотреть невозможно. Если не враждовали дети, то усобицы начались у внуков. У каждого из князей имелись сыновья, но иногда эти сыновья оказывались лишенными удела. Так случилось и с Ростиславом, сыном Владимира Ярославича. Своего удела у него не было. Деятельный князь решил восстановить справедливость и отобрал в удел княжество Тьмутараканское.

Порядок наследования на Руси был сложным. Начнем с того, что особое примечание к завещанию Ярослава предполагало, что право на власть имеют только трое старших сыновей. Разумеется, таким распоряжением были недовольны те, кто не вошел в число избранных. Сразу появились обиженные и ущемленные.

Карамзин с умилением сообщает, что после смерти Вячеслава в 1057 году братья сообща решили участь его наследства, и видит в этом положительное явление. Но правда была глубже: не произойди таковой раздел, сын Владимира Ярославича Ростислав не оказался бы без своей земли — Вячеслав был смоленским князем, но его сына лишили Смоленска, а с Волыни в Смоленск перевели Игоря, в то же время на Волынь отправили племянника Ростислава, ростовского князя.

Через какое-то время умер Игорь, но Смоленск не получили ни дети Игоря, ни Ростислав. Ростислав, ожидавший, что его переведут с Волыни в Смоленск, оскорбился и... отправился в Тьмутаракань собирать войска.

Между тем раздоры поселились и между тремя старшими братьями. Святослав столкнулся мало что с Ростиславом Владимировичем, которого пришлось устранять трудно и с неприятностями, но и с полоцким князем Всеславом. «Сей правнук Рогнедин ненавидел детей Ярославовых и считал себя законным наследником престола Великокняжеского: ибо дед его, Изяслав, был старшим сыном Св. Владимира. Современный Летописец называет Всеслава злым и кровожадным, суеверно приписывая сию жестокость какой-то волшебной повязке, носимой сим Князем для закрытия природной на голове язвыны. Всеслав, без успеха осаждав Псков, неожиданно завоевал Новгород; пленил многих жителей; не пощадил и святыни церквей, ограбив Софийскую. Оскорбленные такою наглостию, Ярославичи соединили силы свои и, несмотря на жестокою зиму, осадили Минск в Княжестве Полоцком; взяли его, умертвили граждан, а жен и детей отдали в плен воинам.

Всеслав сошелся с неприятелями на берегах Немана, покрытых глубоким снегом. Множество Россиян с обеих сторон легло на месте. Великий Князь победил; но, еще страшась племянника, вступил с ним в мирные переговоры и звал его к себе. Всеслав, поверив клятве Ярославичей, что они не сделают ему никакого зла, переехал Днепр на лодке близ Смоленска. Великий Князь встретил его, ввел в шатер свой и отдал в руки воинам: несчастного взяли вместе с двумя сыновьями, отвезли в Киев и заключили в темницу».

Если перевести эти слова Карамзина на современный язык, исключая елей Ярославичам, то действовали те как клятвопреступники. Всеслава отделили от семьи и посадили в киевскую темницу. Чтобы родственник никуда не сбежал, тюрьма находилась прямо в великокняжеском доме. Но Ярославичи недолго радовались успеху: только они расправились с Всеславом, как налетели половцы. Князья потерпели жестокое поражение.

«Великий Князь и Всеволод ушли в Киев, а Святослав в Чернигов. Воины первого, стыдясь своего бегства, требовали Веча; собрались на торговой площади, в Киевском Подоле, и прислали сказать Изяславу, чтобы он дал им оружие и коней для вторичной битвы с Половцами. Великий Князь, оскорбленный сим своевольством, не хотел исполнить их желания. Сделался мятеж, и недовольные, обвиняя во всем главного Воеводу Изяславова, именем Коснячка, окружили дом его. Воевода скрылся.

Мятежники разделились на две толпы: одни пошли отворить городскую темницу, другие на двор Княжеский. Изяслав, сидя с дружиною в сенях, смотрел в окно, слушал укоризны народа и думал усмирить бунт словами. Бояре говорили ему, что надобно послать стражу к заточенному Всеславу; наконец, видя остервенение черни, советовали Великому Князю тайно умертвить его.

Но Изяслав не мог ни на что решиться, и бунтовщики действительно освободили Полоцкого Князя: тогда оба Ярославича в ужасе бежали из столицы, а народ объявил Всеслава Государем своим и разграбил Дом Княжеский, похитив великое множество золота, серебра, куниц и белок».

Негодование народа было так велико, что Изяслав бежал в Польшу. Но и Всеслав не смог удержаться у власти. Он тайно бежал назад, в Полоцк.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВСЕВОЛОД 1078—1093

Между тем Изяслав подошел с польским войском. Киевляне, наученные горьким опытом, поляков в город не пустили. Зато послали послов к Святославу и Всеволоду: «Врата Киева для вас отверсты, — говорили Послы, — идите спасти град великого отца своего; а ежели не исполните нашего моления, то мы, обратив в пепел столицу России, с женами и детьми уйдем в землю Греческую».

Святослав обещал за них вступиться, но требовал, чтобы они изъявили покорность Изяславу. «Когда брат мой, — сказал Черниговский Князь, — войдет в город мирно и с малочисленною дружиною, то вам нечего страшиться. Когда же он захочет предать Киев в жертву Ляхам, то мы готовы мечом отразить Изяслава, как неприятеля».

В то же самое время Святослав и Всеволод известили брата о раскаянии Киевлян, советуя, чтобы он удалил Поляков, шел в столицу и забыл мщение, если не хочет быть врагом России и братьев. Великий Князь, дав слово быть милосердным, послал в Киев сына своего, Мстислава, который, в противность торжественному договору, начал как зверь свирепствовать в столице: умертвил 70 человек, освободивших Всеслава; других ослепил и жестоко наказал множество невинных, без суда, без всякого исследования. Граждане не смели жаловаться и с покорностию встретили Изяслава, въехавшего в столицу с Болеславом и с малым числом Поляков.

Но долго Изяслав не продержался. Святослав стал распускать слух, что Изяслав сговаривается с полоц-

ким Всеславом. Про Всеслава ходила легенда, что он чародей, так что полоцкого князя боялись.

Всеволод струхнул. Вместе с братом он отправился брать Киев. Изяслав снова вынужден был бежать и снова в Польшу. На его место сел Святослав. В свободный от князя Чернигов перешел Всеволод.

Через три года Святослав умер, на его место в Киеве сел Всеволод. Однако не усидел: из Польши с войском выдвинулся законный киевский князь Изяслав. Всеволод предпочел решить дело миром и отдал ему Киев. Но против этого возмутились племянники, началась междоусобица, в одном из боев Изяслав погиб.

Тогда в Киев снова сел Всеволод (он из сыновей Ярослава теперь остался один). Всеволод «утвердил Святополка на Княжении Новгородском: другому сыну Изяславову, Ярополку, отдал Владимир и Туров, а Мономаху Чернигов».

Но правление Всеволода было очень беспокойным. Он любил мир, как пишет Карамзин, но видел беспрестанное кровопролитие. То нападет полоцкий Всеслав и захватит Смоленск, а сын Всеволода Владимир пойдет отбивать город, но застанет одно пепелище. То Ростиславичи захватят Владимир. То Давид Игоревич вопреки всем договорам начнет грабить на южных окраинах греческих купцов. То Ярополк начнет интриговать. То нападут камские болгары. То вроде все уладится с искателями уделов, но придет голод. В 1092 году «от беспрестанных, неслыханных жаров везде иссохли поля, и леса в болотных местах сами собою воспламенялись, к ужасу сельских жителей; голод, болезни, мор свирепствовали во многих областях, и в одном Киеве умерло от 14 Ноября до 1 Февраля 7000 человек».

И не было этому конца. В последний год Всеволод стал избегать общения с князьями, бояр видеть не желал, напротив, приблизил совсем молодых людей, на управление махнул рукой, о нападениях врагов слышать не желал, то есть от дел отошел и почти впал в детство. В самом конце жизни он призвал в Киев старшего Владимира и Ростислава, у них на руках и умер.

После его смерти в 1093 году на стол претендуют уже внуки Ярослава. По правилу занять стол должен старший сын старшего сына. Всеволод не был старшим сыном, его Владимиру и Ростиславу ожидать великокняжеской власти было нечего. Стол занимает старший сын старшего сына Ярослава (Изяслава) — Святополк Изяславич, вошедший в историю как Святополк (в крещении Михаил).

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ СВЯТОПОЛК-МИХАИЛ 1093—1112

Святополк был князем Туровским. Прежде он сидел в Новгороде, но горожане были им недовольны и прогнали его. Ладить с народом этот князь не умел.

Перебравшись из Турова в Киев, он обрадовался власти, его хорошо встретили и ожидали от него улучшения жизни, но князь надежд не оправдал. Первое, что он сделал, будучи нрава горячего, — принял половецких послов, выслушал и тут же отправил их в поруб. Половцы обиделись, Святополк одумался — но дело было сделано. Кочевники пошли на Русь.

Князья стали собирать войско. Противники сошлись у речки Стугны. Осторожные воины предупреж-

дали, что не стоит переходить речку, нужно просто устроить половцев блеском оружия, а потом завести переговоры о мире. Но молодые князья решили атаковать врага.

«Святополк вел правое крыло, Владимир левое: Ростислав находился в середине. Они поставили знамена между земляными укреплениями Трипольскими и ждали неприятеля, который, выслав наперед стрелков, вдруг устремился всеми силами на Святополка. Киевляне не могли выдержать сего удара и замешались. Великий Князь оказал примерную неустрашимость; бился долго, упорно и последний оставил место сражения. Средина и левое крыло, не умев искусным, быстрым движением спасти правого, еще несколько времени стояли, но также уступили превосходству неприятеля.

Земля дымилась кровию. Россияне, спасаясь от меча победителей, толпами гибли в реке Стугне, которая от дождей наполнилась водою. Мономах, видя утопающего брата, забыл собственную опасность и бросился во глубину: усердная дружина извлекла его из волн — и сей Князь, оплакивая Ростислава, многих Бояр своих, отечество, с горестию возвратился в Чернигов, а Святополк в Киев. Несчастливая мать Ростиславова ожидала сына: ей принесли тело сего юноши, коего безвременная смерть была предметом всеобщего сожаления.

Половцы снова осадили Торческ. Граждане оборонялись мужественно; но, изнуренные голодом и жаждою, напрасно требовали съестных припасов от Святополка: бдительный неприятель со всех сторон окружил город, который держался более двух месяцев. Половцы, оставив часть войска для осады, приблизились к столице. Святополк хотел еще сразиться и, вторично разбитый под Киевом, ушел только с двумя воинами. Торческ

сдался [23 Июля 1093 г.]: стены и здания его обратились в пепел, а граждане были отведены в неволю».

Святополк не знал, что предпринять. Средством решения проблемы он выбрал династический брак: князь женился на дочери хана Тугоркана. Это не помогло: у половцев было много ханов. Если Святополк замирился с одной половецкой ордой, то Олег Святославич, желая отвоевать себе Чернигов, привел на Русь другую. Для него половцы были союзниками.

Владимиру Мономаху пришлось срочно налаживать свои отношения с другой половецкой ордой, он даже отдал в аммонаты (заложники) своего сына Святослава. Итларь и Китан заключили с Мономахом союз. Но Мономах уговорили хитростью и вероломством освободить Святослава из плена. Ночью на лагерь половцев напал вооруженный отряд, хана Китана вместе с вооруженной охраной зарезали, а утром был убит и доверившийся князьям хан Итларь. Святослава вернули в Киев.

В этот год русские князья впервые осмелились не отражать удары половцев, а сами пойти на половцев в степи. Как замечает Карамзин, после такого вероломства терять им было нечего. Из похода они вернулись с богатой добычей. Но половцы в отместку пожгли городок Юрьев.

У Олега, черниговского князя, содержался половецкий знатный юноша. Владимир и Святополк стали требовать, чтобы Олег либо убил этого кочевника, либо выдал его на расправу. Олег отказался. «Святополк и Владимир,— повествует Карамзин,— действуя во всем согласно, вооруженною рукою отняли у Давида Святославича, брата Олегова, Смоленск, отданный ему, как вероятно, еще Всеволодом, и послали его княжить в Новгород, откуда Мономах перевел сына своего, Мсти-

слава, в Ростов; но своевольные Новгородцы чрез два года объявили Давиду, что он им не надобен, и вторично призвали к себе, на его место, Мстислава.

Лишенный Удела, Давид прибегнул, может быть, к Олеговой защите: по крайней мере ему возвратили область Смоленскую. Юный сын Мономахов, Изяслав, Правитель Курска, подал новый ко вражде случай, нечаянно завладев Муромом, городом Черниговского Князя, и взяв в плен Олегова наместника. В сих обстоятельствах Святополк и Владимир прислали звать Олега в Киев, на съезд *Княжеский*. „Там, в старейшем граде Русском,— говорили они,— утвердим безопасность Государства в общем совете с знаменитейшим Духовенством, с Боярами отцев наших и гражданами“.

Олег, не веря их доброму намерению, с гордостью им ответствовал: „Я — Князь, и не хочу советоваться ни с Монахами, ни с чернию“. *Когда так, сказали Святополк и Владимир: когда не хочешь воевать с неприятелями земли Русской, ни советоваться с братьями, то признаем тебя самого врагом отечества, и Бог да судит между нами!*

Взяв Чернигов, они приступили к Стародубу, где находился Олег, и более месяца проливали невинную кровь в жестоких битвах. Наконец Черниговский Князь, смиренный голодом, должен был покориться и клятвенно обещал приехать на совет в Киев вместе с братом своим Давидом».

Олег на княжеский суд так и не явился. Вместо этого он отобрал у Изяслава Муром, Суздаль и Ростов. Изяслав по случайности погиб в бою с Олегом. Брат Изяслава, новгородский князь Мстислав, разбил Олега и принудил того заключить мир. Олег оставил Суздаль. Но каково ж было удивление Мстислава, когда через короткое время Олег снова явился под стенами города.

Карамзин считает, что Олег не ожидал, что его молодой племянник сможет быстро собрать войско. Но Мстислав смог. В сражении против Олега выступили не только русские князья, но и союзные половцы. Олег был разбит. Мстислав, впрочем, разрешил ему вернуться в Муром.

А скоро князья вынуждены были собраться в городке Любеч на съезд, чтобы разобраться, кто кому друг, кто враг и как жить дальше. В историю эта встреча князей так и вошла под названием Любечского съезда. На съезде князья клялись поступать по закону, не нарушать права наследования и владения и целовали крест, что не нарушат обещания.

Но как только съезд завершился, «Давид Игоревич, приехав из Любеча в Киев, объявил Святополку, что Мономах и Василько Ростиславич суть их тайные враги; что первый думает завладеть престолом Великокняжеским, а второй городом Владимиром; что убиенный брат их, Ярополк Изяславич, погиб от руки Василькова наемника, который ушел к Ростиславичам; что благоразумие требует осторожности, а месть жертвы».

Святополк поверил. Он приказал схватить Василько и заковать в цепи, а потом вывел на площадь и всенародно объявил то, что Давид рассказал ему о заговоре. Сам казнить князя он не желал и передал его слугам Давида. В Белгороде Василько вырезали ножом оба ока, а потом перевезли во Владимир, где Давид заточил его в тюрьму.

Об этом вероломстве узнали другие князья. От Святополка требовали ответа. Тот рассказал, как было дело, и что ослепили Василько люди Давида. Только ради сохранения мира между князьями Мономах согласился простить Святополку обиду, но князья постановили: Давида поймать и наказать.

Однако Давид предполагал, как может обернуться ситуация. Он решил торговаться, имея в своем застенке Василько. Но тут ему не повезло. Желая захватить земли Василько, он столкнулся с Володарем Ростилевичем и был рад, что остался жив. А тем временем на него шел уже Святополк, поклявшийся наказать клеветника. Давид бросился за помощью к польскому королю, но тот золото взял, но сговорился со Святополком. Пришлось Давиду отдать Святополку Владимир, а самому уехать в Польшу.

Ослепленный Василько тем временем был освобожден из темницы. Между тем Святополк решил воспользоваться землями Василько и пошел на них войной. Но ни Перемышля, ни Теревовля он не отвоевал, напротив, был разбит и бежал в Киев. Этим воспользовался Давид и пошел воевать Святополковы города, но был разбит.

Усобица нарастала. Князьям пришлось снова встречаться, уже имея перед собой Давида, от которого потребовали высказать все неудовольствия и подозрения прямо в глаза. После чего все снова вроде бы примирились... до новой стычки. Такие стычки продолжались все правление Святополка до его кончины в 1113 году. На киевский стол после Святополка взошел Владимир Мономах.

МОНОМАХ И МОНОМАШИЧИ

ВЛАДИМИР МОНОМАХ, НАЗВАННЫЙ В КРЕЩЕНИИ ВАСИЛИЕМ 1113—1125

Карамзин считал князя Владимира Мономаха одним из лучших правителей древней Киевской Руси. Особо он отмечал, что Владимир, понимая, что не является старшим из наследников, не желал получить киевский стол помимо своих родичей. «Вероятно, что он боялся оскорбить Святославичей,— пояснял историк,— которые, будучи детьми старшего Ярославова сына, по тогдашнему обыкновению должны были наследовать престол Великокняжеский. Сей отказ имел несчастные следствия: Киевляне не хотели слышать о другом Государе; а мятежники, пользуясь безначалием, ограбили дом Тысячского, именем Путяты, и всех Жидов, бывших в столице под особенным покровительством корыстолюбивого Святополка.

Спокойные граждане, приведенные в ужас таким беспорядком, вторично звали Мономаха. „Спаси нас, говорили их Послы, от неистовства черни; спаси от грабителей дом печальной супруги Святополковой, собственные наши дома и святыню монастырей“.

Владимир приехал в столицу: народ изъявил необычайную радость, и мятежники усмирились, видя Князя

великодушного на главном престоле Российском. Даже и Святославичи не противились общему желанию; уступили Мономаху права свои, остались Князьями Удельными и жили с ним в согласии до самой их кончины. Они счастливее отцев своих торжествовали вместе принесение [2 мая 1115 г.] мощей Св. Бориса и Глеба из ветхой церкви в новый каменный храм Вышегородский: сим действием Владимир изъявил, в начале своего правления, не только набожность, но и любовь к отечеству: ибо древняя Россия признавала оных Мучеников главными ее небесными заступниками, ужасом врагов и подпорою наших воинств. Еще будучи Князем Переяславским, он украсил серебряную раку святых золотом, хрусталем и резьбою столь хитрую, как говорит Летописец, что Греки дивились ее богатству и художеству.

Из отдаленнейших стран России собрались тогда в Вышегороде Князья, Духовенство, Воеводы, Бояре; бесчисленное множество людей теснилось на улицах и стенах городских; всякий хотел прикоснуться к святому праху, и Владимир, чтобы очистить дорогу для клироса, велел бросать народу ткани, одежды, драгоценные шкуры зверей, сребреники. Олег дал роскошный пир Князьям; три дня угощали бедных и странников. Сие торжество, и церковное и государственное, изображая дух времени, достойно замечания в истории. Мономах спешил также благодеяниями человеколюбивого законодательства утвердить свое право на имя отца народного».

Не более и не менее. Отца народного. И, по рассуждениям Карамзина, этот князь был достоин так именоваться.

С легкой руки Николая Михайловича в русскую историю вошли все те старинные байки, которые делали для него образ Мономаха ярче и значительнее, а для

патриотически настроенных умов звучали как сладчайшая музыка. Он приписывал Мономаху и его сыновьям чудесные военные подвиги. Будто бы в его правление только поход русских князей на финские земли спас народ от голода, будто бы при нем боялись поднять голову половцы, черные клобуки и казанские болгары, а беловежцы вообще по доброй воле просили принять их под крыло Киева.

«Успехи Мономахова оружия так прославили сего Великого Князя на Востоке и Западе,— говорит он,— что имя его, по выражению Летописцев, гремело в мире, и страны соседственные трепетали оного».

Трепетала даже Византия, на которую Владимир ходил походами. И устрасил Алексея Комнина так, что тот «прислал в Киев дары: крест животворящего древа, чашу сердоликовую Августа Кесаря, венец, золотую цепь и бармы Константина Мономаха, деда Владимира; что Неофит, Митрополит Ефесский, вручил сии дары Великому Князю, склонил его к миру, венчал в Киевском Соборном храме Императорским венцем и возгласил Царем Российским. В Оружейной Московской Палате хранятся так называемая *Мономахова золотая шапка*, или корона, цепь, держава, скипетр и древние бармы, коими украшаются Самодержцы наши в день своего торжественного венчания и которые действительно могли быть даром Императора Алексия».

И хотя строкой ниже Карамзин пояснил, что перечисленные предметы могли быть действительно вытребованы у греков, поскольку в XIV—XV столетиях некоторые из них передавались по завещанию, то есть упомянуты в документах, но сам блистательный поход на Фракию он считал мифом, грядущие патриотические умы взяли на вооружение и победонос-

ное шествие по Фракии, и получение даров, и тем более венчание на царство. Эта точка зрения стала официальной. Еще бы, она ведь была запечатлена в летописи! А Карамзин первой ее преподнес широкой публике.

Но учитывая, что Карамзин нашел самодержавие во времена Рюрика, стоит ли удивляться, что мономахово венчание на царство в XII веке не вызывало у него никакого сомнения? И хотя это несколько не согласовалось с реальным венчанием на царство, только уже московское, во времена Ивана Третьего, венчание Мономаха было для историка неоспоримым фактом. А то, что до Ивана не было подобной процедуры, он объясняет фрагментом из другой летописи, уже более поздней: якобы, умирая, Мономах произнес такие слова: да не венчают никого на царство после моей смерти, отечество наше разделено на многие области: если будет царь, то удельные князья от зависти начнут воевать с ним, и государство погибнет. И якобы он вручил своему сыну Георгию (шестому по старшинству!) греческие регалии и велел спрятать до той поры, когда «бог воздвигнет царя, истинного самодержца», а пока время не пришло — беречь и передавать из рода в род.

Странное пожелание, не так ли? И странный выбор хранителя — предка московских государей...

Доказательством, что венчание Мономаха на царство было, историк считал также подтверждение этого факта в письме византийского патриарха Иосафа к царю Ивану Грозному от 1561 года. Хотя словам Иосафа можно было верить куда меньше, чем древней летописи. Тем не менее реликвии существовали: в XVII веке Герберштерн записал, что русские цари передавали по-

томкам золотую цепь с крестом, золотую шапку, бармы и коробочку из сердолика. Эти реликвии использовались в его время для венчания на царство. Однако происхождение реликвий проще было связать с приданным Софии Палеолог, нежели с древностями времени Владимира Мономаха.

Впрочем, при Иване познания в истории были так хороши, что некоторые хронисты искренне считали, что все означенные реликвии Мономах отвоевал у татар, взяв город Кафу! Над этим невежеством тихо посмеивался даже сам Карамзин. Однако в венчание и дары — верил.

Карамзин хвалил Мономаха за установление покоя и мира, но с огорчением признавал, что и при нем деление на уделы не прекратилось. Если быть точными, то при Мономахе оно просто процветало. И никаким «самодержавным» указом отменить этого деления никто не мог. Количество уделов росло, князья не мыслили иной передачи власти, кроме как по лестнице, и в этом историк видел пагубность тогдашней государственной системы. Но другой-то не было!

Карамзин не мог не понимать, что даже при самом точном и честном исполнении законов этого права все равно бы часть князей ощущала себя обойденными и оскорбленными. Выход из этого он находил в христианской любви, которую предлагал положить в основу взаимоотношений Владимир, составляя свое «Поучение» для сыновей.

«О дети мои! Хвалите Бога! Любите также человечество. Не пост, не уединение, не Монашество спасет вас, но благодеяния. Не забывайте бедных; кормите их, и мыслите, что всякое достояние есть Божие и поручено вам только на время. Не скрывайте богатства в

недрах земли: сие противно Христианству. Будьте отцами сирот: судите вдовиц сами; не давайте сильным губить слабых. Не убивайте ни правого, ни виновного: жизнь и душа Христианина священна. Не призывайте всуе имени Бога; утвердив же клятву целованием крестным, не преступайте оной. Братья сказали мне: *изгоним Ростиславичей и возьмем их область, или ты нам не союзник!* Но я отвечивал: *не могу забыть крестного целования, развернул Псалтырь и читал с умилением: вскую печальна еси, душе моя? Уповай на Бога, яко исповемся Ему. Не ревнуй лукавнующим ниже завиди творящим беззаконие.*

Не оставляйте больных; не страшитесь видеть мертвых: ибо все умрем. Принимайте с любовью благословение Духовных; не удаляйтесь от них; творите им добро, да молятся за вас Всевышнему. Не имейте гордости ни в уме, ни в сердце, и думайте: *мы тленны; ныне живы, а завтра во гробе.*

Бойтесь всякой лжи, пьянства и любострастия, равно гибельного для тела и души.

Чтите старых людей как отцов, любите юных как братьев.

В хозяйстве сами прилежно за всем смотрите, не полагаясь на Отроков и Тиунов, да гости не осудят ни дому, ни обеда вашего.

На войне будьте деятельны; служите примером для Воевод. Не время тогда думать о пиршествах и неге. Расставив ночную стражу, отдохните. Человек погибает внезапно: для того не слагайте с себя оружия, где может встретиться опасность, и рано садитесь на коней.

Путешествуя в своих областях, не давайте жителей в обиду Княжеским Отрокам; а где остановитесь, на-

пойте, накормите хозяина. Всего же более чтите гостя, и знаменитого и простого, и купца и Посла; если не можете одарить его, то хотя брашном и питием удовольствуйте: ибо гости распускают в чужих землях и добрую и худую об нас славу.

Приветствуйте всякого человека, когда идете мимо.

Любите жен своих, но не давайте им власти над собою.

Все хорошее узнав, вы должны помнить: чего не знаете, тому учитесь. Отец мой, сидя дома, говорил *пятью языками*: за что хвалят нас чужестранцы. Лениость — мать пороков: берегитесь ее. Человек должен всегда заниматься: в пути, на коне, не имея дела, вместо суетных мыслей читайте наизусть молитвы или повторяйте хотя самую краткую, но лучшую: *Господи, помилуй*. Не засыпайте никогда без земного поклона; а когда чувствуете себя нездоровыми, то поклонитесь в землю три раза. Да не застанет вас солнце на ложе! Идите рано в церковь воздать Богу хвалу утреннюю: так делал отец мой; так делали все добрые мужи. Когда озаряло их солнце, они славили господа с радостью и говорили: *Просвети очи мои, Христе Боже, и дал ми еси свет Твои красный*. Потом садились думать с дружиною, или судить народ, или ездили на охоту; а в полдень спали: ибо не только человеку, но и зверям и птицам Бог присудил отдыхать в час полуденный.

Так жил и ваш отец. Я сам делал все, что мог бы велеть Отроку: на охоте и войне, днем и ночью, в зной летний и холод зимний не знал покоя; не надеялся на посадников и бирючей; не давал бедных и вдовиц в обиду сильным; сам назирал церковь и Божественное служение, домашний распорядок, конюшню, охоту, ястребов и соколов...

Всех походов моих было 83; а других маловажных не упомяну. Я заключил с Половцами 19 мирных договоров, взял в плен более ста лучших их Князей и выпустил из неволи, а более двух сот казнил и потопил в реках.

Кто путешествовал скорее меня? Выехав рано из Чернигова, я бывал в Киеве у родителя прежде Вечерен.

Любя охоту, мы часто ловили зверей с вашим дедом. Своими руками в густых лесах вязал я диких коней вдруг по несколько. Два раза буйвол метал меня на рогах, олень бодал, лось топтал ногами; вепрь сорвал меч с бедра моей, медведь прокусил седло; лютый зверь однажды бросился и низвергнул коня подо мною. Сколько раз я падал с лошади! Дважды разбил себе голову, повреждал руки и ноги, не блюдя жизни в юности и не щадя головы своей. Но Господь хранил меня. И вы, дети мои, не бойтесь смерти, ни битвы, ни зверей свирепых; но являйтесь мужами во всяком случае, посланном от Бога. Если Провидение определит кому умереть, то не спасут его ни отец, ни мать, ни братья. Хранение Божие надежнее человеческого».

В особую заслугу Карамзин ставил Владимиру набожность и сердечное умиление, «нежную его привязанность к отцу (которого сей редкий сын *никогда и ни в чем не слушался*), снисхождение к слабому человечеству, милосердие, щедрость, незлобие: ибо он, по их словам, *творил добро врагам своим и любил отпускать их с дарамми*». То есть в Мономахе он находил черты очень близкие и понятные его собственной натуре. Мономах имел самое важное человеческое качество — он был добрым. По Карамзину, только эта черта делает из государя отца нации.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МСТИСЛАВ 1125—1132

Впрочем, как бы мы ни относились к правлению Мономаха, развал Киевской Руси при нем был налицо. А при его потомках он стал еще более очевиден. После Владимира на Киевском столе оказался Мстислав Владимирович. На перяславском столе сидел второй по старшинству сын Ярополк, третий брат Вячеслав сначала княжил в Смоленске, затем в Турове, Георгий (Юрий) сидел в Ростове, Андрей во Владимире Волынском. Старший сын Мстислава Всеволод находился в Новгороде, Изяслав поближе к отцу, а третий сын, Ростислав, после перевода дяди, в Смоленске.

По сравнению с грядущим, это было относительно спокойное время. Хотя между Мономашичами и Ольговичами началась распря, отголоски которой в дальнейшем проходят через всю княжескую историю. Один из Ольговичей, Всеволод, убил бояра своего дяди, выгнал того из Чернигова и разграбил город. Мстислав в отместку пошел на Всеволода, тот заключил союз с половцами, которые двинули силы на подмогу. Дяде, Ярославу, удалось перехватить послов и посадить тех в поруб, союзники испугались и отступили.

Брошенный всеми Всеволод вынужден был молить у Мстислава о пощаде, но Ярослав с точно таким же напором напоминал о священной мести. Только церкви удалось остановить Мстиславов меч, и Карамзин ставил этот гуманный поступок князя тому в вину: «щадить кровь людей есть без сомнения добродетель; но Монарх, преступая обет, нарушает закон Естественный и Народный; а миролюбие, которое спасает виновного от казни, бывает вреднее самой жестокости».

Впрочем, по словам Карамзина, сам Мстислав потом сожалел о слабодушии. Правда, с половцами он рассчитался так, что те боялись какое-то время даже подбираться к русским границам.

Этот замечательный князь прославился также тем, что отнял у полоцких князей их отечество и передал Полоцк своему потомству: на место полоцких князей сел Изяслав Мстиславич. Против полочан Мстислав собрал такое войско, что его хватило бы, дабы подчинить всю половецкую степь. Удивительно, но против своих русские князья ходили куда охотнее! Полоцк был разграблен, простое население частично разведено в плен, а сами полоцкие князья «Давид, Ростислав, Святослав и племянники их Василько, Иоанн, сыновья Рогволодовы, с женами и детьми были на трех ладиях отвезены в Константинополь». Это была первая высылка такого рода по обвинению в неучастии против общегосударственных врагов, все тех же половцев...

После решения «полоцкого вопроса» Мстислав руками сына воевал с чудью и эстами, а затем (благо Полоцк наш) проводил зачистку Литвы (тамошнее население, как и чудь с эстами, русских ненавидело лютой ненавистью — и было за что). Но этот литовский поход был для Мстислава последним: после возвращения он слег и больше не встал.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ЯРОПОЛК

1132—1139

В 1132 году на киевский стол сел Ярополк, прежде занимавший Переяславль. В этот город по праву перешел сын Мстислава Всеволод, но на Переясль претен-

довал дядя Всеволода Юрий Владимирович, больше известный как Долгорукий, князь Ростовский и Суздальский, и в священном деле изъятия Переяславля у Всеволода принимал активное участие его сын Андрей Юрьевич, известный больше как Боголюбский.

Об этом Юрии в комментариях Карамзин приводит выписку из Татищева: князь был высок ростом, толст, бел лицом, нос имел длинный и кривой, глазки маленькие, бородку жидкую; к тому же он был сластолюбив, и первое, чем занимались его суздальцы,— грабили и насиловали женщин. Долгоруким его прозвали за непомерную завистливость и жадность. Юрий ставил перед собой более далекие планы: Переяславль был только трамплином на этом пути, он мечтал о Киеве и великом княжении.

Стараясь потушить костер, Ярополк передал Переяславль полоцкому мономашичу Изяславу, а Всеволода отправил в Новгород. Новгородцы были обижены на князя (прежде тот сидел в Новгороде, но чуть запахло Переяславлем, оставил горожан вовсе без князя), так что приняли его обратно на условиях: Всеволод был вынужден подписать грамоту об ограничении своих прав. Карамзин видел в этом событии слабость Мстислава, который не смог разрулить ситуацию, и начало гражданского самоуправления Новгорода (в чем находил неприятности для самодержавной власти). Он искренне считал, что до этого народ не принимал в управлении Новгородом никакого участия. В концепции Карамзина до времени Мстислава нет ни единого намека на существования вечевого порядка! В этом он, конечно, весьма заблуждался. Как о неслыханном поступке он говорит о том, что и Полоцк взял пример с Новгорода: горожане «воспользовались отсутствием Изяслава: выгнали брата его, Святополка, и признали Князем

своим Василька Рогволодовича, который возвратился тогда из Царяграда». А что и Новгород, и Псков, и Полоцк с самого начала управлялись по типу феодальных республик, об этом он даже не подозревал.

Князья между тем вступили в новую междоусобицу. На северо-востоке Русь делили Юрий с сыновьями против Изяслава и Всеволода. Последние использовали новгородское войско, бились с Юрием у Ждановой горы, потеряли множество убитыми, но положили еще больше суздальцев.

На юге Ольговичи с Мстиславичами бились с самим Ярополком, призвав на помощь безотказных половцев. Ярополк эту войну проиграл: ему пришлось отдать Курск и заключить мир.

Новгородцы тем временем полностью разочаровались в своем Всеволоде и прогнали того с позором. Ярополк в этот спор вмешаться никак не мог. Карамзин, не понимая особенностей взаимоотношений Новгорода со своими князьями, делал такой вывод: он «равнодушно смотрел на то, что древняя столица Рюрикова, всегдашнее достояние Государей Киевских, уже не признавала над собою их власти».

Изгнанного Всеволода взяли себе псковичи, из-за чего сильно повздорили с новгородцами. Последние разграбили все имущество псковских купцов в своем городе, Святослав, сидевший в нем, призвал на помощь брата Глеба из Курска, началась подготовка к войне, но Псков выставил такую защиту, что новгородцам пришлось отступить от задуманного. Попробовав пройти к городу сквозь лесные засеки, они повернули назад. С той поры, считал Карамзин, Псков стал особым княжением и Всеволод передал власть по наследству своему брату Святополку.

На самом деле псковские события интересны в другом плане: Новгороду пришлось признать независимость своего младшего брата (так Новгород именовал свои пригороды). С этой поры новгородцы уже не могли назначать князя для управления Псковом, это делали сами горожане.

Не понимая принципа средневековых республик, Карамзин разобраться в этом не мог. Для него такое неправильное поведение прежде не отмеченного мятежами города выглядело как создание «особого княжения». Впрочем, новгородцам не понравился и Святослав. Скоро они от князя избавились. По дороге в Чернигов князь был пойман смоленскими Ольговичами и посажен под замок. Ярослав не преминул пойти войском на Чернигов, предпочел обойтись заключением мира, но, вернувшись в Киев, умер.

Тут же на освободившийся стол стал претендовать Вячеслав Переяславский. Но не успел он утвердиться на этом столе, как на Киев двинул рать Всеволод Ольгович. Он давно ждал такого хорошего момента. В 1139 году он стал великим князем. Это еще больше рассорило Мономашичей и Ольговичей. Киевский стол первые считали собственностью.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВСЕВОЛОД ОЛЬГОВИЧ

1139—1146

Суздальские князья, желая отнять Киев у Ольговичей, пытались использовать новгородцев, но те отказались. Княживший в Новгороде Ростислав вынужден был уехать к отцу. Юрий Долгорукий тут же нашел опти-

мальный путь воздействия на непокорных: он отрезал от новгородцев Торжок, единственный путь, по которому в северную Русь возили продовольствие из южной.

Новгородцы послали к Всеволоду за Святославом. «Сии люди выгоняли Князей,— пояснял Карамзин,— но не могли жить без них: звали к себе вторично Святослава и в залог верности дали аманатов Всеволоду. Святослав приехал; однако ж спокойствия и тишины не было. Распри господствовали в сей области. Князь и любимцы его также питали дух несогласия и мстили личным врагам: некоторых знатных Бояр сослали в Киев или заключили в оковы; другие бежали в Суздаль. Всеволод хотел послать сына своего на место брата, и граждане, в надежде иметь лучшего Князя, отправили за ним Епископа Нифонта в Киев.

Тогда, не уверенный в своей безопасности, Святослав уехал тайно из Новгорода вместе с Посадником Якуном. Народ озлобился; догнал несчастного любимца Княжеского, оковал цепями и заточил в область Чудскую, равно как и брата Якунова, взяв с них 1100 гривен пени.

Сии изгнанники скоро нашли верное убежище там же, где и враги их: при Дворе Георгия Владимировича, и, благословляя милостивого Князя, навсегда отказались от своего мятежного отечества».

Итак, пункт приписки образующейся коалиции против Ольговичей назван — Суздаль. Что же касается новгородцев, те сначала стали просить монашичей, получили отказ, затем снова бросились за киевским ставленником.

Но было поздно. Всеволод оскорбился. Князя в городе не было. Юрий запер Торжок. «Новгородцы, лишённые защиты Государя, были всячески притесня-

емы: никто не хотел везти к ним хлеба, и купцы их, остановленные в других городах Российских, сидели по темницам. Они терпели девять месяцев, избрав в Посадники врага Святославова, именем Судилу, который вместе с другими единомышленниками возвратился из Суздаля: наконец прибегнули к Георгию Владимировичу и звали его к себе правительствовать.

Он не хотел выехать из своей верной области, но вторично дал им сына и скоро имел причину раскаяться: ибо Всеволод, в досаду ему, занял Остер (городок Георгиев), а Новгородцы — сведав, что Великий Князь, в удовольствие супруге или брату ее, Изяславу Мстиславичу, согласился наконец исполнить их желание и что шурин его, Святополк, уже к ним едет, — заключили, по обыкновению, Георгиева сына в Епископском доме...

Как скоро Святополк приехал, граждане отпустили Ростислава к отцу».

Вражда между Ольговичами и Мономашичами разгорелась после этого еще сильнее. Хотя Всеволод пытался уладить дела с Юрием Владимировичем, ничего из их переговоров не получилось. Суздальский князь ожидал только смерти Ольговича, чтобы отнять киевский стол.

Перед смертью Всеволод назначил своим преемником Игоря, своего брата. Князья вынуждены были тому присягнуть на верность, хотя многие этого не желали.

В 1146 году Игорь Ольгович принял титул великого князя. Но его правление было краткосрочным и несчастным. Оно началось с народного бунта. Кто взбунтовал чернь, этого летописцы не поминают, но явно это было дело рук противников Ольговичей.

Чернь требовала казни целого ряда бояр, которые, как народ считал, грабили простой люд и наживались

на его бедах. Игорь отказался казнить неугодных бояр и судей. Тогда чернь предложила стать великим князем Изяславу Мстиславичу. Тот собрал войско и двинул его на Киев.

Самое худое, что в самом княжеском доме за спиной Игоря активно шли переговоры с Изяславом. Так что оказалось, что сторонников у князя практически нет, одни враги. Когда Изяслав подошел к Киеву, Игорь выставил против него дружину, но силы были неравны. Самого Игоря схватили, насильно постригли и бросили в темницу в Переяславле. Великим князем стал Изяслав Мстиславич.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ИЗЯСЛАВ МСТИСЛАВИЧ **1146—1154**

Изяслав был великими киевским князем восемь лет — до 1154 года. Все это время ему приходилось воевать с Ольговичами и своим дядей Вячеславом. Освобождения Игоря боялись и Давыдовичи. Положение осложнилось и тем, что сторону брата Игоря Святослава принял ростовско-суздальский князь Юрий.

Давыдовичи, дабы усмирить Святослава и отвратить его от выручки Игоря, пожгли и пограбили все его и Игоревы волости. Святослав не отступался. Он ушел, по пути разбив одного из Давыдовичей, а следом за ним шла погоня во главе с киевским князем.

Однако догнать Святослава не удалось, зато медленная работа по переманиванию недругов на свою сторону принесла успех Святославу. Через какое-то время уже и Давыдовичи целовали ему крест. Общими княже-

скими усилиями было решено заманить Изяслава в ловушку и вынудить освободить Игоря.

В ловушку Изяслав не попался, но Игоря решил освободить. В то время, как рассказывает Карамзин, Игорь был уже очень слаб. «Изнуренный печалию и болезнию, он изъявил желание отказаться от света, когда Великий Князь готовился идти на его брата. „Давно, и в самом счастье, я хотел посвятить Богу душу мою,— говорил Игорь: — ныне, в темнице и при дверях гроба, могу ли желать иного?“ Изяслав отвечал ему: „Ты свободен; но выпускаю тебя единственно ради болезни твоей“.

Его отнесли в келью: он 8 дней лежал как мертвый; но, постриженный Святителем Евфимием, совершенно выздоровел и в Киевской Обители Св. Феодора принял Схиму, которая не спасла его от гнева Судьбы...»

Союзником Святослава в борьбе с Изяславом выступил Юрий Долгорукий. Именно в рассказе о событиях той уособицы и всплывает впервые название Москвы: «Летописцы современные не упоминают о любопытном для нас ее начале, ибо не могли предвидеть, что городок бедный и едва известный в отдаленной земле Суздальской будет со временем главою обширнейшей Монархии в свете. По крайней мере знаем, что Москва существовала в 1147 году, Марта 28, и можем верить новейшим Летописцам в том, что Георгий был ее строителем. Они рассказывают, что сей Князь, приехав на берег Москвы-реки, в села зажиточного Боярина *Кучка, Степана Ивановича*, велел умертвить его за какую-то дерзость и, плененный красотой места, основал там город; а сына своего, Андрея, княжившего в Суздальском Владимире, женил на прелестной дочери казненного Боярина.

„Москва есть *третий* Рим,— говорят сии повествователи,— и четвертого не будет. Капитолий заложен на месте, где найдена окровавленная голова человеческая: Москва также на крови основана и к изумлению врагов наших сделалась Царством знаменитым“. Она долгое время именовалась *Кучковым*»

Вот в этой Москве и принимал Юрий Владимирович Святослава, чей сын некогда подарил ему отличного барса. «Летописец хвалит искреннее дружество, веселую беседу Князей, великолепие обеденного пиршества и щедрость Георгия в награждении Бояр Святославоных. Между сими Вельможами отличался девяностолетний старец, именем Петр; он служил деду, отцу Государя своего; уже не мог сесть на коня, но следовал за Князем, ибо сей Князь был несчастлив. Георгий, неприятель Ростислава Рязанского, осыпал ласками и дарами его племянника, Владимира, как друга и товарища Святославова».

Юрий жаждал киевского стола, так что любой враг Изяслава был его другом. Несчастный Игорь был всего лишь предлогом для новой войны. Желая известить народ, Изяслав велел послать гонцов в Новгород, Киев и Смоленск, чтобы объявить о вероломстве черниговских князей, решившихся объявить войну.

В Киеве эта проверенная патриотическая тактика сработала совсем не в пользу бедного Игоря. Киевляне, зная, что формально поводом к войне служит этот князь, решили поступить просто. «Тысячи голосов повторили: „Да умрет Игорь!“ Напрасно Князь Владимир, утраченный таким намерением, говорил народу: „Брат мой не хочет убийства. Игорь останется за стражею; а мы пойдем к своему Государю“. Киевляне твердили: „Знаем, что добром невозможно разделить»

ся с племенем Олеговым“. Митрополит, Лазарь и Владимир Тысячский, Рагуйло, запрещали, удерживали, молили: народ не слушал и толпами устремился к монастырю.

Владимир сел на коня, хотел предупредить неистовых, но встретил их уже в монастырских воротах: схватив Игоря в церкви, в самый час Божественной Литургии, они вели его с шумом и свирепым воплем. „Брат любезный! Куда ведут меня?“ — спросил Игорь. Владимир старался освободить несчастного, закрыл собственную одежду, привел в дом к своей матери и запер ворота, презирая ярость мятежников, которые толкали его, били, сорвали с Боярина Владимиров, Михаила, крест и золотые цепи.

Но жертва была обречена: злодеи вломились в дом, безжалостно убили Игоря и влекли нагого по улицам до самой торговой площади; стали вокруг и смотрели как невинные. Присланные от Владимира Тысячские в глубокой горести сказали гражданам: „Воля народная исполнилась: Игорь убит! Погребем же тело его“. Народ отвечал: „Убийцы не мы, а Давидовичи и сын Всеволодов. Бог и Святая София защитили нашего Князя!“

Труп Игорев отнесли в церковь; на другой день облачили в ризу Схимника и предали земле в монастыре Св. Симеона».

Таким образом причина войны была погублена до начала самой войны. Но сама война велась с переменным успехом: пылали то села и города Изяслава, то села и города его противников. Юрий оказался и дальновиднее, и сильнее.

Решающее сражение состоялось на речке Трубеж. Рати стояли на противоположных берегах друг про-

тив друга. Битва, говорит Карамзин, «была кровопролитна и несчастлива для Великого Князя. Берендеи обратили тыл; за ними Изяслав Давидович с дружиною Черниговскою; за ними Киевляне; а Переяславцы изменили, взяв сторону Георгия. Изяслав пробился сквозь полк Ольговича и Суздальский, прискакал самтретий в Киев и, собрав жителей, спрашивал, могут ли они выдержать осаду? Граждане в унынии ответствовали ему и Ростиславу Смоленскому: „Отцы, сыновья и братья наши лежат на поле битвы; другие в плену или без оружия. Государи добрые! Не подвергайте столицы расхищению; удалитесь на время в свои частные области. Вы знаете, что мы не уживемся с Георгием: когда увидим ваши знамена, то все единодушно на него восстанем“.

Великий Князь, взяв супругу, детей, Митрополита Климента, поехал в Владимир, а Ростислав в Смоленск. Георгий вошел в Переяславль, через 3 дня в Киев и, дружелюбно пригласив туда Владимира Черниговского, в общем Княжеском совете распорядил Уделы: отдал Святославу Ольговичу Курск, Посемье, Сновскую область, Слуцк и всю землю Дреговичей, бывшую в зависимости от Великого Княжения; сыновьям же: Ростиславу Переяславль, Андрею Вышегород, Борису Белгород, Глебу Канев, Васильку Суздаль».

Дело на этом не кончилось. Изяслав тоже не желал терять власть. Он обратился с просьбой к Вячеславу, чтобы тот принял киевский стол, поскольку у него гораздо больше прав, чем у Юрия. Но Вячеслав предпочел Юрия. Тогда Изяслав пробовал разделить владения: пусть Юрий берет Киев, но отдаст ему Владимир, Луцк и Новгород.

Юрий не согласился. Он желал полностью обобрать Изяслава. Своего сына Андрея он отправил добывать Луцк, где сидел брат Изяслава Владимир.

Осада затянулась, жители изнемогали. Юрий не соглашался дать Изяславу мир, и только общим решением князей удалось убедить его заключить мир: Изяслав отказывался от киевского стола, Юрий оставлял Луцк за его братом.

Однако киевский стол Юрий не передал Вячеславу. Он посадил того княжить в Вышгороде вместо сына Андрея. И бояре ему сказали, и сам он считал, что мягкий и немолодой Вячеслав удержит власть. На киевском столе он видел одну кандидатуру — себя.

Изяслав меж тем тоже ожидал, когда Юрий выполнит обещания, но князь был скуп, он клятву преступил. Бывшего великого князя такое небрежение оскорбило, он собрал войско и пошел на Киев. Юрий так не ожидал подобного маневра, что бежал от Изяслава, едва узнал о приближении его рати. Тому была причина: киевляне Юрия ненавидели, и никто не желал защищать его права.

А слабый и мягкий Вячеслав воспользовался ситуацией и переместился из Вышгорода в княжеский дом в Киеве. Раз его нарекли великим князем — он им стал. Но киевляне не хотели Вячеслава, и только под угрозой мятежа старый князь сдался: он вернул стол Изяславу, а сам вынужден был удалиться.

Но и Изяслав долго не усидел на столе, на Киев шло войско, которое успел собрать изгнанный Юрий. И Изяславу пришлось снова просить Вячеслава взять стол, Юрий как альтернатива его пугал. Вячеслав поколебался, но предложение принял. Однако утвердиться на этом столе он успел: войско Юрия обступило Киев. Вя-

чеслав перебрался в Вышгород, а Изяслав отправился собирать союзников за границами Руси. Такого союзника удалось найти Владимиру Мстиславичу – венгерского короля Гейзу.

Новая битва за Киев для Изяслава была тяжела: под Киевом его ждали вражеские полки, за его ратью следовала удалая рать Владимирко Галицкого, союзника Юрия. Изяслав оказывался зажатым между своими противниками. Ему удалось застать врасплох сына Юрия Бориса в Белгороде, тот бежал в Киев к отцу прямо из-за пиршественного стола. Юрий перепугался и, как и в первый раз, бежал из города.

Увидев, как обстоят дела, и особенно поняв всю трусость Долгорукого, союзник Владимирко Галицкий, друживший с его сыном Андреем, плюнул в сердцах и поворотил свою рать. Так и не приняв участие ни в единой битве, он ушел назад в Галицию.

А в Киеве Изяслав снова позвал дядю Вячеслава и предложил тому великое княжение. Свой поступок он объяснил так: «Бог взял моего родителя, будь мне вторым отцем. Два раза я мог посадить тебя на престоле и не сделал того, ослепленный властолюбием. Прости вину мою, да буду спокоен в совести. Киев твой: господствуй в нем подобно отцу и деду».

Тронутый этими словами Вячеслав назвал князя товарищем и сыном. Но для успокоения души они целовали крест на верность в Софийском соборе. Юрий между тем не оставил надежды на Киев. С новыми силами он подошел к древней столице. Изяслав встал с защитниками у киевских стен. Вячеслав послал сказать Юрию, чтобы не разорял Киева. Юрий просьбе не внял. Но взять город ему не удалось. Вся речка Лыбедь была красна от суздальской крови.

Изяслав бросился в погоню за бежавшим врагом. Битва была страшной. Несмотря на мужество Андрея Боголюбского, суздальцы с союзниками бежали от киевского князя. Изяслав сломал копье, был ранен в руку и бедро, как пишет летописец, плавал в собственной крови и едва держался в седле.

«Георгий,— пишет историк,— принял мир от снисходительных победителей. „Отдаем Переяславль любому из сыновей твоих,— говорили они,— но сам иди в Суздаль. Не можем быть с тобою в соседстве, ибо знаем тебя. Не хотим, чтобы ты снова призвал друзей своих, Половцев, грабить область Киевскую“.

Георгий дал клятву выехать и нарушил оную под видом отменного усердия к Св. Борису: праздновал его память, жил на берегу Альты, молился в храме сего Мученика и не хотел удалиться от Переяславля. Один сын его, Андрей, гнушаясь вероломством, отправился в Суздаль».

Юрий же надеялся на неожиданный поворот событий. Так что Изяславу пришлось силой гнать его с юга: сначала он отдал Переяславль Мстиславу Изяславичу, потом сжег Городец, где утвердился Долгорукий. Тогда только, нехотя, Юрий покинул юг. Но следующей жертвой выбрал Чернигов.

Карамзин дает любопытную деталь черниговской осады: в церковные праздники князь не обнажал меча, ходил со смиренным лицом, но позволял своим союзным половцам жечь все в округе и убивать людей. Только известие, что от Киева идет Изяслав, заставило Юрия отойти от города. Настолько Юрий боялся своего врага. Изяславу удалось еще увидеть неожиданную смерть Владимирко Галицкого, взять в жены абазинскую княжну, но в 1154 году он неожиданно умер. Вячеслав, старший годами, плакал над его гробом: «Сын любезный! Сему гробу надлежало быть моим; но Бог творит, что ему угодно!»

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, ПРОЗВАНИЕМ ДОЛГОРУКИЙ 1155—1157

Понимая, что времени на земле ему отпущено немного, Вячеслав вызвал своего племянника Ростислава и предложил тому быть соуправителем государства. Ростислав пробыл соуправителем недолго: его дядя умер в 1155 году. Юрий между тем снова набрал союзные войска и осадил Переяславль. Ростислав со своим войском подошел к Чернигову, потребовал от Изяслава черниговского клятвы верности, получил отказ, увидел, как многочисленно войско неприятеля, испугался и начал переговоры с черниговским князем, которому пообещал Киевскую область с Переяславлем. Рассерженные союзные князья поворотили коней и покинули своего князя. Киевляне позвали на свой стол Изяслава Мстиславича. Но Изяслав понимал, что ему не одолеть большую рать Юрия Долгорукого. Он поколебался немного, но столицу оставил. Юрий снова вошел в ненавидящий его Киев.

«Следуя обыкновению,— пишет Карамзин,— он назначил сыновьям Уделы: Андрею Вышегород, Борису Туров, Глебу Переяславль, Васильку окрестности Роси, где жили Берендеи и Торки; а Святослав Ольгович поменялся городами с своим племянником, сыном Всеволода, взяв у него Снов, Воротынск, Карачев и дав ему за них другие». Он пытался наладить отношения с князьями, но одни боялись его, другие не доверяли.

Больше всего проблем возникло с Галицией и Волынью. Юрий желал утвердиться в этих землях, но все его попытки захлебнулись в крови войска. Единствен-

ными, кому он доверял и чьего признания желал, были половцы. Только на них он мог положиться, используя степное войско для урезонивания князей. Но половцы не слишком доверяли князю, вот ведь беда. Дважды он ездил к ханам в степь, чтобы продлить военный союз. Но те были настороже. Они знали, что русский великий князь горазд на предательство. Карамзин, который не любит выносить приговора историческим персонажам, на этот раз вынужден заметить: «Георгий не имел добродетелей великого отца; не прославил себя в летописях ни одним подвигом великодушия, ни одним действием добросердечия, свойственного Мономахову племени. Скромные Летописцы наши редко говорят о злых качествах Государей, усердно хваля добрые; но Георгий, без сомнения, отличался первыми, когда, будучи сыном Князя столь любимого, не умел заслужить любви народной...

Одним словом, народ Киевский столь ненавидел Долгорукого, что, узнав о кончине его, разграбил дворец и сельский дом Княжеский за Днепром, называемый Раем, также имение Суздальских Бояр, и многих из них умертвил в исступлении злобы. Граждане, не хотев, кажется, чтобы и тело Георгиево лежало вместе с Мономаховым, погребли оное вне города, в Берестовской Обители Спаса».

Сегодня часто можно услышать мнение, как был добродетелен и прекрасен князь Долгорукий. Но если не верите Карамзину, защитнику государей, поверьте народному мнению, мнению современников. За достойные дела не хоронят вдали от княжеской усыпальницы...

К сожалению, князья именно из этой ветки Рюриковичей основали то, что называется Московской Русью. От своего предка они унаследовали как раз те черты,

прославлять которые очень проблематично. Так что задача последующих томов карамзинской истории была труднейшая. Рассказывать о трусах, скрягах и подлецах так, чтобы они предстали при этом спасителями и героями, — нет, такую задачу мог выполнить только человек, одержимый идеей самодержавия как лучшего типа правления. Но даже он иногда беспомощно разводил руками и признавал: да, подлецы и негодяи, но ведь ради блага отечества!..

КНЯЗЬ АНДРЕЙ СУЗДАЛЬСКИЙ, ПРОЗВАННЫЙ БОГОЛЮБСКИМ 1157—1159

Юрий, конечно, основал поселок, который впоследствии стал Москвой, но он желал еще больше владеть Киевом и поэтому метался между севером и югом. Его сын Андрей был в этом вопросе более последовательным: он желал властвовать над Киевом, но юг его привлекал мало. Так что Андрей еще при жизни Юрия ушел на северо-восток и занялся обустройством тамошних земель.

Центром для себя он выбрал незначительное местечко — село Боголюбово, которое Карамзин важно именуется «каменным городом Боголюбовым». Кроме боголюбовского строительства он занимался какой-то совершенно сумасшедшей строительной деятельностью во Владимире, пытаясь сделать из него новый Киев — вплоть до наименования храмов и улиц. «Любимый, уважаемый подданными, сей Князь,— говорит о нем Карамзин,— славнейший добродетелями, мог бы тогда же завоевать

древнюю столицу; но хотел единственно тишины долговременной, благоустройства в своем наследственном Уделе; основал новое *Великое Княжение Суздальское, или Владимирское*, и приготовил Россию северо-восточную быть, так сказать, истинным сердцем Государства нашего, оставив полуденную в жертву бедствиям и раздорам кровопролитным».

Андрей понимал, как тяжело ему будет держать Киев после правления Юрия, и не особо претендовал на роль киевского князя, пусть и великого. Ему больше хотелось так обустроить свой северо-восток, чтобы впоследствии полностью заменить им Киев.

После смерти Юрия в Киеве на короткое время утвердился Изяслав Давидович, и это Андрею казалось обидным. Изяслав Давыдович был злейшим врагом его отца.

«Изяслав, при восклицаниях довольного народа,— пишет Карамзин,— въехал в Киев [19 мая 1157 г.], оставив в Чернигове племянника своего, Святослава Владимировича, с дружиною воинскою: ибо Князь Северский, хотя и миролюбивый, замышлял незапно овладеть сею удельною столицею Ольговичей: его не впустили; но Изяслав, желая иметь в нем благодарного союзника, добровольно отдал ему Чернигов; а племянник их, Святослав Всеволодович, получил в Удел Княжение Северское. Они заключили мир на берегах Свини (где ныне Березна) в присутствии Мстислава, Владимирского Князя, который, одобрив условия, спокойно возвратился в Волынию».

Иными словами, сам Изяслав уже не был полновластным хозяином всей Руси, его власть распространялась только на южную часть страны, «Переяславль, Новгород, Смоленск, Туров, область Горынская и вся западная Россия» — по Карамзину — не считали киев-

ского князя своим господином. В этом историк несколько неправ: считать-то считали, но практически не подчинялись. Так что Изяславу приходилось водить рать на непокорных, и это у него получалось плохо. Под Туровом его войско едва не погибло от какой-то болезни, пришлось срочно уводить людей, а туровский князь Юрий владычества Киева не признал.

Особые распри возникли у него с Галицко-Волынскими князьями. Те сами претендовали на Киев. На непокорных он пытался водить половцев, берендеев и торков, однако успех этим междоусобицам не сопутствовал: в битве за Белгород князь получил серьезное поражение, большая часть его войска была уничтожена, а берендеи и торки в самый ответственный момент переметнулись к его противникам. Победившие западные князья захотели посадить в Киеве смоленского князя Ростислава.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ РОСТИСЛАВ-МИХАИЛ МСТИСЛАВИЧ 1159—1167

Киевлянам ничего не оставалось, как принять Ростислава. Цену этому князю они знали. Он не был отважен и легко шел на компромиссы.

Как всегда, Ростислав начал с переназначения князей. Своим сыновьям он дал такие уделы: Святославу — Новгород, Давиду — Торжок, Роману — Смоленск, племяннику Мстиславу галицкому за помощь в добыче власти много золота, серебра и прочих драгоценных даров. Но изгнанный из Киева Изяслав отдавать город не

хотел, он искал союзников, чтобы расправиться с новым киевским князем. Тому пришлось искать помощи у прежнего врага — черниговского князя Святослава. Врагами они были с юности, но теперь имели общие интересы (Святослав еще больше зла питал к Изяславу, захватившему часть его земель). Так что бывшие враги поклялись в вечной дружбе.

Изяслав Давыдович, чтобы выбить Ростислава из Киева, обратился по хорошо известному адресу — к половцам. Так что начались половецкие набеги. У бывшего киевского владыки неожиданно явился еще один союзник — князь Андрей Боголюбский. И это был союзник посерьезнее половцев.

Первым делом он отобрал у Ростиславичей Смоленск и Новгород. Затем союзники пошли на Киев. Ростислав к защите города был совершенно не готов. Он перепугался. Половцы жгли все вокруг Киева, начался приступ. Ростислав бежал в Белгород, а прежний киевский князь Изяслав вошел в Киев победителем.

Но правителем он пробыл недолго: через четыре месяца, собрав войско, Ростислав пошел на Киев. К тому времени Изяслав умудрился рассориться со своими союзниками, и помощи ожидать ему было неоткуда. Князю предлагали использовать проверенную тактику: бежать из Киева и снова собирать войско. Он отказался.

Однако, добавляет историк, «он говорил смело, но действовал малодушно: ибо, услышав, что Торки, Берендеи, Печенег Росьские, Мстислав Волынский и Галичане идут в помощь к Великому Князю, Изяслав бежал и погиб без мужественной обороны: неприятельский всадник, именем Выйбор, рассек ему саблею голову. Великий Князь и Мстислав нашли его плавающего в крови и не могли удержаться от слез искренней горести.

„Вот следствие твоей несправедливости! — сказал первый: — недовольный областью Черниговскою, недовольный самым Киевом, ты хотел отнять у меня и Белгород!“ Изяслав не отвечал, но просил воды; ему дали вина — и сей несчастный Князь, взглянув дружелюбно на врагов сострадательных, скончался [6 марта 1161 г.]».

В Киеве снова сел Ростислав, а Андрей добровольно отдал ему Новгород. Причина такой щедрости была понятна: новгородцы так возненавидели Андрея, что сами попросили его оттуда. Возвращение Новгорода было, по сути, избавлением от новгородцев с сохранением хорошей мины.

Слабовольный Ростислав поспешил заключить мир и дружбу с прежними своими врагами. Этого не понял Мстислав Волынский, и между Киевом и Волынью возникла напряженность. Ростиславу пришлось воевать против прежнего союзника, пока с волынскими князьями не был заключен такой же мир.

Северо-восточный князь Андрей в дела южного соседа не лез: ему было чем заняться в своей земле. «Имея не только доброе сердце,— пишет Карамзин,— но и разум превосходный, он видел ясно причину государственных бедствий и хотел спасти от них по крайней мере свою область: то есть отменил несчастную Систему Уделов, княжил единовластно и не давал городов ни братьям, ни сыновьям. Может быть, Бояре первых осуждали его, ибо лишались выгоды участвовать в правлении Князей юных, грабить землю и наживаться.

Некоторые думали также, что он незаконно властвует в Суздале, ибо Георгий назначил сие Княжение для меньших детей; и что народ, обязанный уважать волю покойного Государя, не мог без вероломства избрать Андрея. Может быть, и братья сего Князя, следуя вну-

шению коварных Бояр, изъявляли негодование и мыслили рано или поздно воспользоваться своим правом.

Как бы то ни было, Андрей, дотоле кроткий во всех известных случаях, решился для государственного спокойствия на дело несправедливое, по мнению наших предков: он выгнал братьев: Мстислава, Василька, Михаила; также двух племянников (детей умершего Ростислава Георгиевича) и многих знатнейших Вельмож Долгорукого, тайных своих неприятелей. Мстислав и Василько Георгиевичи, вместе с их вдовствующею родительницею, мачехою Андрея, удалились в Константинополь, взяв с собою меньшего брата, осьмилетнего Всеволода (столь знаменитого впоследствии). Там Император Мануил принял изгнанников с честью и с любовью; желал их утешить благодеяниями и дал Васильку, по известию Российских греческих Летописцев, область Дунайскую».

Историк называет эту бесчеловечность Андрея делом несправедливым, но необходимым. Вряд ли, конечно, Боголюбский осознавал необходимость тех перемен, о которых он говорит, — князь просто желал полной власти. А какая же полная власть, если на нее имеется целый выводок претендентов?

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МСТИСЛАВ ИЗЯСЛАВИЧ КИЕВСКИЙ 1167—1169

В то время, как Андрей идеально решил проблему власти для своего северо-востока, подчиненная Киеву земля бурлила. Междоусобицы здесь не кончались. И киевскому князю приходилось участвовать в них на стороне то

одного, то другого обиженного князя. К тому же ему приходилось еще воевать с половцами, которые теперь ходили на Русь как к себе домой.

Ростислав был уже стар и слаб здоровьем. Такие тяготы оказались ему не под силу. В марте 1167 года по дороге из Смоленска в Киев он умер. В обход претендентов на киевский стол он назначил последней волей волынского князя Мстислава. Выбор был хороший: князь был отважен и не раз спасал страну от набегов. Но дядя нового киевского князя сам желал сидеть на столе и попытался свергнуть Мстислава с заговорщиками.

Мстислав заговор разоблачил, дядю простил, но выслал за пределы киевской земли. Тот не нашел лучшего, как явиться к Андрею Боголюбскому. Князь его не принял, но отправил в землю Глеба Рязанского. В то же самое время новгородцы выставили правившего там Святослава. Тот тоже был принят в земле Боголюбского. Андрей пытался заставить новгородцев взять князя назад, но даже военное предприятие этому не помогло. Горожане наотрез отказались и просидели пару месяцев без всякого князя.

Мстиславу, у которого они просили себе князя, было не до того — он воевал с половцами. Причем настолько успешно, что сумел обезопасить торговые пути на всем протяжении Днепра до Черного моря. Эта удачная война с половцами расстроила его отношения с другими князьями: появились завистники, которые обвиняли князя в том, что он делится добычей нечестно. В то же время он дал Новгороду своего сына князя Романа, первым предприятием которого стало нападение на полоцкие и смоленские города.

Обиженные князья обратились за помощью, но не к Мстиславу, понимая, что политика сына одобрена его

отцом, а к Андрею. Андрей такого поворота событий ожидал с нетерпением. Теперь он был готов взять себе всю полноту киевской власти. Он даже прекратил походы на Новгород, который был для него костью в горле.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АНДРЕЙ 1169—1174

Собрав войско, Андрей выступил в поход. Судя по дальнейшим событиям, в Киеве он видел не родной, но вражеский город. «Мстислав едва успел призвать Берендеев и Торков,— говорит Карамзин,— когда неприятели стояли уже под стенами города; два дня оборонялся мужественно: в третий [8 Марта 1169 г.] союзники взяли Киев *присупом*, чего не бывало дотоле. Сия, по слову древнего Олега, мать городов Российских, несколько раз осаждаемая и теснимая, отворяла иногда Златые врата свои неприятелям; но никто не входил в них *силою*.

Победители, к стыду своему, забыли, что они Россияне: в течение трех дней грабили, не только жителей и дома, но и монастыри, церкви, богатый храм Софийский и Десятинный; похитили иконы драгоценные, ризы, книги, самые колокола — и добродушный Летописец, желая извинить грабителей, рассказывает нам, что Киевляне были тем наказаны за грехи их и за некоторые ложные церковные учения тогдашнего Митрополита Константина!..

Мстислав ушел с братом Ярославом в Волынию, оставив жену, сына, Бояр пленниками в руках неприятельских, и едва не был на пути застрелен изменниками, Черными Клобуками».

Карамзин совершенно искренне считал (а после него и вся патриотическая ветка историков), что после взятия Киева Андреем город сразу стал терять всю свою значимость и в конце концов превратился в городок ничем не лучше какого-нибудь Луцка.

«Андрей отдал Киев брату своему Глебу; но сей город навсегда утратил право называться столицею отечества,— говорит он с пафосом.— Глеб и преемники его уже зависели от Андрея, который с того времени сделался истинным *Великим Князем России*, и таким образом город Владимир, новый и еще бедный в сравнении с древнею столицею, заступил ее место, обязанный своею знаменитостию нелюбви Андреевой к южной России».

Иными словами, центр всей русской жизни переместился на северо-восток. Измышление колоссальное. Киев действительно управлялся теперь с северо-востока, но до упадка ему было далеко. При всей политике ставленников северо-востока Киев играл огромную роль для южной Руси. Другое дело, что Карамзина история этой южной Руси заинтересовать не могла. Его самодержавие переехало на северо-восток. Вместе с Андреем.

Так что вся дальнейшая история, которую дает Карамзин, южной Руси почти не касается. Это история сначала Суздальско-Владимирской земли, затем Московского княжества и в дальнейшем Московского царства.

Андрей, конечно же, не был никаким великим князем России, поскольку и самой России не существовало до Петра Великого. Что же было на самом деле? Несколько «Русей». Южная или Киевская, Новгородская, формирующаяся северо-восточная, изолированная Полоцкая, которая со временем станет Литовской Русью, и практически превратившаяся в самостоятельную Галицко-Волынская. Карамзин и сам признает, что

«Андрей властвовал тогда в четырех нынешних Губерниях: Ярославской, Костромской, Владимирской и Московской; *отчасти* в Новгородской, Тверской, Нижегородской, Тульской и Калужской; располагал областью Киевскою; повелевал Князьями Рязанскими, Муромскими, Смоленскими, Кривскими, даже Волынскими; но Черниговские и Галицкий оставались независимы: Новгород также».

Это очень характерные оговорки. Четыре первые области (включая смехотворное московское княжество, которого тогда не существовало) по размеру невелики, то, что Карамзин именует «отчасти», проще объяснить так: на стыках подвластных областей существовали торговые городки (вроде Торжка), которые находились в совместной собственности, киевской областью он располагал чисто номинально, перечисленные ниже князья признавали власть Андрея, но ему не подчинялись, разве что силой, а Волынь с добавлением «даже» оставалась при всем том независимой. Но чего Андрей желал – подчинить себе всех князей на всем пространстве тогдашних «Русей».

Южные князья имели меньше претензий: их как раз волновали судьба Киева и возможность именоваться киевским великим князем. Поэтому после утверждения в Киеве Глеба борьба за город продолжалась.

Сначала свои права предъявил уже известный Мстислав Изяславич. Когда стало ясно, что на город идет объединенное с галичанами войско, Глеб поспешил удрать в Переяславль. А Мстислав вошел в Киев. Народ, надо сказать, принял его с воодушевлением. Но удержаться в городе Мстислав не смог: Глеб привел сильное войско. Как всегда костяк этого «русского» войска составляли половцы.

Князю пришлось уходить на Волынь. Он предпринял еще пару попыток, но неудачных. Зато Глеб огнем и мечом прошелся по его юго-западным землям. Это старого князя доконало. Он умер во Владимире Волынском, оставив на попечение брата малолетних сыновей.

Устроив дела Глеба, Андрей занялся и вторым гнездом беспокойствия — Новгородом, к которому питал такую же сильную ненависть, что и новгородцы к нему. Его сын Мстислав Андреевич был в этом плане ничем не лучше. Именно его и отправил на усмирение непокорных боголюбский князь. Новгородские летописи рассказывают о непомерной жестокости сына Андрея. Летописи владимирской Руси, напротив, обвиняют самих новгородцев: «Злоупотребление уничтожает право, и Великий Князь Андрей был избран Небом для наказания вероломных».

Обороной Новгорода руководил молодой князь Роман Мстиславич, и новгородцы не подвели. «Несколько раз с обеих сторон съезжались чиновники для переговоров и не могли согласиться; — рассказывает историк, — в четвертый день [25 февраля 1170 г.] началась битва, кровопролитная, ужасная. Новгородцы напоминали друг другу о судьбе Киева, опустошенного союзным войском; о церквах разграбленных, о святынях и древностях похищенных; клялись умереть за вольность, за храм Софии, и бились с остервенением. Архиепископ Иоанн, провождаемый всем Клиросом, вынес икону Богоматери и поставил на внешнем деревянном укреплении, или остроге: Игумены, Иереи пели святыя песни; народ молился со слезами, громогласно восклицая: *Господи помилуй*.

Стрелы сыпались градом: рассказывают, что одна из них, пущенная воином Суздальским, ударилась в икону;

что сия икона в то же мгновение обратилась лицом к городу; что слезы капали с образа на фелон Архиепископа и что гнев Небесный навел внезапный ужас на полки осаждающих. Новгородцы одержали блестящую, совершенную победу и, приписав оную чудесному заступлению Марии, уставили ежегодно торжествовать ей 27 ноября праздник благодарности. Чувство живой Веры, возбужденное общим умилением, святыми церковными обрядами и ревностным содействием Духовенства, могло весьма естественным образом произвести сие чудо, то есть вселить в сердца мужество, которое, изумляя врага, одолевает его силу. Новгородцы видели в Андреевых воинах не только своих злодеев, но и святотатцев богопротивных: мысль, что за нас Небо, делает храброго еще храбрее.

Победители, умертвив множество неприятелей, взяли столько пленных, что *за гривну отдавали десять Суздальцев* (как сказано в Новгородской летописи), более в знак презрения, нежели от нужды в деньгах.— Бегущий Мстислав был наказан за свою лютость; воины его на возвратном пути не находили хлеба в местах, опустошенных ими, умирали с голода, от болезней, и древний Летописец говорит с ужасом, что они тогда, в *Великий пост*, ели *мясо* коней своих».

Но эта новгородская победа была только военной победой. Очевидно, Андрей применил хитрую тактику и перекрыл путь продовольствию, потому что горожане вынуждены были изгнать своего князя и начать переговоры с Боголюбским: «Четверть ржи стоила тогда в Новгороде около рубля сорока трех копеек нынешними серебряными деньгами. Довольные славою одержанной победы, не желая новых бедствий войны и щадя народ, чиновники, Архиепископ, люди нарочитые

предложили мир Боголюбскому, по тогдашнему выражению, *на всей воле своей*, то есть не уступая прав Новгородских: Великий Князь принял оный с тем условием, чтобы вместо умершего Святослава княжил в Новгороде брат его, Рюрик Ростиславич, который господствовал в Овруче, не хотел перемены и, единственно в угодность Андрею выехав оттуда, приказал сей Удел Волынский брату Давиду».

Правда, Рюрик недолго удержался в Новгороде, его тоже выставили вон, тогда на его место Андрей поставил одного из своих сыновей, Юрия.

Если на севере Андрею удалось поправить положение, то с югом дело обстояло сложнее. Слишком активно в последнее время русские использовали половецкое войско — набеги не прекращались. В момент одного из таких набегов Глеб и умер. Стол тут же занял тот самый Владимир, который давно об этом грезил. Андрей был в ярости, но пока он обдумывал, как выбить дядю из Киева, тот умер. На место Владимира был назначен Роман Смоленский. Андрей мало вникал в дела южной Руси, разве что посылал своих воевод с войском для походов за пределы своей земли. При нем было несколько походов на болгар. В последнем принимал участие тот самый Мстислав, что прославился пожогом новгородских деревень. С не меньшим усердием он жег болгарские. И мог бы, жечь еще долго, если бы, вернувшись из Болгарии, вдруг не умер в Киеве. Новгородцы бы сказали: Бог покарал.

Между тем Андрей решил сменить власть в Киеве и назначил туда торческого князя Михаила. Роман Ростовский с покорностью принял это решение. Но, видно, Михаилу была не судьба осесть в Киеве. Туда самовольно сел Рюрик Ростиславич. Андрею пришлось

признать его законным управителем: за него стояли все Ростиславичи и галицкие князья.

Но мира не было. В плену внезапно оказались оба сына Андрея — Ярополк и Всеволод. Последнего союзники отпустили, но Ярополк так и остался в качестве заложника. Когда Андрей попробовал отправить к союзникам своего посла, те, оскорбившись, что князь обозвал их мятежниками и предъявил претензии на всю власть во всей Руси, остригли послу бороду (худшее из оскорблений) и отправили восвояси.

Получив наглядный ответ, Андрей собрал 50 тысяч войска и пустил его на Киев. Это войско вел его сын Юрий, тогда уже единственный оставшийся в живых из всех его сыновей. Защитники затворились в городе и готовились к обороне. Им на помощь спешили галицкие полки. Рюрик еще прежде, испугавшись осады, оставил Киев. Город защищали Мстислав и Давыд Ростиславичи. Они готовились умереть. Но галичане подошли вовремя.

Правда, со своим войском подошел и Ярослав Луцкий, союзник Андрея. Но Ярослав мечтал о киевском княжении. Он договорился с галичанами, что изменит Боголюбскому и примет бой, если Киев достанется ему. При угрозе андреева войска галичане на это согласились. Киев удалось отбить у осаждающих. Разгром андреевой рати был полным. Ростиславичи, узнавшие оговоре союзников, огорчились, но Киев передали Ярославу — лучше Ярославу, чем Андрею. Сын последнего бежал к отцу с огромным позором.

Ярослав оказался отвратительным князем, удержаться в Киеве ему было сложно. Однажды его изгнал Святослав, но и сам долго не повластвовал, вернулся Ярослав. Горожанам это надоело, и они даже посылали

на далекий северо-восток, чтобы Андрей вернул Романа Ростовского, при котором не было таких поборов и такого самоуправления. Но Андрей ничего уже сделать для Киева не мог.

Властолюбием Андрея были недовольны практически все тогдашние князья. Недовольны были и приближенные к князю бояре. В их среде родился заговор. «В глубокую полночь [29 июня 1174 г.] они пришли ко дворцу в Боголюбове (ныне селе в 11 верстах от Владимира), ободрили себя вином и крепким медом в Княжеском погребе, зарезали стражей, вломились в сени, в горницы и кликали Андрея. С ним находился один из его Отроков.

Услышав голос Великого Князя, злодеи отбили дверь *ложницы*, или спальни. Андрей напрасно искал меча своего, тайно унесенного Ключником Анбалом: сей меч принадлежал некогда Святому Борису. Два человека бросились на Государя: сильным ударом он сшиб первого с ног, и товарищи в темноте умертвили его вместо Князя. Андрей долго боролся; уязвляемый мечами и саблями, говорил извергам: „За что проливаете кровь мою? Рука Всевышнего казнит убийц и неблагодарных!“ ... Наконец упал на землю.

В страхе, в замешательстве они схватили тело своего товарища и спешили удалиться. Андрей в беспамятстве вскочил, бежал за ними, громко стелая. Убийцы возвратились; зажгли свечу и следом крови Андреевой дошли в сенях до столпа лестницы, за коим сидел несчастный Князь. Петр отрубил ему правую руку; другие вонзили мечи в сердце; Андрей успел сказать: „Господи! В руке Твои предаю дух мой!“ и скончался.

Умертвив еще первого любимца Княжеского, Прокония, заговорщики овладели казною государствен-

ною, золотом, драгоценными камнями; вооружили многих Дворян, приятелей, слуг и послали объявить Владимирской дружине или тамошним Боярам о смерти Великого Князя, называя их своими единомышленниками. „Нет,— ответствовали Владимирцы: — мы не были и не будем участниками вашего дела“. Но граждане Боголюбские взяли сторону убийц; расхитили дворец, серебро, богатые одежды, ткани.

Тело Андреево лежало в огороде: Киевлянин, именем Козма, усердный слуга несчастного Государя, стоял над оным и плакал. Видя Ключника Анбала, он требовал ковра, чтобы прикрыть обнаженный труп. Анбал отвечал: „Мы готовим его на снадение псам“. *Изверг!* сказал сей добродушный слуга: *Государь взял тебя в рубище, а ныне ты ходишь в бархате, оставляя мертвого благодетеля без покрова.* Ключник бросил ему ковер и мантию. Козма отнес тело в церковь, где крилошане долго не хотели отпереть дверей: на третий день отпели его и вложили в каменный гроб. Через шесть дней Владимирский Игумен Феодул привез оное в Владимир и погреб в Златоверхом храме Богоматери».

Дабы объяснить такое настроение против Андрея, Карамзин говорит, что в этом виноваты сребролюбивые судьбы и дурное исполнение законов: «Следственно, общее неудовольствие происходило от худого исполнения законов или от несправедливости судей: столь нужно ведать Государю, что он не может быть любим без строгого, бдительного правосудия; что народ за хищность судей и чиновников ненавидит Царя, самого добродушного и милосердого!»

Вряд ли Андрея, конечно, можно назвать добродушным и милосердным, недаром сам историк именует его где-то тираном. Но основную причину его гибели он

видит даже не в ненависти народной, а в геополитической ошибке, которую князь допустил: «Он явно стремился к спасительному единовластию и мог бы скорее достигнуть своей цели, если бы жил в Киеве, унял Донских хищников и водворил спокойствие в местах, благодетельствованных природою, издавна обогащаемых торговлею и способнейших к гражданскому образованию. Господствуя на берегах Днепра, Андрей тем удобнее подчинил бы себе знаменитые соседственные Уделы: Чернигов, Волынию, Галич; но, ослепленный пристрастием к северо-восточному краю, он хотел лучше основать там *новое* сильное Государство, нежели восстановить могущество *древнего* на Юге».

Впрочем, дальнейшая карамзинская история как раз и посвящена этому северо-восточному краю.

Часть вторая

**ПОРТРЕТЫ ВЛАСТИТЕЛЕЙ
МОСКОВСКОЙ РУСИ
1174—1462**

ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКАЯ РУСЬ

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МИХАИЛ II 1174—1176

Единственный сын Андрея княжил в Новгороде. Но он не считался старшим в роду. Так что вполне понятно, что после смерти отца речи о нем как о наследнике не шло. Власть на северо-востоке должна была перейти сыновьям и племянникам старшего брата Андрея — Юрия. Таковых было несколько: двое Ростиславичей — Мстислав и Ярополк, и двое Юрьевичей — Михаил и Всеволод. Этим наследникам Андрея и дела не было до южной России — они полностью увязли в разрешении собственных взаимоотношений.

А началось все с того, что представители Ростова, Суздаля, Владимира сошлись на вече и призвали княжить означенных князей, причем Михаил был назван старшим. Князья целовали друг другу крест, то есть клялись в верности. А владимирцы поступили куда проще: они впустили в город Михаила и провозгласили того князем. И вот тут-то возникла проблема. Владимир не имел права выбирать себе князя, поскольку считался пригородом Суздаля! Отсюда и началось междоусобие. Суздальцы и ростовцы возмутились: как посмел Владимир выбирать себе князя?

«Ярополк осадил Владимир; союзники его, Муромцы, Рязанцы, жгли села в окрестностях. Семь недель граждане

крепко стояли за Михаила и мужественно оборонялись; наконец, изнуренные голодом, объявили Князю, чтобы он дал им мир или сам удалился. Храбрый, добродушный Михаил не думал укорять их. «Вы правы, — сказал он им: — могу ли желать вашей гибели?» — и немедленно выехал.

Граждане, проводив сего достойного Князя с искренними слезами, вступили в переговоры с Ярополком и Мстиславом; уверяли их в своей покорности, но боялись злобы Ростовцев, которые, завидуя новой знаменитости Владимира, желали его унижить. Города считались тогда между собою в летах, как роды дворянские в поколениях: Ростовцы славились древностию; именовали Владимир *пригородом*, его жителей своими *каменщиками*, слугами, недостойными иметь Князя, и хотели дать им Посадника. Владимирцы, напротив того, утверждали, что их город, основанный Владимиром Великим, имеет право на знаменитость. Обнадеженные Ярополком и братом его в справедливой защите, они встретили их со крестами и ввели торжественно в храм Богоматери, где Ярополк был объявлен Князем Владимирским, а Мстислав Ростовским и Суздальским».

Так рассказывает Карамзин.

Но успокоение было недолгим. Князья оказались неважными правителями. Они желали только одного: обогатиться за счет городов. И хотя Андрей приучил города к повиновению, теперь, с его смертью, они почувствовали вкус свободы. Не удивительно, что города скинули княжеское ярмо. Но Карамзин не видел здесь никакой аналогии с Новгородом, то есть с городским самоуправлением, он видел только неправильную политику властвующих князей.

На самом деле в Новгороде и даже во Владимире действовало старинное вечевое право. Владимир желал из-

бавиться от диктата старших городов, для этой цели он и воспользовался Михаилом. Для Владимира управление Михаилом и самостоятельный выбор князя как раз и означали переход от пригородного положения к самостоятельному. Но для князей города представлялись просто пунктами правления. Князья боролись не за право городов, а за право княжить, то есть за власть.

Михаил пошел войной на суздальцев. «Суздальцы — изумленные стройным ополчением неприятелей — вдруг обратили тыл, бросив хоругвь Княжескую. Летописцы говорят, что ни те, ни другие воины не отличались никаким особенным знаком и что сие обстоятельство спасло многих Суздальцев: ибо победители не могли распознавать своих и неприятелей.

Михаил [15 июня 1175 г.] с торжеством въехал в город Владимир: пред ним вели пленников. Духовенство и все жители встретили его с живейшею радостью. Ярополк ушел к зятю своему в Рязань, а Мстислав в Новгород (где княжил юный сын его, Святослав, после Георгия Андреевича); но мать и жены их остались пленницами в Владимире.

Скоро Послы от Суздаля и Ростова явились во дворце Михайловом и сказали именем всех граждан: „Государь! Мы твои душою и сердцем. Одни Бояре, преданные Мстиславу, были тебе врагами. Повелевай нами как отец добродушный!“ Таким образом Михаил наследовал Великое Княжение Андреево; объехал разные области; везде учредил порядок; везде пекся о народном спокойствии. Осыпанный дарами Суздальцев и Ростовцев, награжденный за свой труд благословениями довольных граждан, он возвратился в Владимир, оставив Всеволода княжить в Переяславле Залеском».

Но горожане требовали казни противников нового князя. Пришлось князьям-захватчикам возвращать то, что они украли: замечательные книги, церковную утварь, драгоценности и иконы. Ростовцы и суздальцы вынуждены были признать новый статус Владимира, хотя им этого сильно и не хотелось. Михаил благополучно правил в городе до самой своей смерти год спустя.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВСЕВОЛОД III ГЕОРГИЕВИЧ 1176—1212

После его смерти владимирцы принесли присягу новому князю — Всеволоду Юрьевичу, последнему из сыновей Юрия Долгорукого. Однако суздальские бояре и ростовцы не хотели к себе Всеволода — еще до смерти Михаила они стали звать к себе Мстислава. Узнав о вокняжении Всеволода, Мстислав собрал войско и пошел на Владимир. Всеволод старался избежать войны и послал сказать князю: «За тебя Ростовцы и Бояре, за меня Бог и Владимирцы. Будь Князем первых; а Суздальцы да повинуются из нас, кому хотят».

Мстислав ответа не принял. Он желал биться. Битва для него оказалась неудачной: владимирцы победили. Суздаль и Ростов вынуждены были признать его равным и даже более чем равным — главным городом Суздальско-Владимирской земли.

Разбитый Мстислав хотел вернуться в Новгород, но там его не приняли, напротив, выставили и его сына. Так что Мстислав бросился за помощью к Глебу рязанскому, и они начали неудачную войну с соседями. Первой жертвой этой войны пала Москва и прочие мелкие посады,

пало и Боголюбово, но на крупные города Мстислав не посягал.

Всеволод тем временем собрал рать и пошел на Мстислава и Глеба по первому льду. Но лед был тонким, ломался, два войска стояли одно против другого, не решаясь начать бой. Когда же схватка началась, Глеб со Мстиславом не выдержали удара противника. Оба были схвачены и посажены в поруб. Глеб так и умер во владимирском плену.

Между тем и в других городах стали ловить и отрешать от власти Ростиславичей. Всех их свезли во Владимир, где спустя некоторое время по народному требованию ослепили. Мстислав, которому удалось избежать пленения, прожил недолго. Его сын Ярополк, ставший новгородским князем, долго при власти не удержался: Всеволод перекрыл путь на Торжок и вынудил новгородцев принять угодного ему князя. Новгородцы вынуждены были взять Романа Смоленского, но он недолго усидел. Тогда граждане Новгорода призвали Мстислава Храброго. Это был великодушный и мужественный князь. Но он был уже немолод и пробыл в Новгороде всего один год.

«Сей Князь,— сообщает Карамзин,— по свидетельству современников, был украшением века и России. Другие воевали для корысти: он только для славы и, презирая опасности, еще более презирал золото, отдавая всю добычу Церкви или воинам, коих всегда ободрял в битвах словами: *за нас Бог и правда; умрем ныне или завтра, умрем же с честью*. „Не было такой земли в России (говорит Летописец), которая не хотела бы ему повиноваться и где бы об нем не плакали“».

Новгородцы призвали княжить Владимира Святославича, князя Черниговского. Это очень не понрави-

лось Всеволоду. Последний пленил в Коломне сына Святослава Глеба, разбил передовой отряд Романа на берегах Оки, взял город Борисов, осадил Рязань и после этого заключил мир.

Святослав, который в то время был киевским князем, был взбешен. Пренебрежение восточно-русских князей его возмутило. Но еще более его раздосадовало, что во время его отсутствия Рюрик захватил Киев. Решать приходилось сразу несколько проблем. Святослав набрал войско, частично половецкое, и пошел жечь суздальскую землю.

Война тянулась всю зиму и часть весны. Суздальцы не решились встретиться с князем в открытом поле. Так что Святослав вернулся в Новгород победителем. Потом с половецким войском отправился на Киев. Рюрик перепугался, бежал из города и в конце концов заключил мир. А Святослав вошел и утвердился в Киеве.

Всеволод тем временем напал на Ярослава в Торжке. Горожане мужественно защищались, они держали оборону больше месяца, пока их князь не пал раненый в шею. Несчастливого князя заковали в цепи, а город сожгли. Манипулируя общественным мнением, Всеволод добился, чтобы новгородцы отказались от князя, поставленного Святославом, и взяли на управление Ярослава Владимировича из дома Мономаха.

В южной Руси тем временем складывалась все более и более тяжелая обстановка. Половецкие набеги не прекращались. На это время по современным исследованиям приходится сочинение неизвестного автора «Слово о полку Игореве». Карамзин верил в подлинность текста, сам его даже переложил (в сокращенном виде). «Игорь, князь Северский, желая воинской славы, убеждает дружину идти на половцев и говорит: „Хочу прело-

мить копие свое на их дальнейших степях, положить там свою голову или шлемом испить Дону!“ Многочисленная рать собирается: „Кони ржут за Сулою, гремит слава в Киеве, трубы трубят в Новгороде, знамена развеваются в Путивле: Игорь ждет милого брата, Всеволода“. Всеволод изображает своих мужественных витязей: „Они под звуком труб повиты, концом копья вскормлены; пути им сведомы, овраги знаемы; луки у них натянуты, колчаны отворены, сабли наточены; носятся в поле, как волки серые; ищут чести самим себе, а князю славы“.

Игорь, вступив в золотое стремя, видит глубокую тьму пред собою; небо ужасает его грозою, звери режут в пустынях, хищные птицы станицами парят над воинством, орлы клетком своим предвещают ему гибель, и лисицы лают на багряные щиты россиян. Битва начинается; полки варваров сломлены; их девицы красные взяты в плен, золото и ткани в добычу; одежды и наряды половецкие лежат на болотах вместо мостов для россиян.

Князь Игорь берет себе одно багряное знамя неприятельское с древком серебряным. Но идут с юга черные тучи или новые полки варваров: „Ветры, Стрибогovy внуки, веют от моря стрелами на воинов Игоревых“.

Всеволод впереди с своею дружиною: „Сыплет на врагов стрелы, гремит о шлемы их мечами булатными. Где сверкнет золотый шишак его, там лежат головы половецкие“.

Игорь спешит на помощь к брату. Уже два дни пылает битва, неслыханная, страшная: „Земля облита кровию, усеяна костями. В третий день пали наши знамена: кровавого вина не достало; кончили пир свой храбрые россияне, напоили гостей и легли за отечество“.

Киев, Чернигов в ужасе: половцы, торжествуя, ведут Игоря в плен, и девицы их „поют веселые песни на берегу синего моря, звеня русским золотом“.

Сочинитель молит всех князей соединиться для наказания половцев и говорит Всеволоду III: „Ты можешь Волгу раскропить веслами, а Дон вычерпать шлемами“; Рюрику и Давиду: „Ваши шлемы позлащенные издавна обагрываются кровию; ваши мужественные витязи ярятся, как дикие волы, уязвленные саблями калеными“; Роману и Мстиславу Волынским: „Литва, ятвяги и половцы, бросая на землю свои копья, склоняют головы под ваши мечи булатные“; сыновьям Ярослава Луцкого, Ингварю, Всеволоду и третьему их брату: „О вы, славного гнезда шестокрильцы! Заградите поле врагу стрелами острыми“. Он называет Ярослава Галицкого Осмомыслом, прибавляя: „Сидя высоко на престоле златокованом, ты подпираешь горы Карпатские железными своими полками, затворяешь врата Дуная, отверзаешь путь к Киеву, пускаешь стрелы в земли отдаленные“.

В то же время сочинитель оплакивает гибель одного кривского князя, убитого литовцами: „Дружину твою, князь, птицы хищные приодели крыльями, а звери кровь ее полизали. Ты сам выронил жемчужную душу свою из мощного тела чрез золотое ожерелье“.

В описании несчастного междоусобия владельцев российских и битвы Изяслава I с князем полоцким сказано: «На берегах Немена стелют они снопы головами, молотят цепями булатными, веют душу от тела... О, времена бедственные! Для чего нельзя было пригвоздить старого Владимира к горам Киевским» (или сделать бессмертным)!

Между тем супруга плененного Игоря льет слезы в Путивле, с городской стены смотря в чистое поле: „Для чего, о ветер сильный! легкими крылами своими наваял ты стрелы ханские на воинов моего друга? Разве мало тебе волновать синее море и лелеять корабли

на зыбях его? ...О Днепр славный! Ты пробил горы каменные, стремясь в землю Половецкую; ты нес на себе ладии Святославовы до стана Кобякова; принеси же и ко мне друга милого, да не шлю к нему утренних слез моих в синее море!.. О солнце светлое! Ты для всех тепло и красно: почто же знойными лучами своими изнурило ты воинов моего друга в пустыне безводной?..“

Но Игорь уже свободен: обманув стражу, он летит на борзом коне к пределам отечества, стреляя гусей и лебедей для своей пищи. Утомив коня, садится на ладью и плывет Донцом в Россию. Сочинитель, мысленно одушевляя сию реку, заставляет оную приветствовать князя: „Не мало тебе, Игорь, величия, хану Кончаку досады, а Русской земле веселия“. Князь отвечает: „Не мало тебе, Донец, величия, когда ты лелеешь Игоря на волнах своих, стелешь мне траву мягкую на берегах серебряных, одеваешь меня теплыми мглами под сению древа зеленого, охраняешь гоголями на воде, чайками на струях, чернетями на ветрах“.

Игорь, прибыв в Киев, едет благодарить всевышнего в храм Пирогощей Богоматери, и сочинитель, повторив слова Бояновы: „худо голове без плеч, худо плечам без головы“, восклицает: „Счастлива земля и весел народ, торжествуя спасение Игореево. Слава князьям и дружине!“

Читатель видит, что сие произведение древности ознаменовано силою выражения, красотою языка живописного и смелыми уподоблениями, свойственными стихотворству юных народов». Героями этой поэмы были северские князья Игорь и Всеволод, которые жаждали славы Святослава, почему очертя головы и кинулись в бой с половцами. Это была не первая и не последняя битва с кочевниками. Во времена Святослава такие стычки вошли уже в традицию. То, что случилось с се-

верскими князьями, было явлением совершенно обыденным: плен у половцев не был хуже плена у русских соотечественников. Может, даже лучше, если учитывать, что из плена у Всеволода немногие выходили живыми.

Гораздо большие склоки, чем с половцами, затевались внутри княжеских семей. В ту же пору такая усобица всколыхнула рязанское княжество. Мало того, что князья побили немало собственного народа, они в пылу вражды побили также поставленный в Пронске отряд владимирского князя, за что и поплатились. Вернувшись из похода болгар, Всеволод предал мечу и огню всю землю рязанскую, не выбирая ни правых, ни виноватых. Сам Всеволод надеялся упрочить свое влияние не только на соседнюю Рязань, но и на Киев. В качестве испытанного средства он испробовал династический брак: «выдав дочь свою за племянника Святославова, — другую, именем Верхуславу, за Рюриковича, мужественного Ростислава, а сына своего Константина, еще десятилетнего, женив на внуке умершего Романа Смоленского».

Это ничему уже помочь не могло. Усобицы на время стихли, но позже возобновились с такою же яростью и силой. В северных областях они не смолкали и в этот недолгий период покоя. В Смоленске большая проблема была у горожан и Давида Ростиславича, разрешить неудовольствие князь смог, только казнив немало сограждан.

В Новгороде такое же непонимание было между горожанами и сыном Давида Мстиславом. Последний не заметил враждебного настроения в городе, почему и оказался в тяжелом положении: начались восстания. Молодого князя обвинили в том, что он неловкими действиями погубил посланников в далеких заволочских областях. Князь клялся, что невиновен, но его с позором прогнали. Взамен призывали ставленника Все-

волода. Ярослав Владимирович удержался в Новгороде целых девять лет — срок немалый.

Между Всеволодом и Святославом были напряженные, но ровные отношения. Оба хорошо понимали, что любой неверный поступок приведет к кровавой внутренней войне. И хотя пути севера и юга уже разошлись, оба князя еще не видели друг в друге чужаков. Они искренне хотели мира. Князья, которые жаждали затеять войну с соседями, обращались к великому князю — кто к какому — и обычно разрешения им не давали. Князьям это не нравилось, но они терпели.

Наследником Святослава стал князь Рюрик. Такой власти и такого влияния, как Святослав, он не имел. Поэтому сразу же начались стычки между соседями. Рюрик, понимая собственную несостоятельность, искал поддержки у более сильного восточного соседа, у Всеволода. Тот охотно принял киевского князя под покровительство, но распри не прекращались. Другой надеждой Рюрика были галицкие князья, им он даже даровал несколько своих городов. Это вызвало вспышку гнева у Всеволода, но Рюрику удалось оправдаться.

Особые проблемы возникли у Рюрика с Ольговичами. Он думал добиться их согласия забыть про наследование киевского стола, но Ольговичи стали насмерть: они приводили примеры прошлого и возмущались: «Мы не Венгры, не Ляхи, а потомки Государя единого. Властвуйте, пока вы живы; когда ж вас не будет, древняя столица да принадлежит достойнейшему, по воле Божией».

В ответ Рюрик призвал на помощь половцев. История повторилась. Для Рюрика это была дурная история, поскольку в ходе войны он окончательно рассорился с Всеволодом. Но тот проводил хитрую политику, то сталкивая лбами князей, то льстиво их возвышая, так что Рюрику

пришлось забыть обиды и сделать вид, что никаких разногласий между ним и Всеволодом не существует.

Точно такую же политику Всеволод проводил и в мятежном Новгороде, вынуждая горожан выпрашивать у них князя и соглашаться даже на малолетнего, за которого правили владимирские бояре и воеводы.

Между тем киевский Рюрик вынужден был отдать стол Ингварю Ярославичу Луцкому, которого силой оружия посадил князь Роман Мстиславич. Но волынский князь не предполагал, что Рюрик сумеет объединиться со своими врагами Ольговичами и они вместе пойдут на Киев — в тот час он был в Галиче, недавно вернувшись из похода и наголову разбив половцев. Недовольные потерей Киева князья между тем наняли половецкую рать и двинулись на Киев.

«Варвары опустошили дома, — сообщает Карамзин, — храм Десятинный, Софийский, монастыри; умертвили старцев и недужных; оковали цепями молодых и здоровых; не щадили ни знаменитых людей, ни юных жен, ни Священников, ни Монахинь. Одни купцы иноземные оборонялись в каменных церквах столь мужественно, что Половцы вселили с ними в переговоры: удовольствовались частью их товаров и не сделали им более никакого зла.

Город пылал; везде стннали умирающие; невольников гнали толпами. Киев никогда еще не видел подобных ужасов в стенах своих: был взят, ограблен сыном Андрея Боголюбского; но жители, лишённые имущества, остались тогда по крайней мере свободными. Все добрые Россияне, самые отдаленные, оплакивали несчастье древней столицы и жаловались на его виновников. Мало-помалу она снова наполнилась жителями, которые укрылись от меча Половцев и спаслись от не-

воли; но сей город, дважды разоренный, лишился своего блеска. В церквах не осталось ни одного сосуда, ни одной иконы с окладом. Варвары похитили и драгоценные одежды древних Князей Российских, Св. Владимира, Ярослава Великого и других, которые на память себе вешали оные в храмах.

Рюрик и Черниговские Владетели, довольные злодеянием, вышли из Киева: судьба наказала первого. Роман пришел с войском к Овручу и сверх чаяния предложил тестю мир, убеждая его отказаться от союза Ольговичей; склонил даже и Всеволода Георгиевича забыть досаду на Рюрика и снова отдать ему Киев, как бы в награду за разорение оного. Такое удивительное великодушие было одною хитростию: Князь Галицкий желал только отвлечь легковверного тестя от Черниговских Владетелей (которые тогда счастливо воевали с Литвою); примирил их со Всеволодом и в доказательство своей мнимой дружбы к Рюрику ходил с ним, в жестокую зиму, на Половцев; взял немало пленников, скота — и вдруг, будучи в Триполе, без всякой известной причины велел дружине схватить сего несчастного Князя, отвезти в Киев, заключить в монастырь. Рюрик, жена его и дочь, супруга Романова, в одно время были пострижены; а сын его, зять Всеволодов, отведен пленником в Галич, вместе с меньшим братом.

Наказав тестя, Роман возвратился в свою область, и хотя, в угодность Великому Князю, отпустил Рюриковых сыновей, но бедный отец остался Монахом. Довольный освобождением зятя, Всеволод посадил его на престол Киевский».

Так на киевском столе оказался один из самых успешных князей, русский рыцарь Роман Галицкий. Но в Киеве ему было тесно. Право управлять городом по

своему усмотрению он предоставил Всеволоду, а сам удалился за пределы Руси и воевал в Польше. Там он и погиб, приняв неравный бой.

«Роман, называемый в Волынской летописи *Великим и Самодержцем вся Руси*, — пишет Карамзин, — долго оставил память блестящих воинских дел своих, известных от Константинополя до Рима. Жестокий для Галичан, он был любим, по крайней мере отлично уважаем, в наследственном Уделе Владимирском, где народ славил в нем *ум мудрости, дерзость льва, быстроту орлиную и ревность Мономахову* в усмирении варваров, под щитом Героя не боясь ни хищных Ятвягов, диких обитателей Подляшья, ни свирепых Литовцев, коих Историк пишет, что сей Князь, одерживая над ними победы, впрягал несчастных пленников в соху для обработки земли и что в отечестве их до самого XVI века говорили в пословицу: *Романе! Худым живеш, Литвою ореш*. Летописцы Византийские упоминают об нем с похвалою, именуя его *мужем крепким, деятельным*. Одним словом, ему принадлежит честь знаменитости между нашими древними Князьями».

Действительно так. Этой чести он гораздо более достоин, чем хитрый и осторожный Всеволод.

Как только умер Роман, на свободный стол вернулся все тот же Рюрик: он расстригся из монахов и снова желал нести бремя власти. Первое, что он сделал, — отправился походом на Галич, надеясь отнять у детей Романа наследные города. Но это ему не удалось. В защиту детей выступил венгерский король. Рюрику пришлось поворачивать коней вспять. Но на его место пришли черниговские князья. Один из них, Владимир, обложил Галич и велел выдать детей Романа — Данилу и Василька — и отворить ворота. Княгине удалось

ускользнуть с несчастными наследниками, а Владимир осел править в Галиче.

В течение пары лет Киев переходил из рук в руки: на его столе побывали и Всеволод Чермный, и известный нам Рюрик, потом снова Всеволод, потом снова Рюрик. Суздальский князь в это дело не лез. Когда надо, он грозил ослушникам военной силой, этого было достаточно. А если ослушники не понимали таких угроз, то он поступал так, как с рязанцами, — за слушание князей он пожег и пограбил все несчастное княжество. Но гордые рязанцы не смирились. Они хотели жить по своей воле.

Изгнанные из Галича дети между тем подросли. И старшего, Данилу, венгерский король утвердил силой на родимом столе. Правда, Даниле не нравились бояре и боярские советы. Но он был отрок умный и со временем собирался с боярами разобраться.

А Всеволод умер в 1212 году. Ему было полных 57 лет — возраст для средневековья уважаемый, но не преклонный. 37 лет он провел на княжении. От него осталось несколько сыновей, в качестве наследников рассматривались двое из них — Константин и Юрий. Умирая, князь желал оставить стол Константину, но тот должен был передать Ростов Юрию.

Наследник уперся, он желал владеть всем княжением. Тогда отец рассердился и назначил в наследники более младшего Юрия. Тот условий не ставил. Это завещание после смерти Всеволода послужило истоком новой распри. Часть земель была верна Юрию, часть — Константину, остальные братья и другие родичи выбирали, к кому из них присоединиться. Константин считал себя обиженным, но и Юрий не делал никаких шагов навстречу. Все разрешилось кровавой войной.

«Ярослав-Феодор, начальствуя в Переяславле Залеском, взял сторону Георгия, равно как и Святослав, получив в Удел Юрьев Польский; Димитрий-Владимир остался верным Константину. Ростовский Князь обратился в пепел Кострому, пленил жителей; Георгий два раза приступал к Ростову и, заключив весьма неискренний мир с Константином, выслал Димитрия из Москвы в южный Переяславль».

В Киеве со стола согнали Всеволода Чермного, и стол перешел к смоленским князьям. А в Новгород был посажен Ярослав Всеволодич. О нем разговор особый.

О начале его новгородского правления Карамзин говорит такими словами, обильно цитируя летописи: «Ярослав-Феодор начал свое правление строгостию и наказаниями, сослав в Тверь некоторых окованных цепями чиновников, велел разграбить двор Тысячского, оклеветанного врагами, взяв под стражу сына и жену его. Возбужденный самим Князем к действиям своевольным, народ искал жертв, новых преступников; умертвил сам собою двух знаменитых граждан; а Князь с досады на сих мятежников уехал в Торжек.

Между тем в окрестностях Новагорода сделался неурожай: Ярослав, ослепленный злобою, захватил весь хлеб в изобильных местах и не пустил ни воза в столицу. Тщетно послы убеждали Князя возвратиться: он задерживал их в Торжке, призвав к себе жену из Новагорода, где уже свирепствовал голод. Четверть ржи стоила около трех рублей шестидесяти копеек нынешними серебряными деньгами (в годы жизни Карамзина), овса рубль 7 копеек, воз репы два рубля 86 копеек. Бедные ели сосновую кору, липовый лист и мох; отдавали детей всякому, кто хотел их взять, — томились, умирали. Трупы лежали на улицах, оставленные на снадение псам, и лю-

ди толпами бежали в соседственные земли, чтобы избавиться от ужасной смерти.

В последний раз Новгородцы молили Ярослава утешить их своим присутствием. „Иди к Св. Софии,— говорили они: — или скажи, что не хочешь быть нашим Князем“. Он задержал и сих Послов, вместе с купцами Новгородскими. Чиновники скорбели; граждане воплем изъявляли отчаяние; а Наместник Ярославов и Дворяне его были равнодушными зрителями народного бедствия [11 февраля 1216 г.].

В то время явился утешитель — Мстислав великодушный. Новгородцы с восторгом увидели его на *Дворе Ярослава*. Сей Князь говорил, что он помнит свое обещание быть всегда их другом; что освободит невинных граждан, заключенных в Торжке, восстановит благоденствие Новгорода или положит свою голову. Народ клялся жить и умереть с добрым Мстиславом, который, взяв под стражу Бояр Ярославовых, чрез одного умного Священника объявил зятю, чтобы он, если желает остаться ему сыном, выехал из Торжка и немедленно возвратил свободу всем Боярам и купцам Новгородским.

С гордостью отвергнув мирное предложение, Ярослав изготовился к войне; сделал на пути засеки, укрепления и прислал сто знаменитых Новгородцев в отчину их с приказанием выпроводить оттуда его тестя. Но сии люди, видя единодушие сограждан, пристали к ним с радостью. Тогда озлобленный Ярослав собрал на поле всех бывших у него Новгородцев, числом более двух тысяч; оковал цепями и послал в свой город, Переяславль Залесский, отняв у них коней, деньги, все имение. В надежде на могущество брата, Георгия Владимирского, он грозился наказать тестя и смело поднял руку на кровопролитие междоусобное. Состояние Новгоро-

да было достойно жалости: голод, болезни истребили немалую часть его жителей; другие скитались по землям чуждым; знатнейшие люди стнели в темницах Суздальской области; дома и целые улицы опустели.

Мстислав, собрав Вече, ободрял граждан своим мужеством. „Оставим ли братьев в заключении и постыдной неволе? — говорил он народу. — Да воскреснет величие столицы! Да не будет она презрительным Торжком, ни Торжек ею! Новгород там, где Святая София. Рать наша малочисленна; но Бог заступник правых, и сильного и слабого!“

Все казались единопдушными; однако ж некоторые, тайно доброжелательствуя Ярославу, бежали к нему в Торжек. Мстислав выступил с остальными и с братом, Князем Владимиром Псковским (который, быв несколько времени начальником маленькой области в Немецкой Ливонии, снова господствовал тогда во Пскове).

Сия война имела важное следствие: Князь Новгородский, хотев прежде дружелюбно разделаться с Ярославом, но принужденный искать управы мечом, взял свои меры как искусный Военачальник и Политик. Предвидя, что Георгий Всеволодович будет всеми силами помогать меньшему брату, Мстислав заключил тайный союз с Константином и дал ему слово возвести его на престол Владимирский.

Неприятельские действия начались в Торопецкой области. Святослав Всеволодович, присланный Георгием к Ярославу, с десятью тысячами войска осадил Ржевку, где находилось только 100 воинов; но Князь Новгородский подоспел с 500 всадниками, заставил осаждающих удалиться и взял укрепленный Зубцов. Дружина Мстиславова хотела прямо идти к Торжку; но Князь, призвав Владимира Рюриковича из Смоленска,

вдруг обратился к Переяславлю Залесскому, чтобы удалить феатр войны от Новгородской области.

Наконец обе рати сошлись близ Юрьева. Константин с полками своими находился в стане Новгородском: Георгий, Ярослав и Князья Муромские, действуя заодно, вооружили самых поселян и в необозримых рядах стали на берегу Кзы. Летописцы сказывают, что Князь Владимирский и меньший брат его имели 30 знамен, или полков, 140 труб и бубнов.

Благоразумный Мстислав еще надеялся отвратить кровопролитие. Послы Новгородские говорили Георгию, что они не признают его врагом своим, будучи готовы заключить мир и с Ярославом, если он добровольно отпустит к ним всех их сограждан и возвратит Торжек с Волоком Ламским. Но Георгий ответствовал, что враги его брата суть его собственные; а Ярослав, надменный и мстительный, не хотел слушать никаких предложений. „Не время думать о мире, — говорил он Послам: — вы теперь как рыба на песке; зашли далеко и видите беду неминуемую“.

Мстислав вторично представлял Георгию и Ярославу, что война междоусобная есть величайшее зло для Государства; что он желает примирить их с большим братом, который уступит им всю область Суздальскую, буде Георгий отдаст ему, как старшему, город Владимир. „Если сам отец наш (сказал Георгий) не мог рассудить меня с Константином, то Мстиславу ли быть нашим судиею? Пусть Константин одолеет в битве: тогда все его“.

Послы с горестию удалились, и Князь Владимирский, пируя в шатре с Вельможами, желал знать их мнение. Один Боярин советовал не отвергать мира и признать Константина старейшим Государем земли Суздальской, представляя, что Князья Ростиславова племени мудры и

храбры, а воины Новгородские и Смоленские дерзки в битвах; что Мстислав в деле ратном не имеет совместника и что превосходные силы уступают иногда превосходному искусству.

Князья слушали Боярина с неудовольствием. Другие Вельможи, лстя их самолюбию, говорили, что никогда еще враги не выходили целы из сильной земли Суздальской; что жители ее могли бы с успехом противоборствовать соединенному войску всех Россиян и *седлами закидают* Новгородцев. Одобрив сию безрассудную надменность и собрав военачальников, Князья дали им приказ не щадить никого в битве: убивать даже и тех, на коих увидят шитое золотом оплечье. „Вам брони, одежда и кони мертвых,— сказали они: — в плен возьмем одних Князей и решим после судьбы их“.

Отпустив воевод, Георгий с меньшими братьями заперся в шатре и вздумал уже делить всю Россию: назначил Ростов для себя, Новгород для Ярослава, Смоленск для третьего брата, а Киев для Ольговичей, оставляя Галич на свое дальнейшее распоряжение. Написав договорную грамоту и взаимную клятвою утвердив оную, сии Князья послали сказать неприятелям, что желают биться с ними на обширном Липецком поле.

Мстислав принял вызов: долго советовался с Константином, обязал его торжественными обетами верности и ночью выступил из стана к назначенному для битвы месту, с трубным звуком, с грозным кликом воинским. Встревоженные полки Георгиевы *стояли* всю ночь *за щитами*, то есть вооруженные и в боевом порядке, ожидая нападения, и едва было не обратились в бегство.

На рассвете Мстислав и Константин приблизились к неприятелю, который зашел за дебрь и расположился на горе, окруженной плетнем. Напрасно Мстислав

предлагал Георгию или мир, или битву на равнине. Сей Князь ответствовал: „Не хочу ни того, ни другого; и когда вы уже не боялись дальнего пути, то можете перейти и за дебрь, где мы вас ожидаем“.

Мстислав стал на другой горе, велев отборным молодым людям ударить на полки Ярославовы. Бились с утра до вечера, слабо, неохотно: ибо время было весьма холодно и ненастливо. На другой день Мстислав думал идти прямо ко Владимиру, но Константин не советовал оставлять неприятеля назади и боялся, чтобы миролюбивые Ростовцы, пользуясь случаем, не разбежались по городам.

Между тем Георгиевы полки, видя движение в стане Новгородцев и Смоленян, вообразили, что Мстислав хочет отступить, и бросились с горы, в намерении гнаться за ним; но Георгий и Ярослав удержали их. Тогда Князь Новгородский, сказав: «гора не защитит и не победит нас; пойдем с Богом и с чистою совестью», велел своим готовиться к битве. На одном крыле стоял Владимир Рюрикович Смоленский, на другом Константин, в середине Мстислав с Новгородцами и Князь Псковский.

Учредив строй, обозрев все ряды, Мстислав ободрил воинов краткою речью. «Друзья и братья! — говорил он: — Мы вошли в землю сильную: станем крепко, призвав Бога помощника. Да никто не озирается вспять: бегство не спасение. Кому не умереть, тот будет жив. Забудем на время жен и детей своих. Сражайтесь, как хотите: пешие или на конях». Новгородцы ответствовали: „Сразимся пешие, как отцы наши под Суздалем“ [21 апреля 1216 г.].

Оставив коней, они сбросили с себя одежду, даже сняли сапоги, и с громким кликом устремились вперед; за ними Мстислав и дружина конная. Ни крутизна, ни

ограда не могли удержать их стремления. Смолене также пешие вступили в бой, не хотев ждать Воеводы своего, который упал с коня в дебри.

Князь Новгородский, видя кровопролитие, сказал Владимиру Псковскому: „Не выдадим добрых людей!“ — и мгновенно опередил всех; имея в руке топор, три раза с дружиною проехал сквозь полки неприятельские, сек головы, оставлял за собою кучи трупов. Летописцы живо представляют ужас сей битвы, говоря, что сын шел на отца, брат на брата, слуга на господина: ибо многие Новгородцы сражались за Ярослава; многие единокровные стояли друг против друга под знаменами Георгия и Константина.

Победа не была сомнительною. Новгородцы, Смолене дружным усилием расстроили, смяли врагов и, торжествуя, показывали в руках своих хоругви Ярославовы. Еще Георгий стоял против Константина; но скоро обратился в бегство за Ярославом. „Друзья! — сказал Князь Новгородский своим храбрым воинам.— Не время думать о корысти; надобно довершить победу“, — и Новгородцы, ему послушные, не хотели прикоснуться к добыче, с жаром гнали Суздальцев, топили их в реках, осуждая Смоленян, которые обдирали мертвых и грабили обозы неприятеля.

Урон был велик только со стороны побежденных: их легло на месте 9233 человека. В остервенении своем не давая никому пощады, воины Мстиславовы взяли не более 60 пленников; а Смолене нашли в Георгиевом стане и договорную грамоту сего Князя, по коей он хотел делить всю Россию с братьями. Ярослав, главный виновник кровопролития, ушел в Переяславль и, пылая гневом, задушил там многих Новгородских купцов в темнице; а Георгий, утомив трех коней под собою, на четвертом прискакал в Владимир, где оставались большею частию

одни старцы и дети, жены и люди духовного сана. Видя вдали скачущего всадника, они думали, что Князь их одержал победу и шлет к ним гонца; но сей мнимый радостный вестник был сам Георгий: в бегстве своем он сбросил с себя одежду Княжескую и явился в рубашке пред воротами столицы; ездил вокруг стены и кричал, что надобно укреплять город. Жители ужаснулись.

Ночью пришли в Владимир многие раненые; а на другой день Георгий, созвав граждан, молил их доказать ему свое усердие мужественною защитою столицы. „Государь! Усердием не спасемся; — ответствовали граждане, — братья наши легли на месте битвы; другие пришли, но без оружия: с кем отразить врага?“ Князь упросил их не сдаваться хотя несколько дней, чтобы он мог вступить в переговоры. Великодушный Мстислав не велел гнаться за Георгием и Ярославом, долго стоял на месте битвы и шел медленно ко Владимиру.

Через два дня окружив город, сей Князь в первую ночь увидел там сильный пожар: воины хотели идти на приступ, чтобы воспользоваться сим случаем; но человеколюбивый Мстислав удержал их. Георгий уже не думал обороняться и, на третий день приехав в стан к Новгородскому Князю с двумя юными сыновьями, сказал ему и Владимиру Смоленскому: „Вы победители: располагайте моею жизнию и достоянием. Брат мой Константин в вашей воле“.

Мстислав и Владимир, взяв от него дары, были посредниками между ним и Константином. Принужденный выехать из столицы, Георгий омочил слезами гроб родителя, в душевной горести жаловался на Ярослава, виновника столь несчастной войны; сел в ладью с женою и поехал в Городец Волжский, или Радилов».

Однако этот опыт Ярослава ничему не научил. Он рвался к власти.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ГЕОРГИЙ II ВСЕВОЛОДОВИЧ 1219—1224

Мстислав возвел на великое владимирское княжение Константина. От Ярослава южного князя трясло, он даже против обычая забрал у него дочь, отданную тому в жены. Константин, понимая, что тоже виновен в войне, отдал Юрию Суздаль, дабы как-то загладить обиду. В качестве великого князя Константин пробыл недолго, он умер 33 лет от роду, как сказывали, от тяжелой болезни.

Теперь его место по праву наследовал Юрий. С братом Ярославом у него было полное понимание. Но брат Ярослав ожидал удачного стечения обстоятельств, чтобы завладеть владимирским столом.

Мстислав Удалой и хотел, и не мог больше управлять Новгородом. Его призывали гораздо более важные дела на юге — в Киеве, Чернигове и в далекой Галиции. Он был удивительным рыцарем своей эпохи — вступался за обиженных, восстанавливал справедливость и часто вместо благодарности получал только упреки. В Новгороде он оставил своего племянника Святослава, но тот оказался не способным сладить с новгородцами. Обидевшись, он уехал к отцу в Киев. Его сменил Всеволод Романович, который точно так же не смог ужиться с северянами.

Новгород остался бесхозным. Этим воспользовались оба Всеволодича — Ярослав и Юрий. Они снова перекрыли проезд в южную часть страны. Начались волнения. Всеволод думал применить силу, но так и не решился. Долго в Новгороде он не удержался. Юрий

посадил туда (горожане сначала этого не желали) своего малолетнего сына. Но боярам, приставленным при отроке, город был совершенно отвратителен, поэтому однажды ночью вся эта компания вместе с малолетним князем бежала из города. Новгородцы подумали и снова пригласили Ярослава. Этот был жесток, но при нем горожане ощущали хоть какую-то защиту. Князь пару раз успешно поводил новгородцев на немцев и чудь, потом ему это наскучило, и он бросил горожан на произвол судьбы, а на его место Юрий снова прислал малолетнего Всеволода. При этом князе горожане получили колоссальное поражение от немецкого ордена. Пришлось заключать с немцами мир. Мир, как тогда было принято, был вечным.

А Мстислав решал проблемы, которые действительно были важны для южной Руси. Речь шла о судьбе Галиции. По прежним дурным договорам Галич с окрестными городками был отдан венгерскому дворянину Коломану. И это несмотря на то, что у Галича было целых двое наследников.

Мстислав решил вернуть права детям Романа. Он неожиданно явился с войском под стенами Галича, ночью сделал подкоп под стены крепости, а утром уже вошел внутрь. Полякам и венграм пришлось сдаться. Коломана вместе с его молодой женой он отправил в Торческ, а захваченных в плен бояр выдал вместе с семьями своей дружине и союзным половцам. После чего встал вопрос: что делать дальше? Мстислав хотел отдать город Даниле, но бояре советовали сделать его условным владением венгерского королевича Андрея, за которого была помолвлена дочь Мстислава. Данила был еще очень молод, Мстислав боялся, что он не совладеет с опасным галичским боярством. Но

ему вроде бы удалось развязать запутанный клубок южных проблем...

И тут, как гром с ясного неба, грянуло известие, что на границах Руси появились какие-то новые, доселе невиданные воины. С легкой руки Карамзина эти кочевники получили название татаро-монголов, а порядок, который спустя 14 лет они учредили на Руси, — татаро-монгольское иго. Впервые о них услышали на Руси в 1224 году.

ПОД ХАНАМИ

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ГЕОРГИЙ II ВСЕВОЛОДОВИЧ 1224—1238

Новые хищники появились с пограничных с Китаем территорий. Карамзин относил их к народам, родственным восточным туркам, то есть тюркам. К середине XII века этот народ стал усиливаться и завоевывать для себя жизненное пространство. Особенно сила его увеличилась при Есугее (его Карамзин именует Езукаем) и его сыне Темучине, которому удалось объединить прежде самостоятельные племена и построить мощную военную машину.

«Ужасать врагов местию, — пишет историк, — питать усердие друзей щедрыми наградами, казаться народу человеком сверхъестественным было его правилом. Все особенные начальники Могольских и Татарских орд добровольно или от страха покорились ему: он собрал их на берегу одной быстрой реки, с торжественным обрядом пил ее воду и клялся делить с ними все *горькое* и *сладкое* в жизни. Но Хан Кераитский, дерзнув обнажить меч на сего второго Аттилу, лишился головы, и череп его, окованный серебром, был в Татарии памятником *Темучинова гнева*.

В то время как многочисленное войско Могольское, расположенное в девяти станах близ источников реки

Амура, под шатрами разноцветными, с благоговением взирало на своего юного Монарха, ожидая новых его повелений, явился там какой-то святой пустынный, или мнимый пророк, и возвестил собранию, что бог отдает Темучину всю землю и что сей Владетель мира должен впредь именоваться *Чингисханом*, или Великим Ханом. Воины, чиновники единодушно изъявили ревность быть орудиями воли Небесной: народы следовали их примеру. Киргизы южной Сибири и славные просвещением Игуры или Уйгуры, обитавшие на границах Малой Бухарии, назвались подданными Чингисхана».

Дальше — больше. Чингисхан отказался платить дань ниучам, которые прежде властвовали над его народом, и начал завоевательные походы. В 1215 году он разбил китайцев и захватил Пекин. «Свирепые победители,— сообщает Карамзин,— нашли в Пекине богатую добычу и мудреца, именем Иличуцая, родственника последних Императоров Китайских, славного в Истории благодетеля людей: ибо он, заслужив любовь и доверенность Чингисхана, спас миллионы несчастных от гибели, умерял его жестокость и давал ему мудрые советы для образования диких Моголов».

Елея Чуцая сегодня мы назвали бы коллаборационистом: он действительно пошел на сделку с северным ханом, пусть и из гуманных соображений. Но спасти миллионы от гибели ему не удалось. Просто эта гибель оказалась несколько отложенной во времени, китайские крепости из-за внутренних раздоров пали одна за другой. Но завоевание всего Китая уже стало достижением сыновей хана.

После покорения северного Китая Чингисхан начал планомерное поглощение народов, расположенных от земель хана на запад. Сначала это были народы

Алтая и южной Сибири, затем его войска вошли в цветущие города Средней Азии.

«Сия часть Верхней Азии, именуемая Великою Бухарию (а прежде Согдианою и Бактриею), — поясняет историк, — издревле славилась не только плодоносными своими долинами, богатыми рудами, красотою лесов и вод, но и просвещением народным, художествами, торговлею, многолюдными городами и цветущею столицею, донныне известною под именем Бохары, где находилось знаменитое училище для юношей Магометанской Веры. Бохара не могла сопротивляться: Чингисхан, приняв городские ключи из рук старейшин, въехал на коне в главную мечеть и, видя там лежащий Алкоран, с презрением бросил его на землю.

Столица была обращена в пепел. Самарканд, укрепленный искусством, заключал в стенах своих около ста тысяч ратников и множество слонов, главную опору древних воинств Азии: несмотря на то, граждане прибегнули к великодушию Моголов, которые, взяв с них 200 000 золотых монет, еще не были довольны: умертвили 30 000 пленников и такое же число оковали цепями вечного рабства. Хива, Термет, Балх (где находилось 1200 мечетей и 200 бань для странников) испытали подобную же участь, вместе со многими иными городами, и свирепые воины Чингисхановы в два или три года опустошили всю землю от моря Аральского до Инда так, что она в течение шести следующих веков уже не могла вновь достигнуть до своего прежнего цветущего состояния».

Покончив со Средней Азией, войска хана вошли на Кавказ. Шемаха сдалась на волю победителя, но путь к Дербенту оказался для хана губительным: «Обманутые путеводителями Моголы зашли в тесные ущелия и были со всех сторон окружены Аланами — Ясами, жителя-

ми Дагестана — и Половцами, готовыми к жестокому бою с ними. Видя опасность, Военачальник Чингисханов прибегнул к хитрости, отправил дары к Половцам и велел сказать им, что они, будучи *единоплеменниками* Моголов, не должны восставать на своих братьев и дружить с Аланами, которые совсем иного рода.

Половцы, обольщенные ласковым приветствием или дарами, оставили союзников; а Моголы, пользуясь сим благоприятным случаем, разбили Алан. Скоро главный Хан Половецкий, именем Юрий Кончакович, раскаялся в своей оплошности: узнав, что мнимые братья намерены господствовать в его земле, он хотел бежать в степи; но Моголы умертвили его и другого Князя, Данила Кобяковича; гнались за их товарищами до Азовского моря, до вала Половецкого или до самых наших границ; покорили Ясов, Абазинцев, Касогов или Черкесов и вообще семь народов в окрестностях азовских».

Впавшие в отчаяние пловцы бросились за помощью к русским князьям. Это легко объяснимо: хан Котян был тестем Мстислава Галицкого. Перепуганные половцы были пропущены на русскую территорию и встали лагерем под Киевом. Они рассказывали о завоевателях страшные подробности.

Эти подробности сохранили русские летописи: «По грехомъ нашимъ, приидоша языци незнаемии, при великомъ князи Киевскомъ Мстиславе Романовиче, внуце Ростиславле Мстиславича, приидоша бо неслыханнии безбожнии Моавитяне, рекомии Татарове, ихже добре ясно никтоже съвесть, кто суть и откоудоу приидоша и что языкъ ихъ и которого племене соуть и что вера ихъ. Зовуть же ся Татарове, а ины глаголють Та-оурмены, а друзии Печенези, инии же глаголють, яко си суть, о нихже Мефодий, епископъ Патормский,

свидѣтельствуеть, яко си суть вышли ис пустыня Етровския, сущии межи востокомъ и северомъ, къ скончанию времени явитися имъ, ихже загна Гедѣонъ, и погагнѣть всю землю отъ востока и до Ефрата и отъ Тигръ до Понтъскаго моря, кроме Ефеопиа. Про сихъ же слышашомъ, яко многи страны поплениша: Ясы, Обезы и Косагы, приидоша же на землю Половецъскоую, и Половцемъ ставшемъ, а Юрьи Кончакович бе болий всехъ Половецъ, не може стати противу лицу ихъ, но бегающу ему, а Половцы, не возмогше же противитися имъ, побегоша, и мнози избьени быша. И гониша ихъ до реки Днепра, а иныхъ загнаша по Дону и в лоукоу моря, и тамо измроша, оубиваемии гневомъ Божиимъ и пречистыа его Матере. Много бо ти Половци зла сътвориша Роуской земли, Богъ же отмщение сътвори надъ безбожными Куманы, сынъми Измайловы: победита ихъ Татари и инехъ языкъ 7, проидоша всю страну Коуманскую и приидоша близъ Руси».

Одно то, что бесстрашные половцы умоляли русских князей о помощи, заставляет задуматься о том страхе, который наводили эти новые завоеватели. Приняв половцев, русские автоматически становились врагами монголов. Но для проверки последние послали на Русь своих послов, которые потребовали выдачи половцев.

Русские князья посоветались и отказали. Но они сделали одну роковую ошибку: убили послов. Убийство послов и на самой Руси считалось делом отвратительным, но для монголов оно казалось и вовсе чудовищным. Судьба народов, убивших посла, была предрешена, это было равносильно объявлению войны без всякой пощады. Русские князья в таких дипломатических тонкостях не разбирались. Монголы прислали новых послов, которые изрекли: «Итак, вы, слушаясь Половцев, умертвили

наших Послов и хотите битвы? Да будет! Мы вам не сделали зла. Бог един для всех народов: Он нас рассудит».

Теперь столкновение было неизбежным. За битву с кочевниками выступали практически все южные князья. Все они дали свои отряды для сражения. Не участвовали только северо-восточные, владимиристо-суздальские.

Южная рать двинулась навстречу монголам. Столкновение с передовым отрядом вселило в них надежду: монголы были разбиты и бежали. Но, кинувшись вслед за бегущим противником, князья попали в западню: неожиданно они столкнулись с чудовищной по тем временам военной силой. Битва произошла на реке Калке. Русские отряды потерпели жестокое поражение.

«Татары гнали Россиян, убив их множество,— пишет Карамзин,— и в том числе шесть Князей: Святослава Яновского, Изяслава Ингваровича, Святослава Шумского, Мстислава Черниговского с сыном, Юрия Несвижского; также отличного Витязя, именем Александра Поповича, и еще 70 славных *богатырей*. Земля Русская, по словам Летописцев, от начала своего не видала подобного бедствия: войско прекрасное, бодрое, сильное совершенно исчезло; едва десятая часть его спаслася; одних Киевлян легло на месте 10 000. Самые мнимые друзья наши, Половцы, виновники сей войны и сего несчастья, убивали Россиян, чтобы взять их коней или одежду».

Чудом избежал смерти Данила Галицкий, тогда 18-летний юноша. В пылу битвы он не заметил даже, что ранен. Только нагнувшись напиться, вдруг обнаружил, что истекает кровью. Был разбит Мстислав Удалой, которому пришлось уничтожить все лодки, брошенные у берега, чтобы они не достались неприятелю (за что несчастного упрекают и сегодня, как будто он мог придумать нечто более разумное!). Другой Мстислав, Киевский, засел в укреп-

ленном лагере и отбивался до последнего. Толмачи, посланные монголами, предложили князю сдаться.

Не желая губить дружину, он обещал дать за свободный отход хороший выкуп. Но предложение оказалось ловушкой. Стоило воинам прекратить оборону, как князей повязали и притащили к монгольским вождям. «Остервененные жестоким сопротивлением великодушного Мстислава Киевского, — повествует историк, — и вспомнив убиение своих Послов в нашем стане, Моголы изрубили всех Россиян, трех Князей задушили под досками и сели пировать на их трупах!»

Сегодня по поводу этого убийства существуют и другие мнения. Якобы для мужественных воинов это была почетная смерть. Пожалуй, тут я соглашусь с Карамзиным: предательство и убийство, идущие рука об руку, не могут называться почетными.

Русское воинство бежало. Монголы прошли по югу Руси, уничтожая все на своем пути: «Жители городов и сел, в надежде смягчить их свирепость покорностью, выходили к ним навстречу со крестами; но Татары безжалостно убивали и граждан, и земледельцев, следуя правилу, что побежденные не могут быть друзьями победителей, и что смерть первых нужна для безопасности вторых. Вся южная Россия трепетала: народ, с воплем и стенанием ожидая гибели, молился в храмах — и Бог на сей раз услышал его молитву.

Татары, не находя ни малейшего сопротивления, вдруг обратились к Востоку и спешили соединиться с Чингисханом в Великой Бухарии, где сей дикий Герой, собрав всех Полководцев и Князей, на общем сейме давал законы странам завоеванным. Он с удовольствием встретил свое победоносное войско, возвратившееся от Днепра: с любопытством слушал донесение вождей,

хвалил их и щедро наградил за оказанное ими мужество. Оскорбленный тогда могущественным Царем Тангутским, Чингисхан пошел сокрушить его величие».

Совершенно напрасно русские считали, что враг одумался и отступил. Они прождали появления кочевников год, другой, совсем успокоились и решили, что варварский народ больше их не потревожит. На Руси было немало своих забот — те же междоусобные войны.

Юрий, его сын (тогда новгородский князь) и Ярослав все так же враждовали с гражданами Новгорода, занимая Торжок и вызывая в Новгороде голод. Соседним княжествам все чаще приходилось воевать с литовцами, где начинало складываться самостоятельное государство. Ярославу, севшему на новгородский стол после мягкого и доброго Михаила Черниговского, вздумалось упредить посягновение немецких рыцарей на финские народы, и он вошел с войском в чудские земли и крестил тамошнюю чудь.

Однако стоило войскам уйти, как неофиты возвращались в языческое состояние. Карамзин совершенно напрасно считал, что за века соседства с новгородцами чудь была уже подготовлена к принятию христианства. Если почитать летописи того времени, можно найти любопытные факты, с каким удовольствием крещеная чудь сжигала своих миссионеров на кострах и потом поедала их священное мясо! Что витязи, что немецкие рыцари — все они с одинаковым успехом христианизировали балтийские земли. Иными словами, успех был практически нулевым.

Но владение эстами, ливами, чудью, корелой и прочими племенами с обязательным введением христианства западного или восточного образца казалось и русским князьям, и немецким рыцарям делом чрезвычайной важ-

ности. Они дрались за право на земли Балтики. И верили, что им удалось обратить народы в правильную веру.

Однако тогдашние документы все время сообщают неутешительные факты. Было убито, сожжено, скальпировано и съедено немало как наших, так и западных миссионеров. Ярослав в конце двадцатых годов прошелся по чудским берегам карающим мечом.

Однако это вызвало вовсе не тот эффект, на который он рассчитывал. Местное население, столкнувшись с такой жестокостью, объединилось: «Лишенные отцев, братьев, детей и пылая справедливою злобою, Финляндцы разорили селения вокруг Олонца и сразились с Посадником Ладожским. Их было около двух тысяч. Ночь прекратила битву. Напрасно предлагав мир, они умертвили всех пленников, бросили лодки свои и бежали в густые леса, где Ижеряне и Корелы истребили их всех до одного человека. Между тем Ярослав, не имея времени соединиться с Ладожанами, праздно стоял на Неве и был свидетелем мятежа воинов Новгородских, хотевших убить какого-то чиновника, именем Судимира: Князь едва мог спасти несчастного, скрыв его в собственной ладии своей».

Не одни финны ненавидели Ярослава. Точно так же к нему относился и соседний Псков. Когда Ярославовы посланцы вдруг решили посетить Псков, горожане заперлись и не пустили князя в город. Они были убеждены, что тот везет в город оковы и одно его посещение грозит им вечным рабством. Поэтому псковичи тут же заключили союз с рижскими рыцарями. Лучше немцы, чем Ярослав, — таков был их приговор.

Другое доказательство этой северной нелюбви к князю состояло в том, что, когда Ярослав в отместку затеял поход на Псков, сами новгородцы отказались уча-

ствовать в этом предприятии и Ярославу пришлось срочно вызывать суздальские полки. Князь не понимал народа, которым взялся управлять, народ платил ему тем же.

Из уже готового похода на Псков ничего не вышло. А союзничество с рыцарями заметил римский Папа, который стал теперь слать в Новгород и Псков грамоты, призывающие граждан подумать об объединении церкви и переходе в латинскую веру. Ни псковичи, ни новгородцы в латинство переходить не хотели, а мир с рыцарями и даже союз зависели от того, насколько часто эти рыцари вторгались в земли, которые горожане считали своими. Если вторгались — мир нарушался.

Ярослав играл на этом, вынуждая горожан идти против рыцарей войной. Выпускать город из своих цепких рук он не собирался. Даже когда горожане, возмущенные его поборами, указали князю дорогу (а сыновья, еще малолетние, бежали из города), княжеские шпионы перехватили письмо к черниговскому Михаилу, которого умоляли принять княжение.

Князь отлично научился управлять городом, регулируя в нем голод и сытость. Горожане, которые голода боялись, вынуждены были возвращаться к ненавистному князю, потому что не видели альтернативы. Точнее, видели: она называлась смерть. Тот же прием Ярослав пробовал применить и для Пскова, но с этим было сложнее, во всяком случае, требовало от князя большего приложения сил.

Насколько самостоятельной была позиция Пскова в то время, можно судить по тому факту, что в войске знаменитого магистра Вольквина часть воинов как раз составляли псковичи. Псковские и немецкие косточки легли в землю во время сражения с литовскими племенами. И Ярослав этой дружбе долгое время не мог помешать.

В южной России самый знаменитый ее князь Мстислав Удалой вскоре после битвы на Калке умер. По легкомысленности и политической недалекновидности он в свое время передал право на владение Галицкими землями венгерскому королю. Настоящий наследник этих земель, Данила Галицкий, подрос и стал после смерти Мстислава возвращать свое наследство. Усиления Данилы боялись многие южные князья, включая самого великого киевского, которым тогда был Владимир. Эти князья создали коалицию против Данилы, но тот легко разбил их войска.

Скоро Данила вернулся в родной Галич. Венгерский король в союзе с русскими князьями пытался его оттуда выбить, но союз потерпел поражение. На стороне Данилы бились половцы и поляки. Воспитанный в Польше, Данила считал Польшу такой же отчизной, что и Русь. Он много и успешно сражался плечом к плечу с поляками, участвуя в тамошних усобицах на стороне Конрада Мазовецкого, знаменитого рыцаря-крестоносца.

Войны с венгерским королем велись с переменным успехом, но последний поход венгров оказался для них самоубийственным: «*Хляби небесные*, по словам летописи, *отверзлись на них* в горах Карпатских: от сильных дождей ущелья наполнились водою; обозы и конница тонули. Гордый Бела, не теряя бодрости, достиг наконец Галича, в надежде взять его одною угрозою: видя же твердую решительность тамошнего начальника; слыша, что Ляхи и Половцы идут с Даниилом защитить город; приступав к оному несколько раз без успеха и страшась быть жертвою собственного упрямства, он спешил удалиться, гонимый судьбою и войском Данииловым. Множество Венгров погибло в Днестре, который был от дождей в разливе, так что в Галицкой земле

осталась пословица: *Днестр сыграл злую игру Уграм*. Множество их пало от меча Россиян или отдалось в плен, другие умирали от изнурения сил или от болезней».

Однако, вернув Галич, Данила долго еще не мог уладить отношения с местными боярами, которые то и дело переходили на сторону венгров. И только смерть королевича в 1234 году положила этому конец. Теперь Галича никто не смел отобрать у Даниила по праву.

Но тут он имел несчастье вмешаться в распрю между Владимиром Киевским и Михаилом Черниговским. Даниил выступал на стороне великого князя, но жестоко ошибся: Изяслав и Михаил привели такое количество половецкого войска, что противная сторона была разбита. Изяслав воссел в Киеве, а Михаил отнял у Данилы Галич. Изгнаннику пришлось взять от Михаила Перемышль. Впрочем, новый киевский князь долго не усидел, его сменил сперва Владимир Рюрикович, потом уже известный нам Ярослав Всеволодич. Какие рычаги применил северо-восточный князь для того, чтобы занять киевский стол,— загадка до сих пор. Но ради этого стола он бросил Новгород, куда посадил своего юного сына Александра. В историю этот князь вошел под именем Александра Невского.

Но все это было потом. Пока же Ярослав был счастлив приобретением титула великого князя. Так на Руси оказались одновременно два великих князя, которые были братьями: на юге — Ярослав, на северо-востоке — Юрий. Но эта идиллия продолжалась недолго.

Еще в 1229 году яицкие половцы явились на Русь со страшным известием, что с востока снова движутся орды монголов. Но сами монголы появились только осенью 1237 года на Волге. Они пожгли болгарскую столицу, а затем вторглись в Рязанское княжество. По

словам летописей, вперед войска они послали чародейку и двух чиновников.

«Владетели Рязанские — Юрий, брат Ингворов, Олег и Роман Ингворовичи, также Пронский и Муромский — сами встретили их на берегу Воронежа и хотели знать намерение Батыево. Татары уже искали в России не друзей, как прежде, но данников и рабов. „Если желаете мира,— говорили Послы,— то десятая часть всего вашего достояния да будет наша“.

Князья ответствовали великодушно: „Когда из нас никого в живых не останется, тогда все возьмете“, и велели Послам удалиться. Они с таким же требованием поехали к Георгию в Владимир; а Князья Рязанские, дав ему знать, что пришло время крепко стать за отечество и Веру, просили от него помощи. Но Великий Князь, надменный своим могуществом, хотел один управиться с Татарами и, с благородною гордостью отвергнув их требование, предал им Рязань в жертву. Провидение, готовое наказать людей, ослепляет их разум».

Тут историк слегка заблуждается: великий князь Юрий ненавидел соседних рязанцев и мечтал об ослаблении их власти, чтобы распространить свою. Когда и ни при каких условиях он не согласился бы помочь рязанцам. Не зная, как быть, те сперва послали дары, но дары были отвернуты — требовалось полное подчинение, тогда князья решили биться. Все они погибли. Города рязанской земли были взяты. Люди убиты или уведены в плен. А от самой Рязани осталось горелое место, и потом город возродился несколькими километрами дальше.

Спасся только один из рязанских князей, Ингорь, он тогда находился в Чернигове. Вернувшись, он увидел такую картину: «там, где цвели города и селения,

остались единственно кучи пепла и трупов, терзаемых хищными зверями и птицами. Убитые Князья, Воеводы, тысячи достойных витязей лежали рядом на мерзлом ковыле, занесенные снегом. Только изредка показывались люди, которые успели скрыться в лесах и выходили оплакивать гибель отечества. Ингорь, собрав Иереев, с горестными священными песнями предал земле мертвых. Он едва мог найти тело Князя Юрия и привез его в Рязань; а над гробами Феодора Юрьевича, нежной его супруги Евпраксии и сына поставил каменные кресты, на берегу реки Осетра, где стоит ныне славная церковь Николая Заразского».

Батый тем временем уже стоял у Коломны. Горстка князей приняла битву с монголами, но сразу же была смята. Всеволод Юрьевич, который был в этой рати, уцелел и бежал к отцу, а монголы подошли к Москве. Город был сожжен, а младший сын Юрия Владимир взят в плен. Юрий с дружиной ушел на речку Сить, где, по летописным рассказам, собирал новое войско.

Историкам до сих пор непонятно, что делал Юрий на Сити и почему не защищал городов своей земли, представив это дело самим горожанам. Во всяком случае, пока он находился на Сити, монголы обложили Владимир, потребовали князя, узнали, что его там нет, и начали приступ. В качестве лучшего средства устрашения они подвели к стенам малолетнего Владимира, показывая, что жизнь брата в руках Всеволода и Мстислава. Те все равно порывались отбить его у монголов. Их не пустили. Город стал обороняться... и скоро был взят. Погибли все дети Юрия, его жена, снохи и внучата. Монголы разграбили Владимир, убили жителей, а потом его сожгли.

После взятия столицы северо-восточной Руси войско Батыея разделилось: «одни пошли к Волжскому Го-

родцу и костромскому Галичу, другие к Ростову и Ярославлю, уже нигде не встречая важного сопротивления. В Феврале месяце они взяли, кроме слобод и погостов, четырнадцать городов Великого Княжения — Переславль, Юрьев, Дмитров — то есть опустошили их, убивая или пленяя жителей».

Юрий в то время так и стоял на Сити, там он и узнал, что вся его семья мертва. Только тогда он решил дать бой монголам. Битва была недолгой, кровопролитной и несчастной для русских. Сам Юрий в ней погиб. Так чего же выжидал он на Сити? Карамзин ответа нам не дает. Но вполне логично предположить, что князь надеялся на своего брата Ярослава. Тот, будучи великим киевским князем, мог прислать ему помощь. Но Ярослав подмогу не прислал. Думается, он замечательно трезво рассчитал, что теперь сможет (предоставив Юрия его судьбе) стать великим князем севера и юга. Это, как показали дальнейшие события, в планы Батыя не входило.

Монголы быстро заняли всю северо-восточную Русь. Только несколько городов им пришлось брать приступом. В основном же большого сопротивления другие города северо-востока и центра не оказали. Монголы небольшими усилиями взяли Тверь, Волоколамск, но две недели осаждали Торжок. Город ожидал помощи с севера, но ее не получил.

Дальше путь монголов должен был идти прямо на Новгород. Но в Новгород они не дошли. «Уже Батый находился в 100 верстах от Новагорода, — пишет Карамзин, — где плоды цветущей, долговременной торговли могли обещать ему богатую добычу; но вдруг — испуганный, как вероятно, лесами и болотами сего края — к радостному изумлению тамошних жителей, обратился назад к Козельску (в Губернии Калужской)».

С тех пор версия непроходимых лесов и болот (а позже распутицы) стала основной для объяснения такого странного поведения вражеского войска. Из книги в книгу кочевали эти леса, болота да весенняя грязь. Верится в это с трудом: конечно, степняков могли пугать леса и болота, а вокруг того же Суздаля болот было немало, но монголов это не остановило. И леса их не испугали. Монголы прекрасно блуждали по этим лесам, пока не обнаружили войско Юрия на Сити.

Нет, причина, скорее всего, заключалась в другом. Новгородским князем был в это время Александр Ярославич, который мог быстро соотнестись с отцом (тот находился в Переяславле), и, видимо, два хитрых и опасных князя сговорились с монголами о выплате дани. Иначе каким бы еще разумным способом объяснить, почему незавоеванный Новгород и Псков, куда не ступила нога монголов в 1237 году, вдруг по доброй воле платили эту дань и позволяли монгольским баскакам переписывать своих сограждан? Только сговор между Ярославом и Батыем может объяснить эту странность. Князь упредил недовольство, отдав север в рабство на те же пару веков, что и завоеванные территории!

Известно, что города, сдающиеся добровольно и признающие добровольное подчинение, монголы не трогали. Что же касается тех, кто не сдавался, — печальная судьба их известна. Торжок был вырезан и сожжен, такая же судьба досталась и Козельску, прозванному не без основания самими монголами «злым городом». По размерам этот Козельск был меньше Рязани или Владимира, но у него было большое преимущество: князь в городе был малолетним, то есть решение о защите принимали сами жители. Сдаваться они наотрез отказались. И все погибли. Пожалуй, только Торжок и Ко-

зельск и были теми городками, о которые споткнулись монголы. Вся остальная северо-восточная Русь пала даже не за год — за считанные месяцы.

Покончив с северо-востоком, монголы двинулись на юг. Но после успешной кампании они вернулись в половецкие степи: отдохнуть да нагулять жирок лошадям. И тут же, стоило монголам отойти, Ярослав Всеволодич явился в обезображенный Владимир, всплакнул на развалинах и присвокупил к титулу великого киевского князя титул великого владимирского.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВ II ВСЕВОЛОДОВИЧ 1238—1247

Ярослав считал, что в беде виноват сам Юрий: вместо того, чтобы укреплять границы и иметь под рукой мощное войско, тот больше занимался украшением храмов, привечал нищих и одаривал монахов. Ярослав, конечно, всплакнул над гробом своего брата, но у него имелись дела поважней.

Как пишет Карамзин, «Ярослав приехал господствовать над развалинами и трупами. В таких обстоятельствах Государь чувствительный мог бы возненавидеть власть; но сей Князь хотел славиться деятельностью ума и твердостью души, а не мягкосердечием. Он смотрел на повсеместное опустошение не для того, чтобы проливать слезы, но чтобы лучшими и скорейшими средствами загладить следы оногo. Надлежало собрать людей рассеянных, воздвигнуть города и села из пепла — одним словом, совершенно обновить Государство».

Обновление он начал с погребения тел, чтобы предотвратить заразу. Эпидемии тогда возникали быстро

и могли опустошить целые области. Потом он занялся восстановлением порушенного и наведением порядка. Правда, историк замечает, что за всей этой бурной деятельностью Ярослава народ почему-то не замечал, «что Россия уже лишилась главного сокровища государственного: независимости». Не знала она, добавим, кто этому поспособствовал и кому это было выгодно.

Ярослав предпочел покориться, но не сражаться, отсюда и потеря независимости. А могли ли русские князья победить монголов? Может, и не могли, но могли попробовать: хуже все равно бы уже не было... Но чем занимался Ярослав вместо того, чтобы бить монголов? Он «пленил Князя Литовского, освободил Смоленск и посадил на тамошнем престоле Всеволода Мстиславича, Романова внука, княжившего прежде в Новгороде».

Не кажется ли вам, что время и место найдены весьма удачно? Благодарите Карамзина и за замечательно найденную характеристику этого деяния Ярослава: «присоединил славу счастливого воинского подвига». Да уж, бить Миндовга, конечно, было проще, чем бить монголов...

Правда, мечты Ярослава о совмещении двух великокняжеских должностей рассыпались в прах: Киев занял Михаил Черниговский. Но ему недолго пришлось наслаждаться этим правлением: его собственные земли скоро стали добычей монголов. Чернигов был взят и сожжен.

В 1240 году монголы пошли на Киев. «Внук Чингисхана, именем Мангу,— пишет Карамзин, опираясь на Лаврентьевскую летопись,— был послан осмотреть Киев: увидел его с левой стороны Днепра и, по словам Летописца, не мог надивиться красоте оною. Живописное положение города на крутом берегу величественной реки, блестящие главы многих храмов, в густой зелени садов,— высокая белая стена с ее гордыми воротами и баш-

нями, воздвигнутыми, украшенными художеством Византийским в счастливые дни Великого Ярослава, действительно могли удивить степных варваров. Мангу не отважился идти за Днепр: стал на Трубеже, у городка Песочного (ныне селения Песков), и хотел лестию склонить жителей столицы к подданству.

Битва на Калке, на Сити, пепел Рязани, Владимира, Чернигова и столь многих иных городов, свидетельствовали грозную силу Моголов: дальнейшее упорство казалось бесполезным; но честь народная и великодушие не следуют внушениям боязливому рассудка. Киевляне все еще с гордостью именовали себя старшими и благороднейшими сынами России: им ли было смиренно преклонить выю и требовать цепей, когда другие Россияне, гнушаясь унижением, охотно гибли в битвах?

Киевляне умертвили Послов Мангухана и кровию их запечатлели свой обет не принимать мира постыдного. Народ был смелее Князя: Михаил Всеволодович, предвидя месть Татар, бежал в Венгрию, вслед за сыном своим. Внук Давида Смоленского, Ростислав Мстиславич, хотел овладеть престолом Киевским; но знаменитый Даниил Галицкий, сведав о том, въехал в Киев и задержал Ростислава как пленника.

Даниил уже знал Моголов: видел, что храбрость малочисленных войск не одолеет столь великой силы, и решился, подобно Михаилу, ехать к Королю Венгерскому, тогда славному богатством и могуществом, в надежде склонить его к ревностному содействию против сих жестоких варваров. Надлежало оставить в столице Вождя искусного и мужественного: Князь не ошибся в выборе, поручив оную Боярину Димитрию.

Скоро вся ужасная сила Батыева, как густая туча, с разных сторон облегла Киев. Скрып бесчисленных те-

лег, рев вельблюдов и волов, ржание коней и свирепый крик неприятелей, по сказанию Летописца, едва дозволяли жителям слышать друг друга в разговорах.

Димитрий бодрствовал и распоряжал хладнокровно. Ему представили одного взятого в плен Татарина, который объявил, что сам Батый стоит под стенами Киева со всеми Воеводами Могольскими; что знатнейшие из них суть Гаюк (сын Великого Хана), Мангу, Байдар (внуки Чингисхановы), Орду, Кадан, Судай-Багадур, победитель Ниучей Китайских, и Бастырь, завоеватель Казанской Болгарии и Княжения Суздальского. Сей пленник сказывал о Батыевой рати единственно то, что ей нет сметы. Но Димитрий не знал страха.

Осада началась приступом к вратам Лятским, к которым примыкали дебри: там стенобитные орудия действовали день и ночь. Наконец рушилась ограда, и Киевляне стали грудью против врагов своих. Начался бой ужасный: „стрелы омрачили воздух; копья трещали и ломались“; мертвых, издыхающих попирали ногами. Долго остервенение не уступало силе; но Татары ввечеру овладели стеною. Еще воины Российские не теряли бодрости; отступили к церкви Десятинной и, ночью укрепив оную тыном, снова ждали неприятеля; а безоружные граждане с драгоценнейшим своим имением заключились в самой церкви.

Такая защита слабая уже не могла спасти города; однако ж не было слова о переговорах: никто не думал молить лютого Батыя о пощаде и милосердии; великодушная смерть казалась и воинам, и гражданам необходимою, предписанною для них отечеством и Верою. Димитрий, исходя кровию от раны, еще твердою рукою держал свое копие и вымышлял способы затруднить врагам победу.

Утомленные сражением Моголы отдыхали на развалинах стены: утром возобновили оное и сломили брентную ограду Россиян, которые бились с напряжением всех сил, помня, что за ними гроб Св. Владимира и что сия ограда есть уже последняя для их свободы. Варвары достигли храма Богоматери, но устлали путь своими трупами; схватили мужественного Димитрия и привели к Батыю. Сей грозный завоеватель, не имея понятия о добродетелях человеколюбия, умел ценить храбрость необыкновенную и с видом гордого удовольствия сказал Воеводе Российскому: „Дарую тебе жизнь!“ Димитрий принял дар, ибо еще мог быть полезен для отечества.

Моголы несколько дней торжествовали победу ужасами разрушения, истреблением людей и всех плодов долговременного гражданского образования. Древний Киев исчез, и навеки: ибо сия, некогда знаменитая столица, *мать градов Российских*, в XIV и в XV веке представляла еще развалины; в самое наше время существует единственно тень ее прежнего величия. Напрасно любопытный путешественник ищет там памятников, священных для Россиян: где гроб Ольгин? где кости Св. Владимира? Батый не пощадил и самых могил: варвары давили ногами черепы наших древних Князей».

Монголы двинулись на свободные земли Галиции. Великий киевский князь Данила тогда в отчаянии искал войска, чтобы отразить удары завоевателей. Он умолял о помощи венгерского короля, поляков, дошел до самого Папы. А в это время монголы уничтожали его землю, где изо всех сил сопротивлялись немногочисленные воины.

Монголы уже научились брать города, у них имелись лишь проблемы со взятием крепостей. Таковых на северо-востоке почти не было, а в Галиции имелось несколько. Крупные города в этом плане были укреп-

лены хуже, и одни пали из-за особенностей стен, другие из-за неопытности защитников, которые поверили монголам и сдавались, не понимая, что пощады не будет. Один только Данилов город Кременец так и не сдался, но тут огромная благодарность воеводе Дмитру, которого монголы таскали за собой. Дмитр и показал защитникам хитростью, что сдаваться нельзя. Он знал, что город может выстоять.

Город и выстоял. Монголы бросили бессмысленную осаду и обтекли его, так и оставив независимым на покоренной земле. Этот же воевода, которого обласкал Батый, успешно нашел нового для монголов врага — венгров, объяснив популярно, что русских он уже завоевал, а вот угры — источник зла. И часть батыева войска втекла в пределы Венгрии. Тут-то Бела, венгерский король, и вспомнил Данилу Галицкого, который предлагал объединиться и бить врага совместными усилиями. Бела тогда отказал. Теперь он, наверно, глубоко сожалел. Но время было упущено.

А сам Данила так нигде и не получил помощи. Его собственная земля была разорена, благо, что спаслась его семья — жена с детьми успела бежать к Конраду Мазовецкому.

Когда стало ясно, что Батый вышел из Венгрии и ушел на восток, Данила поспешил на родину. Картина, которую он увидел, мало чем отличалась от зрелища, созерцаемого Ярославом. Он взялся за восстановление городов, поскольку теперь знал: нужны сильные крепости. Там, где мог, он возводил укрепления. В отличие от Ярослава, наказывающего своих князей за неповиновение монголам, Данила наказывал князей, которые жаждали покориться. Он навел порядок в пожженной земле, лишив коллаборационистов владений.

В то время, как Данила мучительно думал, как отвоювать свою землю у монголов, на северо-востоке происходило нечто совсем иное. Якобы независимый Новгород, в котором сидел сын Ярослава Александр, начал войны с немецким рыцарским орденом. Очень, прямо скажем, удачно выбранное время! Не успела батыева рать пройти по литовским и польским землям (хорошо, что там не закрепившись), побила тех же рыцарей, как Александр Ярославич направил на рыцарей свой меч.

Интересное совпадение, не правда ли? Скорее всего, он как раз и рассуждал, что ослабленных рыцарей будет проще вовсе изгнать с берегов Балтики.

«В сие время был Магистром Ливонским некто Андрей Вельвен, — пишет историк, — муж опытный и добрый сподвижник Германа Зальцы. Желая, может быть, прекратить взаимные неудовольствия Ливонских Рыцарей и Новгородцев, он имел свидание с юным Александром: удивился его красоте, разуму, благородству и, возвратясь в Ригу, говорил, по словам нашего Летописца: „Я прошел многие страны, знаю свет, людей и государей, но видел и слушал Александра Новгородского с изумлением“. Сей юный Князь скоро имел случай важным подвигом возвеличить свою добрую славу».

Каким образом Александр Ярославич оправдал надежды магистра Вельвена, всем известно из школьной программы. В тот самый год, когда монголы крушили Киев, и в то самое почти время Александр Ярославич бился со шведским военно-торговым десантом Биргера, который вздумал укрепиться на Ладоге. Однако появление шведов Александра предупредили союзные новгородцам ижорцы. Александр выступил и застал шведов врасплох. Десант был уничтожен. Такова вкрат-

це история этой битвы, за которую, как принято считать, Александр получил свое имя.

Странно, правда, что историк приводит имя шведского воеводы — Спиридон (именно так записано и во всех тогдашних летописях), после чего национальный состав «шведов» начинает вызывать некоторое сомнение. Ведь был же русский князь Вячко, который со всей дружиной (русской, вероятно) сражался на стороне немецких рыцарей и был убит русскими воинами? Зато самого Биргера, как выяснили историки, которому Александр якобы нанес на лицо шрам, в этом шведском плавании к русским берегам не было.

После осмысления таких несоответствий стоит крепко призадуматься. Не из той ли они области, что и видение ижорца Пелугия, который сообщил Александру загодя о шведском десанте и созерцал кроме того лучезарных витязей Бориса и Глеба? Так что по вопросу, была ли на самом деле невяская битва, а если была, то каковы ее масштабы, историки спорят и сегодня. Карамзин свято верил, что была. Верил он и во вторую битву Александра (за нее тот почему-то никакого дополнительного прозвища не получил, а ведь как хорошо бы смотрелось — Александр Невский-Ледовый!).

Вторая битва, по летописи, случилась уже в 1242 году. В этот год Данила Галицкий плакал над сожженной своей землей и клялся отомстить врагу. Глаза Александра были сухими. Более того, он почему-то годом ранее оставил Новгород, допустил, чтобы Псков открыл ворота немцам, а сам пребывал в Переяславле. Только очередное посольство новгородцев вернуло его на новгородский стол. Но и тогда помочь соседям-псковичам он не собирался. Странно? В Новгороде сидел Андрей, брат Александра, который тоже как-то не спешил помогать соседнему Пскову.

И мне кажется, что причина проста: Псков сам впустил рыцарей. Разбитые у Изборска псковичи заключили с рыцарями своего рода соглашение. Летописи, конечно, сообщают, что ворота немцам открыли предатели, и даже называют их имена, но такие замечания – скорее, факт, что в городе по «немецкому вопросу» имелись разногласия. Недалеко было еще то время, когда горожане ходили с магистром на Литву и умирали тоже рядом. У новгородцев было больше причин враждовать с рыцарями: те посягали на земли, которые Новгород считал родными (далековата, правда, была эта их родина – на берегу Финского залива). И только когда рыцари стали там строить свою крепостцу, новгородцы взмолились о помощи.

Но Александр не прибыл, пока к нему не явился сам новгородский архиепископ. Вот ведь княжеская гордыня! Зачем же его звали? Псков поминался в этом приглашении только отчасти. Новгород больше переживал, что в чудских землях стали грабить купцов, а это прямой убыток. То ли Андрей сам справиться не мог, то ли требовалось привести дополнительное войско, но явился Невский и все наладил.

Сначала он отправился не в Псков, как можно было бы предположить, а на Финский залив, где, если верить немецким хроникам, его войско занималось, кроме войны с рыцарями, более насущной проблемой – грабило и насилывало чужь. И вот в этом походе Александр вдруг вспомнил, что в Пскове тоже немцы, и пошел выбивать их оттуда, а потом, отправив пленных в Новгород, направился в Ливонию, где занялся точно тем же, чем занимался в чудской земле, то есть грабежом. И посреди этого разбойного княжеского гуляния по Ливонии его настигло известие о высланном для

борьбы с живодером рыцарском отряде. Его-то он и разбил где-то на берегу Чудского озера — не то у Вороньего камня, не то у Вороньего острова, точных координат места до сих пор никто не знает, ищут.

«Еще зима продолжалась тогда в апреле месяце,— пишет Карамзин,— и войско могло безопасно действовать на твердом льду. Немцы острою колонною врезались в наши ряды; но мужественный Князь, ударив на неприятелей сбоку, замешал их; сломил, истреблял Немцев и гнал Чудь до самого темного вечера. 400 Рыцарей пали от наших мечей; пятьдесят были взяты в плен, и в том числе один, который в надменности своей хотел пленить самого Александра; тела Чуди лежали на семи верстах.

Изумленный сим бедствием, магистр Ордена с трепетом ожидал Александра под стенами Риги и спешил отправить посольство в Данию, моля Короля спасти Рижскую Богоматерь от *неверных*, жестоких Россиян; но храбрый Князь, довольный ужасом Немцев, вложил меч в ножны и возвратился в город Псков. Немецкие пленники, потупив глаза в землю, шли в своей Рыцарской одежде за нашими всадниками. Духовенство встретило Героя со крестами и с песнями священными, слава Бога и Александра; народ стремился к нему толпами, именуя его отцем и спасителем.

Счастливым делом своим и радостию общею, сей добрый Князь пролил слезы и с чувствительностию сказал гражданам: „О Псковитяне! Если забудете Александра; если самые отдаленные потомки мои не найдут у вас верного пристанища в злополучии: то вы будете примером неблагодарности!“

Новгородцы радовались не менее Псковитян, и скоро послы Ордена заключили с ним мир, разменялись пленными и возвратили псковских аманатов, от-

казавшись не только от Луги и Водской области, но уступив Александру и знатную часть Летгаллии».

Тут трудно поверить многому — и в конец апреля со льдом на озере (5 апреля — это по старому стилю, да еще приплюсуйте корректировку на XIII век, и уж если монголы боялись распутицы в конце февраля, то распутица в апреле должна была идти полным ходом), и в 400 убитых рыцарей, и в то, что они зачем-то бежали по льду, и в слова самого Александра с его непомерной гордыней...

Скорее уж можно поверить, что с немцами справился сторожевой отряд князя Андрея (именно для этого он и был посажен в засаду). Но Андрею никакой славы не досталось, а почему — станет ясно позднее. Зато Александру с удовольствием приписывали еще много деяний. Он и Литву разбил чудесным образом спустя еще год (с этим не справился Ярослав) семь раз за один день, и стал побратимом сына Батыя Сартака... И кроток был, и к власти не рвался, то есть чудесным был князем, каких в его время и не существовало вовсе.

Но Александр все же существовал на периферии Руси, а Русь была там, где стольный город Владимир. Ярослав добился этого Владимира (правда, Киев теперь был не Ярославов, ну да что о нем — он разрушен, нет Киева). Карамзин ставил Ярославу в заслугу, что тот спас отечество от разорения. Но он нигде не говорит, что не спас от рабства. Напротив: «Ослушание казалось Ярославу неблагоразумием в тогдашних обстоятельствах России, изнуренной, безлюдной, полной развалин и гробов: презирая собственную личную опасность, Великий Князь отправился со многими Боярами в стан Батыев, а сына своего, юного Константина, послал в Татарию к Великому Хану Октаю, который в сие время, празднует блестящие завоевания Моголов в Китае и в Ев-

ропе, угощал всех старейшин народа. Никогда, по сказанию Историка Татарского, мир не видал праздника столь роскошного, ибо число гостей было несметно.

Батый принял Ярослава с уважением и назвал главою всех Князей Российских, отдав ему Киев (откуда Михаил уехал в Чернигов). Так Государи наши торжественно отреклись от прав народа независимого и склонили выю под иго варваров. Поступок Ярослава служил примером для Удельных Князей Суздальских: Владимир Константинович, юный Борис Василькович, Василий Всеволодович (внук Константинов) также *били челом* надменному Батыю, чтобы мирно господствовать в областях своих».

Это сказано спокойно, трезво, без восхваления — но умный поймет. Вторая поездка Ярослава по тому же вопросу в Орду оказалась для него последней: князя отравили, несмотря на то, что он старательно исполнял свои функции. Карамзин в отравление не верил. О монголах он был странного мнения: яд — оружие слабых, говорил он, если бы хотели убить, убили бы мечом. Мы знаем, что отравление было излюбленным способом в Орде лишить человека жизни. И слабость или сила тут ни при чем. А вызвать опасение у новых хозяев можно было легко — и открытым протестом, и неурядицами в своей земле, и оговором, и просто тем, что конкретный князь слишком усилился.

Позиция в Орде относительно местных князей была проста: держать в страхе и неуверенности в будущем. Монголы были хорошо осведомлены о поступках местных князей. Стоило Михаилу поехать к королю Беле на предмет договора об избавлении от ига, как его тут же по возвращении затребовали в Орду, где затоптали насмерть перед толпой перепуганных русских бояр. Такие рассказы, привозимые очевидцами из Ор-

ды, вряд ли внушали мир и покой тем, кто вынужден был туда ехать.

В одно примерно время с Ярославом в Орду призвали и Данилу Галицкого. Он считался киевским князем и должен был держать ответ за всю южную Русь. Данила съездил, и довольно успешно. Батый показывал, как рад его приезду, поил кумысом и вином, всячески демонстрируя, какую оказывает честь. Бедняга Даниил, вернувшись из Орды, только и мог сказать: «Злее злого честь татарская». Он решил бороться с монголами до конца. Отстроенные им городки внушали надежду. Венгерский Бела даже стал заискивать перед князем, искать с ним союза против монголов, на что, наверно, Даниилу приходилось только горько усмехаться — раньше бы на десяток лет...

Папа неожиданно тоже оценил упорство Данилы, венчал его на киевское княжение латинской короной и нарек королем Руси. Правда, для этого Данилу пришлось принять католичество. Он надеялся, что, как король и католик, может рассчитывать на военную помощь. Рыцари, добывающие гроб Господен, вполне могли с тем же успехом добывать славу, уничтожая монголов!

Но Данила не понимал папской политики. Войско он не получил. Тогда, сняв корону и вернувшись в православие, он снова стал простым великим князем. Но такое признание испугало ханов в Орде. На южную Русь было отправлено новое войско. Причина имелась: уплата дани была проблематичной. Посланное войско не то что дани не получило, но и вовсе было разбито.

Это переполнило чашу терпения. В Галицию послали очень сильный, хотя и ограниченный контингент. Первые же стычки показали, что каратели будут беспощадны. Города не подвели Данилу, они выдерживали

натиск. Но его предупредили, что любое сопротивление приведет к тактике выжженной земли. Данилу поставили перед выбором: либо он сносит своими руками все укрепления, либо Галиции больше не будет.

Данила не хотел рисковать своей землей и жизнями людей. Он срыл укрепления. Дань стала идти исправно. Но вскоре после этого он слег и больше не вставал. Такого позора, в отличие от Ярослава, он пережить не смог.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ **1247—1263**

А на северо-востоке после смерти Ярослава встал вопрос, кто из князей получит ярлык на великое владимирское княжение. Сначала этой чести удостоился Святослав, последний из Всеволодичей. Но Батый желал видеть в Орде Александра Ярославича. Тот, как мог, оттягивал эту поездку. Он хорошо понимал, чем она может обернуться, и только неоднократные напоминания из Орды заставили его решиться. Поехал он вместе с Андреем. В их отсутствие младший Ярославич, Михаил по прозвищу Храбрый, сидевший в крошечном московском уделе, выгнал Святослава со стола и сам попробовал там утвердиться, но вскоре погиб в одной из стычек с литовцами.

Между тем Александр удостоился в Орде всяческих похвал и вернулся на родину с ярлыком. Дядя Святослав, только-только вознадевавшийся, что все уладилось, был ошеломлен. Он пробовал ездить к Сартаку (сменившему Батыя) и требовать возвращения ярлыка, но справедли-

вость для него не восторжествовала. Великим князем считался Александр.

Князь исправно выполнял требования Орды. Он провел, как и его отец, перепись населения, чтобы было легче обложить его налогами, всячески защищал сборщиков дани баксаков, которых народ люто ненавидел, и если в государстве кто-то выказывал неповиновение — уничтожал очаг инакомыслия.

Его брат Андрей, женатый на дочке Даниила Галицкого, был совсем другим человеком. Пылкий и отважный, он не желал помогать монголам и мечтал их истребить. Так что, когда в его княжество пришли баскаки, дани он не дал. А поняв, что как князь ничего сделать не сможет, никого не защитит, он бежал сначала в Новгород (горожане его не приняли), затем в Псков (город его с радостью взял). Посланная следом неврюева рать зверствовала на оставленных князем землях. Его искали, пытались схватить, но не достали.

Карамзин об этом не упоминает, но в 1252 году ярлык на великое княжение получил не Александр, а Андрей. Пример непослушания Даниила Галицкого был для него, вероятно, образцом поведения честного человека. Из Пскова (ордынцы пообещали, что город сотрут с лица земли) он вместе с семьей отправился в Швецию, переждать бурю. Александр же получил ярлык и торжественно въехал во Владимир. В Новгороде вместо себя он посадил сына Василия.

В 1257 году Александру снова пришлось ехать на утверждение в должности: место Сартака в Орде занял Берке, который в отличие от своего предшественника был мусульманином. Но и при Берке Александр получил ярлык. Практически одновременно с возвращением из Орды началась перепись в Суздали, Рязани, Муроме. Хо-

зьева требовали, чтобы данью был обложен и Новгород. Александр не сопротивлялся, напротив, он, в другой раз вернувшись из Орды, убеждал новгородцев смириться, дать себя переписать и платить. Новгородцы возражали. Когда о повиновении заговорил Посадник, народ растерзал его на части. Но самих ордынцев не тронули. Наградив дарами, их поскорее выпроводили из города. Против выступил и сын Александра Василий. Он отказался от новгородского стола и перебрался в Псков.

«Великий Князь, негодуя на ослушного сына,— пишет Карамзин,— велел схватить его во Пскове и под стражею отвезти в Суздальскую землю; а Бояр, наставников Василиевых, казнил без милосердия. Некоторые были ослеплены, другим обрезали нос: казнь жестокая; но современники признавали ее справедливою, и самый народ считал их виновными, ибо они возмутили сына против отца: столь власть родительская казалась священной!»

Князь с трепетом ожидал известий из Орды. И дождался: на город шла рать, посланная покарать за неповиновение. Услышав о войске, новгородцы согласились переписаться и платить эту чертову дань. Александр был доволен. Он тут же сообщил монголам, что граждане изъявили добрую волю.

«Чиновники их, Беркай и Касачик, с женами и со многими товарищами явились на берегах Волхова для переписи людей,— рассказывает историк,— и начали было уже собирать дань в окрестностях столицы, но столь наглым и для бедных утеснительным образом, что граждане, сведав о том, вдруг переменили мысли.

Сделалось волнение: чиновники Могольские требовали стражи для своей безопасности. Александр поставил к ним Посадникова сына и Боярских детей, чтобы они днем и ночью стерегли их дома. Мятеж не

утихал. Бояре советовали народу исполнить волю Княжескую, а народ не хотел слышать о дани и собирался вокруг Софийской церкви, желая умереть за честь и свободу, ибо разнесся слух, что Татары и сообщники их намерены с двух сторон ударить на город.

Наконец Александр прибегнул к последнему средству: выехал из дворца с Могольскими чиновниками, объявив, что он предает мятежных граждан гневу Хана и несчастной судьбе их, навсегда расстается с ними и едет в Владимир.

Народ поколебался: Бояре воспользовались сим расположением, чтобы склонить его упорную выю под ненавистное ему иго, действуя, как говорит летописец, согласно с своими личными выгодами. Дань поголовная, требуемая Моголами, угнетала скудных, а не богатых людей, будучи для всех равная; бедствие же войны отчаянной страшило последних гораздо более, нежели первых. И так народ покорился, с условием, кажется, не иметь дела с Баскаками и доставлять определенное количество серебра прямо в Орду или через Великих Князей.

Моголы ездили из улицы в улицу, переписывая дома; безмолвие и скорбь царствовали в городе. Бояре еще могли утешаться своею знатностью и роскошным избытком: добрые, простые граждане, утратив народную честь, лишились своего лучшего достояния.— Вельможи Татарские, распорядив налоги, удалились».

Распорядившись судьбой Новгорода, Александр отбыл во Владимир, а в Новгороде посадил другого сына, послушного Дмитрия. Что же касается переписи и мер для устройства власти, то одновременно с переписью начались особые ухаживания ордынских владык за православной церковью. Церковь, как и князей, тоже нужно было поставить в правильное русло. Эти два ин-

ститута — княжеский и церковный — должны были блюсти порядок и укрощать дерзкие мысли народа. С чем, признаем, эти институты благополучно и справлялись на протяжении всего периода ига.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВАСИЛИЙ ЯРОСЛАВИЧ 1272—1276

Сам Александр после назначения новгородской дани прожил совсем недолго. В 1263 году он заболел по дороге из Орды и умер. По поводу его смерти имеются разные мнения. Некоторые считают, что он был отравлен, как и его отец. Карамзин думал, что князь и так уже был немолод, слаб здоровьем и смерть его происходила от естественных причин.

После Александра великим князем был назначен младший брат Ярослава Василий Костромской. Кроме Владимира, великий князь алкал еще и Новгорода. Такой аппетитный кусок было грешно упускать. Но на Новгород имел свои виды сын Невского Дмитрий. Сами новгородцы сговорили себе Дмитрия.

Да не тут-то было. Василий не думал сдаваться. На подмогу ему пришел Святослав Ярославич и начал опустошать новгородские волости по Волге. Новгородцам, конечно, хотелось иметь в князьях героя Ракверовской битвы, но Василий применил уже отлично известные нам приемы: перекрыл Торжок. Боясь голода и прочих бед, новгородцы согласились на Василия. В 1275 году он отправился в Орду во второй раз. Теперь он вернулся оттуда с предписанием провести новую перепись: «Народ, уже начиная привыкать к рабству, сносил терпеливо свое уничтожение», — добавляет историк.

Впрочем, не все желали сносить уничтожение. Сын Даниила Галицкого Лев разработал остроумный план, как бить врага его же руками. У Льва были тяжелые отношения с литовцами, и он не нашел ничего лучшего, чем позвать ханов в поход против последних. Тройден был прежде союзником Льва, но вдруг изменил ему и захватил его города, жестоко расправившись с жителями. Монголы не отказались. И вот соединенное войско князей смоленских и брянских и кочевников пошло на Литву.

Ничего хорошего из похода не вышло: князья перессорились, до Литвы не добрались, а рассерженные монголы на обратной дороге разорили их собственные владения. Тройден тем временем заключил со Львом мир.

Но неудачный поход монголам покоя не давал. Теперь уже монголы потребовали, чтобы Лев шел бить с ними Тройдена. Лев пошел, куда ему было деваться? Но для себя понял: руками врагов уничтожать других своих врагов не стоит — неизвестно, что из этого получится. Северо-восточные князья такими нравственными переживаниями не маялись: они при нужде тут же звали безотказных монгольских карателей, а те, в свою очередь, требовали русских войск для участия в своих походах.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ДИМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ 1276—1294

После Василия в 1276 году почти на 20 лет к власти пришел тот самый Ракверовский герой, о котором Карамзин замечает следующими словами: «к несчастию подданных и своему, к стыду века и крови Героя Невского». Новгородцы, которые и прежде его хотели, были

довольны, поскольку исполнялось (по Карамзину) древнее правило: «Глава России есть и Глава Новгорода».

Откуда он почерпнул эту мысль, останется на его совести, разве что из времен Ярослава Мудрого, который, будучи киевским князем, считался одновременно и новгородским, но правил-таки через посадника.

Тут же ханы вытребовали русские войска в Орду и использовали русских целых три года для своих завоевательных походов на Кавказ (против ясов) и в Болгарию. Князья не оказывались щепетильными: они ходили. Дмитрий же, которого новгородцы прежде так жаждали иметь у себя, рассорился с горожанами по вопросам владения (он права не имел ничем не оговоренным в списке владеть на этой земле), ушел во Владимир и стал собирать войско против горожан.

Горожане дрожали: их собственный князь разгромил и пожег все, что мог, на Шелони. Ожидали, что он вот-вот ворвется в город и предаст его разорению. Только церкви удалось остановить карающую княжескую руку. Новгородцы этот случай запомнили. И боялись повторения.

А тут еще случилась и общекняжеская склока. Младший брат Дмитрия Андрей поехал в Орду и испросил ярлык на великое княжение для себя. Ему — выдали. Андрей вернулся с надеждой, что станет великим князем. Это Дмитрия оскорбило. А теперь брат созвал подвластных ему удельных князей и решил выгнать старшего из владимирского владения. С князьями на Русь шло испрошенное для утверждения ярлычного права монгольское войско. Разорялось все, что можно разорить.

Дмитрий перепугался и бежал в Новгород. Но новгородцы его не пустили. Они не забыли пылающих жилищ и полей на Шелони. Не слушая оправданий, они

призвали на свой стол Андрея. Когда монгольские войска ушли, думая, что ситуация разрешена, Дмитрий стал собирать полки. Андрей снова отправился в Орду и вернулся с новым войском.

За это время Дмитрий уже успел заключить с противными ему князьями мир на всей их воле и клятвенно отказался от Новгорода. Но Андрея это не остановило: монголы проутюжили всю Суздальскую землю. Дмитрий бежал в другую часть Орды — к Ногаю (ногаева Орда занимала весь юг Руси — от Черного моря до Дуная). Жалоба Дмитрия была рассмотрена и удовлетворена: Ногай выдал ему ярлык и согласовал это с ханом в Сарае Тудан-Мангу.

Теперь уже Андрей оказался лишенным великого княжения. Он вынужден был отказаться от Новгорода. «Сей Князь городецкий,— пишет Карамзин,— жив два года спокойно, призвал к себе какого-то Царевича из Орды и начал явно готовиться к важным неприятельским действиям. Великий Князь предупредил их: соединился с Удельными Владетелями, выгнал Царевича и пленил Бояр Андреевых.

Сие действие могло оскорбить Хана и казалось дерзостью: Ростовцы поступили еще смелее. С неудовольствием смотря на множество Татар, привлекаемых к ним корыстолюбием и хотевших быть во всем господами, они положили на вече изгнать сих беспокойных гостей и [в 1289 г.] разграбили их имение. Владетель Ростовский, Димитрий Борисович, сват Великого Князя, немедленно послал в Орду брата своего Константина, чтобы оправдать народ или себя, и Хан на сей раз не вступился за обиженных Татар: чему были причиною или дары Княжеские, или тогдашние внутренние неустройства в Орде. Ногай более и более стеснял власть

Ханскую: наконец [в 1291 г.] умертвил Телебугу и возвел на престол его брата, именем Тохту. К несчастью, Россия не могла еще воспользоваться сими междоусобиями ее тиранов, согласных в желании угнетать оную».

Но на этом история вражды не завершилась. Андрей тоже отправился к Ногаю и изложил свою версию событий. Ногай задумался и отправил свое войско теперь уже на Дмитрия. Снова запылали города и села. «Муром, Суздаль, Владимир, Юрьев, Переславль, Углич, Коломна, Москва, Дмитров, Можайск и еще несколько других городов были ими взяты как неприятельские, люди пленены, жены и девицы обруганы».

Сам Дмитрий бежал к своему зятю князю Довмонту в Псков. Псковичи его приняли. Тем временем монголы подошли к Твери, но стало ясно, что город будет обороняться. Это изменило планы: войско повернуло к Новгороду, и новгородцы тут же послали сказать, что в военном утверждении Андрея нет нужды. Монголы повернули коней и ушли из Руси.

Только стоило уйти монголам, как Дмитрий отправился в Переяславль, чтобы собирать войско на брата. Андрей едва его не перехватил. Тому пришлось бежать в Тверь. Михаил тверской взялся вести переговоры между враждующими братьями. Ему удалось каким-то образом установить между ними мир. Но в пылу этой войны Дмитрий изнемог и заболел. Примирения он уже не смог пережить.

Княжеские междоусобицы не только не прекращались, но усугублялись. И, что хуже всего, третейского судью они искали в Орде. «Открылась распря,— рассказывает Карамзин,— дошедшая до высшего судилища Ханова: сам великий Князь ездил в Орду с своею молодую супругою, чтобы снискать милость Тохты. Посол

Ханский, избранный быть миротворцем, созвал Князей в Владимир. Они разделились на две стороны: Михаил Тверской взял Даниилову (Иоанн же находился в Орде; вместо его говорили Бояре Переславские): Феодор Черный и Константин Борисович стояли за Андрея.

Татарин слушал подсудимых с важностию и с гордым видом, но не мог удержать их в пределах надлежащего смирения. Разгоряченные спором Князь и Вельможи взялись было за мечи. Епископы, Владимирский Симеон и Сарский Исмаил, став посреди шумного сонма, не дали братьям резаться между собою. Суд кончился миром, или, лучше сказать, ничем. Посол Ханов взял дары, а Великий Князь, дав слово оставить братьев и племянника в покое, в то же время начал собирать войско, чтобы смирить их как мятежников. Желая воспользоваться отсутствием Иоанна, он хотел завладеть Переславлем, но встретил под Юрьевом сильную рать Тверскую и Московскую: ибо Иоанн, отправляясь к Хану, поручил свою область защите Михаила Ярославича. Вторично вступили в переговоры и вторично заключили мир, который, сверх чаяния, не был нарушен до самой кончины Андреевой».

Однако, когда умер Даниил, его сын Юрий не решился ехать в Переяславль на похороны, поскольку боялся, что за это время Андрей займет его город. Показательная картинка, не правда ли? В это время были также возобновлены княжеские съезды, но не для всей Руси, а только для владими́ро-суздальской: в Переяславле «в присутствии Митрополита Максима читали ярлыки, или грамоты Ханские, в коих сей надменный повелитель объявлял свою верховную волю, да наслаждается Великое Княжение тишиною, да пресекутся распри Владетелей и каждый из них да будет доволен тем, что имеет».

Князя, как в древние времена, подтверждали заключение мира и порядок владения. Правда, в этих съездах «не участвовали ни Рязанские, ни Смоленские, ни другие Владетели». Отсюда можно понять, что речь шла о тяжбах внутри одной ветви сильно расплодившейся семьи.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МИХАИЛ ЯРОСЛАВИЧ 1304—1319

Стоило умереть Андрею, как возникла новая распря — теперь между Михаилом Тверским и Юрием Московским. По существующим правовым нормам Михаил Ярославич считался старшим в роду и должен был занять великое княжение. Современники были настолько в этом уверены, что поспешили принести ему поздравления и изъявления покорности. Новгородцы тоже признали его своим князем.

Но на место великого князя претендовал и Юрий Данилович. Их спор зашел так далеко, что оба поехали судиться в Орду. Жители Руси ожидали решения дела. А пока даже новгородцы отказались пустить михаиловых наместников, предложив им дождаться, когда князь привезет грамоту (ярлык).

По всей земле было беспокойно, вспыхивали восстания, князья дрались между собой. Только через пару месяцев, когда Михаил вернулся с ярлыком, все успокоилось. Но только не князь Юрий Московский. О нем Карамзин записал следующее: «Георгий по качествам черной души своей заслужил всеобщую ненависть и, едва утвердясь на престоле наследственном, гнусным

делом изъявил презрение к святейшим законам человечества. Мы говорили о несчастной судьбе Рязанского Владетеля, Константина, плененного Даниилом: он шесть лет томился в неволе; Княжение его, лишенное Главы, зависело некоторым образом от Московского. Георгий велел умертвить Константина, считая сие злодейство нужным для беспрекословного господства над Рязанью, и весьма ошибся: ибо сын убиенного, Ярослав, под защиту Хана спокойно наследовал престол отеческий как Владетель независимый, оставив в добычу Георгию из городов своих одну Коломну.

Самые меньшие братья Георгиевы, дотоле служив ему верно, не могли с ним ужиться в согласии. Двое из них, Александр и Борис Данииловичи, уехали в Тверь, без сомнения недовольные его жестокостью».

Юрий был властолюбив и завистлив. То, что дядя получил ярлык и спокойно живет в Твери, его не устраивало. Михаил, конечно, тоже не был ангелом. Он, как и прежние великие князья, враждовал с новгородцами и тоже пытался морить их голодом, но изощренная жестокость ему претила. Он и не думал, что сам столкнется с подобным. В 1312 году умер ордынский хан, и Михаил должен был ехать на продление своего ярлыка. Он думал, что уезжает на пару месяцев, но прожил там несколько лет.

Новгородцам столь долгое отсутствие князя не нравилось, они не желали управляться через наместников и хотели иметь собственного живого князя. Юрий между тем распускал слухи, как старательно Михаил пресмыкается перед ханом. Он засылал в Новгород своих людей бунтовать народ, и был случай, когда горожане перешли на его сторону и собрались идти на Михаила войной. Юрий стал новгородским князем.

Слухи в чем-то были верны: Михаил действительно жаловался на Юрия хану. И того позвали в Орду, чтобы получить ответ. Оставив Новгород на брата Афанасия, Юрий собрался в дорогу. Но Михаил уже возвращался — с ярлыком и монгольской конницей, которую пустил на Новгород, предавший его.

«Переговоров не было, — пишет Карамзин, — [10 февраля 1316 г.], вступили в бой, жестокий, хотя и неравный. Никогда Новгородцы не изъявляли более мужества; чиновники и Бояре находились впереди; купцы сражались как Герои. Множество их легло на месте; остаток заключился в Торжке, и Михаил, как победитель, велел объявить, чтобы Новгородцы выдали ему Князей Афанасия и Феодора Ржевского, если хотят мира. Слабые числом, обагранные кровию, своею и чуждою, они единодушно ответствовали: „Умрем за Святую Софию и за Афанасия; честь всего дороже“».

Михаил требовал по крайней мере одного Феодора Ржевского: многие и того не хотели; наконец уступили необходимости и еще обязались заплатить Великому Князю знатное количество серебра. Некоторые из Бояр Новгородских вместе с Князем Афанасием остались аманатами в руках победителя; другие отдали ему все, что имели: коней, оружие, деньги».

Но мир не был прочным. Новгородцы стали готовиться к войне. Город они укрепили, из пригородов затребовали ополченцев. Князь испугался: «Он стоял несколько времени близ города, решился отступить и вздумал, к несчастию, идти назад ближайшею дорогою, сквозь леса дремучие. Там войско его между озерами и болотами тщетно искало пути удобного. Кони, люди падали мертвые от усталости и голода; воины сдирали кожу с щитов своих, чтобы питаться ею. Надлежало бросить или сжечь обо-

зы. Князь вышел наконец из сих мрачных пустынь с одною пехотою, изнуренною и почти безоружною». Впрочем, заложников он все же удержал.

Юрий же три года прожил в Орде, очень близко сошелся с ханом Узбеком, женился на его сестре. Возвращаясь с молодой женой на Русь, он горел только одним желанием: сокрушить Тверь и Михаила. С ним шла монгольская рать Кавдыгая. Михаил, узнав о перемене счастья, за великокняжескую должность цепляться не стал, просил только не трогать Тверь и отпустить монголов назад.

В ответ Юрий пожег все Тверское княжество. Вот этого Михаил не стерпел: он созвал совет из бояр и духовенства и просил рассудить по справедливости, кто нарушает право — он или Юрий. Совет обвинил Юрия. Переговоры ничего не дали: Юрий шел добивать Тверь. Михаил выставил войско против объединенных полков Юрия, монголов и мордвы. Победил Михаил. Юрий бежал, а его молодая жена попала в плен. Эта жена и стала причиной дальнейшей беды.

Пока Михаил составлял грамоту и предлагал Юрию ехать в Орду, чтобы решить разом их спор, молодая Кончака умерла в Твери. Юрий тут же обвинил дядю в убийстве. В Орду они поехали порознь. Михаила задержали дела, и он послал сначала своего сына Константина. Но что мог сказать Узбеку 12-летний мальчик? Узбек был разъярен смертью сестры и поверил Юрию.

Когда Михаил приехал, судьба его была уже давно решена. Михаила забили до смерти и вырезали сердце. Труп бросили у шатра. Юрий был доволен. Противник устранен. Но даже Кавдыгай, увидев, как равнодушен князь к виду мертвого тела своего дяди, сказал ему: «Он твой дядя: оставишь ли труп его на поругание?» Летописец замечает, что труп прикрыл своей одеждой слуга Юрия.

ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬЯ ГЕОРГИЙ ДАНИИЛОВИЧ, ДИМИТРИЙ И АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧИ 1319—1328

С ярлыком на княжение Юрий вернулся на родину. С собой он также вез тело дяди и взятых в заложники Константина Михайловича и тверских бояр. Весть окрасила Тверь в цвета траура. Сыновья Михаила Дмитрий и Александр просили Юрия отдать им тело отца для погребения, на что тот согласился, но потребовал в обмен тело своей Кончаки. Обмен состоялся, но тверские бояре и Константин остались в заложниках. Дмитрий Михайлович мечтал их освободить. Похоронив отца, он занялся переговорами с Юрием, обещал дать полный отказ от претензий на великое княжение и 2000 рублей в придачу как выкуп за заложников.

Юрий согласился, но был обманут. Как только смог, Дмитрий поехал в Орду и привез ярлык на великое княжение. Юрий был в ярости. Напрасно он взывал к совести новгородцев — те не дали ему войска. Юрий с малой дружиной отправился к Владимиру, но по дороге едва не попал в засаду и в страхе бежал во Псков. Там его приняли как сына Александра Невского, но войска тоже не дали.

Юрий снова отправился в Новгород. С новгородцами он ходил на чудь и корелу, заключил мир с королем Магнусом и установил границу между государствами. Он был неплохим новгородским князем, деятельным и трудолюбивым. Но мысль о великом княжении прочно засела в его голове.

Так что, разобравшись с новгородскими делами, он опять поехал в Орду! Здесь он и столкнулся лицом к ли-

цу с сыном убитого Михаила. Дмитрий долго не размышлял. Увидев своего врага, он вытащил клинок и вонзил в Юрия. Десять месяцев хан держал в Орде Дмитрия. И когда все думали, что месть русского князя будет прощена, он приказал его убить. Но в то же время ярлык на великое княжение Владимирское он отдал брату Дмитрия Александру.

На правление этого князя приходится, пожалуй, одна из черных страниц истории. В 1327 году вслед за дарованием великого княжения на Руси появилась конница Шевкала. Стали ходить слухи, что этот Шевкал «намерен обратить Россиян в Магометанскую Веру, убить Князя Александра с братьями, сесть на его престоле и все города наши раздать своим Вельможам. Говорили, что он воспользуется праздником Успения, к коему собралось в Тверь множество усердных Христиан, и что Моголы умертвят их всех до единого».

Карамзин говорит, что слухи были, конечно, неосновательны, поскольку противоречили как политике хана, так и численности шевкалова войска, но после этих ордынских смертей поверить можно было во все. Поверил в будущий кошмар и сам Александр. Он взбунтовал людей и поднял их на ничего не подозревающее монгольское войско.

«Сеча была ужасна,— пишет Карамзин.— От восхода солнечного до темного вечера резались на улицах с остервенением необычайным. Уступив превосходству сил, Моголы заключились во дворце; Александр обратил его в пепел, и Шевкал сгорел там с остатком Ханской дружины. К свету не было уже ни одного Татарины живого. Граждане умертвили и купцев Ордынских, Сие дело, внушенное отчаянием, изумило Орду. Моголы думали, что вся Россия готова восстать и сокрушить

свои цепи; но Россия только трепетала, боясь, чтобы мщение Хана, заслуженное Тверитянами, не коснулось и других ее пределов.

Узбек, пылая гневом, клялся истребить гнездо мятежников; однако ж, действуя осторожно, призвал Иоанна Данииловича Московского, обещал сделать его Великим Князем и, дав ему в помощь 50 000 воинов, предводимых пятью Ханскими темниками, велел идти на Александра, чтобы казнить Россиян Россиянами. К сему многочисленному войску присоединились еще Суздальцы с Владетелем своим, Александром Васильевичем, внуком Андрея Ярославича. Тогда Князь Тверской мог умереть великодушно, или в славной битве, или предав себя одного в руки Моголов, чтобы спасти подданных; но сын Михайлов не имел добродетели отца. Видя грозу, он пекся единственно о собственной безопасности и думал искать убежища в Новгороде. Туда ехали уже Наместники Московские: граждане не хотели об нем слышать.

Между тем Иоанн и Князь Суздальский, верные слуги Узбековой мести, приближались ко Твери, несмотря на глубокие снега и морозы жестокой зимы. Малодушный Александр, оставив свой добрый, несчастный народ, ушел во Псков, а братья его, Константин и Василий, в Ладогу. Началось бедствие. Тверь, Кашин, Торжок были взяты, опустошены со всеми пригородами; жители истреблены огнем и мечем, другие отведены в неволю. Самые Новгородцы едва спаслись от хищности Моголов, дав их послам 1000 рублей и щедро одарив всех Воевод Узбековых.

Хан с нетерпением ожидал вести из России: получив оную, изъявил удовольствие. Дымящиеся развалины Тверских городов и селений казались ему славным па-

мятником Царского гнева, достаточным для обуздания строптивых рабов. В то же время казнив Рязанского Владетеля, Иоанна Ярославича, он посадил его сына, Иоанна Коротопола, на сей кровию отца обагранный престол и, будучи доволен верностию Князя Московского, дал ему самую милостивую грамоту на Великое Княжение, приобретенное бедствием столь многих Россиян».

С этой грамотки и началось возвышение Москвы. Что же касается южной Руси и нарождающейся Литовской Руси, то сведения о них у Карамзина довольно туманны. О первой историк поминает с сожалением так: «Быв некогда лучшим ее достоянием, с половины XIII века они (южные области.— *Примеч. авт.*) сделались как бы чужды для нашего северного отечества, коего жители брали столь мало участия в судьбе Киевлян, Волынян, Галичан, что Летописцы Суздальские и Новгородские не говорят об ней почти ни слова; а Волынский не доходит до времен, наиболее любопытных важностию происшествий, когда народ бедный, дикий, платив несколько веков дань России и более ста лет умев только грабить, сведал от нас и Немцев действия военного и гражданского искусства, в грозном ополчении выступил из темных лесов на феатр мира и быстрыми завоеваниями основал державу именитую».

Под «державой именитой» Карамзин имеет в виду Литву Гедиминова. Он еще знает о борьбе галицко-волыньских князей с Литвой за земли юга, но не может сказать точно, когда южная Русь соединилась с Литовской: «Не зная, когда именно Литовцы овладели странами Днепровскими, знаем только, что Киев при Димитрии Донском уже был в их власти (без сомнения и Черниговская область). Таким образом наше отечество утратило, и надолго, свою древнюю столицу, ме-

ста славных воспоминаний, где оно росло в величии под щитом Олеговым, сведало Бога истинного посредством Св. Владимира, прияло законы от Ярослава Великого и художества от Греков!..»

Сами волынские и галичские князья еще были самостоятельными в первой четверти XIV века, поскольку сохранились латинские грамоты, в которых князь юго-запада именуется «*природным Князем и Государем всей Малой России*», он обещал «предохранять землю Рыцарей от набега Моголов; употреблял печать Юрия Львовича, своего деда, и жил то во Владимире, то во Львове».

Литовский же князь Гедимин считал себя великим князем литовским и русским, ему удалось проводить такую политику, что монгольские баскаки не переступали черты государства и дани он не платил. При этом так унижаться перед ханами, как поступали владыки Москвы, ему не приходилось. Ради пользы дела и не желая конфликта с немецкими рыцарями, он перешел в латинскую веру, а потом точно так же вернулся к родной. Гедимин был православным. В этом плане Литовская Русь весьма интересное образование: довольно долго в ней считались равноправными обе веры. И жили в ней точно такие же русские князья, что и на юге, и на северо-востоке.

Но для времени Карамзина история южной Руси и Литвы интереса не представляла. Главное действие русской истории для него и его современников разворачивалось вокруг маленького Московского княжества.

МОСКОВСКАЯ РУСЬ

1328—1462

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ИОАНН ДАНИИЛОВИЧ, ПРОЗВАНИЕМ КАЛИТА 1328—1340

Карамзин считал, что с приходом к великокняжеской власти Ивана Даниловича по прозвищу Калита в прежде беспокойном государстве установился мир и порядок — монголы не зверствовали, крестьяне трудились, купцы торговали, бояре наслаждались достатком, и всем было хорошо: «Сия действительно благословенная по тогдашним обстоятельствам перемена ознаменовала возвышение Москвы, которая со времен Иоанновых сделалась истинною главою России».

Начало правления Ивана было ознаменовано его поездкой в Орду. Ездил он туда вместе с новгородскими боярами и младшим тверским княжичем Константином Михайловичем. Узбек милостиво вверил Тверь Константину, утвердил Ивана Даниловича в звании великого князя, но потребовал, чтобы Александр Тверской явился в Орду на ханский суд. Александр превосходно знал, чем этот суд может ему грозить, и заперся с сочувствующими ему горожанами в Пскове.

Иван Данилович должен был смирить Псков и добыть Александра, чтобы отправить того на верную смерть к

хану. Московский князь приложил к тому немало усилий (в этом ему помогали новгородцы), но псковичи отказались Александра выдать. Иван понимал, что никакими угрозами не сломит их воли. Поэтому он убедил новгородского митрополита наложить на Псков проклятие. Но даже после этого псковичи не отпускали князя. Тогда он решился ехать сам, чтобы не подвергать город церковной опале и штурму.

Но Александр отправился не к хану. Вместе с молодой женой он уехал в Литву. Литва с этого времени становится для многих той русской территорией, где бесильна власть хана или московского князя. Бежать в южную Русь было бессмысленно: там тоже действовала ханская власть. И начнется постоянное перемещение из Москвы в Литву и из Литвы в Москву, в зависимости от того, кто накладывает опалу.

Карамзин совсем не оправдывал Ивана Даниловича: «Добрые Россияне не хвалили его за то, что он, в угодность неверным, гнал своего родственника и заставил Феогноста возложить церковное проклятие на усердных Христиан, коих вина состояла в великодушии». Поход, который Иван затеял против Пскова, новгородцы саботировали, ссылаясь на более важные войны с немцами и Устюгом (князя последнего способствовали убийству новгородских купцов в Югорской земле).

В Литве Александр заручился поддержкой Гедимина и — что было для Ивана омерзительно — вернулся в Псков, который избрал его на княжение. Псковичи даже пытались полностью отложиться от Новгорода и получить собственного архиепископа, приняв его от южной Руси, но эта попытка была неудачной, хотя в политическом смысле Псков был уже независим. Иван же завязал с ордынскими ханами постоянные отноше-

ния, он ездил туда чуть не каждый год. На псковичей он затаил злобу, а Новгород показался ему слишком богатым. Московское княжество богатством похвалиться не могло — оно при политике Ивана утекало в Орду.

Неудивительно, что Иван решил избавить Новгород от богатства. От города он потребовал право на прикамское серебро. Новгородцы отказали. Тогда Иван собрал войско и стал методично жечь новгородские волости. Горожане испугались и хотели откупиться, но Иван сделал вид, что рассердился и отъехал в Орду.

Новгородцы ожидали, что оттуда князь вернется с монгольским войском и уничтожит город. В такой ситуации они примирились с псковичами и признали их князя — опального Александра Михайловича. Перепуганные, они пошли даже дальше: завязали переписку с Гедимином, предлагая город его сыну Нариманту. По соглашению Наримант получал «Ладогу, Орехов, Кексгольм, всю землю Корельскую и половину Копорья *в отчину и в дедину*, с правом наследственным для его сыновей и внуков».

Иван, вернувшись из Орды, вынужден был сделать вид, что гнев миновал, он ласкал новгородцев речами и совершенно их успокоил. Ему даже удалось склонить горожан к походу на Псков против мятежного тверского князя. Но время этого похода назначено не было. В самом городе такая соглашательская политика вызвала смуту, прокатились волнения.

А в 1337 году князь вдруг снова припомнил новгородцам прикамское серебро и пошел войском в Двинскую область, дабы отобрать то, чего Новгород не желал отдавать по доброй воле. Но этот поход обернулся неудачей: войско князя перемерзло и вернулось ни с чем. Новгородцы опять испугались и умоляли Псков принять их сторону, чтобы вместе воевать против об-

щего врага. Псковичи, которых уже дважды предавали, рассердились и приняли новгородского архиепископа крайне холодно. Отказали они и в обычной судной пошлине (ее город платил Новгороду).

Архиепископ ответил проклятием Пскова. Горожан это не испугало. Посол не получил ни денег, ни союзника. Тверской князь между тем решился испытать судьбу. Он уже десять лет управлял Псковом, но мечтал вернуться на родину. Гедимин ничем не мог ему помочь, Иван его ненавидел, но возвращение доброго имени и княжеского титула не зависело ни от Гедимины, ни от Ивана. Эту задачу мог выполнить только сам Александр Михайлович. Он поехал к Узбеку в Орду, где предложил хану помиловать его или казнить. Узбек оценил мужество князя, он вернул ему право на Тверь.

В 1338 году князь вернулся на родину. За прошедшие с монгольского пожара десять лет город был уже восстановлен. Для Ивана Даниловича это был тяжелый удар.

«Благоразумный Иоанн,— пишет Карамзин,— видя, что все бедствия России произошли от несогласия и слабости Князей — с самого восшествия на престол старался присвоить себе верховную власть над Князьями древних Уделов Владимирских и действительно в том успел, особенно по кончине Александра Васильевича Суздальского, который, будучи внуком старшего сына Ярославова, имел законное право на достоинство Великокняжеское, и хотя уступил оное Иоанну, однако ж, господствуя в своей частной области, управлял и Владимиром: так говорит один Летописец, сказывая, что сей Князь перевез было оттуда и древний Вечевой колокол Успенской Соборной церкви в Суздаль, но возвратил оный, устрашенный его глухим звоном. Когда ж Александр (в 1333 году) преставился бездетным, Иоанн не

дал Владимира его меньшему брату, Константину Васильевичу, и, пользуясь благосклонностию Хана, начал смелее повелевать Князьями; выдал дочь свою за Василия Давидовича Ярославского, другую за Константина Васильевича Ростовского и, действуя как глава России, предписывал им законы в собственных их областях.

Так Московский Боярин, или Воевода, именем Василий Кочева, уполномоченный Иоанном, жил в Ростове и казался истинным Государем: свергнул тамошнего Градоначальника, старейшего Боярина Аверкия; вмешивался в суды, в расправу; отнимал и давал имение. Народ жаловался, говоря, что слава Ростова исчезла; что Князья его лишились власти и что Москва тиранствует! Самые Владетели Рязанские должныствовали следовать за Иоанном в походах; а Тверь, сетуя в развалинах и сиротствуя без Александра Михайловича, уже не смела помышлять о независимости.

Но обстоятельства переменялись, как скоро сей Князь возвратился, бодрый, деятельный, честолюбивый. Быв некогда сам на престоле Великокняжеском, мог ли он спокойно видеть на оном врага своего? Мог ли не думать о мести, снова уверенный в милости Ханской? Владетели Удельные хотя и повиновались Иоанну, но с неудовольствием, и рады были взять сторону Тверского Князя, чтобы ослабить страшное для них могущество первого: так и поступил Василий Ярославский, начав изъявлять недоброжелательство тестю и заключив союз с Александром.

Боясь утратить первенство, и лестное для властолюбия, и нужное для спокойствия Государства, Иоанн решился низвергнуть опасного совместника».

Иван отправился по известному ему адресу — к Хану, взяв с собой старших княжичей Ивана и Семена, и стал

клеветать на тверского князя. Клевета, само собой, сопровождалась богатыми подарками. Он нарисовал хану такую картину инакомыслия, что Узбек тут же отправил гонцов звать к себе неугодных Ивану удельных князей, в том числе и Александра Тверского. Очевидно, Иван надумил его не называть истинной причины вызова, а, напротив, обещать награды и милости.

Сам Иван тем временем мирно вернулся в Москву. Александр обещаниям хана не поверил, но ехать решился. Вместе с ним отправились также Роман Михайлович Белозерский и двоюродный его брат, Василий Давидович Ярославский. Иван боялся князя Василия и даже снарядил военный отряд, чтобы убить его по дороге, но Василий убийц разогнал. Он собирался защищать Александра перед Узбеком.

Заступничество не помогло: хан приказал казнить и самого Александра, и его сына Федора. Этой смертью тут же воспользовался Иван: он стал диктовать свою политику тверским князьям. Они вынуждены были ходить «по воле московской».

Разобравшись с Александром, Иван обратил взгляд на богатый Новгород и вновь припомнил городу прикамское серебро, потребовав уплаты дани вдвое, поскольку возросло количество даров в Орду. Новгород отказался. Князь в ярости вывел из города своих наместников. Он думал начать войну, но тут случился Смоленский казус. Хан потребовал от Ивана войска для совместного разгрома мятежного княжества. Смоленск тогда был княжеством в составе державы Гедимины, но, очевидно, вынужден был платить хану дань. Теперь Смоленск платить не желал. Русские князья участвовали в этой войне так неохотно, а смоляне проявили максимум осторожности и перетянули на свою сторону ханского

воеводу, обещая хорошие дары, что поход вроде бы и состоялся, но никаких результатов не принес.

Иван был недоволен. И Смоленском, и Новгородом, и Гедимином. Так что он заболел и довольно скоро умер. Что же касается прозвища, данного князю, то, по Карамзину, оно происходит от мешка, или калиты, который князь таскал с собой, оделяя нищих милостыню. Правда, по другим источникам, Калитой его прозвали потому, что он тащил в свой мешок, Москву, все, что плохо лежит, и был крайне завистлив и скуп.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ СИМЕОН ИОАННОВИЧ, ПРОЗВАНИЕМ ГОРДЫЙ 1340—1353

На великокняжеском столе отца сменил Семен Иванович, получивший прозвище Гордый. Семен, как пишет историк, «умел пользоваться властью, не уступал в благоразумии отцу и следовал его правилам: ласкал Ханов до уничтожения, но строго повелевал Князьями Российскими».

Именно при нем разыгрался еще один акт новгородской трагедии. От города Семен стал требовать уплаты черной дани (денег со свободных земель) и повиновения. В ответ на это, когда московские бояре явились в Торжок с требованием покорности, новгородцы и торжчане повязали этих бояр и заковали в цепи. Семену же отправили письмо, где объясняли, что «он только Государь Московский; что Новгород *избирает* Князей и не терпит насилия».

Семен ничего не ответил, но стал собирать войско. Новгородцы трусили и согласились выплатить черную

дань, если князь признает древние права новгородцев. Тот взял дань, распустил войско, признал новгородские права, но стал ждать случая, чтобы возобновить притеснения. Пока он разбирался с Новгородом, под самый Можайск пришли воины Ольгерда и пожгли окрестности. Семен даже не успел отразить удара. Правда, Ольгерд долго не задержался: как раз умер Гедимин, и Ольгерд считался наиболее вероятным его наследником.

В тот же год умер хан Узбек и на престол сел Джанибек, который для полной безопасности предварительно убил двоих своих братьев. Новый хан сразу же потребовал к себе Семена и митрополита: первого милостиво переназначил великим князем, а со второго попробовал содрать побольше денег. Митрополит прикидывался нищим и ссылался на прежние грамоты, по которым церковь не облагалась никаким налогом. Впрочем, сошлись на шестистах рублях. Обе стороны казались довольными.

Утвердившись, Семен не забывал о Новгороде, но время еще не пришло. А новгородцы то мирились, то ссорились с псковичами и ожидали назначения наместника и сильного московского войска. Семен мудро медлил. Даже когда в 1347 году городу угрожали шведы, Семен вроде бы отправил войско на помощь, но вернул его с полпути, ссылаясь на государственную необходимость. Пришлось новгородцам искать расположения у псковичей и даже подписать с ними договор, по которому теперь уже официально Псков признавался независимым. Совместными усилиями они и выбили шведов.

Если Семен ожидал разгрома новгородского войска, то просчитался. Но он был занят другим делом: пробовал проведать, насколько реально привязать к себе литовцев и путем династических браков постепенно вве-

сти эти приятные русские земли в государственный обиход. Свою племянницу он выдал замуж за Любарта, а свояченицу, дочку Тверского князя, — за Ольгерда.

С Москвой у Литвы установились мирные отношения, интересы литовцев лежали на западе, где они воевали с поляками за Волынь. Эта несчастная земля в середине XIV века стала предметом дележа между четырьмя государствами: Венгрией, Польшей, Литвой и Ордой. В конце концов Галиция досталась Польше, а западные русские княжества — Литве. И такое положение сохранялось вплоть до XVI века, когда образовалось объединенное польско-литовское государство Речь Посполитая.

На время Семена пришлось начало страшной эпидемии, которую летописцы именуют моровой язвой. Очевидно, речь шла о чуме. В Москве умерли и митрополит, и Семен, и два его сына, и брат. Эти смерти случились внезапно и вызвали брожение умов. В Орду за ярлыком отправились соискатели. Новгородцы везли хорошие дары, чтобы склонить мнение Джанибека на сторону Константина Суздальского, но с московскими князьями у хана было больше понимания, он и назначил молодого еще Ивана Ивановича Московского.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ИОАНН II ИОАННОВИЧ 1353—1359

Иван был молод, слаб и осторожен. Его возвышение вызвало гнев у новгородцев и рязанцев. Рязань давно не дружила с Москвой, но при Семене молодой князь Олег сдерживал эту ненависть, а при неутвердившемся

князе решил действовать. Он отобрал Лопасню, которую прежде незаконно забрала Москва. Наместника Лопасни при этом, как пишет летопись, мучил телесно, затем отпустил и взял выкуп.

На первых порах Иван не решился противодействовать Олегу. Он боялся. Боялся он и неприятия Новгорода. Горожане не могли забыть ханского предпочтения, и, пока был жив Константин Суздальский, они не признавали Ивана и не пускали его наместников.

Показательно и то, что при Иване Ивановиче Ольгерд старался всячески наладить родственные отношения: он выдал свою дочь за Бориса Суздальского, женил своего племянника на дочери великого князя. Вероятно, он надеялся привязать к Литве Тверь, Суздаль, Москву, чтобы создать на этой основе единое государство. Но даже при слабом Иване Ивановиче у Москвы были точно такие же планы.

Поскольку Тверь представляла для Москвы опасность, то Иван старался покровительствовать тем князьям, которые разрушают покой княжества: когда возник спор между Василием Тверским и Всеволодом Холмским, он занял сторону Василия. Возникли у него и проблемы с собственными боярами: те бежали в страхе великом к врагу Москвы, в Рязань.

В 1357 году в Орде сменился хан: Джанибек был убит собственным сыном Бердибеком. Ходили слухи о его крутом нраве и жестокости. Слухи скоро подтвердились: в Москву прибыл Мамат-Ходжа и потребовал «утвердить законный рубеж между Княжением Олеговым и Московским» — видимо, всплыло дело о Лопасне. Для Ивана это было неприемлемо, так что он сослался на то, что границы Москвы давно согласованы с ханами и изменению не подлежат. Монгольских об-

мерщиков он на свою землю не пустил. Это могло вызвать в Орде недовольство, но Иван был уведомлен, что Мамат-Ходжа проявляет частную инициативу. Частных инициатив Иван не боялся.

Впрочем, спор о земле был последним земным делом Ивана Ивановича. Оставив двоих сыновей, Ивана и Дмитрия, он умер, не дожив и до 33 лет.

В Орде тем временем сменились еще два хана. Ярлык на великое княжение получил не московский князь, а Дмитрий Суздальский. Центр земли вдруг разом переместился во Владимир. Дмитрий звал туда и митрополита, но Алексей отказался, сославшись на обет жить у гроба Святителя Петра. Это, конечно, была уловка: для него в Москве были построены хоромы, и питание он получал из дворца. Менять Москву, которая кормит, на Владимир, который уже превращался в провинцию, митрополит не хотел. К тому же он был немолод. Хорошее питание и забота в этом возрасте иногда важнее возвращения славы стольного города.

Зато с новгородцами у нового князя сразу возникли дружественные отношения: он признал все права горожан и дал ему наместников. В Орду князя с 1361 года ездить побаивались. Некоторым удавалось восстановить там свои права, узурпированные Москвой, но ханы менялись, как перчатки.

Московский князь Дмитрий как раз оказался в Орде во время смуты, или замятни, как ее называют летописцы. Княжич пытался доказать свое право на великое княжение, соперничая с Дмитрием Суздальским. Из всех возможных претендентов на ханское место он выбрал наиболее безнадёжного, Муруту. Уже властью одевался всесильный темник Мамай, а Дмитрий обращает

ся к Муруте, шансов у которого практически нет. Почему? Мурута безропотно признал Дмитрия великим князем. Юному княжичу именно это и было нужно: официальное признание, а от кого — не столь важно.

В вопросах ордынского престолонаследия на Руси разбирались плохо. Но есть документ, есть и право. Хотя это право всегда требовалось подкрепить военной силой. Мурута не мог дать никакой силы. Он и сам не имел этой силы для того, чтобы утвердить себя! Так что Суздальский князь только посмеялся. Пустого ярлыка он не страшился.

Но он не оценил княжича по достоинству: все московское боярство привело ратников, оба Ивановича и племянник Ивана Владимир Андреевич двинулись на Владимир. Они выбили суздальского князя из стольного города, и пришлось тому отправляться назад, в Суздаль. А Дмитрий с неделю пожил во Владимире, вернулся в Москву, распустил войско и начал княжить. Новому великому князю едва исполнилось 12 лет.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ДМИТРИЙ ИОАННОВИЧ, ПРОЗВАНИЕМ ДОНСКОЙ 1363—1389

Только утвердился Дмитрий на столе и успокоился, как в Москву прибыло посольство от другого хана, из враждебной Муруту Орды — от царевича Абдуллы, ставленника Мамаю. Посол привез грамоту на княжение, и Дмитрию нужно было снова пройти обряд возведения на великое княжение все в том же Владимире, из которого он только что вернулся.

Дмитрий съездил. Вроде бы поведение безропотное. Но ордынские ханы желали, чтобы князь принял чью-то одну сторону. В результате обиделись и Абдулла, и Мурут. Последний отозвал свой ярлык и с послами передал право на великое княжение прежнему владыке, Дмитрию Суздальскому. Тот сразу же поспешил во Владимир.

Дмитрий Иванович в ответ снова выбил его войском. И не просто выбил, а, предписал, где тому сидеть в подручниках. Князь хотел распоряжаться всей землей самостоятельно, видя в князьях только подчиненных управителей земель вроде наместников. Он решил полностью избавиться от удельной системы. Это была, по сути, борьба с князьями.

Ему удалось в короткие сроки так запугать своих противников, что, когда в очередной раз сменился хан в Орде и Дмитрию Суздальскому привезли ярлык на великое княжение, тот отказался от этой чести в пользу московского князя. Дмитрий, чувствуя слабость ордынских ханов, перестал подавать регулярную дань (хищников там образовалось много, а кто законный — Бог весть), поэтому периодически монголы посылали войска грабить окрестные или сопредельные с русскими земли.

В орбите таких постоянных грабежей была Рязань. Московскому князю была выгодна ее слабость, но рязанские князья перестали терпеливо сносить набеги. Они несколько раз отражали удары, насколько успешно — вопрос другой. Но даже потерпев поражение, они действовали к Орде нелояльно. Так что, если прежде Москва ненавидела Рязань из-за спора о территориях, то теперь — из-за нежелания подчиняться монголам, то есть получать разорения и пожоги, не смея за это отплатить.

Карамзин, складывая многие вины на Олега, был неправ: у Олега была одна только вина, что он родился рязанским князем и не желал отдавать ее Москве или давать разорять врагам. Рязанские князья посещали Орду только по крайней необходимости. У них не было опыта оговора других князей. Олег в этом плане прежде всего был воин, азами дипломатии он не владел.

Дмитрий был другим: он жаждал власти, он считал себя великим князем по праву, но он понимал, когда можно употреблять ханов, а когда лучше переждать. В 70-е годы XIV века он решил ханов игнорировать, пока там не окажется сильный властитель, а не очередной «калиф на час». Так что дань шла в Орду в зависимости от силы ее хозяев. Тем более что на 70–80-е годы приходится очередной виток эпидемии. Страна настолько обезлюдела, что, по словам летописца, в Смоленске осталось в живых всего пятеро жителей: они заперли ворота города и ушли, оставив непогребенными тысячи трупов. При таком положении дел о хорошей дани говорить и вообще было затруднительно.

Эпидемия не щадила и Москву. Кроме эпидемии при Дмитрии город еще и несколько раз горел. Один раз за пару часов из-за сильной бури сгорели Кремль, Посад, Загородье и Заречье, лишь счастливым удавалось спасти часть своего имущества. Кроме пожаров, Москва боялась пожога от Ольгердова войска, тот успешно бил московского князя, защищая права тверских родственников, у которых Дмитрий пытался отнять их княжество.

Именно эти пожары и пожоги Ольгерда и подвигли Дмитрия в 1367 году заложить каменный Кремль — до этого стольный град Москва был совершенно деревянным. И затея с каменными стенами была воплощена вовремя.

Неуплата дани вызывала в Орде сильное неудовольствие. Но, кроме Орды, у Москвы имелись недоброжелатели куда как ближе: тверской князь Михаил точно так же претендовал на великое княжение, как и Дмитрий. И прав на это у него было не меньше, чем у Дмитрия.

Съездив в Орду, Михаил получил нужный ему ярлык. Но забавнее, что аналогичный документ привез из Орды и Дмитрий. Получилось, что два ярлыка выданы на одно великое княжение! Установить Михаила на власть не смог даже ханский посол Сарыхожа. Дмитрий власть отдавать не желал, а Михаил не желал воспользоваться монгольским войском. Этого в Орде понять так и не смогли, только разводили руками: «Мы хотели силою оружия возвести тебя на престол Владимирский; но ты отвергнул наше предложение, в надежде на собственное могущество: ищи же покровителей, где хочешь!»

Будучи в Орде, Дмитрий нашел и сильный аргумент для убеждения Михаила: ханы держали в заложниках сына Михаила, требуя уплату 10 000 рублей, Дмитрий заплатил долг и увез несчастного юношу в Москву. Так Иван стал заложником у великого князя. Только после полной выплаты долга самому Дмитрию Михаилу вернули сына.

Все это время на граничные территории Тверского княжества делали набеги московские воеводы. Нужно ли удивляться, что Михаил Дмитрия ненавидел? Точно так же, как и рязанский князь Олег. Борьба за рязанские земли, пленение родственников Олега и бояр — все это не могло внушить рязанцу особой почтительности к своему жадному соседу. Олег был человеком открытым и действовал силой только тогда, когда его к этому вынуждали, а Дмитрий всегда находил причину, чтобы пограбить на чужой земле.

«Не опасаясь уже ни Литвы, ни Татар,— пишет Карамзин,— Великий Князь скоро нашел причину объявить войну Олегу, неуступчивому соседу, всегда готовому спорить о неясных границах между их владениями. Воевода, Димитрий Михайлович Волынский, с сильною ратию Московскою вступил в Олегову землю и встретился с полками сего Князя, не менее многочисленными и столь уверенными в победе, что они с презрением смотрели на своих противников. „Друзья! — говорили Рязанцы между собою. — Нам нужны не щиты и не копья, а только одни веревки, чтобы вязать пленников, слабых, боязливых Москвитян“. Рязанцы, прибавляет Летописец, *бывали искони горды и суровы: суровость не есть мужество, и смиренные, набожные Москвитяне, устроенные Вождем искусным, побили их наголову. Олег едва ушел. Великий Князь отдал Рязань Владимиру Димитриевичу Пронскому, согласному зависеть от его верховной власти. Но сим не кончилась история Олегова: любимый народом, он скоро изгнал Владимира и снова завоевал все свои области; а Димитрий, встревоженный иными, опаснейшими врагами, примирился с ним до времени».*

Эта игра князьями с последующим присвоением земель была главной целью Дмитрия. И поэтому он удивительно легко наживал себе врагов. Конфронтация с Михаилом едва не переросла в затяжную русско-литовскую войну. Не желая наводить на Русь «поганных», Михаил привел войско литовцев. Сам Ольгерд уже в походе не участвовал, но прислал Кейстута, Витовта, сына Андрея и князя Друцкого. Только что заключенный вечный мир и династический союз, который должен был этот мир поддерживать, ничему не помогли. Теперь пожгли окрестности Москвы.

Так эта борьба за власть и велась с переменным успехом. Дмитрию ничего не оставалось, как подбить врагов Твери новгородцев пограбить город. Новгородцев долго озадачивать не нужно было: с тверичами у них имелись свои счеты, они последними словами ругались с ними из-за спорных владений. Московский князь собирался выделить новгородцам войско, но те отказались и решили отбить спорный Торжок у Твери.

Для новгородцев это кончилось плачевно: победил Михаил. Летописи рассказывают, как злодействовали тверичи, но если бы победили новгородцы, они поступили бы точно так же.

Дмитрий был озадачен, но тем не менее выступил против Михаила, который уже соединился с литовскими войсками. Попробовав сразиться и поняв, что силы примерно равны, обе враждующие стороны как-то не желали рисковать и простояли друг против друга пару дней, после чего заключили перемирие сроком от 1 августа до 26 октября. Главным в этом соглашении был не столько возврат похищенного с обеих сторон, сколько признание, что московскому князю нет дела до Твери, а тверскому — до Москвы.

Несколько лет между противниками был мир. Зато проблемы обнаружилось теперь в Нижегородском княжестве, где князь Дмитрий Константинович, рассерженный непочтительным обращением монгольских послов, велел их убить, а тысячу монголов бросить в застенок. Мамай был в ярости. Пару раз он посылал войска, которые хорошо били русских на берегах Киши и Пьяны. А чуть спустя Дмитрий обвинил в этих мамаевых походах Михаила Тверского — якобы это он наговаривал на Дмитрия Мамаю.

И запылала Тверь. Михаил, против которого князь собрал, действительно, всех подвластных ему князей, подручников, и усилил новгородцами, еще помнившими Торжок, предпочел договориться о мире. Московский князь потребовал клятвенного обещания никогда не претендовать на великое княжение и считать московского князя старшим братом (то есть стать подручником). Михаил вынужден был согласиться. Этим он спас Тверь.

В 1377 году по граничным районам прокатилась конница ханыча Арабшаха (летописи зовут его царевичем Арапшой). Русские выставили войско из Суздальских, Переславских, Юрьевских, Муромских и Ярославских полков и неожиданно потерпели страшное поражение на Пьяне. «Татары,— пишет Карамзин,— одержав совершенную победу, оставили за собою пленников с добычею и на третий день явились под стенами Нижнего Новгорода, где царствовал ужас: никто не думал обороняться. Князь Дмитрий Константинович ушел в Суздаль; а жители спасались в лодках вверх по Волге. Неприятель умертвил всех, кого мог захватить; сжег город и, таким образом наказав его за убийство Послов Мамаевых, удалился, обремененный корыстию».

Арапша взял и пожег Рязань, в этой битве едва уцелел Олег рязанский (летопись говорит, что он был весь изранен и истрелен). На следующую зиму русские князья прошли с таким же успехом по всей мордовской земле, отомстив за участие мордовцев в походе Арабшаха. А летом снова явились войска Мамаю и снова пожгли русские земли. Дмитрий двинул войска навстречу неприятелю. Монголы этого не ожидали и после недолгой битвы на речке Воже бежали, бросив оружие и убитых.

Карамзин считал, что это была первая победа русских, считая с 1224 года. Наверно, это не так. Скажем, это была первая очень легкая победа. И это была первая победа, за которой не последовало немедленного наказания. В Орде было не до того: там беспощадно дрались за власть.

Мамай смог отправить войско на Русь только летом 1380 года. Битва, которая произошла между русскими и монголами, известна как Куликовская. Она описана во всех школьных учебниках истории точно по Карамзину, так что пересказывать ее ход вряд ли необходимо. Дмитрий в этом сражении поименован героем, зато оклеветан рязанский князь, которого Карамзин считал виновным во всех смертных грехах.

«Мамай,— пишет он,— вступил в тесный союз с Ягайлом Литовским, который условился действовать с ним заодно. К сим двум главным утеснителям и врагам нашего отечества присоединился внутренний изменник, менее опасный могуществом, но зловреднейший коварством: Олег Рязанский, воспитанный в ненависти к Московским Князьям, жестокосердый в юности и зрым умом мужеских лет наученный лукавству. Испытав в поле превосходную силу Димитрия, он начал искать его благоволения; будучи хитр, умен, *велегечив*, сделался ему другом, советником в общих делах Государственных и посредником — как мы видели — в гражданских делах Великого Княжения с Тверским.

Думая, что грозное ополчение Мамаево, усиленное Ягайловым, должно необходимо сокрушить Россию — страшась быть первою жертвою оногo и надеясь хитрым предательством не только спасти свое Княжество, но и распространить его владения падением Московского, Олег вошел в переговоры с Моголами и с Ли-

твою чрез Боярина Рязанского, Елифана Кореева; заключил с ними союз и тайно условился ждать их в начале сентября месяца на берегах Оки. Мамай обещал ему и Ягайлу все будущие завоевания в Великом Княжестве, с тем чтобы они, получив сию награду, были верными данниками Ханскими».

На самом деле грехов у Олега не было, разве что страх, что его рязанская земля будет совершенно опустошена монголами и Москвой. Причем, как в случае поражения Москвы, так и в случае ее победы. «Дмитрий в исходе лета сведал о походе Мамаевом, и сам Олег, желая скрыть свою измену, дал ему знать, что надобно готовиться к войне», — пишет историк.

Не правда ли, странный изменник, который сообщает Дмитрию о готовящемся походе? Уж не от него ли Дмитрий и сведал, что Мамай готов к войне?! А еще интереснее, что войско Олега так и не выступило на стороне Мамаю, а войско Ягайлы не соединилось с монголами!

Вдобавок в Коломне с ратью Дмитрия соединились полки... детей Ольгерда, Андрея и Дмитрия. То есть литовские полки участвовали в битве с Мамаем! В чем же тогда заключалась измена бедняги Олега? Он, оказывается, отправлял гонцов то к Дмитрию, то к Ягайле, то к Мамаю! Очевидно, полученная информация мимо русских никак не проходила. И не стоит ли благодарить Олега за то, что эта информация позволила правильно организовать войско?

Но Карамзин читал летописи, написанные москвичами. Для них Олег был нехорошим князем, врагом, таким он и представлен в официальной русской истории.

Что же касается самой битвы, то, по Карамзину, масштабы ее были колоссальны. Дмитрий победил. Для

нас важнее последствия. А последствия таковы. После выигранной битвы Дмитрий был вынужден послать в Орду дань. Монголы потребовали ее на другой же год после такой счастливой победы. Правда, дани потребовал не Мамай, а Тохтамыш, который при помощи Тамерлана отлично укрепился в Орде и положил конец ханской чехарде. Дмитрий не только признал права Тохтамыша на дань и на Русь, но и ласково принял его послов, одарил дарами и даже поздравил с принятием ордынского трона.

Правда, Тохтамыш был несколько неудовлетворен. Он не получил должного почтения. И затребовал в Орду Дмитрия с семьями князьями, как было в прежнее время. Дмитрий отказал. Он сам чувствовал, что стал по власти равным хану.

Но Тохтамыш думал иначе. В 1382 году он пошел на Дмитрия. Крайним в этой истории оказался опять Олег. Его Карамзин обвиняет в том, что князь показал броды через Оку. Если учесть, что Тохтамыш шел наказывать Дмитрия за спесь и что Дмитрий после того куликовского лета пытался отобрать рязанские земли у рязанского князя, вряд ли Олега можно считать предателем. Он не любил монголов, но еще больше не любил Москву. Да и не покажи Олег эти броды, что бы стало с его княжеством? Догадайтесь сами, а потом уже обвиняйте. Для Карамзина вопрос был ясен: он точно следовал мнению древних текстов.

Для современного же исследователя этот вопрос окончательно не прояснен. Да и для летописцев из другой части русской земли он не был столь очевиден даже в родном XIV веке. Например, для рязанского или тверского летописца, или для летописца смоленского и волынского...

Обвинение Олега и прославление Дмитрия — это позиция московского летописания, так сказать, государственная политика того сложного времени. Но даже летописцы XIV века, причем московские, никуда не смогли деть события 1382 года, которые не только не оправдывают Дмитрия, но и вовсе заставляют сомневаться в том, кто же на самом деле принес победу двумя годами ранее: Дмитрий Иванович Донской или Владимир Андреевич, которого в его время как раз и называли Донским князем — за героизм и умелое руководство в той самой куликовской битве.

А события, о которых речь, были таковы.

«Герой Донской с мужественным братом своим, Владимиром Андреевичем, — пишет Карамзин, — спешили выступить в поле; но другие Князя изменили чести и славе. Сам тесть Великого Князя, Димитрий Нижегородский, сведав о быстром стремлении неприятеля, послал к Хану двух сыновей с дарами. Одни увеличивали силу Тохтамышеву; иные говорили, что от важного урона, претерпенного Россиянами в битве Донской, столь кровопролитной, хотя и счастливой, города оскудели людьми военными: наконец советники Дмитриевы только спорили о лучших мерах для спасения отечества, и Великий Князь, потеряв бодрость духа, вздумал, что лучше обороняться в крепостях, нежели искать гибели в поле. Он удалился в Кострому с супругою и с детьми, желая собрать там более войска и надеясь, что Бояре, оставленные им в столице, могут долго противиться неприятелю. Тохтамыш взял Серпухов и шел прямо к Москве, где господствовало мятежное безначалие. Народ не слушался ни Бояр, ни Митрополита и при звуке колоколов стекался на Вече, вспомнив древнее право граждан Российских в важных случаях

решить судьбу свою большинством голосов. Смелые хотели умереть в осаде, робкие спастись бегством; первые стали на стенах, на башнях и бросали камнями в тех, которые думали уйти из города; другие, вооруженные мечами и копьями, никого не пускали к городским воротам; наконец, убежденные представлениями людей благоразумных, что в Москве останется еще немало воинов отважных и что в долговременной осаде всего страшнее голод, позволили многим удалиться, но в наказание отняли у них все имущество.

Сам Митрополит Киприан выехал из столицы в Тверь, предпочитая собственную безопасность долгу церковного Пастыря: он был иноплеменник! Волнение продолжалось: народ, оставленный Государем и Митрополитом, тратил время в шумных спорах и не имел доверенности к Боярам».

И что ж мы узнали из этого текста? Дмитрий бежал в Коломну (некоторые летописцы добавляют: трусливо бежал), но историк за это его не упрекает — он ведь решил обороняться в крепостях. В каких? В далекой Костроме? Более чем странное решение. Но митрополита, который сделал ровно то же самое — утек в Тверь, историк казнит. Почему? Да не потому ли, что именно в Тверь? Если бы в Кострому — другое дело.

А дальше все становится еще запутаннее. Оборонять Москву стал Остей, литовский князь, внук Ольгерда, которого, считал историк, послал в Москву Дмитрий. Но летописи об этом княжеском распоряжении молчат. Остей вызвался сам, потому что не нашлось в Москве никого, кто был способен организовать оборону. А Дмитрий никаких войск нигде не собирал — он сидел в Костроме. Если кто и собирал рать, так скорее Владимир Андреевич.

Что же касается поведения других князей, так многие не только не бросились защищать Москву, но и вовсе перешли в войско Тохтамыша. Еще интереснее. Они же ведь прежде были... герои Куликовской битвы? А Москву защищал Остей — в меру своих способностей, честно защищал. Только народ в Москве был пьян, никакой тишины и благоустройства, как пишет историк, и в помине не было.

Остей допустил ту же ошибку, что Мстислав Удалой в 1224 году: разведочный монгольский отряд он принял за всю рать Тохтамыша. Когда подошла вся рать, он это понял, но было поздно. Москву бы он не отстоял в любом случае — и при сдаче, и без оной. Крепость она была никакая. Да и — вернемся к обороне крепостей, что, по Карамзину, собирался проделать Дмитрий, — ни одна русская крепость, кроме разве что северного Пскова, не смогла бы противостоять войску молодого хана. У Дмитрия просто не было таких крепостей. Так что ж он тогда делал в Костроме? Почему не подошел с якобы собираемым войском? Где было это войско? Сие неведомо.

Москва смогла продержаться 4 дня. Потом начались переговоры. Их вели с московскими защитниками... русские князья из войска Тохтамыша. Они обещали всем свободу и милость хана. Остей был молод и наивен, а горожане русским князьям верили. Так вот и решили сдаться. Открыли ворота, Остей вышел с хлебом-солью, священники — с иконами и хоругвями, народ — со слезами умиления...

А монголы поступили так, как поступали всегда: Остея увели побыстрее с глаз и тут же убили, вошли в Москву, жителей зарезали и город сожгли. Ничего нового. Потом отправились жечь и уничтожать все, что могли, —

Владимир, Звенигород, Юрьев, Можайск, Дмитров, Переяславль, Коломну.

Вот вам и оборона по крепостям! Ко всему прочему еще и увели в плен множество русских людей — а вот такого давно не бывало. Единственный бой, который дали русские, — у Волока Ламского, там сражался Владимир Андреевич, он монголов разбил и не пустил их дальше на север. А Дмитрий? Сидел в Костроме.

Самое интересное, что, если верить летописям, то первое, что спросил Тохтамыш у москвичей, — где их князь, в городе ли он? Иными словами, Тохтамыш шел войной на конкретного обидчика. Он искал... Дмитрия Ивановича. Но тот был далеко от льющейся крови. Подставляться он не любил. За него погибли Москва, Владимир, Звенигород, Юрьев, Можайск, Дмитров, Переяславль, Коломна. Такие вот дела. Но для Карамзина Дмитрий оставался героем с большой буквы (так он его пишет), Дмитрием Донским. Единственное, чем он оказал услугу сожженной Москве, — вернувшись, рыдал на пепелище и велел «погребать мертвых и давал гробопателям по рублю за 80 тел: что составило 300 рублей». Наученный горьким опытом, он очень боялся заразы.

Такова была цена личного спасения. Из всего вышеизложенного Карамзин давал ровно противоположный славословию вывод: «Не время было презирать Тохтамыша и думать о битвах: разоренное Великое Княжение требовало мирного спокойствия, и народ уныл. Великодушный Димитрий, скрепив сердце, с честью принял в Москве Ханского Мурзу, Карача, объявившего ему, что Тохтамыш, страшный во гневе, умеет и миловать преступников в раскаянии. Сын Великого Князя, Василий, со многими Боярами поехав Волгою на судах в Орду, знаками смирения столь угодил Хану,

что Михаил Тверской не мог успеть в своих происках и с досадою возвратился в Россию.

Но милость Тохтамышева дорого стоила Великому Княжению: кровопийцы Ординские, называемые Послами, начали снова являться в его пределах и возложили на оное весьма тягостную дань, в особенности для земледельцев: всякая деревня, состоящая из двух и трех дворов, обязывалась платить полтину серебром, города давали и *золото*. Сверх того, к огорчению Государя и народа, Хан в залог верности и осьми тысяч рублей долгу удержал при себе юного Князя Василия Димитриевича, вместе с сыновьями Князей Нижегородского и Тверского».

Другими словами, в государстве московском началось ровно то же самое, что и в памятном 1238 году, — дань, насилие, увод жителей, удержание детей княжеских в аманатах. Расслабились, понимаешь ли! Как о благочестивом поступке историк говорит, что Дмитрий не мстил князю Тверскому (за что бы это?) и простил Олега Рязанского, а тот взял да и разграбил Коломну! Если учесть, что Коломна была рязанским владением и совсем недавно, при отце Дмитрия, ее отняли у Рязани, то обвинение Олегу просто замечательное.

Впрочем, Дмитрий Коломну не отдал, а Олега... да, простил! Но этого было мало. Теперь Дмитрий взялся за Новгород. Для похода на новгородцев он собрал войска из 26 уделов, огромнейшую рать. И все дали воинов. Ведь не против Тохтамыша, про которого на Руси того времени писали на монетах «русский царь Тохтамыш», то есть законного царя, а против новгородцев каких-то. Новгородцы не знали, что лучше — биться или откупиться. Решили откупиться.

«Великий Князь подписал мирную грамоту, с условием, чтобы Новгород всегда повиновался ему как Государю верховному, платил ежегодно так называемый *черный бор*, или дань, собираемую с черного народа, и внес в казну Княжескую 8000 рублей за долговременные наглости своих разбойников. Новгородцы тогда же вынули из Софийского сокровища и прислали к Дмитрию 3000 рублей, отправив чиновников в Двинскую землю для собрания остальных пяти тысяч». Для жителей Новгорода это был кошмар: «Многие купцы, земледельцы, самые Иноки лишились своего достояния, а некоторые люди и вольности (ибо Москвитяне по заключении мира освободили не всех пленников); другие, обнаженные хищными воинами, умерли от холода на степи и в лесах».

С учетом того, что на всем пути к Новгороду и обратно войско пограбило и сожгло все, что могло, то московский поход был очень успешным.

Тем временем наследник Дмитрия Василий благополучно бежал (а скорее — был отпущен Тохтамышем) и вернулся в Москву через Польшу. Маршрут княжича наводит на мысль, что он участвовал в переговорах между Витовтом и Тохтамышем и вовсе не подвергался никакой опасности. С Тохтамышем он сохранил дружеские отношения и позже. Но Карамзин верил, что Василий бежал и для того, чтобы свернуть иго монголов!

Наивная мысль. Дмитрию было вовсе не до Тохтамыша. Он усердно «присоединял» земельные куски. И, вероятно, очень боялся, что после Москвы князя как-то больше уважают Владимира Андреевича. Иначе трудно понять, почему он начал против этого родственника такие ожесточенные гонения — схватил ночью, развез всю семью Владимира по разным тюрь-

мам, потом потребовал подписания грамоты, в которой тому пришлось признать Дмитрия «отцом, сына его Василия братом *старшим*, Георгия Димитриевича *равным*, а меньших сыновей Великого Князя *младшими* братьями».

Владимир все подписал. По новому порядку наследования московская власть должна была перейти не старшему в роду, а сыну Дмитрия Василию. Дмитрий понимал, что другим способом Василий власти не получит. Сам князь чувствовал, что жить ему недолго. Вскоре после составления грамоты он умер.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВАСИЛИЙ ДИМИТРИЕВИЧ 1389—1425

Василий Димитриевич подвигами не отличился. На столе он сидел 36 лет. Он был очень осторожен и подозрителен: своего дядю Владимира боялся и ожидал, что тот возьмет и посягнет на его власть. Он даже не допускал к государственным делам. В конце концов Владимир Андреевич рассердился на племянника и уехал прочь.

«Три предмета должныствовали быть главными для политики государя Московского,— пишет Карамзин,— надлежало прервать или облегчить цепи, возложенные Ханами на Россию,— удержать стремление Литвы на ее владения, усилить Великое Княжение присоединением к оному Уделов независимых. В сих трех отношениях Василий Димитриевич действовал с неусыпным попечением, но держась правил умеренности, боясь излишней торопливости и добровольно остав-

ля своим преемникам дальнейшие успехи в славном деле государственного могущества».

Что касается пункта первого, то никаких цепей Василиий не порвал. Напротив, с Ордой у него были изумительные отношения.

«Еще никто из Владетелей Российских не видал там подобной чести. Казалось, что не данник, а друг и союзник посетил Хана. Утвердив Нижегородскую область за Князем Борисом Городецким, Тохтамыш, согласно с мыслями Вельмож своих, не усомнился признать Василия наследственным ее Государем. Великий Князь хотел еще более и получил все по желанию: Городец, Мещеру, Торусу, Муром. Последние две области были древним Уделом Черниговских Князей и никогда не принадлежали роду Мономахову.

Столь особенная благосклонность изъясняется обстоятельствами времени. Тохтамыш, начав гибельную для себя войну с грозным Тамерланом, боялся, чтобы Россияне не пристали к сему завоевателю, который, желая наказать неблагодарного повелителя Золотой Орды, шел от моря Аральского и Каспийского к пустыням северной Азии.

Хотя Летописцы не говорят того, однако ж вероятно, что Василиий, требуя милостей Хана, обещал ему не только верность, но и сильное вспоможение: как Глава Князей Российских, он мог ручаться за других и тем обольстить или успокоить преемника Мамаева; корыстолюбие Вельмож Ординских и богатые дары Василиевы решили всякое сомнение».

Вот так. Вспоможение князь обещал. Великое счастье для его родины, что все вспоможение ограничилось только личным участием Василия в одной из битв с Тамерланом, и это участие осталось незаметным для

последнего. Иначе бы вместо Московской Руси лежала выжженная пустыня.

На возвратном пути Василий мимоходом прихватил себе у князя Бориса Нижний Новгород, а скоро и все княжество Суздальское, и все земли между Новгородом и Рязанью. В 1393 году он взял восставший Торжок и показал наглядно, что из себя представляет полновластный государь: «велел Боярам снова идти с полками в Торжок, изыскать виновников убийства и представить в Москву. Привели семьдесят человек. Народ собрался на площади и был свидетелем зрелища ужасного. Осужденные на смерть, сии преступники исходили кровию в муках: им медленно отсекали руки, ноги и твердили, что так гибнут враги Государя Московского!..

Василий еще не имел и двадцати лет от рождения: действуя в сем случае, равно как и в других, по совету Бояр, он хотел страхом возвысить достоинство Великокняжеское, которое упало вместе с Государством от разновластия».

Объяснение причины не улучшает содеянного. Василий Дмитриевич был на той площади и лично наблюдал за исполнением казни. Ему это нравилось.

Со вторым пунктом, то есть с Литвой, дело и вовсе обстояло печально: границы Литвы не только не отошли на запад, но и вовсе придвинулись на восток. Витовт благополучно «уедал» все новые и новые земли. И в конце концов Василий стал думать не о расширении своих владений за счет Литвы, а о сохранении своих владений в границах Московского княжества. «В сие время,— говорит Карамзин,— уже почти вся древняя земля Вятичей (нынешняя Орловская Губерния с частью Калужской и Тульской) принадлежала Литве: Карачев, Мценск, Белев с другими Удельными городами Князей

Черниговских, потомков Святого Михаила, которые волею и неволею поддались Витовту. Захватив Ржев и Великие Луки, властвуя от границ Псковских с одной стороны до Галиции и Молдавии, а с другой до берегов Оки, до Курска, Сулы и Днепра, сын Кестутиев был Монархом всей южной России, оставляя Василию бедный Север, так что Можайск, Боровск, Калуга, Алексин уже граничили с Литовским владением».

Василий так боялся Витовта, что даже осерчал на своего тестя, рязанского князя Олега, что тот посмел идти бить литовцев под Калугой, и объяснял ему, что нельзя беспокоить сильного. Олег вынужден был отвести войска, за что и поплатился: Витовт разметал всю рать князя.

Василий, впрочем, имел тут свой интерес: Рязанское княжество снова было ослаблено. Точно так же он желал ослабить и Новгород. Снова всплыл несчастный вопрос о закамском серебре. И Василий пошел войной на новгородцев. Ему удалось отнять всю Двинскую землю, что лишало Новгород хорошего источника дохода.

Новгородцы в ужасе бросились к Витовту, предложив тому новгородский стол. Василий тут же вернул отобранные у Новгорода земли, а глупые новгородцы, думая, что все само собой разрешилось, отказались от Витовта и признали власть Василия. Это было их крупнейшей ошибкой. Витовт рассердился и готовился к войне с Новгородом.

Московский князь тем временем поддерживал самые лояльные отношения с литовским князем. Но у Витовта кроме Новгорода забот хватало. Он ввязался в авантюру под названием «возвращение престола Тохтамышу» — последний был разбит Тимуром и согнан со своего стола. Он скитался в степях и надеялся отвое-

вать отобранное. Витовту за участие он обещал передать все права на владение Московской Русью. Литовского князя перспектива радовала. Василия тоже. Он знал, что Тохтамыш вряд ли сможет осуществить задуманное. Хотя с ханом у него отношения были прекрасные: дети Тохтамыша жили при московском дворе.

Против этой коалиции, усиленной немцами, выступал всемогущий и талантливый полководец Едигей. Но надежды Витовта не оправдались: его русско-литовско-немецко-монгольское войско потерпело страшное поражение в бою при Ворксле. Тохтамыш бежал от гнавшегося за ним Едигея за Волгу, потом в Сибирь и в ордынской жизни больше участия не принимал.

В битве погибло множество русских князей (для Москвы – литовских): «Глеб Святославич Смоленский, Михаил и Димитрий Даниловичи Волынские, потомки славного Даниила, Короля Галицкого – сподвижник Димитрия Донского, Андрей Ольгердович, который, бежав от Ягайла, несколько времени жил во Пскове и возвратился служить Витовту – Димитрий Брянский, также сын Ольгердов и также верный союзник Донского – Князь Михайло Евнутиевич, внук Гедиминов – Иоанн Борисович Киевский – Ямонт, Наместник Смоленский, и другие».

Не слишком долго сохранялся мир и между «друзьями» Василием и Витовтом. Проблемы начались в 1406 году из-за псковских территорий. У Пскова границы княжества литовского и псковской республики находились впритык и бывали предметом спора между соседями. После размолвки с Новгородом Витовт решил идти на новгородцев войной.

Но идти он должен был через псковские земли, поэтому послал новгородцам разметную псковскую грамо-

ту и стал захватывать псковские крепости. Псковичи рассердились и ответили Витовту войной. Поскольку у них были одновременно проблемы с рыцарями, за помощью они обратились к московскому князю.

«Василий, называясь их Государем,— пишет Карамзин,— решил доказать истину сего названия; отправил к ним брата, Константина Димитриевича, и, требуя удовлетворения от Витовта, начал собирать полки. Его *система осторожности* не переменялась: он хотел мира, но хотел доказать и готовность к войне в случае необходимости, чтобы удержать хищность Литвы и спасти остаток независимости России. Витовт отвечал гордо. Призвав в союз к себе Иоанна Михайловича Тверского, Великий Князь послал Воевод на Литовские города: Серпейск, Козельск и Вязьму.

Воеводы возвратились без успеха: огорченный сим худым началом и думая, что Витовт со всеми силами устремится на Москву, Василий Димитриевич решил возобновить дружелюбную связь с Ордою, вопреки мнению старых Бояр; требовал вспоможения от Шадибека и представлял, что Литва есть общий их враг. Не было слова о дани и зависимости: Василий искал только союза Татар, и юный Шадибек, управляемый добротами Государя Московского, действительно прислал ему несколько полков.

Выступив в поле, Великий Князь сошелся с Витовтом близ Крапивны (в Тульской Губернии). Вместо битвы начались переговоры: ибо ни с которой стороны не хотели отважиться на случай решительный, и Герой Литовский, помня претерпенное им бедствие на берегах Ворсклы, уже научился не верить счастью. Заключили перемирие и разошлись».

Но отношения были испорчены. Война перетекла на запад от самой Москвы. Тянулась она еще два года с вялым успехом и снова завершилась столь же бесполезным миром. Псковичам от этого легче не стало. Их били то немцы, то литовцы.

Еще один мир был заключен в 1417 году. Витовт был недоволен, но псковские земли трогать перестал, зато в Псков стали садиться на стол московские наместники. От них псковичи помощи видели немного. Биться с рыцарями им приходилось больше своими силами.

В отношениях с Ордой Василий думал поддерживать в ней разногласия и мешать приходу к власти сильного правителя. Это у него не получилось. Едигей тоже желал поддерживать вражду между Витовтом и Василием. Для этой цели он использовал тот же способ, что и московский князь, — решил ослабить одного из своих противников (поддерживая милые отношения с Василием, он тем не менее вовсе не желал роста его власти).

В 1407 году он вдруг послал грамоту, чтобы Василий готовился идти в поход против Литвы. Посланного к нему боярина он задержал, чтобы Василий не проведал об истинных целях могущественного полководца.

Между тем Едигей шел на Москву. И что же сделал Василий? Ровно то же, что и Дмитрий: «уехал с супругою и с детьми в Кострому, оставив защитниками столицы дядю, Владимира Андреевича Храброго, братьев Андрея и Петра со множеством Бояр и Духовных сановников».

Карамзин и здесь пытается оправдать поведение князя: «Великий Князь надеялся на крепость стен Московских, на действие своих пушек и на жестокую тог-

дашнюю зиму, неблагоприятную для осады долговременной. Не одна робость, как вероятно, заставила его удалиться. Он мог скорее Боярина или Наместника подвинуть северные города Российские к единодушному восстанию против неприятеля для избавления столицы, и Татары не могли спокойно осаждать ее, зная, что Великий Князь собирает там войско».

Но используя текст летописи, он не может не добавить: «Но граждане Московские судили иначе и роптали, что Государь предает их врагу, спасая только себя и детей».

По испытанному методу Владимир Андреевич приказал сжечь посады, чтобы врагу было негде укрыться, жители посадов вошли в город, и город приготовился к осаде. Едигей вошел в село Коломенское и из этого лагеря стал посылать отряды четырьмя языками. Были сожжены и взяты Переяславль Залесский, Ростов, Дмитров, Серпухов, Нижний Новгород, Городец. Зная, что тверской князь ненавидит московского, Едигей думал использовать его ненависть для взятия Москвы и велел звать князя вместе со стенобитными орудиями. Тот сделал вид, что едет, но с дороги повернул назад, сославшись на нездоровье.

Наученный опытом Тохтамыша, Едигей послал один из отрядов и в Кострому, но великого князя настичь не удалось, монголы вернулись назад. Едигей решил осаждать Москву, но тут ему способствовало невезение: в Орде начались новые распри, и ему пришлось срочно поворотить коней. Москвичи верили, что это было чудесное спасение от неминуемой гибели. Но прежде он потребовал дать окуп: удовлетворился Едигей куда меньшей суммой, чем московский князь в аналогичной ситуации, — ему хватило всего 3000 рублей.

Из Орды Едигей послал Василию укорительное письмо, упрекая князя, что он забыл туда дорогу. Василий на письмо не ответил, но через пару лет, когда смена ханов слегка приостановилась и на престоле оказался ханыч из дружественных, Орду посетил. Хана он как следует обласкал, а тот обещал, что «бывшие Владетели Суздальские не найдут в нем (Хане) покровителя, а Витовт друга, особенно ко вреду России».

В другое посещение Василий и вовсе обязался платить дань, как делалось это раньше. С неудовольствием он отмечал, что, хотя Едигей и Витовт еще раз столкнулись в бою, они пришли к согласию и заключили мир. А при мире Литвы и Орды отнимать территории у Литвы было глупостью. Так что при разногласиях с Витовтом Василий тоже старался не вести напрасных войн. Он даже помогал Витовту в его войнах с Орденом.

Но наибольшую неприятность приносил ему Новгород. Когда он поссорился со своим братом Константином, не желавшим согласиться на передачу великокняжеской власти его пятилетнему сыну, Новгород принял этого брата к себе на княжение. Это упрямство заставило князя примириться с братом. Однако после смерти Василия Константин власти так и не получил. Наследником был объявлен Василий Васильевич, по прозвищу Темный. По легенде, этот несчастливый и жестокий князь получил звание великого еще в утробе матери. Будто бы один священник, когда княгиня мучалась родами, услышал голос: иди и нареки именем великого князя Василия. В эту легенду верили все — и народ, и мать, и сам князь. Новорожденного нарекли Василием и стали ожидать от него удивительных поступков. Никакими подвигами этот князь не прославился.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВАСИЛИЙ ВАСИЛИЕВИЧ ТЕМНЫЙ 1425—1462

В год смерти отца ему было около 10 лет. Поэтому на место великого князя претендовал его дядя Юрий, который, исходя хотя бы из возраста, был к этому более пригоден. Сразу же, как только Василий умер, к этому его брату отправили гонца с велением прибыть во дворец и принести присягу сыну покойного. Юрий не только не поехал, но вовсе удалился в Галич и оттуда имел сказать, что все равно сведет мальчишку со стола. К этому мероприятию он и стал готовиться.

Следом за ним отправился с войском князь Константин, который вынужденно согласился признать наследника, он пытался брата урезонить, но тот от признания отказывался и требовал отсрочки на год. В течение этого года он обещал не искать великого княжения, а потом просить разрешения спора в Орде.

Начало правления было печальным. Витовт решил использовать момент, и то, что он не сделал с новгородцами раньше, начал теперь. Неожиданно литовский князь вошел в псковские земли, прошел их насквозь, пленяя и пожигая, добрался до земель Новгорода и так напугал горожан, что те предпочли откупиться, заплатив 10 000 рублей. Сам он объяснял, что отплатил за обиду (тут он был прав: новгородцы ругали его в своих посланиях, и нехорошо ругали, обидно). Но к Василию он относился с нежностью, и это вполне понятно: Василий Васильевич приходился грозному князю внуком. Он попросил московского князя не вмешиваться в

его дела с Новгородом и Псковом, не считая эти земли частью Московской Руси. Витовт, хотя и преследовал личные цели, но опекал Василия, пока тот не перешел в возраст сознательный.

Дядя Юрий тоже на время забыл о своем обещании согнать князя с московского стола. Но когда тому исполнилось лет 16, Юрий вдруг объявил племяннику войну. Василий решил, что лучше согласиться ехать в Орду и отдать свою судьбу на милость хана. Он боялся только, что Юрий сможет его обойти или что хан прикажет его убить.

По Карамзину, «был у него Боярин хитрый, искалеченный, велеречивый, именем Иоанн Димитриевич: он умел склонить всех Ханских Вельмож в пользу своего юного Князя, представляя, что им будет стыдно, если Тегиня один доставит Юрию сан Великокняжеский; что сей Мурза необходимо присвоит себе власть и над Россиею, и над Литвою, где господствует друг Юриев, Свидригайло; что сам Царь Ординский уже не посмеет ни в чем послушаться Вельможи толь сильного и что все другие сделаются рабами Тегини. Такие слова уязвили как *стрела*, по выражению Летописца, сердце Вельмож Ханских, в особенности Булата и Айдара: они усердно научали ходатайствовать у Царя за Василия и чернить Тегиню так, что левоверный Махмет наконец обещал им казнить смертью сего Мурзу, буде он дерзнет вступить за Юрия.

Весною [1432 г.] дядя Василиев приехал из Тавриды в Орду; а с ним и Тегиня, который, сведав о расположении Царя, уже не смел ему противоречить. Махмет нарядил суд, чтобы решить спор дяди с племянником, и сам председательствовал в оном. Василий доказывал свое право на престол новым уставом Государей Мо-

сковских, но коему сын после отца, а не брат после брата, долженствовал наследовать Великое Княжение. Дядя, опровергая сей устав, ссылался на летописи и на завещание Димитрия Донского, где он (Юрий), в случае кончины Василия Димитриевича, назван его преемником.

Тут Боярин Московский, Иоанн, стал пред Махметом и сказал: „Царь верховный! Молю, да позволишь мне, смиренному холопу, говорить за моего юного Князя. Юрий ищет Великого Княжения по древним правам Российским, а Государь наш по твоей милости, ведая, что оно есть твой Улус: отдашь его, кому хочешь. Один требует, другой молит. Что значат летописи и мертвые грамоты, где все зависит от воли Царской? Не она ли утвердила завещание Василия Димитриевича, отдавшего Московское Княжение сыну? Шесть лет Василий Василиевич на престоле: ты не свергнул его, следственно, сам признавал Государем законным“.

Сия действительно хитрая речь имела успех совершенный: Махмет объявил Василия Великим Князем и велел Юрию *вести под ним коня*: древний обряд Азиатский, коим означалась власть Государя верховного над его подручниками или зависимыми Князьями. Но Василий, уважая дядю, не хотел его унижения; а как в сие время восстал на Махмета другой Царь Могольский, Кичим-Ахмет, то Мурза Тегиня, пользуясь смятением Хана, выпросил у него для Юрия город Дмитров, область умершего Князя Петра Димитриевича.

Племянник и дядя благополучно возвратились в Россию, и Вельможа Татарский, Улан-Царевич, торжественно посадил Василия на трон Великокняжеский в Москве, в храме Богоматери у золотых дверей. С сего времени Владимир утратил право города столичного,

хотя в титуле Великих Князей все еще именовался прежде Москвы».

Но решение хана счастья Василию не принесло. Юрий начал против него войну. Тем более что вдруг созрела и причина ссоры: сыновья Юрия Василий Косой и Шемяка были обвинены в краже царского пояса. Юрий с войском вступил в Москву и пленил Василия. Себя Юрий нарек великим князем, а племяннику выделил в удел Коломну. Юноша плакал, но ничего поделить не мог. Но как только Василий оказался в Коломне, он стал созывать народ, который уже привык считать его великим князем. И народ из Москвы потек в Коломну. Столица почти опустела.

Юрий увидел, что власть его иллюзорна, велел Василию возвращаться в Москву, а сам вернулся в Галич. Туда великий князь послал свою дружину и город разорил. Юрий набрал войско из вятичей, выступил против московского и наголову разбил его. Василий не знал, что делать. Он бежал сперва «в Новгород, оттуда на Мологу, в Кострому, в Нижний; а Юрий, осадив [в 1434 г.] Москву, через неделю вступил в Кремль, пленил мать и супругу Василиеву... Василий трепетал и думал бежать в Орду...»

Тем временем Юрий снова назвался великим князем. Других князей он обязал составить договорные грамоты. Но в качестве великого князя он пробыл недолго и в том же году скончался.

Наследство стали делить между собой его сыновья. Титул великого князя присвоил себе Василий Косой, но его в этом качестве не признали даже братья, которые тут же передались на сторону Василия Васильевича и согласились ему подчиняться. Шемяка за эту поддержку получил назад все прежде отобранные земельные вла-

дения. Удел Косого тоже благополучно перешел Шемяке. Косой вынужден был скитаться, набрал где-то войско и вдруг появился под Костромой. Трусливый великий князь тут же заключил с ним мир и дал в удел Дмитров. Но долго это счастье не продлилось: Косой взял Устюг и убил там наместника, которого посадил Василий.

Тем временем ничего не подозревающий Шемяка пришел звать князя на какую-то свадьбу. Рассерженный Василий приказал заковать того в цепи и запер в Коломне. Между тем Косой пошел на Москву. Великий князь тоже готовился к битве. Однако они заключили перемирие. Косой хотел неожиданно напасть на князя и схватить, но Василий упредил удар и сам захватил Косого. По его приказу двоюродного брата тут же ослепили, как некогда Василька Теробовльского. Шемяку он на радостях выпустил и наградил городами. Но сам Василий и не предполагал, как повернутся события.

Пока что великий князь прославился только новыми походами на Новгород, который упорно и изоциненно обирал. С Ордой у него были самые теплые и приятные отношения. Хотя, как пишет Карамзин, «Василий старался жить дружно с Ханом и по верному свидетельству грамот платил ему обыкновенную дань, вопреки некоторым Летописцам, сказывающим, что Царь Махмет, любя его, освободил Россию от всех налогов».

Мало того: князя даже не заботило, что монголы то и дело ходят грабить и жечь Рязанское княжество. Может быть, это его даже радовало. Но тут в Орде случился очередной передел власти: хан Махмет бежал к другу Василию, сел в Белеве, но Василий послал войско его изгнать. Хан был человеком гордым: он оскорбился.

На Белев тем временем шел Шемяка с братом Дмитрием Красным. Хан разбил великокняжеское войско. Но из русской недружелюбной земли ушел через мордовские леса и около старого городища основал Казань. Население в Казани было смешанным: частью монголы, частью татары. Отсюда Махмет стал делать набеги на Русь. Пару раз они доходили до Москвы, а один раз сожгли Коломну. Зато теперь к Шемяке и Дмитрию Красному Василий стал относиться более чем прохладно. Впрочем, Дмитрий скоро умер. А Шемякой он был недоволен, одно время тот даже хотел уйти в Новгород, но остался в своем уделе.

Между тем на Русь то и дело ходили то монголы, то литовцы. Витовт уже умер, и после его смерти Русь и Литву мало что связывало. Тем более что московский князь сам виноват: это он посылал грабить и жечь городки от Брянска и Вязьмы до Смоленска. Причем это был совместный поход русской и монгольской конницы. Естественно, что литовское войско поступило по аналогии и с московскими крепостями.

Вскоре после этого рязанскую землю стал жечь и грабить ханыч Мустафа из Орды, но не рассчитал сил: его застали холода. Мустафа, по словам Карамзина, добрался до Переяславля и просил теперь не денег, а только убежища: его войско ожидала голодная и холодная смерть.

Но Василий выслал против него войска. «Граждане Переславские, не смея отказать им,— говорит историк,— впустили их в свои жилища; однако ж ненадолго: ибо Василий послал Князя Оболенского с Московскою дружиною и с Мордвою выгнать Царевича из наших пределов. Мустафа, равно опасаясь и жителей, и рати Великокняжеской, по требованию первых вышел из

города, стал на берегах речки Листани и спокойно ожидал неприятелей. С одной стороны наступили на него Воеводы Московские с конницею и пехотою, вооруженною *ослопами*, или палицами, топорами и рогаatinaми; с другой Рязанские *Козаки* и Мордва на лыжах, с сулицами, копьями и саблями.

Татары, цепenea от сильного холода, не могли стрелять из луков и, несмотря на свою малочисленность, смело пустились в ручной бой. Они, конечно, не имели средства спастися бегством; но от них зависело отдаться в плен без кровопролития: Мустафа не хотел слышать о таком стыде и бился до изнурения последних сил. Никогда Татары не изъявляли превосходнейшего мужества: одушевленные словами и примером начальника, резались как иступленные и бросались грудью на копыя. Мустафа пал Героем, доказав, что кровь Чингисова и Тамерланова еще не совсем застыла в сердце Моголов; другие также легли на месте; пленниками были одни раненые, и победители, к чести своей, завидовали славе побежденных».

Неудивительно, что отомстить за это бесчестие еще долго ходили монголы на рязанские и мордовские земли. Следом за этим ханом на Муром пошел Улу-Махмет, называющийся Казанским царем. Он желал отомстить за предательство, о котором говорилось выше. Василий выставил свое войско и даже сам его возглавил, но умный хан действовал точно по монгольской методике: он дал себя немного потрепать, воины сделали вид, что бегут, а потом вдруг монголы остановились и окружили русских. Великий князь не только был разбит, его самого взяли в плен. А ночью Москва вдруг вся погорела и частично развалилась. Сделался кошмар.

Тем временем монголы отступили к границам и срочно отправили гонца к Шемяке. Тот начал вести переговоры, чтобы Василия вообще навсегда оставили в монгольском плену, но Махмет рассудил иначе — он отпустил великого князя. Шемяка боялся, что тайна переговоров станет для Василия очевидна и тогда ему не жить. Он решил погубить великого князя хитростью. Для этого он распустил слух, что Василий собирается передать власть на Руси хану Махмету.

В это поверили. И когда Василий отправился в Троицк на богомолье, заговорщики захватили великокняжескую семью и Москву. На другой день прямо в церкви схватили и самого Василия. Шемяка нарек себя великим князем. Припомнив ослепление своего брата Василия Косого, Шемяка поступил с князем точно так же — приказал ослепить. Вот почему Василий Васильевич и получил именование Темного.

Шемяка как правитель оказался не лучше Василия. Он хотел, кажется, восстановить справедливость и вернуть то, что отняли московские князья, их прежним владельцам, но не знал, ни с чего начать, ни как это сделать. Это было невыгодно тем, кто получил земли от великого князя, так что в ответ на заговор Шемяки созрел заговор Ряполовских, и, хотя заговор был неудачным, Шемяка согласился освободить Василия из-под стражи.

Шемяка сделал роковую ошибку. Пару дней он считал, что Василий смирился со своей участью. Но стоило тому побывать в Кирилловом монастыре и послушать поучения старцев, как он сразу забыл о смирении и отправился к тверскому князю, которого прежде изводил. У него он попросил в помощь войско. Не правда ли, это наводит на размышление, что в своем княжестве у него было не слишком хорошо со сторонниками?

Князь согласился, но с условием, что его дочь Мария станет женой Ивана, сына Василия. Великий князь пошел на Москву. По пути войско встретило монголов и думало принять бой, когда оказалось, что и монголы идут на помощь Василию. С ратью Шемяки удалось справиться быстро. Сам Шемяка был в Угличе, так что поражение под Москвой оказалось для него полной неожиданностью. Пришлось снова мириться и договариваться. Захваченных членов семьи Василия он вернул, вернул все похищенное из Кремля, а также города, которые ему выделил Василий. В конце концов они как бы примирились.

Слепой Василий управлял Московской Русью жестче, чем Василий зрячий. Это благодаря его трудам на митрополитов была возложена государственная задача смирать князей и держать их в повиновении. Это он придумал переходную схему наследования власти, когда при живом великом князе назначается соправитель-наследник (похоже, по византийскому образцу), чтобы передача власти после смерти первого не вызывала никаких споров. И это он обвинил Шемяку в нарушении договора, чтобы решить его судьбу не так приятно, как могло показаться.

А дело вот в чем. Нужно просто всмотреться в пункты этих обвинений: «Епископы Российские от имени всего Духовенства писали к нему, что он не исполняет договора: не отдал увезенной им Московской казны и драгоценной святыни; грабит Бояр, которые перешли от него в службу к Василию; сманивает к себе людей Великокняжеских; тайно сносится с Новымгородом, с Иоанном Можайским, с Вяткою, с Казанью. Над Синею, или Ногайскою Ордою, рассеянною в степях между Бузулуком и Синим, или Аральским морем, отчасти же

между Черным и рекою Кубою, господствовал Седи-Ахмет, коего Послы приезжали к Великому Князю: Шемяка не хотел участвовать в издержках для их угощения, ни в дарах Ханских, ответствуя Василию, что Седи-Ахмет не есть истинный Царь».

Пункты великолепны, особенно пункт о дани. И символично, что донос на Шемяку написан епископами.

Василий организовал против Шемяки поход, в котором тот и был разбит, а практически все его войско полегло при защите городка Галича. Сам Шемяка, как некогда собирался, бежал в Новгород. Вот это было тут же записано в вину новгородцам: приняли Шемяку и позволили тому ходить походами на северную часть московских владений.

Но Шемяка не усидел в Новгороде и ушел оттуда в Устюг. Туда же отправил свое войско Василий: он не мог оставить Шемяку в покое. Шемяке снова удалось ускользнуть, и снова в Новгород. Там его и настигла рука подосланного Василием убийцы: беспокойного князя отравили. А новгородцы погребли его с честью. Из этого можно сделать вывод, что не всему в рассказах о том, какой Шемяка плохой, можно верить. Новгородцы, конечно, охотно принимали противников Москвы, но при Василии среди таковых был не только Шемяка.

Новгородцы и поплатились за свою гостеприимность. «Великий Князь, провождаемый Двором, прибыл в Волок, куда, несмотря на жестокую зиму, полки шли за полками, так, что в несколько дней составила рать сильная. Тут Новгородцы встревожились, и Посадник их явился с челобитьем в Великокняжеском стане: Василий не хотел слушать. Князь Оболенский-Стрига и славный Феодор Басенок, герой сего времени, были посланы к Русе, городу торговому, богатому, где

никто не ожидал нападения неприятельского: Москвитяне взяли ее без кровопролития и нашли в ней столько богатства, что сами удивились. Войску надлежало немедленно возвратиться к великому Князю: оно шло с пленниками; за ним везли добычу. Воеводы остались назади, имея при себе не более двухсот Боярских детей и ратников: вдруг показалось 5000 конных Новгородцев, предводимых Князем Суздальским. Москвитяне дрогнули; но Стрига и Феодор Басенок сказали дружке, что Великий Князь ждет победителей, а не беглецов; что гнев его страшнее толпы изменников и малодушных; что надобно умереть за правду и за Государя.

Новгородцы хотели растоптать неприятеля: глубокий снег и плетень остановили их. Видя, что они с головы до ног покрыты железными доспехами, Воеводы Московские велели стрелять не по людям, а по лошадям, которые начали беситься от ран и свергать всадников. Новгородцы падали на землю; вооруженные длинными копьями, не умели владеть ими; передние смешались: задние обратили тыл, и Москвитяне, убив несколько человек, привели к Василию знатнейшего Новгородского Посадника, именем Михаила Тучу, взятого ими в плен на месте сей битвы.

Известие о том привело Новгород в страх несказанный. Ударили в Вечевой колокол; народ бежал на двор Ярославов; чиновники советовались между собою, не зная, что делать; шум и вопль не умолкал с утра до вечера. Граждан было много, но мало воинов смелых; не надеялись друг на друга; редкие надеялись и на собственную храбрость: кричали, что не время воинствовать и лучше вступить в переговоры».

Начались переговоры. Итог был кошмарен: «Новгородцы дали Великому Князю 8500 рублей и договор-

ною грамотою обязались платить ему черную, или народную дань, виры, или судные пени; отменили так называемые *Вечевые грамоты*, коими народ стеснял власть Княжескую; клялися не принимать к себе Иоанна Можайского, ни сына Шемякина, ни матери, ни зятя его и никого из лиходеев Василиевых; отступились от земель, купленных их согражданами в областях Ростовской и Белозерской; обещали употреблять в Государственных делах одну печать Великокняжескую, и проч.; а Василий в знак милости уступил им Торжок».

После скрепления такого договора свободный Новгород становился практически неотличимым от московских городов. Только Вече да колокол еще оставались. Но не все же сразу! Василий понимал, как отнимать свободу. Даже Карамзин вынужден был воскликнуть: «Властолюбие его, кажется, более и более возрастало, заглушая в нем святейшие нравственные чувства».

И правда, к концу жизни он стремился успеть прибрать к рукам как можно больше чужих земель, посылал походы то на своих, то на монголов, то на литовцев, отнимал земли и свободу у князей, которые вдруг начинали ему казаться подозрительными, был томим подозрительностью и наконец умер в марте 1462 года.

Он считался великим князем, но его сын стал уже самодержцем всея Руси.

Часть третья

**ПОРТРЕТЫ ВЛАСТИТЕЛЕЙ
МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА
1462—1612**

ПРИБЛИЖЕНИЕ К ВИЗАНТИИ

ГОСУДАРЬ, ДЕРЖАВНЫЙ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ИОАНН III ВАСИЛИЕВИЧ 1462—1505

Всея Русь конца XV века была невелика: с востока она ограничивалась рекой Волгой, на западе прямо под Вязьмой утыкалась в Литву, Рязань и Тверь были соседние с этой Русью государства, а Новгород и Псков — самоуправляющиеся территории, куда московской роже в те времена было лучше не соваться. Или соваться только к своим же москвитам или боярам с промосковской ориентацией. Если прежде московский великий князь был просто москаль, то есть отъемщик чужих денег, то теперь этот москаль легко превратился в палача — иногда в просвещенного, иногда в плохо просвещенного, иногда в параноидального, но страстно жаждущего единовластия.

Может, московские владыки и сидели бы себе дальше московскими великими князьями, что не мешало им ощущать себя замечательными рабовладельцами, но случилась одна вещь: на западе приказала долго жить Византия. Это случилось еще при Василии Васильевиче, но аукнулось в полной мере при Иване Третьем Васильевиче. Московская Русь превратилась в Московское царство и взяла претензии на наследство Византии.

Сам Карамзин о славном для него времени Ивана Васильевича писал так: «Отселе История наша приемлет достоинство истинно государственной, описывая уже не бессмысленные драки Княжеские, но деяния Царства, приобретающего независимость и величие. Разновластие исчезает вместе с нашим подданством; образуется Держава сильная, как бы новая для Европы и Азии, которые, видя оную с удивлением, предлагают ей знаменитое место в их системе политической. Уже союзы и войны наши имеют важную цель: каждое особенное предприятие есть следствие главной мысли, устремленной ко благу отечества. Народ еще коснеет в невежестве, в грубости; но правительство уже действует по законам ума просвещенного. Устраиваются лучшие воинства, призываются Искусства, нужнейшие для успехов ратных и гражданских; Посольства Великокняжеские спешат ко всем Дворам знаменитым; Посольства иноземные одно за другим являются в нашей столице: Император, Папа, Короли, Республики, Цари Азиатские приветствуют Монарха Российского, славного победами и завоеваниями от прадедов Литвы и Новагорода до Сибири. Издыхающая Греция отказывает нам остатки своего древнего величия: Италия дает первые плоды рождающихся в ней художеств. Москва украшается великолепными зданиями. Земля открывает свои недра, и мы собственными руками извлекаем из оных металлы драгоценные.

Вот содержание блестящей Истории Иоанна III, который имел редкое счастье властвовать сорок три года и был достоин оного, властвуя для величия и славы Россиян».

Не более и не менее. 43 года для величия и славы России, которой, правда, еще и не существовало, но это детали. Какими же были эти годы?

Как положено, в 20 лет Ивана женили (по обещанию, которое дал Василий своему тверскому соседу) на княжне Марии. На 18-м году жизни княжич стал отцом сына Ивана, которого, чтобы не путать с отцом, стали называть Молодым. А в 23 года после смерти отца Иван Васильевич пришел к власти.

Государство при нем еще не было полностью стянутым вокруг Москвы. Хотя он и женился на тверской княжне, Тверь считала себя самостоятельной.

Таковой же была Рязань, что уж говорить о Новгородской и Псковской республиках. Все это обширное и чужое пока еще владение Иван Васильевич собирался намертво приторочить к Москве. На первых порах о Твери и Рязани князь даже не заикался, но в Рязани уже сидели московские наместники, а с Тверью был договор о едином политическом курсе.

Северные земли были гораздо менее управляемыми. Надо думать, что ни Пскову, ни Новгороду не хотелось добровольно отдаться на «всю волю» московского князя. Новгородцы привыкли к хищническим претензиям Москвы, они как-то пытались с этим ладить, надеясь решить неудовольствия денежными вливаниями, так что, хотя Новгород и роптал, дело обычно завершалось видимым смирением.

Псков, более бедный и более удаленный от Москвы, имеющий сложные отношения с соседями и самим Новгородом, испробовал сначала литовских князей, потом рассердился на Литву, что она ищет только выгоды для себя и не вникает в городские проблемы, и надеялся найти в московском управлении хотя бы военную помощь. Учитывая, что земли Пскова были пограничными, ему это было необходимо.

Еще при Василии началась псковская практика приглашения московских князей. Но с каждым разом Москва ставила наместника все хуже и хуже. Они обирали город, судили неправым судом, военную помощь давали редко. И это в конце концов горожан разъярило. Если прежде они могли хотя бы выбирать себе князя, которому доверяли, теперь Иван взял за правило назначать им князя и никаких нареканий на его деятельность слышать не желал. Псковичей это оскорбляло, но они терпели.

Словно специально в те годы, когда у псковичей были проблемы с московскими ставленниками, Новгород жил с Москвой в мире. Объединить усилия и бороться против Москвы города не могли: их разделяло больше, чем соединяло, — во всяком случае, так казалось псковичам и новгородцам.

Иван был осторожен. Начинать ужесточение порядков с Новгорода и Пскова он боялся. Сперва следовало провести хотя бы несколько удачных военных кампаний, прирасти землями. Поскольку с западной стороны лежала литовская граница, и это был противник серьезный, Иван обратил взгляды на восток, за Волгу, где лежали ордынские земли. Орда давно уже имела собственные болезни, от которых понемногу разваливалась.

Недалеко от Казани стоял Касимов городок, где правил верный слуга его отца царевич Касим. Этого Касима Иван прочил в цари соседней Казани, где как раз образовалась проблема с престолом. Касим вел тайную работу и почти склонил казанских бояр к своей кандидатуре. Для улучшения эффекта нужно было русскими полками посадить его на этот престол.

Иван отправил на Казань несколько полков, но татары выставили против княжеской рати собственную, чего уж никак не ожидалось. Защитники Казани готовились к

битве. Объединенная русско-касимовская группировка сражение проиграла, мало того — потеряла коней, ела в великий пост конское мясо и кое-как вернулась домой.

Перепуганный князь поставил в граничные с татарами города Нижний Новгород, Муром, Кострому, Галич вооруженные дружины. Он боялся мести и набегов. Понимая, что Казань не взять, он отправил своих воинов укрощать черемисов, то есть на земли Казанского царства. Места были глухие, а жители дикие. Черемисов «присоединили», о характере присоединения даже Карамзин вынужден был заметить: «Россияне истребили все, чего не могли взять в добычу; резали скот и людей; жгли не только селения, но и бедных жителей, избирая любых в пленники».

Такая же участь постигла татар под Костромой, Муромом и Нижним Новгородом. Кочующие там отряды уничтожались, пленных не брали. Но цель все равно была еще не достигнута: Казань держалась. Так что Иван начал второй казанский поход. Он отправил воевод «к берегам Камы из Москвы, Галича, Вологды, Устюга и Кичменги с детьми Боярскими и Козаками. Главными начальниками были Руно Московский и Князь Иван Звенец Устюжский. Все соединились в земле Вятской, под Котельничем, и шли берегом реки Вятки, землею Черемисскою, до Камы, Тамлуги и перевоза Татарского, откуда поворотили Камою к Белой Воложке, разрушая все огнем и мечом, убивая, пленяя беззащитных».

Но идти на сам город он был пока не готов. Пока он тревожил земли Казани и не предпринимал решительных действий против царя Ибрагима, умер кандидат в цари Касим. Что делать? Княжеские шпионы стали налаживать отношения с казанскими оппозиционерами, таковых удалось найти даже в семье самого Ибрагима. Но то ли агита-

торы работали плохо, то ли казанцы оказались хитрее, но когда князь все-таки отправил войско на Казань, вместо быстрой сдачи он получил тяжелую войну.

Второй поход был кровавым. Русские продолжали действовать небольшими отрядами, одному даже удалось ворваться на улицы спящего города и много пожечь и многих убить, но казанский царь выслал отряды встречать русских на подступах к своей земле, и бои шли у русских городов. Такой сценарий ведения войны мог порадовать только самоубийцу.

Иван предпринял третий поход. Русским удалось обложить город и отрезать его от источника воды. Ибрагим стал просить мира. Этот мир Иван заключил «на всей его воле».

Новгородцы тем временем надеялись вернуть утраченное — те земли, которые забрал еще Василий и которые город считал своими. Так что они стали перенимать у Москвы свои дальние пригороды. Ивана это разъярило. Он потребовал у новгородцев вернуть все отобранное. Он затеял войну против Новгорода, но вести ее желал руками псковичей. У новгородцев были отвратительные на тот момент отношения с соседями, но они стали просить псковичей вступить за город. Псковичи отказали. Новгородцы в отчаянии приняли наместником воеводу от Казимира. Это была последняя капля.

В 1471 году Иван пошел на город. Оппозицию против великого князя возглавила вдова посадника Марфа Борецкая. О ней Карамзин сочинил даже литературное произведение. Сведения о жизни Марфы он почерпнул из жития Зосимы, о чем и писал следующее: «Марфа-посадница была чрезвычайная, редкая женщина, умев присвоить себе власть над гражданами в такой республике, где женщин только любили, а не слушались...

Обширные владения новгородские простирались на север до реки Двины и Белого моря. Бояре и вельможи сей республики имели знатные поместья в нынешней Архангельской губернии. Люди их часто бывали для рыбной ловли на острове Соловецком и наглым образом оскорбляли монахов тамошней новой обители. Зосима, начальник ее, приехал в Новгород и требовал защиты от Феофила.

Ответ сего архиепископа достоин примечания, изъясняя великое уважение духовных властей к тогдашнему, новгородскому правительству: „Я готов помогать монастырю твоему, но не могу ничего сделать без воли бояр *начальных*“, — и святой муж, без сомнения, узнав о могуществе Марфы, *великой боярыни града*, просил ее заступления. Она имела деревни в *земле Карельской*: рабы ее, вместе с другими часто обижав соловецких монахов и боясь допустить Зосиму к строгой госпоже своей, оклеветали его перед нею, так что Марфа велела выгнать старца из дому: черта, которая не доказывает отменного ее христианского благочестия. Но бояре новгородские обошлись с ним ласковее, выслушали его справедливые жалобы, обещали покровительство Соловецкой обители и вывели Марфу из заблуждения насчет характера св. Зосимы.

Сия пылкая женщина, устыдясь своей несправедливости, решила загладить ее блестящим образом — дала великолепный обед — пригласила знаменитейших бояр новгородских и Зосиму — встретила его с великими знаками уважения — посадила за столом в *первом месте*, угощала с ласкою и, желая превзойти щедростию всех бояр (которые одарили святого мужа богатыми церковными сосудами и ризами), отдала Соловецкому монастырю большую деревню на реке Суме.

Зосима получил от совета новгородского грамоту на *владение островом*, с приложением осьми оловянных пе-

чатеи: архиепископской, посадничей, *тысященачальнической* и *пяти концов города*. Если сия грамота донныне сохранилась в архиве Соловецкого монастыря, то она должна быть драгоценна для историка России, который может найти в ней имена последних народных чиновников новгородских: ибо, скоро по возвращении угодника в Соловецкую обитель, князь Иван Васильевич объявил войну сей республике и навеки уничтожил ее.

Чудеса не принадлежат к истории; однако ж упомянем здесь о пророчестве св. Зосимы. Выгнанный в первый раз гордою Посадницею, он сказал ученикам своим: «Скоро, скоро сей дом опустеет и двор его зарастет травкою!» — что и в самом деле совершилось. Род Борецких погиб с республикою; дом Марфин опустел, — но донныне еще показывают в Новгороде место его.

(Другое чудо, описанное в житии сего угодника, заставляет думать, что князь Иван Васильевич *не простил* тогда знатных новгородцев, как говорят наши летописи. Св. Зосима, взглянув на шесть главных чиновников, вместе с ним обедавших у Марфы, увидел их, сидящих без голов. Автор жития прибавляет, что сии шесть чиновников были после *казнены* московским князем.)»

Марфа организовала сопротивление Ивану и призвала граждан защищать древние свободы. «Новгород, оставленный союзниками, — пишет он в повести о Марфе Борецкой, — еще с большею ревностию начал вооружаться. Ежедневно отправлялись гонцы в его области с повелением высылать войско. Жители берегов Невских, великого озера Ильменя, Онеги, Мологи, Ловати, Шелоны один за другими являлись в общем стане...»

Но хотя Новгород собрал войско, первая же битва с силами великого князя показала, что городу не устоять. Потери были колоссальными. Многие погибли, многие

были захвачены в плен. Иван, по старой традиции, привел с собой не только русские полки, но и татарскую конницу. Эта конница и решила дело: новгородцы бежали. Московское войско гналось следом и добивало бегущих.

«На пространстве двенадцати верст полки Великокняжеские гнали их,— пишет историк,— убили 12 000 человек, взяли 1700 пленников, и в том числе двух знатнейших Посадников, Василия-Казимира с Димитрием Исаковым Борецким; наконец, утомленные, возвратились на место битвы. Холмский и Боярин Феодор Давидович, трубным звуком возвестив победу, сошли с коней, приложились к образам под знаменами и прославили милость Неба.

Боярский сын, Иван Замятня, спешил известить Государя, бывшего тогда в Яжелбицах, что один передовой отряд его войска решил судьбу Новгорода; что неприятель истреблен, а рать Московская цела. Сей вестник вручил Иоанну договорную грамоту Новгородцев с Казимиром, найденную в их обозе между другими бумагами, и даже представил ему человека, который писал ону.

С какой радостью Великий Князь слушал весть о победе, с таким негодованием читал сию законопреступную хартию, памятник Новгородской измены. Холмский уже нигде не видал неприятельской рати и мог свободно опустошать села до самой Наровы или Немецких пределов. Городок Демон сдался Михаилу Верейскому.

Тогда Великий Князь послал *опасную грамоту* к Новгородцам с Боярином их, Лукою, соглашаясь вступить с ними в договоры; прибыл в Русу и явил пример строгости: велел отрубить головы знатнейшим пленникам, Боярам Дмитрию Исакову, Марфину сыну, Василью Селезеву-Губе, Киприяну Арбузееву и Иеремию Сухощоку, Архиепископскому Чашнику, ревностным благоприя-

телям Литвы; Василия-Казимера, Матвея Селезенева и других послал в Коломну, окованных цепями; некоторых в темницы Московские; а прочих без всякого наказания отпустил в Новгород, соединяя милосердие с грозой местности, отличая главных деятельных врагов Москвы от людей слабых, которые служили им только орудием.

Решив таким образом участь пленников, он расположился станом на устье Шелони [27 июля]. В сей самый день новая победа увенчала оружие великокняжеское в отдаленных пределах Заволочья. Московские Воеводы, Образец и Борис Слепой, предводительствуя Устюжанами и Вятчанами, на берегах Двины сразились с Князем Василием Шуйским, верным слугою Новгородской свободы. Рать его состояла из двенадцати тысяч Двинских и Печерских жителей: Иоаннова только из четырех.

Битва продолжалась целый день с великим остервенением. Убив трех Двинских знаменосцев, Москвитяне взяли хоругвь Новгородскую и к вечеру одолели врага. Князь Шуйский раненый едва мог спастись в лодке, бежал в Колмогоры, оттуда в Новгород; а Воеводы Иоанновы, овладев всею Двинскою землею, привели жителей в подданство Москвы».

Но сам Новгород взят еще не был. Иван Васильевич обложил его, довел народ до голода и вынудил новгородцев признать над собой власть московского князя. Вечевые грамоты были упразднены, вводилась судебная московская власть, сам вечевогой порядок еще не запрещался, но без самостоятельности города он терял смысл.

Окончательно с новгородскими порядками и его свободами было покончено в 1478 году. Точно по предыдущему сценарию Иван Васильевич под предлогом передачи Новгорода Литве повел на него объединенное русское войско. Владыка Феофил явился просить мира, спраши-

вал, как великий князь хочет жаловать свою отчину. «Хотим государства в Великом Новгороде такого же, какое у нас в Москве,— отвечал Иоанн,— вечевому колоколу в Новгороде не быть, и государство все нам держать».

Именно этот новый порядок он и ввел, взяв город, а вечевой колокол увезли под крики и рыдания народа. Вече было отменено. Отныне все дела Новгорода решали только наместники князя. Народ голоса больше не имел. Кроме того, по распоряжению Ивана «Заволочане и Двиняне будут оттоле целовать крест на имя Великих Князей, не упоминая о Новгороде; чтобы они не дерзали мстить своим единосемцам, находящимся у него в службе, ни Псковитянам, и в случае споров о землях ждали решения от Наместников, не присвоивая себе никакой своевольной управы».

Таким образом, все новгородские земли разом стали московскими землями. «Если верить сказанию современного историка, Длугоша,— добавлял Карамзин,— то Иоанн приобрел несмертное богатство в Новгороде и нагрузил 300 возов серебром, золотом, камнями драгоценными, найденными им в древней казне Епископской или у Бояр, коих имение было описано, сверх бесчисленного множества шелковых тканей, сукон, мехов и проч. Другие ценят сию добычу в 14 000 000 флоринов: что без сомнения увеличено».

Впрочем, это усмирение на отъеме колокола и запрещении веча не остановилось: горожане пробовали бунтовать. Так что, для того, чтобы полностью рассеять дух сопротивления новым порядкам, «в 1487 году перевели из Новгорода в Владимир 50 лучших семейств купеческих. В 1488 году Наместник Новгородский, Яков Захарьевич, казнил и повесил многих Житых людей, которые хотели убить его, и прислал в Москву более осьми

тысяч Бояр, именитых граждан и купцов, получивших земли в Владимире, Муроме, Нижнем, Переславле, Юрьеве, Ростове, Костроме; а на их земли, в Новгород, послали Москвитян, людей служивых и гостей. Сим переселением был навеки усмирен Новгород».

Как видите, уничтожение Новгорода заняло у Ивана Васильевича долгие годы. Псков до поры до времени свои свободы сохранил, но его укрощение тоже шло полным ходом. Для этого использовалась иная тактика: назначение дурных наместников и постепенное утеснение населения. Иван хотел рассчитаться с Псковом, но не успел. Псковские свободы досталось отменить его сыну.

Между новгородскими делами Иван Васильевич совершил немаловажный и для себя, и для Москвы поступок: вторично женился. Первая его жена умерла в молодости не то от яда (как говорили), не то от нового морового поветрия. Второй брак был заключен по государственным соображениям. Невесту себе Иван выбрал из самого значимого для русских князей царственного дома — из Византии. Правда, такой страны уже больше не было на карте Европы, невеста жила изгнанницей в Италии, однако для Ивана эта женитьба означала сразу другой государственный статус. Из простого великого князя он становился мужем византийской принцессы, наследницы (рухнувшего, правда) престола. Вместе с нею он наследовал и всю византийскую историю.

«Кардинал Виссарион, в качестве нашего единоверца, — пишет Карамзин, — отправил Грека, именем Юрия, с письмом к Великому Князю (в 1469 году), предлагая ему руку Софии, знаменитой дочери Деспота Морейского, которая будто бы отказала двум женихам, Королю Французскому и Герцогу Медиоланскому, не желая быть супругою Государя Латинской Веры...

Сие важное Посольство весьма обрадовало Иоанна; но, следуя правилам своего обыкновенного хладнокровного благоразумия, он требовал совета от матери, Митрополита Филиппа, знатнейших Бояр: все думали согласно с ним, что сам Бог посылает ему столь знаменитую невесту, *отрасль Царственного древа, коего сень покоила некогда все Христианство* православное, неразделенное; что сей благословенный союз, напоминая Владимиров, сделает Москву как бы новою Византиею и даст Монархам нашим права Императоров Греческих.

Великий Князь желал чрез собственного посла удостоверить в личных достоинствах Софии и велел для того Ивану Фрязину ехать в Рим, имея доверенность к сему Венецианскому уроженцу, знакомому с обычаями Италии. Посол возвратился благополучно, осыпанный ласками Павла II и Виссариона; уверил Иоанна в красоте Софии и вручил ему живописный образ ее вместе с листами от Папы для свободного проезда наших Послов в Италию за невестою: о чем Павел особенно писал к Королю Польскому, именуя Иоанна любезнейшим сыном, Государем *Московии, Новагорода, Пскова и других земель*».

Пока велась эта переписка и составлялось посольство, Папу сменил на престоле другой Папа, но дело сладилось. «Папа дал Софии богатое вено и послал с нею в Россию Легата, именем Антония, провождаемого многими Римлянами; а Царевичи Андрей и Мануил отправили Послом к Иоанну Грека Димитрия. Невеста имела свой особенный Двор, чиновников и служителей: к ним присоединились и другие Греки, которые надеялись обрести в единой Москве второе для себя отечество. Папа взял нужные меры для безопасности Софии на пути и велел, чтобы во всех городах встречали Царевну с надлежащею честью, давали ей

съестные припасы, лошадей, проводников, в Италии и в Германии, до самых областей Московских.

24 Июня она выехала из Рима, Сентября 1 прибыла в Любек, откуда 10 числа отправилась на лучшем корабле в Ревель; 21 Сентября вышла там на берег и жила десять дней, пышно угощаемая на иждивение Ордена.

Гонец Ивана Фрязина спешил из Ревеля через Псков и Новгород в Москву с известием, что София благополучно переехала море. Посол Московский встретил ее в Дерпте, приветствуя именем Государя и России».

Далее Софью везли уже по русской земле: из Пскова — в Новгород, из Новгорода — в Москву. Въехала она в Москву 12 ноября, была тут же введена в храм, где получила благословение, затем ее передали матери Ивана, и только потом жениху разрешили Софью увидеть. В тот же день состоялось обручение, а затем и свадьба.

«Главным действием сего брака,— добавляет историк,— было то, что Россия стала известнее в Европе, которая чтит в Софии племя древних Императоров Византийских и, так сказать, провождала ее глазами до пределов нашего отечества; начались государственные сношения, пересылки; увидели Москвитян дома и в чужих землях; говорили об их странных обычаях, но угадывали и могущество.

Сверх того многие Греки, приехавшие к нам с Царевною, сделались полезны в России своими знаниями в художествах и в языках, особенно в Латинском, необходимом тогда для внешних дел государственных; обогатили спасенными от Турецкого варварства книгами Московские церковные библиотеки и способствовали велелепию нашего двора сообщением ему пышных обрядов Византийского образца, так что с сего времени столица Иоаннова могла действительно именоваться новым Ца-

ремградом, подобно древнему Киеву. Следственно, падение Греции, содействовав возрождению наук в Италии, имело счастливое влияние и на Россию».

Не стоит только думать, что эта женитьба сразу разрешила все проблемы в государстве. Если в глазах Европы Московская Русь стала более понятной, то в глазах Орды ничего не изменилось. Для новой великой княгини это было, конечно, неприятно. Карамзин считал, что благодаря ее постоянным укорам Иван вынужден был разобратся раз и навсегда с вопросом ордынской дани. Так, судя по всему, он-таки эту дань платил. И в Москве существовало Ордынское подворье, где жили приезжие из Орды.

Софья приказала подворье снести, а на его месте поставить церковь. Она также убедила Ивана не встречать послов ордынских за городскими воротами: «Князья Московские всегда выходили пешие из города, кланялись им, подносили кубок с молоком кобыльим и, для слушания Царских грамот подстилая мех соболий под ноги чтецу, преклоняли колена». Таким образом послам оказывалась честь.

Софья велела построить на этом месте еще одну церковь.

Все эти нововведения вряд ли могли нравиться в Орде. Сидящий там хан Ахмат был оскорблен. Он отправил в Москву сперва требование, чтобы великий князь явился лично перед его очи, ответа не получил. Тогда он отправил послов с требованием дани.

«Их представили к Иоанну,— рассказывает Карамзин,— он взял *басму* (или образ Царя), изломал ее, бросил на землю, растоптал ногами; велел умертвить Послов, кроме одного, и сказал ему: „Спешి объявить Царю виденное тобою; что сделалось с его *басмою* и послами, то будет и с ним, если он не оставит меня в покое“.

Ахмат воскипел яростию. „Так поступает раб наш, Князь Московский!“ — говорил он своим Вельможам и начал собирать войско. Другие Летописцы, согласнее с характером Иоанновой осторожности и с последствиями, приписывают ополчение Ханское единственно наущениям Казимировым.

С ужасом видя возрастающее величие России, сей Государь послал одного служащего ему Князя Татарского, именем Акирея Муратовича, в Золотую Орду склонять Ахмата к сильному впадению в Россию, обещая с своей стороны сделать то же. Время казалось благоприятным: Орда была спокойна; племянник Ахматов, именем Касыда, долго спорив с дядею о царстве, наконец с ним примирился. Злобствуя на великого Князя за его послушание и недовольный умеренностию даров его, Хан условился с Королем, чтобы Татарам идти из Волжских Улусов к Оке, а Литовцам к берегам Угры, и с двух сторон в одно время вступить в Россию.

Первый сдержал слово и летом (в 1480 году) двинулся к пределам Московским со всею Ордою, с племянником Касыдою, с шестью сыновьями и множеством Князей Татарских».

Сам Иван к тому времени завел дружеские отношения с крымским ханом Менгли-Гиреем. По заключенному между ними договору крымский хан должен был помочь в войне с ханом Ахматом. Хан слово сдержал: он отвлек Казимира, а часть его войска сплавилась с русскими по Волге, чтобы громить Ахмата на его же земле.

Московский князь стал собирать войска. Ахмат же шел к Дону. Войско встало на берегах Оки, но Ахмат, узнав, что столкнется с русскими в невыгодной позиции, повел своих людей на Угру — там он рассчитывал соединиться с Казимиром.

8 октября два войска сошлись на Угре. Обе рати лениво перестреливались, но никто не собирался переходить реку первым. Так простояли до первых морозов. Литовские войска так и не подошли. Ахмат понял, что сил у него маловато, к тому же лошадям стало трудно добывать корм, а люди мерзли и уставали, так что Ахмат повернул коней и ушел. По дороге назад в отместку за обман он пожег и пограбил городки Казимира.

Для русских эта странная война кончилась без потерь. Правда, вместо дани Ахмату теперь приходилось платить другим наследникам Орды: «Содержание Царевича Данияра и братьев Менгли-Гиреевых, Нордоулата и Айдара, сосланного за что-то в Вологду; наконец, дары, посылаемые в Тавриду, в Казань, в Ногайские Улусы, требовали немалых расходов».

Но сам Иван считал, что с игом покончено раз и навсегда. Софья была тоже довольна. Воодушевленный победой над Ахматом, Иван воевал с немцами в Ливонии, практически уничтожив Орден, пытался воевать и с Казимиром, но Казимир оказался сильнее. Взгляд на запад еще не радовал великокняжеского взора. Литва начиналась практически под Москвой. Зато можно было обратить взгляд вовнутрь страны. Тем более что после Новгорода соседняя Тверь все больше и больше задумывалась о передаче Казимиру.

В 1485 году Иван объявил Твери войну. Само собой, войско для покорения Твери было собрано со всей его земли. Тверской князь перепугался, он стал уверять Ивана в преданности и особо упирал на то, что всегда давал своих воинов для Ивановых походов. Он соглашался на все условия, только бы Иван не трогал независимости княжества. Князь выдержал соперника в ожидании и смилостивился.

Между тем московские люди брали все больше власти над тверскими землями. Подданные князя Михаила, понимая, в чьих руках сила, переходили на сторону московского князя. Михаил стал бояться уже за собственную жизнь. Он пробовал искать убежища за литовской границей. К несчастью, одно из таких писем перехватили. Михаил пытался объяснить, но его не слушали.

«Иоанн велел Наместнику Новгородскому,— пишет Карамзин,— Боярину Якову Захарьевичу, идти со всеми силами ко Твери, а сам, провождаемый сыном и братьями, выступил из Москвы 21 Августа со многочисленным войском и с огнестрельным снарядом (вверенным искусному Аристотелю); Сентября 8 осадил Михайлову столицу и зажег предместье. Через два дня явились к нему все тайные его доброжелатели Тверские, Князья и Бояре, оставив Государя своего в несчастии. Михаил видел необходимость или спастись бегством, или отдаться в руки Иоанну; решился на первое и ночью ушел в Литву.

Тогда Епископ, Князь Михаил Холмский с другими Князьями, Боярами и земскими людьми, сохранив до конца верность к их законному Властителю, отворили город Иоанну, вышли и поклонились ему как общему Монарху России. Великий Князь послал Бояр своих и Дьяков взять присягу с жителей; запретил воинам грабить; 15 Сентября въехал в Тверь, слушал Литургию в храме Преображения и торжественно объявил, что дарует сие Княжество сыну, Иоанну Иоанновичу; оставил его там и возвратился в Москву.

Через некоторое время он послал Бояр своих в Тверь, в Старицу, Зубцов, Опоки, Клин, Холм, Новгородок описать все тамошние земли и разделить их на сохи для платежа казенных податей».

Так завершилась независимость вечного московского врага — Тверского княжества. Но Иван ставил планы куда как дальние: теперь он собирался идти на Казимира. Только отсутствие союзников в таком нелегком предприятии убавило его пыл. Но бежавшего князя Иван желал использовать как факел, чтобы спалить всю Литву.

Ярославские князья, перепуганные судьбой Твери, передали свои владения по доброй воле, а половину Ростова князь выкупил. Только Рязань на юге и Псков на севере были еще чужой для князя землей. Но им тоже должно было прийти время. Как пришло оно, наконец, Казани. В 1487 году при помощи крымского хана ее наконец-то удалось взять, то есть, извините, присоединить к московскому государству.

Следом за Казанью ему удалось расправиться и с Вяткой. Это давно уже была русская земля, но в ней не признавали Ивана. Причем, посланные им воеводы почему-то вдруг принимали сторону вятичей. Но теперь он поставил других, преданных полководцев, и сразу дело наладилось: «жители обещались повиноваться, платить дань и *служить службы* Великому Князю». Единственное, от чего они открещивались, — выдать своих мятежных руководителей. Но стоило пообещать сжечь их вместе с городком, как сразу выдали.

«Полководец Тохтамыш, — говорит Карамзин о Вятке, — выжег ее города: сын Донского присвоил себе власть над оною, внук стеснил там вольность народную, правнук уничтожил навеки». И поди разберись — порицает или хвалит...

Но если в государственной жизни Иван ощущал плоды своих трудов, то в личной он был несчастлив. Наследник, которого он мечтал оставить после себя, Иван Молодой, вдруг заболел и в одночасье слег. Умер он в 1490 году.

Не радовали и отношения с братьями. После смерти матери в 1484 году они стали подозревать в Иване опасность для себя и своих детей. Иван же подозревал братьев в готовности перейти на сторону Казимира. Так что боялись за будущее Андрей и Борис не зря.

Первым от гнева пострадал Андрей. До него дошли слухи, что великий князь собирается бросить его в темницу. Желая объясниться, он пришел к Ивану. Тот сделал удивленное лицо, но стал якобы разыскивать клеветников на брата, одному из них, Татищеву, отрезал язык, и вроде на этом дело замялось.

Спустя недолгое время Андрей, находясь в походе, не смог выслать вспомогательной дружины. Это уязвило Ивана, но вида он не показал. Зато уже после возвращения в Москву вдруг приказал заковать брата в цепи и бросить в тюрьму. Андрей был обвинен в самом тяжком грехе — в измене.

Второй брат с ужасом ожидал своей судьбы, но Иван позвал его и милостиво проводил. Андрей так и умер в темнице, но и Борис пережил его не надолго.

Соперников из родни у великого князя больше не осталось.

В 1494 году Ивану не удалось решить полностью проблему литовских границ (он желал получить их таковыми, как во времена Ольгерда), зато удалось выдать дочь Елену за великого литовского князя Александра. Этим на какое-то время создавалась иллюзия мира. Оба князя заключили между собой союзный договор. Через дочь Иван надеялся влиять на политику зятя, то есть изъять спорные земли и сделать князя своим подручником. Но желаемого результата не достиг. И литовский князь не стал ручным, и прежние союзники против Литвы обиделись. Союзник Ивана Менгли-Ги-

рей имел с Литвой старые счеты, он ходил ее воевать за дружбу Казимира с Ахметом. Продолжал он походы и при новом князе Александре.

Когда хан пошел на мужа Елены, тот попросил у тещи помощи, но не получил, разве что тот вступил в переговоры с ханом и другим союзником против Литвы, Молдавским господарем, чтобы они не трогали границ Александра и главное – чтобы не впутывали в эти распри самого Ивана. Тут уж озадачены были все – и хан с господарем, и Александр. Иван же лавировал между ними, мучительно объясняясь по поводу нейтралитета. В конце концов Александр вынужден был сказать князю грубо, что прежде считал, что союзные отношения имеют несколько иной вид. Хан промолчал, но урок учел.

Иногда Иван поступал, кажется, и вовсе против разума, сообразуясь только с личной ненавистью. Он ненавидел немцев. Понятно, он ведь с ними воевал. Но Новгород, который теперь был весь в его власти, с немцами торговал. У Новгорода могли иметься свои претензии к немцам, но касалось это военных ордепов, а не мирных купцов. Иван же разницы между немцем-рыцарем и немцем-купцом не делал. Он даже не вник, что вся торговля ганзейского города Новгорода держится на договоренности с другими ганзейскими городами. Так что, исходя из собственных глупостей, за обиду какого-то русского в Ревеле, он потребовал в 1493 году выдачи ему всего Ревельского магистрата. Разумеется, ему отказали. Тогда Иван «велел схватить Ганзейских купцов в Новгороде: их было там 49 человек, из Любека, Гамбурга, Грейфсвальда, Люнебурга, Мюнстера, Дортмунда, Билефельда, Унны, Дуизбурга, Эймбека, Дудерштата, Ревеля и Дерпта. Запечатали Немецкие гостиные дворы, лавки и божницу; отняли и

послали в Москву все товары, ценою на миллион гульденов; заключили несчастных в тяжкие оковы и в душные темницы. Весть о сем бедственном случае произвела тревогу во всей Германии».

Новгородцы теперь своей судьбой не распоряжались, они не знали, как и оправдаться перед Ганзой: «Новгородская контора сего достопамятного купеческого союза издавна считалась матерью других: удар столь жестокий произвел всеобщее замешательство в делах оного. Послы Великого Магистра, семидесяти городов Немецких и зятя Иоаннова, Александра, приехали в Москву ходатайствовать за Ганзу и требовать освобождения купцев, предлагая с обеих сторон выслать судей на остров реки Наровы для разбора всех неудовольствий. Миновало более года: заключенные томились в темницах. Наконец Государь умилился и велел отпустить их: некоторые умерли в оковах, другие потонули в море на пути из Ревеля в Любек; немногие возвратились в отечество, и все лишились имения: ибо им не отдали товаров. Сим пресекалась торговля Ганзейская в Новгороде, быв для него источником богатства и самого гражданского просвещения в то время, когда Россия, омраченная густыми тенями варварства Могольского, сим одним путем сообщалась с Европою».

Исправить содеянного Иван не смог. И он собственными руками уничтожил благосостояние Новгорода, бывшего для русских князей отличной дойной коровой. Казна похудела. А Новгород этого не пережил.

Столь же бездарной была и война, которую Иван затеял с датским союзником против Швеции. Выборга он так и не взял, разве что прошелся отрядами по территории шведов, как всегда, убивая, пожигая и грабя.

Второй поход на финские земли был удачнее, жители Лименги выразили желание перейти в московское подданство, но в процессе войны навсегда был утрачен Иван-Город. Его отбил шведский полководец. Но шведы и не надеялись удержать эту территорию и предложили ее ливонскому ордену. Немцы подумали и отказались: им не хотелось лишних опасностей.

Но самое занятное, что в 1496 году бывший союзник король Дании стал королем Швеции. Так что Карамзин, доверяя известию, что между правителями была приязнь, в то же время был не уверен, получила ли Москва хоть что-то из финских территорий.

Усложнилось положение и с передачей власти. Уже ясно стало, что она будет передаваться от отца к сыну. Но наследник, которого Иван готовил на стол, умер. У Ивана к тому времени было еще двое детей: Елена и Василий, и внук Дмитрий, сын Ивана Молодого.

Многие не желали видеть в Василии наследника, поскольку при русском дворе его мать Софью не любили и считали, что стол должен перейти Дмитрию, пусть и малолетнему. Их противники возражали: разве можно передать власть помимо сына, ко всему прочему — по матери — еще и царского рода.

Иван должен был сделать выбор, кому достанется власть после его смерти. В 1498 году Василию тайно нашептали, что отец собирается пронести власть мимо него. И даже назвали имя претендента. Вокруг Василия составил заговор, чтобы Дмитрия убить, то есть закрыть вопрос.

Но о заговоре стало известно, и Иван обошелся с сыном просто: посадил под стражу. Подозревая в заговоре Софью, Иван отстранился от нее. А пойманных заговорщиков казнили мучительной смертью.

После такого события выбор Ивана был прост: он объявил о провозглашении Дмитрия наследником и для пущей неоспоримости велел венчать его на царство при своей еще жизни. Обряд выглядел так: «В назначенный день Государь, провождаемый всем Двором, Боярами и чиновниками, ввел юного, пятнадцатилетнего Дмитрия в Соборную церковь Успения, где Митрополит с пятью Епископами, многими Архимандритами, Игуменами, пел молебен Богоматери и Чудотворцу Петру. Среди церкви возвышался амвон с тремя седалищами: для Государя, Дмитрия и Митрополита. Близ сего места лежали на столе венец и бармы Мономаховы. После молебна Иоанн и Митрополит сели: Дмитрий стоял пред ними на вышней степени амвона.

Иоанн сказал: „Отче Митрополит! издревле Государи, предки наши, давали Великое Княжество первым сынам своим: я также благословил оным моего первородного, Иоанна. Но по воле Божией его не стало: благословляю ныне внука Дмитрия, его сына, при себе и после себя Великим Княжеством Владимирским, Московским, Новгородским: и ты, отче, дай ему благословение“.

Митрополит велел юному Князю ступить на амвон, встал, благословил Дмитрия крестом и, положив руку на главу его, громко молился, да Господь, Царь Царей, от Святого жилища Своего благоволит воззреть с любовию на Дмитрия; да сподобит его помазаться елеем радости, приять силу свыше, венец и скипетр Царствия; да воссядет юноша на престол правды, оградится всеоружием Святого Духа и твердою мышцею покорит народы варварские; да живет в сердце его добродетель, Вера чистая и правосудие.

Тут два Архимандрита подали бармы: Митрополит, ознаменовав Дмитрия крестом, вручил их Иоанну, кото-

рый возложил оные на внука. Митрополит тихо произнес следующее: „Господи Вседержителю и Царю веков! се земный человек, Тобою Царем сотворенный, преклоняет главу в молении к Тебе, Владыке мира. Храни его под кровом Своим: правда и мир да сияют во дни его; да живем с ним тихо и покойно в чистоте душевной!..“

Архимандриты подали венец: Иоанн взял его из рук Первосвященителя и возложил на внука. Митрополит сказал: „Во имя Отца и Сына и Святого Духа!“ После этого митрополит благословил обоих государей.

Софья с детьми оставалась в немилости еще год. Однако в 1499 году он вдруг вернул им милости, а в немилость вдруг впали невестка и ее сын. Тут же обнаружился еще заговор, снова полетели головы. Очень высокопоставленные головы. Василия Иван тут же нарек *«Государем, Великим Князем Новагорода и Пскова»*. Это был приговор для Дмитрия: возмущенные псковичи и новгородцы стали искать у него защиты, что сразу вызвало подозрения у Ивана, не желает ли внук его смерти. Теперь он объявил, что передаст трон Василию.

На фоне этой дворцовой истерии началась война с Литвой. Александр не видел смысла в войне, он всеми силами желал мира с тестем. Но Иван стал переманивать на свою сторону его князей, которые уходили вместе со своими землями. Государство таяло на глазах, Москва жирела. В этом отчасти Александр был виноват сам: он вздумал вдруг взять ориентацию на католичество, хотя прежде обе веры были равноправны. Многим русским князьям это не нравилось.

Зато ситуация нравилась Ивану, и он знал, как ее использовать. Вознегодовав на гонения православных (чего и не было), он тут же ввел войска в княжества, передававшиеся от Александра. Последний назначил своим полковод-

цем талантливого Константина Острожского. Силы противников были примерно равны. Но все решила тайная за-сада: когда литовцы двинулись через мост на Ведроши, русские подрубили его и внезапно смешали ряды воинов. Началась паника. Литовцы бежали. В то же время отряды северных земель взяли Торопец. Но Иван жаждал Смоленска. Только непогода не позволила ему начать штурм.

Тем временем Александр изо всех сил укреплял свои города и искал союзников. Таким образом в союзники попали немецкие рыцари, хан Шиг-Ахмет, венгры и поляки. А из-за непонятной ненависти к невестке и Дмитрию от союза с Иваном отказался московский господарь, отец этой невестки и дед Дмитрия. В 1502 году Иван вдруг посадил Дмитрия в оковы, запретил помянуть его имя в церкви и объявил всенародно своим наследником Василия. Он не взял сторону Александра, но об Иване и слышать не желал.

Война в Литве, которую вел Иван, была жесточайшей. Ни от одного врага эти земли не терпели такого опустошения, даже и от монголов. Война истощала оба государства, и в конце концов зашла речь о мире. Но Иван не желал возвращать захваченных земель. На все претензии он отвечал: «Что мы с Божиею помощью у него взяли, того не отдадим. Еще Киев, Смоленск и многие иные города принадлежат России: мы и тех добывать намерены». Только из особого уважения некоторые незначительные города он вернул.

Чуть не в этот год вдруг умерла Софья. Иван тоже стал слабеть и болеть. Понимая, что жизнь его может внезапно прерваться, он написал завещание в пользу сына Василия. Но прежде Иван думал увидеть его женатым. Будущему царю было уже 25 лет, а он еще не имел жены. Женить сына Иван хотел с выгодой для государства.

Сначала в кандидатки была избрана принцесса датская, но отец поспешил выдать ее за Курфюрста Бранденбургского. Тогда Иван, желая увидеть свадьбу собственными глазами, решил найти невесту в своем отечестве. Выбрал он дворянскую дочь Соломонию Сабурову.

Скоро отпраздновали и свадьбу. После этого Иван жил совсем недолго: в октябре 1505 года его не стало.

ГОСУДАРЬ КНЯЗЬ ВАСИЛИЙ ИОАННОВИЧ 1505—1509

Василий принял от отца большую, но разоренную войнами страну. Правил он в полном согласии с политикой своего отца. Словно специально, первым его военным походом стал поход на Казань, который (как и у самого Ивана) закончился неудачно. Но нужды во втором походе уже не было: решивший стать независимым казанский царь скоро клятвенно заверял в дружбе и признал свою зависимость от России.

В литовской политике Василий старался вести дела так, чтобы с виду они казались миролюбивыми, а на самом деле вредили литовскому королю. Александр надеялся, что брат его жены не захочет нарушать установленный мир. Он видел в Василии приятного молодого человека, родственника, а тот видел в шурине только врага. «Одним словом,— говорит Карамзин,— Александр увидел, что в России другой Государь, но та же система войны и мира. Все осталось как было. С обеих сторон изъяслялась холодная учтивость...

В августе 1506 года Король Александр умер: Великий Князь немедленно послал чиновника Наумова с утеши-

тельную грамотою ко вдовствующей Елене, но в тайном наказе предписал ему объявить сестре, что она может прославить себя великим делом: именно, соединением Литвы, Польши и России, ежели убедит своих Панов избрать его в Короли; что разноеверие не есть истинное препятствие; что он даст клятву покровительствовать Римский Закон, будет отцом народа и сделает ему более добра, нежели Государь единоеверный. Наумов должен был сказать то же Виленскому Епископу Войтеху, Пану Николю Радзивилу и всем Думным Вельможам.

Мысль смелая и по тогдашним обстоятельствам удивительная, внушенная не только властолюбием Монарха-юноши, но и проницанием необыкновенным. Литва и Россия не могли действительно примириться иначе, как составив одну Державу».

Но Василий немного опоздал: королем был уже избран Сигизмунд, который желал заключить вечный мир и обменяться пленниками. Для этого Василию нужно было отдать часть награбленного, но своей природной жадности он пересилить не смог. Мир не состоялся. А тем временем из Москвы бежал плененный в первом сражении много лет назад князь Острожский. Сигизмунд принял его как героя. В ответ Василий приютил у себя и приблизил Михаила Глинского. Глинский был еще одним претендентом на литовский престол, но ему не удалось обойти Сигизмунда. Побег в Москву был для него шансом добиться высокой должности при дворе. Больше всего Михаил мечтал восстановить великое киевское княжение, а себя он видел великим князем.

Вместо мира Сигизмунд получил новую войну. Глинский вел русские полки на Минск, Вильну, Смоленск, Оршу, Друцк и силой заставлял литовских князей присягать на верность московскому царю. С юга на Литву

шел Менгли-Гирей, с юго-запада — волохи. Немцы требовали денег, а в казне было пусто.

Но Сигизмунд был мужественным и умным правителем: неожиданно русские увидели его части по ту сторону Днепра. Королю удалось очистить Литву от русского войска, и он едва не пошел на Москву. И хотя Глинские пробовали бунтовать юго-западные области против Сигизмунда, народ был равнодушен. Глинских не поддержали. В таком положении дел переговоры о мире уже имели больший успех.

«Король утверждал за Россию все приобретения Иоанновы,— пишет историк,— а за слугами Государя Российского, Князьями Шемякиным, Стародубскими, Трубецкими, Одоевскими, Воротынскими, Перемышльскими, Новосильскими, Белевскими, Мосальскими все их отчины и города. За то Василий обещал *не вступаться* в Киев, в Смоленск, ни в другие Литовские владения». Рязанское княжество в этом перечне было записано за Москвой. В первые же годы правления Василий заключил и мир с Ливонией. Этот мир давал надежды на возвращение ганзейской торговли.

А уладив внешнеполитические дела, Василий занялся отечеством. И первым на пути усмирения оказался Псков. Иван не успел отобрать у города его права, но стал ужесточать отношение к горожанам. Василий действовал теми же методами.

«Пример Новагорода ужасал Псковитян,— писал Карамзин,— но, лаская себя свойственной людям надеждою, они так рассуждали: „Иоанн пощадил нас: может пощадить и Василий. Мы спаслись при отце благоговением к его верховной воле: не оскорбим и сына. Гордость есть безумие для слабости. Не постоим за многое, чтобы спасти главное: то есть свободное бытие

гражданское, или по крайней мере долее наслаждаться оным“.

Сии мысли были основанием их политики. Когда Наместники Великокняжеские действовали беззаконно, Псковитяне жаловались Государю, молили неотступно, но смиренно. Ненавидя Князя Ярослава, они снова приняли его к себе Наместником: ибо так хотел Иоанн, который, может быть, единственно отлагал до случая уничтожить вольность Пскова, несогласную с государственным уставом России: войны, опасности внешние, а наконец, может быть, и старость помешали ему исполнить сие намерение.

Юный Василий естественным образом довершил дело отца: искал и легко нашел предлог. Хотя Псковитяне вообще изъявляли более умеренности, нежели пылкие Новгородцы: однако ж, подобно всем республикам, имели внутренние раздоры, обыкновенное действие страстей человеческих. Еще в Иоанново время был у них мятеж, в коем один Посадник лишился жизни, а другие чиновники бежали в Москву. Тогда же земледельцы не хотели платить дани гражданам: Вече самовластно наказало первых, отыскав древнюю уставную грамоту в доказательство, что они всегда считались данниками и работниками последних.

Иоанн обвинил самовольство Веча: Псковитяне едва смягчили его гнев молением и дарами. При Василии управлял ими в сане Наместника Князь Иван Михайлович Репня-Оболенский, не любимый народом: питая несогласие между старшими и младшими гражданами, он жаловался на их строптивость и в особенности на главных чиновников, которые будто бы вмешивались в его права и суды. Сего было довольно для Василия».

Он поступил просто: осенью 1509 года с братом и придворными выехал в Новгород. Там по случаю приезда царя собрались не только новгородцы, но и псковичи, которые думали найти у Василия справедливого суда. Псковичи подали жалобу, и царь обещал все решить.

Чуть не сразу в Псков приехали московские чиновники. Они донесли царю, что горожане винят наместника, а наместник горожан, и дело это может быть разрешено царским судом. Василий велел ехать в Новгород как жалобщикам, так и князю Оболенскому, которым жители были так недовольны. Желających ехать искать управу оказалось много, и не только на Оболенского.

Василий потребовал «к себе Посадников для очной ставки с Князем Оболенским, велел написать к Вечу, что если они не явятся, то *вся земля будет виновата*. Псковитяне содрогнулись: в первый раз представилась им мысль, что для них готовится удар. Никто не смел ослушаться: девять Посадников и купеческие старосты всех рядов отправились в Новгород. Василий приказал им ждать суда и назначил сроком 6 Генваря [1510 г.]...

Вельможи Московские объявили Псковитянам, чтобы все они шли в Архиерейский дом к Государю: чиновников, Бояр, купцов ввели в палату; младших граждан остановили на дворе. Они готовились к суду с Наместником; но тяжба их была уже тайно решена Василием. Думные Великокняжеские Бояре вышли к ним и сказали: „Вы *поиманы* Богом и Государем Василием Иоанновичем“. Знатных Псковитян заключили в Архиепископском доме, а младших граждан, переписав, отдали Новгородским Боярским детям под стражу».

Так псковские жалобщики оказались вдруг под стражей. Слухи дошли до города. Люди не знали, что им де-

лать: если сражаться, то где взять войско? Если просить милости — что еще решит царь?

А тем временем Василий объявил арестованным жалобщикам: «Василий, Божиею милостию Царь и Государь всея Руси, так вещает Пскову: предки наши, отец мой и мы сами доселе берегли вас милостиво, ибо вы держали имя наше честно и грозно, а Наместников слушались; ныне же дерзаете быть строптивыми, оскорбляете Наместника, вступаетесь в его суды и пошлины. Еще сведали мы, что ваши Посадники и судьи земские не дают истинной управы, теснят, обижают народ. И так вы заслужили великую опалу. Но хотим теперь изъявить милость, если исполните нашу волю: уничтожьте Вече и примете к себе Государевых Наместников во Псков и во все пригороды. В таком случае сами приедем к вам помолиться Святой Троице и даем слово не касаться вашей собственности. Но если отвергнете сию милость, то будем делать свое дело с Божиею помощью, и кровь Христианская взыщется на мятежниках, которые презирают Государево жалованье и не творят его воли».

Горожане понимали, что против войска со всей Руси их город не выстоит. Они согласились на все условия. Псковичи сами сняли вечевой колокол. Город рыдал. Думали, что на этом все и кончится, но Василий знал, как нужно усмирять города: он приказал провести такое же, как и в Новгороде, переселение псковских знатных семей в другие города, а на их место следовало поселить москвичей: «Государь велел быть Наместниками во Пскове Боярину Григорию Федоровичу Давыдову и Конюшему Челяднину, а Дьяку Мисюрю ведать дела приказные, Андрею Волосатому ямские; определил Воевод, тиунов и старост в пригороды; оставил новый чекан для монеты и торговую пошлину, дотоле неизвест-

ную в земле Псковской, где купцы всегда торговали свободно и не платя ничего; роздал деревни сосланных Псковитян Московским Боярам; вывел всех граждан из Застенья, или Среднего города, где находилось 1500 дворов; указал там жить одним Государевым чиновникам, Боярским детям и Московитянам, а купеческие лавки перенести из Довмонтовой стены в Большой город; выбрал место для своего дворца и заложил церковь Святой Ксении, ибо в день ее памяти уничтожилась вольность Пскова; наконец, все устроив в течение месяца, оставив Наместникам тысячу Боярских детей и 500 Новгородских Пищальников, с торжеством поехал в Москву, куда отправили за ним и Вечевой колокол. В замену убылых граждан триста семейств купеческих из десяти низовых городов были переселены во Псков».

Так Василий прирос еще и псковскими землями. Приобретение Пскова было для него важным: это была лучшая крепость во всей Руси.

С внешними делами меж тем было не столь безоблачно: крымский хан старел, его место заступили молодые и равнодушные к Москве сыновья. Их больше интересовала нажива. Верность ханства Москве держалась только на авторитете самого Менгли-Гирея. Но в конце концов он отошел от дел. И сразу с юга начались набеги крымцев на московские земли. Василий напрасно напоминал о договорах между Москвой и Крымом, сыновья считали этот договор уже недействительным. Теперь приходилось иметь южные полки на границе, чтобы быть готовыми отразить набег.

Хуже всего было для Москвы то, что молодые ханычи охотно завязывали союз с Сигизмундом. В 1513 году хрупкий мир с Литвой рухнул. Началась война. Василия не оставляла мысль взять Смоленск. Двинулись на

штурм. Оказалось, что город превосходно укреплен. Это решили поправить, подняв боевой дух при помощи медовухи. Атакующие перепились. Трезвые защитники легко согнали их со стен. Русские полки обратились в бегство. Это был позор. И с позором Василий Иванович вернулся в Москву.

Он жаждал реванша. Буквально сразу же начался второй поход на Смоленск. Началась осада. Попытки штурмовать стены ничего не дали. Единственное, что делали осаждающие, — превращали землю Смоленска в выжженную пустыню. Но сам город взять не могли.

Снова Василий вернулся в Москву ни с чем. Для третьего похода Глинский сыскал в Богемии оружейных мастеров и нанял немецких воинов. Так что это был, скажем так, самый дорогой поход на Смоленск. Василий окружил город пушками, которые стреляли ядрами, окованными свинцом. Действие было устрашающее, смоляне запросили переговоров, но хотели отнести их на следующий день. Воевода Сологуб не дал им этого дня. Снова заговорили пушки. Смоляне решили сдаться. «Государь! довольно текло крови Христианской; земля наша, твоя отчина, пустеет: приими град с *тихостию*», — просили они.

Василий просьбу удовлетворил. В первый день августа в Днепре освятили воду, процессия с хоругвями вошла в город. За духовенством шел сам Василий. Это был его триумф: Смоленск перешел к Литве еще 110 лет тому назад.

Глинский находился в это время около Орши. Но удача ему изменила: царедворец решил предложить свои услуги Сигизмунду, на переписке с королем его и поймали. Так что народ праздновал взятие Смоленска,

а Глинского везли в цепях в Москву, откуда недавно он выезжал свободным человеком.

Однако везение нередко изменяет. И в следующей битве с Сигизмундом русские войска потерпели жестокое поражение. Но практически сразу другому воеводе, Шуйскому, удалось возвратить отвоеванное. Литовцы смогли взять лишь Дубровну, Мстиславль и Кричев.

В 1515 году в союзе с Литвой против Москвы уже выступало войско крымского хана Махмет-Гирея, а составной частью этого войска стали отряды казаков. Юг теперь стал опасен. Только чудом северским князьям удалось отстоять южные города. Василий не знал, что и предпринять. Он даже сносился с султаном Селимом и жаловался на двоедушие крымского хана. Султан запретил крымцам выступать на стороне Литвы.

Но Махмет-Гирея запреты не волновали. Он и сам отписал московскому государю, что «взятие Смоленска нарушает договор Василиев с Менгли-Гиреем, который будто бы пожаловал Смоленское Княжение Сигизмунду; что Василий должен возвратить оное, также и Брянск, Стародуб, Новгород Северский, Путивль, вместе с другими городами, будто бы данными Ханом, отцом его, Иоанну в знак милости. Магмет-Гирей требовал еще освобождения всех Крымских пленников, дани с Одоева, многих вещей драгоценных, денег; а в случае отказа грозил местию.

Великий Князь не мог образумить бессмысленного варвара; но мог надеяться на доброхотство некоторых Вельмож Крымских, в особенности на второго Менгли-Гиреева сына, Ахмата Хромого, объявленного *калгаю Орды*, или первым чиновником по Хане: для того вооружился терпением, честил Посла и в удовольствие Магмет-Гирею освободил Летифа, бывшего казанского царя.

Сначала Ахмат поддался на уговоры и лесть, крымцы даже сделали набег на Литву ради собственной выгоды, но союзники они оказались никудышные. Василий стал надеяться уже не на союз, а хотя бы на мир. Он согласился даже разрешить им астраханский поход, чтобы посадить в Астрахани своего хана.

Но он напрасно ждал послов, чтобы закрепить условия этого похода. Вместо этого степная конница обрушилась на Русь и дошла почти до Тулы, едва удалось ее отбить.

Между тем сама литовская война шла с переменным успехом. Император Максимилиан, вступивший в родственные связи с Сигизмундом, желал положить ей конец. Единственное, чего он добился: Василий обещал, что в 1519 году военных действий против Литвы вести не будет. В том году Москве точно было не до Литвы. В Казани умер царь Махмет-Аминь, и теперь следовало найти ему преемника. Крымский хан рассчитывал посадить там своего брата, но Василий передал престол внуку Ахмата царевичу Шиг-Алею, воспитанному в Москве и считавшему Василия своим господином.

Казань стала безопасной, но Махмет-Гирею пришлось втолковывать, что Казань требовала Шиг-Алея, и он, Василий, не мог дать другого царя, а если бы не дал Шиг-Алея, то они сами бы взяли себе царя из ногаев или Астрахани. Это Махмет-Гирея успокоило, и скоро дошли вести, что он бьет литовцев под Краковом.

Русским в литовской войне везло меньше: псковичи с новгородцами ходили брать Полоцк, но так и не взяли, московские воеводы с татарской конницей смогли лишь пожечь внешние укрепления и пограбить земли вокруг Полоцка и Витебска. Единственная польза этих походов, признает Карамзин, была только в разорении вражеской земли.

В 1520 году союзники-немцы заключили с Сигизмундом мир. А в 1521 году Сигизмунду помогла казанская измена. Шигалея и присланных туда Москвой русских взяли под стражу, а на престол был возведен брат Махмет-Гирея Саип.

Устроив судьбу брата, Махмет сумел соединить ногаев и казацких атаманов. Этой конной ордой он ворвался на земли московского царя. Высланные на Оку княжеские дружины были разбиты и бежали. Татары пошли на Москву. Но, что еще хуже, рать Саипа шла на Москву с востока. В такой ситуации Василий решил не обороняться. Махмет-Гирей желает получить унижительный для Московского царства мир? Он его получит.

«Опасаясь нашего войска и неприступных для него Московских укреплений, Хан согласился не тревожить столицы и мирно идти восвояси, если Великий Князь, по уставу древних времен, обяжется грамотою платить ему дань. Едва ли сам варвар Магмет-Гирей считал такое обязательство действительным: вероятнее, что он хотел единственно унижить Василия и засвидетельствовать свою победу столь обидным для России договором. Вероятно и то, что Бояре Московские не дерзнули бы дать сей грамоты без ведома Государева: Василий же, как видно, боялся временного стыда менее, нежели бедствия Москвы, и предпочел ее мирное избавление славным опасностям кровопролитной, неверной битвы. Написали хартию, скрепили Великокняжескою печатью, вручили Хану, который немедленно отступил к Рязани, где стан его имел вид Азиатского торжища».

Всюду царил хаос, а люди были в ужасе. Крымцы сожгли все, что могли, и многих увели в плен. Невольников, по рассказам, продавали целыми толпами в Кафе

и Астрахани. Через два года дошли слухи, что хан снова собирается на Москву. Василий писал ему и требовал ответа. Хан так и не появился. Но его ждали готовые выступить в любой момент полки. Так благодаря хану и Литве было создано более мобильное войско.

В декабре 1522 года с Сигизмундом заключили еще одно перемирие на пять лет: по нему граница между странами проходила по левому берегу Днепра. Смоленск Василий Сигизмунду не отдал. Зато история с Казанью имела продолжение. Незадолго до этого русские завоевали астраханское ханство. Теперь источников беспокойства было два: Крым и Казань. Сидевший в Казани Саип хорошо понимал, что Василий не оставит его в покое, и пока он оставил город на 13-летнего племянника и ездил в поисках союзников, московское войско подошло и окружило Казань.

В августе 1524 года город пал. Казанцы умоляли оставить им Сафу-Гирея, за это они обещали хранить верность и служить Москве. Василий оставил.

После Пскова только Рязань оставалась еще независимой. Но в начале XVI века на рязанском столе осталась только княгиня с малолетним сыном. Пока ребенок был мал и женщина полностью была в воле царя, Василий ее не трогал: он диктовал ей, что и как надо делать, чтобы заслужить милость Москвы. Но ребенок вырос. Рязанский князь Иван вовсе не желал подчиняться диктату Москвы. Для Василия это означало одно: надобно истребить.

Молодого князя обвиняли в том, что он не только открыто сказал о своем намерении царю, но что он передался крымскому хану и хотел жениться на его дочери. Василий призвал Ивана в Москву, заранее подкупив его боярина Семена Крубина, чтобы тот уговорил

молодого человека ехать. Князь колебался, но опасности не видел. Стоило ему только появиться перед царем, как тот обвинил юношу в измене и велел отправить в тюрьму. Мать его тем временем уже постригали в монахини. Тут же были посланы войска на Рязань, город взяли (1517 год), и на этом существование Рязанского княжества прекратилась.

Но Ивану Рязанскому — как это ни удивительно — удалось бежать из-под стражи и из Москвы во время переполоха, наделанного походом крымцев. Считали, что бежал он в Литву, хотя дальнейшая судьба так и осталась неизвестной. Рязанцы болезненно переживали свое унижение, так что Василий поступил так же, как и всегда: переселил тех, кто был знатен и мог протестовать.

Разобравшись так с врагами внешними и внутренними, он задумался о будущем престола. Дело в том, что у Василия так и не появилось за это время наследника, престол передавать было некому. Но для того, чтобы жениться снова, нужно было либо умертвить жену (это ему предлагали), либо развестись. Процедуры развода в Москве не существовало. Брак считался нерасторжимым. Решить этот сложный вопрос могли только церковные иерархи.

Митрополит, ходивший под московской властью, признал намерение вполне законным. В 1526 году несчастную Соломонию постригли в монашки, а Василий задумался о выборе невесты. Выбор пал на племянницу Михаила Глинского Елену. «Свадьба была великолепна. Праздновали три дня. Двор блистал необыкновенною пышностью. Любя юную супругу, Василий желал ей нравиться не только ласковым обхождением с нею, но и видом молодости, которая от него удалялась: обрил

себе бороду и пекся о своей приятной наружности», — пишет Карамзин.

Этот брак оказался не бесплодным. Елена родила Василию двоих сыновей — Ивана и Юрия. Только после появления наследников он разрешил жениться своему брату Андрею, двое других так и не дожили до своей свадьбы — Василий запрещал жениться, пока у него не появится венценосное потомство. Но взрослыми он своих сыновей не увидел.

В 1533 году, возвращаясь с охоты, царь почувствовал себя плохо. На теле у него обнаружилась болячка, которая была крохотной, но причиняла боль. Василий чувствовал себя все хуже и хуже. Современная ему медицина излечить его так и не смогла. Перед смертью он велел писать новую духовную грамоту, в коей назначил наследником трехлетнего сына Ивана. Управлять государством до исполнения 15 лет ему вменялось под опекой матери и бояр. Имя этому венценосному наследнику — Иван Васильевич Грозный.

Рождение этого младенца сопровождалось летописными знаменьями: «Пишут, что в самую ту минуту земля и небо потряслися от неслыханных громовых ударов, которые следовали один за другим с ужасною, непрерывною молниею. Вероятно, что гадатели Двора Великокняжеского умели растолковать сей случай в пользу новорожденного: не только отец, но и вся Москва, вся Россия, по словам Летописца, были в восторге». Льстецы еще и не представляли, что ожидает их впереди!

ИОАНН, ПРОЗВАННЫЙ ГРОЗНЫМ

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ И ЦАРЬ ИОАНН IV ВАСИЛЬЕВИЧ 1533—1584

Описывать время Ивана Васильевича Грозного Карамзин начал еще в поданных императору на просмотр первых восьми томах. Никаких нареканий его труд не вызвал: в молодом Иване Васильевиче Александр не усмотрел ни малейшей крамолы. Однако девятого тома боялся даже сам историк. Иван там определенно превратился не в богом данного государя, а в некое чудовище, пожирающее собственный народ. Совместить эти две полярные оценки одного и того же правителя даже Карамзину, умеющему облекать неприятные факты в красивую форму, оказалось сложным. Настолько сложным, что иного диагноза, чем повреждение ума, он подобрать не смог. Недаром этот девятый том с сумасшедшим Иваном стал настольной книгой молодых декабристов.

Но начиналось-то правление Ивана вполне традиционно, исключая один момент: государю было три года, и ни о каком самостоятельном правлении в этом возрасте и речи не идет. За Ивана правили Глинские и бояре, между собой они плохо ладили, но государственные дела от этого никак не ухудшались — текли себе, как и прежде: бояр интересовала только личная

власть. На самого Ивана и его брата никто не обращал внимания. Хотя все дела творились именем Ивана.

«Первым действием нового правления было торжественное собрание Духовенства, Вельмож и народа в храме Успенском, — пишет Карамзин, — где Митрополит благословил державного младенца властвовать над Россиею и давать отчет единому Богу. Вельможи поднесли Иоанну дары, послали чиновников во все пределы Государства известить граждан о кончине Василия и клятвенным обетом утвердить их в верности к Иоанну».

Елена в государственных делах понимала немного, так что полагалась во всем на сильных родственников. Но правила она недолго: через три года ее то ли отравили, то ли она умерла своей смертью, этого никто не знает. Травить Елену охотников, наверно, было немало: «в четыре года Еленина правления именем юного Великого Князя умертвили двух единоутробных братьев его отца и дядю матери, брата внучатного ввергнули в темницу, обесчестили множество знатных родов торговою казнию Андреевых Бояр, между коими находились Князья Оболенские, Пронский, Хованский, Палецкий. Опасаясь гибельных действий слабости в малолетство Государя самодержавного, Елена считала жестокость твердостью, но сколь последняя, основанная на чистом усердии к добру, необходима для государственного блага, столь первая вредна оному, возбуждая ненависть; а нет Правительства, которое для своих успехов не имело бы нужды в любви народной. Елена предавалась в одно время и нежностям беззаконной любви и свирепству кровожадной злобы!»

В правление Елены юного царя носили на все государственные мероприятия. Этого бесконечного пресмыкания перед ним Иван не запомнил. Но перемену в

своим положением после смерти матери почувствовал очень хорошо, и по-детски, но осознал. Иван горько плакал, обняв любовника матери князя Телепнева, тот тоже рыдал. На других лицах не было и тени печали. Бояре отчаянно дрались за власть. Символ этой власти их не интересовал.

Бедняга князь Телепнев пострадал первым: «Не суд и не праведная, но беззаконная, лютая казнь была жребием несчастного Вельможи, коему за неделю пред тем раболепствовали все Князья и Бояре. Телепнева уморили голодом...»

Склока между боярами завершилась победой князя Василия Васильевича Шуйского: тот бросил в тюрьму своего соперника князя Бельского и взялся за бразды правления. Но только он утвердился, как вдруг заболел и умер. В этом тоже видели не естественную смерть, а заговор.

На место князя Василия пришел его брат Иван, а союзника прежде выступавших против Василия бояр митрополита Даниила отрекли от сана и сослали в Иосифов монастырь. Как правитель Иван оказался не лучшим выбором для страны: он больше заботился о личном благополучии, нежели о своей земле. При нем и так уж было нехорошо с внешними врагами, и крымцы что ни год тревожили русскую землю, и казанский царь, да еще назначенные князем чиновники довели народ до обнищания. В Псков, например, где сидели назначенные им Андрей Шуйский и Репнин-Оболенский, жители окрестностей боялись ездить, как в вертеп разбойников: наместники «свирепствовали аки львы».

Но князь Иван напрасно делал ставку на нового митрополита, считая того своим человеком. Митрополит оказался с характером и именем царя заставил выпустить из тюрьмы как проигравшего битву за власть боя-

рина Бельского, так и двоюродного брата Ивана Владимира Андреевича, молодого совсем князя, брошенного в тюрьму еще при Елене. Однако другого претендента на престол, внука Василия Темного Дмитрия, даже митрополит побоялся освободить (хотя внук этот почти всю свою жизнь сидел и уже состарился), ему только сняли цепи и дали тюрьму посветлее и попросторнее.

Шуйского от дел отстранили, а во главе Боярской Думы встал освобожденный Иван Бельский. Он тут же возвратил из тюрьмы своего брата Семена. Но стоило тому оказаться на свободе, как он тут же отправился к более приятному для него властителю — крымскому хану. И теперь получилась странная картина: войско под началом Ивана Бельского ходило бить хана, советником у которого был Семен Бельский.

В 1541 году хан повел крымцев на Москву. Ивану Васильевичу было тогда 10 лет. «Он повел Митрополита в Думу, — рассказывает Карамзин, — где сидели Бояре, и сказал им: „Враг идет: решите, здесь ли мне быть, или удалиться?“ Бояре рассуждали тихо и спокойно. Одни говорили, что Великие Князья в случае неприятельских нашествий никогда не заключались в Москве.

Другие так ответствовали: „Когда Едигей шел к столице, Василий Димитриевич удалился, чтобы собрать войско в областях Российских, но в Москве оставил Князя Владимира Андреевича и своих братьев. Ныне Государь у нас отрок, а брат его еще малолетнее: детям ли скакать из места в место и составлять полки? Не скорее ли впадут они в руки неверных, которые, без сомнения, рассеются и по иным областям, ежели достигнут Москвы?“

Митрополит соглашался с последними и говорил: „Где искать безопасности Великому Князю? Новгород

и Псков смежны с Литвою и с Немцами; Кострома, Ярославль, Галич подвержены набегам Казанцев; и на кого оставить Москву, где лежат Святые Угодники? Дмитрий Иоаннович оставил ее без Воеводы сильного: что же случилось? Господь да сохранил нас от такого бедствия! Нет нужды собирать войско: одно стоит на берегах Оки, другое в Владимире с Царем Шиг-Алеем, и защитят Москву. Имеем силу, имеем Бога и Святых, коим отец Иоаннов поручил возлюбленного сына: не унывайте!“ Все Бояре единодушно сказали: „Государь! останься в Москве!“ — и Великий Князь изустно дал повеление градским прикащикам готовиться к осаде.

Ревность, усердие оживляли воинов и народ. Все клялись умереть за Иоанна, стоять твердо за святыя церкви и дома свои. Людей расписали на дружины для защиты стен, ворот и башен; везде расставили пушки; укрепили посады надолбами».

Хана остановили на Оке, а его союзник, Казанский хан, потерпел поражение у Пронска. Казалось бы, Бельскому ничего не угрожало: его славили за победу над внешним врагом. Но спустя год заговорщики свергли Бельского и снова отправили в тюрьму вместе со сторонниками, а его место занял все тот же Шуйский. Гонениям подвергся и сам митрополит: его взяли прямо во дворце, в комнатах самого Ивана, который трепетал от страха. Митрополита, как и прежнего, лишили сана и отправили в Кириллов монастырь.

Опасаясь, что Бельского могут снова освободить, князь Шуйский приказал его тайно удавить. Что же касается назначения нового митрополита, то Шуйский теперь очень боялся ошибиться: после долгих раздумий на это место поставили Макария. Митрополит был для руководителя боярской думы важной фигурой: он

имел беспрепятственный доступ к Ивану и должен был влиять на ход его мыслей. Любимцев Ивана старались тут же удалить, боясь их возвышения. Когда Иван стал близок с думцем Федором Воронцовым, того обвинили в измене прямо на заседании Думы и хотели убить на глазах у царя. Только слезы Ивана и заступничество митрополита спасли несчастному жизнь. Воронцова не казнили, но со всеми родичами сослали в Кострому. Так вот текла эта дворцовая интрига в отрочестве царя.

Но Иван вырослел. «Иоанну исполнилось тринадцать лет, — пишет историк. — Рожденный с пылкою душою, редким умом, особенною силою воли, он имел бы все главные качества великого Монарха, если бы воспитание образовало или усовершенствовало в нем дары природы; но рано лишенный отца, матери и преданный в волю буйных Вельмож, ослепленных безрассудным, личным властолюбием, был на престоле несчастнейшим сиротою Державы Российской: ибо не только для себя, но и для миллионов готовил несчастье своими пороками, легко возникающими при самых лучших естественных свойствах, когда еще ум, исправитель страстей, нем в юной душе и если, вместо его, мудрый пестун не изъясняет ей законов нравственности.

Один Князь Иван Бельский мог быть наставником и примером добродетели для отрока державного; но Шуйские, отняв достойного Вельможу у Государя и Государства, старались привязать к себе Иоанна исполнением всех его детских желаний: непрестанно забавляли, тешили во дворце шумными играми, в поле звериною ловлею; питали в нем склонность к сладостлюбию и даже к жестокости, не предвидя следствий. Например, любя охоту, он любил не только убивать диких животных, но и мучить домашних, бросая их с вы-

сокого крыльца на землю; а Бояре говорили: „Пусть Державный веселится!“

Окружив Иоанна толпою молодых людей, смеялись, когда он бесчинно резвился с ними или скакал по улицам, давил жен и старцев, веселился их криком. Тогда Бояре хвалили в нем смелость, мужество, проворство! Они не думали толковать ему святых обязанностей Венценосца, ибо не исполняли своих; не пеклись о просвещении юного ума, ибо считали его невежество благоприятным для их властолюбия; ожесточали сердце, презирали слезы Иоанна о Князе Телепневе, Бельском, Воронцове в надежде загладить свою дерзость угождением его вредным прихотям, в надежде на ветреность отрока, развлекаемого ежеминутными утехами.

Сия безумная система обрушилась над главою ее виновников». Учитывая особенности характера юного царя, обрушение было кровавым.

«Шуйские хотели, чтобы Великий Князь помнил их угождения и забывал досады, — продолжает Карамзин, — он помнил только досады и забывал угождения, ибо уже знал, что власть принадлежит ему, а не им. Каждый день, приближая его к совершенному возрасту, умножал козни в Кремлевском дворце, затруднения господствующих Бояр и число их врагов, между коими сильнейшие были Глинские, Государевы дядья, Князья Юрий и Михайло Васильевичи, мстительные, честолюбивые: первый заседал в Думе; второй имел знатный сан Конюшего. Они, несмотря на бдительность Шуйских, внушали тринадцатилетнему племяннику, оскорбленному ссылкой Воронцова, что ему время объявить себя действительным Самодержцем и свергнуть хищников власти, которые, угнетая народ, тиранят Бояр и ругаются над самим Государем, угрожая смертью всяко-

му, кого он любит; что ему надобно только вооружиться мужеством и повелеть; что Россия ожидает его слова. Вероятно, что и благоразумный Митрополит, недвольный дерзким насилием Шуйских, оставил их сторону и то же советовал Иоанну. Умели скрыть важный замысел: двор казался совершенно спокойным.

Государь, следуя обыкновению, ездил осенью молиться в Лавру Сергиеву и на охоту в Волок Ламский с знатнейшими сановниками, весело праздновал Рождество в Москве и вдруг, созвав Бояр, в первый раз явился повелительным, грозным; объявил с твердостью, что они, употребляя во зло юность его, беззаконствуют, самовольно убивают людей, грабят землю; что многие из них виновны, но что он казнит только виновнейшего: Князя Андрея Шуйского, главного советника тиранства. Его взяли и предали в жертву Псарям, которые на улице истерзали, умертвили сего знатнейшего Вельможу. Шуйские и друзья их безмолвствовали: народ изъявил удовольствие».

Иван этого народного удовольствия не забыл никогда. В будущем он ссылался именно на этот довольный глас народа. Гласом народа можно было оправдать любые зверства.

С боярами, которых царь винил в своих несчастьях, он разобрался просто и быстро: сослали Федора Шуйского-Скопина, Князя Юрия Темкина, Фому Головина и многих иных чиновников в отдаленные места, знатного Боярина Ивана Кубенского, сына двоюродной тетки Государевой, Княжны Углицкой, посадили в темницу, Афанасию Бутурлину отрезали язык, попали в опалу и освобожденный из ссылки самим Иваном прежний любимец Воронцов, и князя Петр Шуйский, Горбатый и Дмитрий Палецкий.

А потом случился новгородский мятеж. Мятеж был еще тот: новгородские пищальники, встретив Ивана на охоте, хотели ему подать жалобы на своих начальников, Иван перепугался, ожидал смерти и потом стал выяснять, кто этих пищальников подослал. Дьяк Захаров, которому было дело поручено, доложил, что это Кубенский и Воронцовы, Федор и Василий. Иван доискиваться правды не стал: всем отрубили головы.

Государственными делами Иван занимался мало: ему больше нравились охота и поездки по монастырям. Из детства он вынес любовь к чтению церковных книг. Посещение храмов и монастырей дарило ему минуты тихой радости.

На 17-м году жизни царь объявил о своем желании жениться. Этот вопрос он продумал так досконально, что бояре остались в недоумении: юноша просил митрополита найти ему невесту из русских, объясняя это тем, что с иноземкою не будет у него настоящего счастья. Бояре дивились зрелости мысли, однако Иван тут же добавил, что желает не только жениться, он желал и торжественного венчания на царство.

В боярах еще тлела память, что случилось с несчастным Дмитрием, венчанным на царство таким образом. И чтобы эта мысль не воскресила ненужных ассоциаций, заговорили о Владимире Мономахе, константинопольских дарах и митрополите Эфесском.

«Генваря 16 [1547 г.], утром,— пишет Карамзин,— Иоанн вышел в столовую комнату, где находились все Бояре; а Воеводы, Князья и чиновники, богато одетые, стояли в сенях. Духовник Государев, Благовещенский Протоиерей, взяв из рук Иоанновых, на золотом блюде, Животворящий Крест, венец и бармы, отнес их (провожаемый Коношим, Князем Михайлом Глинским, Казначеями и

Дьяками) в храм Успения. Скоро пошел туда и Великий Князь: перед ним Духовник с крестом и святою водою, кропя людей на обеих сторонах; за ним Князь Юрий Василиевич, Бояре, Князья и весь Двор. Вступив в церковь, Государь приложился к иконам: священные лики возгласили ему многолетие; Митрополит благословил его. Служили молебен.

Посреди храма, на амвоне с двенадцатью ступенями, были изготовлены два места, одетые золотыми паволоками; в ногах лежали бархаты и камки: там сели Государь и Митрополит. Пред амвоном стоял богато украшенный налой с Царскою утварию: Архимандриты взяли и подали ее Макарию: он встал вместе с Иоанном и, возлагая на него крест, бармы, венец, громогласно молился, чтобы Всевышний оградил сего Христианского Давида силою Св. Духа, посадил на престол добродетели, даровал ему ужас для строптивых и *милостивое око* для послушных.

Обряд заключился возгласением нового многолетия Государю. Приняв поздравление от Духовенства, Вельмож, граждан, Иоанн слушал Литургию, возвратился во дворец, ступая с бархата на камку, с камки на бархат. Князь Юрий Василиевич осыпал его в церковных дверях и на лестнице золотыми деньгами из мисы, которую нес за ним Михайло Глинский. Как скоро Государь вышел из церкви, народ, дотоле неподвижный, безмолвный, с шумом кинулся обдирать *Царское место*, всякий хотел иметь лоскут паволоки на память великого дня для России».

Венчание — пусть и со ссылкой на Мономаха — в точности повторило обряд, проведенный над несчастным Дмитрием. Однако с этого момента в употреблении было введено именование «царь», хотя за царем остался и титул Великого князя. И с этого же момента

Московское княжество, пусть и великое, стало называться московским царством.

По этому поводу тогдашний константинопольский патриарх издал особую грамоту. В ней говорилось: «Не только предание людей достоверных, но и самые летописи свидетельствуют, что нынешний Властитель Московский происходит от незабвенной Царицы Анны, сестры Императора Багрянородного, и что Митрополит Ефесский, уполномоченный для того Собором Духовенства Византийского, венчал Российского Великого Князя Владимира на Царство». Легенда о венчании на царство Владимира вошла в московский обиход.

Одновременно с этим венчанием шел и другой процесс: срочно искали подходящую невесту. Дьякам пришлось исколесить всю страну, осматривая всех девиц благородного происхождения. Отобранные девицы дальше направлялись к Ивану. Из всех предложенных он выбрал незнатную Анастасию Захарьину. Девица была хороша собой, но гораздо больше Ивану понравились ее набожность и особенности детства: девушка воспитывалась без отца, то есть, как и Иван, она была сиротой, только Иван в детстве потерял еще и мать. Свадьба была пышной. Иван был счастлив. Однако для страны счастье Ивана означало новые бедствия: он был занят молодой женой и развлечениями.

«Никогда Россия не управлялась хуже, — пишет Карамзин. — Глинские, подобно Шуйским, делали что хотели именем юноши-Государя; наслаждались почестями, богатством и равнодушно видели неверность частных Властителей; требовали от них раболепства, а не справедливости. Кто уклонялся пред Глинскими, тот мог смело давить пятою народ, и быть их слугою значило быть господином в России. Наместники не

знали страха — и горе угнетенным, которые мимо Вельмож шли ко трону с жалобами!»

Царь с челобитчиками поступал еще безжалостнее, чем с теми, на кого они шли жаловаться. Неожиданные перемены в Иване произошли как-то вдруг: он стал свидетелем московского пожара и народного мятежа. Москва и прежде горела, но этот пожар 1547 года был настоящим бедствием, город был похож на один громадный костер. Его пламя раздувала неслыханная для Москвы буря. Сгорело все, что могло гореть. Даже истлели царские палаты, казна, сокровища, оружие, иконы, древние хартии, книги, Мощи Святых. Около 1700 человек сгорело заживо.

Этот кошмар тут же использовали противники Глинских: в народе пошел слух, что старая «Княгиня Анна вынимала сердца из мертвых, клала в воду и кропила ею все улицы, езда по Москве», то есть старуха наколдовала пожар. Обвинение в те времена более чем серьезное. Погорельцы отправились расправляться со всем колдовским родом Глинских. Дядю царя Юрия, который пытался Москву тушить, убили прямо в церкви, имение Глинских разграбили, а царь дрожал в загородном дворце и ожидал, когда его придут убивать.

Но прежде вдруг пришел некий человек по имени Сильвестр, он объявил царю, что огонь сожрал Москву за его прегрешения и легкомыслие. Открыв священное писание, этот странный инок стал зачитывать ему целые страницы, требуя раскаяния. И Иван раскаялся. Он обливался слезами и молил бога о прощении. С этой минуты он захотел полностью измениться и изменить свою страну.

Сильвестр вместе с молодым Алексеем Адашевым образовали тот центр, вокруг которого стали соби-

раться люди, желающие сделать Московское царство сильным и счастливым государством. Но тогда, в час бунта, Иван перешел от слез к делу. Он вышел к разъяренной толпе и приказал стрелять в бунтовщиков. Этого оказалось вполне достаточно: толпа разбежалась.

После пожара Иван объехал город и оценил ущерб. Он велел позаботиться о погоревших: из казны им выдавали хлеб и обеспечивали кровом. Для бояр было большей неожиданностью обнаружить, что прежде равнодушный к управлению государством царь стал вникать во все дела этого государства. Больше власти из своих рук он не выпускал.

Приблизив Сильвестра и Адашева, царь начал отодвигать от государственных дел неугодных бояр и приближать угодных: «В Думу поступили новые Бояре: дядя Царицы, Захарьин, Хабаров (верный друг несчастного Ивана Бельского), Князя Куракин-Булгаков, Данило Пронский и Дмитрий Палецкий, коего дочь, Княжна Иулиания, удостоилась тогда чести быть супругою шестнадцатилетнего брата Государева, Князя Юрия Васильевича. Отняв у ненавистного Михайла Глинского знатный сан конюшего, оставили ему Боярство, поместья и свободу жить, где хочет; но сей Вельможа, уstraшенный судьбою брата, вместе с другом своим, Князем Турунтаем-Пронским, бежал в Литву».

Перемен царь ожидал видеть во всем, но начал, как и Иван, с законов. В 1550 году был составлен из древних и новых законов Судебник, который заменил Уложение Ивана Третьего, к тому времени устаревшее. На 1551 год он назначил Священный собор, на котором обсуждались вопросы церковного и государственного управления. По количеству принятых Собором статей (сто) он был поименован Стоглавом.

«Одним из полезнейших действий оного,— обобщает нововведения Карамзин,— было заведение училищ в Москве и в других городах, чтобы Иереи и Диаконы, известные умом и добрыми свойствами, наставляли там детей в грамоте и страхе Божиим: учреждение тем нужнейшее, что многие Священники в России едва умели тогда разбирать буквы, вытверживая наизусть службу церковную.

Желая укоренить в сердцах истинную Веру, отцы Собора взяли меры для обуздания суеверия и пусто-святства: запретили тщеславным строить без всякой нужды новые церкви, а бродягам-тунеядцам келии в лесах и в пустынях; запретили также, исполняя волю Государя, Епископам и монастырям покупать отчины без ведома и согласия Царского: ибо государь благоразумно предвидел, что они могли бы сею куплею присвоить себе наконец большую часть недвижимых имений в России, ко вреду общества и собственной их нравственности. Одним словом, сей достопамятный Собор, по важности его предмета, знаменитее всех иных, бывших в Киеве, Владимире и Москве».

Реформы не кончились Судебником и Стоглавом. Иван желал взять у западных стран все, что там имелось хорошего,— усовершенствованное оружие, ремесленников, художников, лекарей, аптекарей, типографщиков, знатоков языков древних и новых. А для упрочения своего государства он начал с «зачистки» всех ее возможных врагов. Пока — внешних.

Первым военным опытом стала для него Казань. Опыт был неудачным. Казань он не завоевал, а войско едва не погубил. В марте 1548 года неожиданно умер казанский хан Сафа-Гирей. На время в Казани образовалось безначалие, и Иван попробовал этим воспользо-

ваться. Но второй казанский поход был столь же неудачен. Из осады ничего не вышло. Во время первого еще похода Иван присмотрел хорошее место для нового русского города, который стал бы подступом к Казани.

В 1552 году таковой был заложен и получил название Свияжска. Город был не просто заложен, а практически полностью и сразу поставлен: стены и церкви для него в разобранном виде привезли на судах по Волге. Чуваши, мордва и черемисы были тут же приписаны к новому городу и принесли присягу новому царю. Так что не удивительно, что, когда Казань в очередной раз взяли в осаду, вблизи находился хороший опорный пункт.

В Свияжске сидел наш претендент на казанский престол Шиг-Алей, и к нему из Казани десятками переходили татарские мурзы и князья. В самом городе разногласие привело к бунту крымцев, те бежали и погибли, сражаясь с русскими. А казанцы вынуждены были заключить перемирие и принять к себе Шиг-Алея, узаконив также передачу половины города под русское управление.

Жители этой русской части автоматически приписывались к Свияжску. Этот раздел не понравился даже Шиг-Алею, но его не спрашивали. Казанскую царицу с младенцем перевезли в Москву. «Весь город шел за нею до реки Казанки, — пишет историк, — где стояла богато украшенная ладия. Сююнбека тихо ехала в колеснице; пестуны несли ее сына. Бледная, слабая, она едва могла сойти на пристань и, входя в ладью, с умилением поклонилась народу, который пал ниц, горько плакал, желал счастья бывшей своей Царице. Князь Оболенский встретил ее на берегу Волги, приветствовал именем Государя и повез на судах в Москву с Утемиш-Гиреем и с семействами знатных Крымцев».

Назначенный царем Шиг-Алей оказался царем непредсказуемым: когда он понял, что часть его подданных держит сношения с ногайцами, то устроил во дворце резню. В ней участвовали как князья самого Алея, так и московские стрельцы. Когда Ивану об этом донесли, он решил полностью покончить с послаблениями Казани. Алея свели с царства и на его место поставили князя Микулинского.

Казань затихла, но ненадолго. Вдруг прошел слух, что русские полки идут резать татар. Горожане тут же заперли ворота и стали ждать осады. Русские же стали собирать войска и ставить их по всем городкам по Волге и Каме. В то же время ждали угрозы со стороны Крыма, так что на юге тоже готовили войско.

Но главную опасность просмотрели: ногайскому хану Едигеру-Махмеду удалось проскользнуть в Казань с 500 воинами. Его тут же нарекли казанским царем. В стане русских это вызвало переполох, теперь Казань можно было только взять не хитростью, а силой. Шиг-Алей советовал подождать до зимы, когда замерзнут болота и реки, но Иван ждать не желал. 16 июня он простился с беременной женой и отправился к войску.

Но в Коломне стало ясно, что с юга идет крымский хан, он вдруг появился под Тулой. Защитники Тулы боялись, что их сил не хватит. Первый приступ они отбили, хотя с ужасом думали о втором: воинов Тула отдала для похода на Казань, на стенах стояли жители. Второго приступа не было: появились полки царя. На этот раз хана удалось отогнать: он рассчитывал, что все силы русских брошены на Казань, и хотел пограбить Москву.

13 июля Иван вошел в Свияжск. Отсюда он велел писать грамотку к казанскому царю, чтобы тот не безумствовал и сдал город. Следом за грамотой на Казань

пошли русские войска. Город обложили полностью со всех сторон 23 августа. Взять приступом Казань они не могли, стенобитные орудия давали не много толка, а вылазки татар были постоянными.

Неделю так промучившись, употребили и устрашающее средство: «привязать всех пленников к кольям перед нашими укреплениями, чтобы они умолили Казанцев сдаться. В то же время сановники Государевы подъехали к стенам и говорили Татарам: „Иоанн обещает им жизнь и свободу, а вам прощение и милость, если покоритесь ему“. Казанцы, тихо выслушав их слова, пустили множество стрел в своих несчастных пленных сограждан и кричали: „Лучше вам умереть от нашей чистой, нежели от злой Христианской руки!“ Сие остервенение удивило Россиян и Государя».

Испробовав устрашение и не получив результата, царь велел делать подкоп и закладывать порох. 5 сентября стены попробовали взорвать, русским даже удалось ворваться в город... но они тут же были отбиты. И хотя во время взрыва погиб и единственный для города источник чистой воды, казанцы не сдались. Они нашли другой источник, с плохой водой, но это для них было лучше, чем русский плен.

Тогда замыслили возвести временную башню выше городских стен, чтобы с нее обстреливать город. Построили. Казанцы не могли теперь применять тяжелых орудий, но непрерывно продолжали обстреливать стрелков на этой башне. И сколько Иван ни слал грамоток с требованием сдачи, Казань не сдавалась.

«Уже около пяти недель,— описывает взятие города Карамзин,— Россияне стояли под Казанью, убив в вылазках и в городе не менее десяти тысяч неприятелей, кроме жен и детей. Наступающая осень ужасала их более, не-

жели труды и битвы осады; все хотели скорого конца. Чтобы облегчить приступ и нанести осажденным чувствительнейший вред, Иоанн велел близ Арских ворот подкопать тарасы и землянки, где укрывались жители от нашей стрельбы: 30 сентября они взлетели на воздух.

Сие страшное действие пороха, хотя уже и не новое для Казанцев, произвело оцепенение и тишину в городе на несколько минут; а Россияне, не теряя времени, подкатили туры к воротам Арским, Аталыковым, Тюменским. Думая, что настал час решительный, Казанцы высыпали из города и схватились с теми полками, коим велено было прикрывать туры.

Битва закипела. Иоанн спешил ободрить своих — и как скоро они увидели его, то, единогласно воскликнув: „Царь с нами!“ — бросились к стенам; гнали, теснили неприятеля на мостах, в воротах. Сеча была ужасна».

Русские ворвались в город, но закрепить не смогли. 1 октября царь еще раз потребовал сдачи и получил тот же гордый ответ. Русские готовились к решительному штурму. Для верности они заложили по немецкой технологии 48 бочек пороха в подкопе. Приступ начался на заре. Иван тогда стоял в церкви и слушал литургию. Вдруг церковь затрясло — это взорвали порох. Вся Казань скрылась в дыму. Разрушения были ужасными. Русские ворвались в город.

Но татары даже тогда не сдались: они бились, пока русские полки почти полностью не извели все взрослое население. Только поняв, что сдерживать врага не смогут, казанцы выдали своего царя, но сами снова вступили в бой. Им удалось прорвать русские ряды и уйти через болота. Тут же было послано конное войско взять их в обход топей. Весь пятитысячный отряд татар погиб, в живых никого старались не оставлять.

Только теперь Казань была покорена. Жителей, из тех, кто остался в живых, пленили, а в городе тут же стали тушить пожары, чтобы не сгорели вместе с Казанью и ее сокровища.

Из Казани Иван вернулся героем и победителем, а за время похода у него родился сын Дмитрий. Так что, получив славу и наследника, он «заложил великолепный храм Покрова Богоматери у ворот Флоровских, или Спасских, о девяти куполах: он есть донныне лучшее произведение так называемой Готической Архитектуры в нашей древней столице. Сей Монарх, озаренный славою, до восторга любимый отечеством, завоеватель враждебного Царства, умиритель своего, великодушный во всех чувствах, во всех намерениях, мудрый правитель, законодатель, имел только 22 года от рождения: явление редкое в Истории Государств! Казалось, что Бог хотел в Иоанне удивить Россию и человечество примером какого-то совершенства, великости и счастья на троне... Но здесь восходит первое облако над лучезарною главою юного Венценосца».

Первое облако, упомянутое Карамзиным, было связано с внезапной болезнью царя. Тот ожидал смерти и велел писать духовную, назначив наследником новорожденного сына. После составления завещания следовало его утвердить присягой бояр. Их собрали в царской столовой комнате.

Но не все бояре желали присягать Дмитрию. Владимир Андреевич, которого прежде Иван любил, отказался напрочь. Любимчик царя Адашев и вовсе сказал крамолу: «Тебе, Государю, и сыну твоему мы усердствуем повиноваться, но не Захарьиным-Юрьевым, которые без сомнения будут властвовать в России именем младенца бессловесного. Вот что страшит нас! А мы,

до твоего возраста, уже испили всю чашу бедствий от Боярского правления».

В том же духе высказался и Сильвестр, который защищал Владимира: «Кто дерзает удалять брата от брата и злословить невинного, желающего лить слезы над болящим?»

Часть бояр тоже желала видеть на престоле умного и взрослого Владимира Андреевича. Захарьины потребовали от бояр клятвы. Если бы мог, Иван впал бы в гнев, но он был слаб, и над его телом делили будущую власть.

На другой день, все еще больной, Иван потребовал к себе Владимира и велел тому дать целовальную запись, то есть клятву верности. Владимир отказался. Иван пообещал, что никогда этого ему не забудет. Он действительно никому и ничего не забывал. И хотя через два дня Владимир все же дал требуемую присягу, Иван ему этого колебания не простил.

Он не умер. И он, кажется, понял наилучший метод распознавания врагов. Для этого нужна видимость умирания. Для того, чтобы чего-то достичь, требуется ставить людей перед невыполнимым выбором. Те, кто пойдет, не колеблясь, достоин доверия, кто будет сомневаться — достоин смерти. Но было еще и испытание милостью.

Иван встал с постели и словно бы запомнил события недалекого прошлого. Он воздал почести старшему Адашеву, был очень ласков с Владимиром Андреевичем, не поминая ему отказа от присяги. Он еще участвовал в государственных рассуждениях Алексея Адашева и Сильвестра, но теперь ему казалось приятным не соглашаться с их мнением. Очарование и тем, и другим развеялось.

Тут случилось и еще одно несчастье. Иван обещал в случае выздоровления ехать в Кириллов монастырь в

благодарность бога за спасение. Ехать он решил вместе с женой и младенцем. Его предупреждали, что сын слабенький и такая дорога будет для него тяжела. Иван не слушал. Максим Грек, рассказывают, даже передал Ивану через Курбского, что бог не требует от него такой жертвы и даже покарает, умертвив ребенка. Иван не слушал. Он все равно отправился всей семьей на богомолье. В дороге Дмитрий занемог и умер.

Иван не признался даже себе, что виновен в смерти наследника. Напротив. В Песношском монастыре он повидался с Вассианом и получил от него такой наказ: «Если хочешь быть истинным Самодержцем, то не имей советников мудрее себя; держись правила, что ты должен учить, а не учиться повелевать, а не слушаться. Тогда будешь тверд на Царстве и грозою Вельмож. Советник мудрейший Государя неминуемо овладеет им».

Вернулся он словно другим человеком. Заметно это стало не сразу. Еще у Ивана родился второй сын, нареченный Иваном, еще он был нежен со своим Владимиром, еще он вроде бы слушал советы Адашева и Сильвестра, еще он боролся с ересью и посылал войска резать несогласных в казанской и вотяцкой земле, еще полностью взял астраханские земли, провел короткую и счастливую для русских шведскую войну, но тут возникла перспектива ливонской беды.

Началась эта война с великой глупости: Иван потребовал дани с прежде разграбленных русскими подчистую городов. Никакой дани эти города дать не могли, обещая выплатить требуемую контрибуцию в течение ряда лет. Ивану это не понравилось. Он потребовал дани со всей Ливонии, о чем и речи идти не могло. И не просто дани, а полного перехода в русское подданство! В ответ на такие требования можно было только разорвать переговоры.

Началась война. Орденовские немцы отбивались изо всех сил, но сил у них было уже мало. Только что назначенный магистром совсем молодой Кетлер искал помощи у соседей — и не находил. Иван же соглашался на мир только в одном случае: «Жду тебя в Москве и, смотря по твоему челобитью, изъявлю милость». «Сия милость», — комментировал это Карамзин, — казалась Магистру последним из возможных бедствий для державного Ливонского Рыцарства: он лучше хотел погибнуть с честью, нежели с унижением бесполезным».

По Ливонии войска Ивана прошли словно смерч. Немцы сдавали крепость за крепостью, и хотя сам магистр не сдавался, казалось, что Москва обречена на успех. Но все переменялось в 1559 году, когда в Москву приехали литовские послы. Король польский Август еще прежде вел переговоры о совместных действиях против крымского хана, но теперь послы заговорили о Ливонии. Король требовал вывода оттуда русских войск, поскольку между ним и немцами определился договор о передаче этой земли Литве. В защиту Ордена просил и датский король: земля эстов в принципе считалась его территорией. Но самым весомым аргументом против продолжения войны был крымский хан. Пока он злодействовал на южных границах, ни о какой длительной и тяжелой войне не могло быть и речи.

Так что на время Иван прекратил жечь Ливонию и обратился глазами к хану. И пока на юге велись стычки, магистр Кетлер вручил свою судьбу и судьбу Ливонии польскому королю Августу. За обещание немцев хорошо расплатиться после войны Август брал на себя защиту Ливонии. Немцы сразу воспользовались этим соглашением, но не так удачно, как им представлялось. В части городов уже стояли русские гарнизоны. По-

пробовав взять свой Дерпт, рыцари вынуждены были отступить.

В 1560 году Август прислал в Москву грамоту с требованием вывода русских войск с его территории, так теперь именовалась Ливония. Иван отвечал: «Не только Богу и всем Государям, но и *самому народу* известно, кому принадлежит Ливония. Она, с ведома и согласия нашего, избирая себе Немецких Магистров и *мужей духовных*, всегда платила дань России. Твои требования смешны и непристойны. Знаю, что Магистр ездил в Литву и незаконно отдал тебе некоторые крепости: если хочешь мира, то выведи оттуда всех своих начальников и не вступайся за изменников, коих судьба должна зависеть от нашего милосердия. Вспомни, что честь обязывает Государей и делать, и говорить правду. Искренно хотел быть в союзе с тобою против неверных, не отказываюсь и теперь заключить его. *Жду* от тебя Послов и благоразумнейших предложений».

Иван не собирался уступать, он хотел завоевать Ливонию в кратчайшие сроки и всю ее привести под присягу Москве, а Кетлера поймать и убить. К Дерпту, который пытались отбить немцы, он отправил своего любимого полководца князя Курбского и брата Алексея Адашева Данилу. За два месяца Андрей одержал с десяток побед. Однако плодами побед ему было не суждено воспользоваться.

В июле того же 1560 года вдруг тяжело занемогла Анастасия. Медики не понимали причины ее болезни, а состояние становилось все хуже. В Москве стояла жара, и в эту сухую и опасную погоду начался еще один большой московский пожар. Загорелся Арбат. Анастасия страшно перепугалась. Иван сам тушил огонь и заставил это делать других, только бы уберечь царицу.

Пожар был потушен, но от греха подальше Иван вывез жену в Коломенское. Там она только больше слабела и в начале августа умерла. Иван был безутешен, он осунулся и почернел лицом. Когда Анастасию несли в гробу в Вознесенский Девичий монастырь, он рыдал и вырывался, пытаясь упасть на этот гроб, и Владимиру Андреевичу едва удавалось держать его, чтобы не упал. Для Ивана это была катастрофа. Но никто пока не предполагал, каким словом это можно будет назвать для страны.

Девятый том Карамзин начал с таких слов: «Приступаем к описанию ужасной перемены в душе Царя и в судьбе Царства... Вероятно ли, чтобы Государь любимый, обожаемый, мог с такой высоты блага, счастья, славы, низвергнуться в бездну ужасов тиранства? Но свидетельства добра и зла равно убедительны, неопровержимы; остается только представить сей удивительный феномен в его постепенных изменениях».

Смерть царицы стала скорее всего тем спусковым механизмом, который выплеснул все, что таилось в Иване под маской доброго и приветливого человека. Еще весной он стал очень холоден с Адашевым и Сильвестром, и это был знак, хорошо им понятный: оба вдруг и сами попросились подальше от Москвы: Адашев — на Ливонскую войну, хотя прежде убеждал Ивана, что убивать христиан в Ливонии — грех, а Сильвестр — в монастырь.

Иван таким образом оказался предоставленным самому себе, истинному самодержцу. После смерти единственного человека, который был ему дорог, он, наверно, задал себе вопрос: а почему Адашев с Сильвестром сами попросились из Москвы? Знали, что Анастасия должна умереть? Он, без сомнения, подозревал своих прежних товарищей: перешептывались, что ца-

рицу отравили. Иван знал, что существуют такие медленные яды, которые убивают не сразу. Вот они отравили и уехали, и указать на них нельзя, потому что не было рядом. Значит — они.

Каким-то образом оба изгнанника узнали, в чем их обвиняют, и оба вызвались приехать и в глаза своим обвинителям сказать, что их совесть чиста. Тут уж другие бояре, которые ненавидели этих «высочек», стали царя отговаривать: де, у отравителей-то глаз хуже, чем у василиска, одним взглядом могут и царя отравить. Судили их заочно. И заочным судом они были признаны виновными, только вот в чем? В честолюбии, упоении самовластием, претензиях на престол, только не в отравлении. Иван этого слова в приговор не вписал.

Боярским приговором Сильвестра сослали еще дальше — на Соловки, а Адашева бросили в дерптскую тюрьму, где через два месяца он и умер.

В то время как вершилось это «правосудие», бояре приносили новую клятву в верности, только бы не попасть в число изменников, как Адашев и Сильвестр. А митрополит советовал царю подумать о новой жене. Уже 18 августа он выразил желание жениться на польской принцессе. И с этого объявления о грядущей невесте изменилась дворцовая жизнь, точно все вернулось к тем дням, когда юный Иван на взмыленном коне с ватагой таких же юнцов наезжал на встречных прохожих и ради смеха их избивал. К тому куражу и пьяному разгулу, когда требовалось выказать удаль и найти развлечение в непристойных шутках.

«Еще многие Бояре, сановники не могли вдруг перемениться в обычаях,— пишет Карамзин,— сидели за светлую трапезою, с лицом туманным, уклонялись от чаши, не пили и вздыхали: их осмеивали, унижали: ли-

ли им вино на голову. Между новыми любимцами Государевыми отличались Боярин Алексей Басманов, сын его, Кравчий Федор, Князь Афанасий Вяземский, Василий Грязной, Малюта Скуратов-Бельский, готовые на все для удовлетворения своему честолюбию.

Прежде они под личиною благонравия терялись в толпе обыкновенных Царедворцев, но тогда выступили вперед и, по симпатии зла, вкрались в душу Иоанна, приятные ему какою-то легкостью ума, искусственную веселостию, хвастливым усердием исполнять, предупредить его волю как Божественную, без всякого соображения с иными правилами, которые обуздывают и благих Царей, и благих слуг Царских, первых в их желаниях, вторых в исполнении оных.

Старые друзья Иоанновы изъявляли любовь к Государю и к добродетели: новые только к Государю, и казались тем любезнее. Они сговорились с двумя или с тремя Монахами, заслужившими доверенность Иоаннову, людьми хитрыми, лукавыми, коим надлежало снисходительным учением ободрять робкую совесть Царя и своим присутствием как бы оправдывать бесчиние шумных пиров его...

Развратники, указывая Царю на печальные лица важных Бояр, шептали: „Вот твои недоброхоты! Вопреки данной ими присяге, они живут Адашевским обычаем, сеют вредные слухи, волнуют умы, хотят прежнего своевольтва“. Такие ядовитые наветы растравляли Иоанново сердце, уже беспокойное в чувстве своих пороков; взор его мутился; из уст вырывались слова грозные. Обвиняя Бояр в злых намерениях, в вероломстве, в упорной привязанности к ненавистной памяти мнимых изменников, он решился быть строгим и сделался мучителем, коему равного едва ли найдем в самых Тацитовых летописях!..

Не вдруг, конечно, расสวิрепела душа, некогда благолюбивая: успехи добра и зла бывают постепенны; но Летописцы не могли проникнуть в ее внутренность; не могли видеть в ней борения совести с мятежными страстями: видели только дела ужасные, и называют тиранство Иоанново *чуждою бурей*, как бы из недр Ада посланною возмутить, истерзать Россию. Оно началось гонением всех ближних Адашева: их лишали собственности, ссылали в места дальние. Народ жалел о невинных, проклиная ласкателей, новых советников Царских; а Царь злобился и хотел мерами жестокими унять дерзость.

Жена знатная, именем Мария, славилась в Москве Христианскими добродетелями и дружбою Адашева: сказали, что она ненавидит и мыслит чародейством извести Царя: ее казнили вместе с пятью сыновьями; а скоро и многих иных, обвиняемых в том же: знаменитого воинскими подвигами Окольничего, Данила Адашева, брата Алексеева, с двенадцатилетним сыном — трех Сатиных, коих сестра была за Алексием, и родственника его, Ивана Шишкина, с женою и детьми. Князь Дмитрий Оболенский-Овчинин, сын Воеводы, умершего пленником в Литве, погиб за нескромное слово. Оскорбленный надменностью юного любимца Государева Федора Басманова, Князь Дмитрий сказал ему: „Мы служим Царю трудами полезными, а ты гнусными делами содомскими!“

Басманов принес жалобу Иоанну, который в исступлении гнева, за обедом, вонзил несчастному Князю нож в сердце; другие пишут, что он велел задушить его. Боярин, Князь Михайло Репнин также был жертвою великодушной смелости. Видя во дворце непристойное игрище, где Царь, упоенный крепким медом, пля-

сал с своими любимцами в масках, сей Вельможа заплакал от горести. Иоанн хотел надеть на него маску: Репнин вырвал ее, растоптал ногами и сказал: „Государю ли быть скоморохом? По крайней мере я, Боярин и Советник Думы, не могу безумствовать“. Царь выгнал его и через несколько дней велел умертвить, стоящего в святом храме, на молитве; кровь сего добродетельного мужа обагрила помост церковный.

Угождая несчастному расположению души Иоанновой, явились толпы доносителей. Подслушивали тихие разговоры в семействах, между друзьями; смотрели на лица, угадывали тайну мыслей, и гнусные клеветники не боялись выдумывать преступлений, ибо доносы нравились Государю и судия не требовал улики верных. Так, без вины, без суда, убили Князя Юрия Кашина, члена Думы, и брата его; Князя Дмитрия Курлятева, друга Адашевых, неволею постригли и скоро умертвили со всем семейством; первостепенного Вельможу, знатного *слугу Государева*, победителя Казанцев, Князя Михайла Воротынского, с женою, с сыном и с дочерью сослали на Белоозеро. Ужас Крымцев, Воёвода, Боярин Иван Шереметев был ввержен в душную темницу, истерзан, окован тяжкими цепями. Царь пришел к нему и хладнокровно спросил: „Где казна твоя? Ты слыл богачом“. Государь! — отвечал полумертвый страдалец. — *Я руками нищих переслал ее к моему Христу Спасителю*. Выпущенный из темницы, он еще несколько лет присутствовал в Думе; наконец укрылся от мира в пустыне Белозерской, но не укрылся от гонения: Иоанн писал к тамошним Монахам, что они излишно честят сего бывшего Вельможу, как бы в досаду Царю. Брат его, Никита Шереметев, также Думный Советник и Воёвода, израненный в битвах за отечество, был удав-

лен. Москва цепенела в страхе. Кровь лилася; в темницах, в монастырях стенали жертвы; но... тиранство еще созревало: настоящее ужасало будущим!»

Это действительно было не самое худшее время правления Ивана. Во всяком случае, не самое кровавое.

Бедняга Курбский, до которого известия о нововведениях дошли, бежал в Литву. Иван был взбешен. Но у него был свой роман с Литвой. Он назывался Ливонской войной — она заняла у него большую часть жизни. Как и предсказывал Адашев, она была проигрышной с самого начала.

Уже упоминалось, что в Ливонию Иван отправил тогда еще друга князя Курбского, летом 1560 года (того самого) царь усилил русское войско 60 000 конницы, многочисленными пушками и надежными воеводами, чтобы взять крепость Феллин. В крепости находился бывший магистр Ордена Фирстенберг. Командовал орденскими отрядами ландмаршал Бель. Немцы не смогли выстоять против русской силы, а ландмаршала привезли в Москву. Если Иван надеялся увидеть сломленного человека, он разочаровался. Рыцарь держался независимо и спокойно и в ответ на обвинения царя сказал просто: вы варвары, вы ведете войну как кровопийцы. Учитывая то, что делали русские войска в Ливонии с ее жителями, это было еще мягкое выражение. Дальше Иван слушать не стал: ландмаршалу отрубили голову.

Феллин вскорости был взят и разграблен. За Феллином пали и многие другие городки и крепостные замки. Ливония уже так ослабла, что Орден понял: ему никогда больше не владеть этой землей. Так что магистр уступил Эзельское герцогство датскому королю для его брата Магнуса. Но в 1560 году (том самом) умер король Густав Ваза и к власти в Швеции пришел Эрик. Этот перегово-

ров никаких вести не стал, а просто ввел войска в Эстляндию и объявил жителей подданными Швеции. Магистр как раз вел переговоры с польским королем о помощи.

Это рушило все планы. Теперь уж терять было нечего, и в 1561 году Кетлер передал все права Ордена на Ливонию Сигизмунду-Августу. Орден с этого дня свое существование прекратил. Сам Кетлер остался в Ливонии, но только на правах герцога Курляндского, вассала польского короля.

«Таким образом,— поясняет Карамзин,— земли Орденские разделились на пять частей: Нарва, Дерпт, Аллентакен, некоторые уезды Ервенские, Вирландские и все места соседственные с Россиею были завоеваны Иоанном; Швеция взяла Гаррию, Ревель и половину Вирландии; Магнус владел Эзелем; Готгард Кетлер Курляндию и Семигалиею; Сигизмунд южною Ливониею. Каждый из сих Владетелей старался приобрести любовь новых подданных: ибо сам Иоанн, ужасный в виде неприятеля, изъявлял милость народу и Дворянству в областях завоеванных.

Но конец Ордена еще не мог быть концом бедствий для стесненной Ливонии, где четыре Северные Державы находились в опасном совместничестве друг с другом и где каждая из них желала распространить свое господство».

Именно эта опасная близость и стала для Москвы настоящим кошмаром. Шведы, которым такая ситуация тоже не нравилась, предупредили Ивана, что польский и датский короли пытаются убедить шведского Эрика вступить с ними в союз, хотя им бы хотелось иметь в союзе Москву, чтобы не дать Польше и Дании распространиться на восток.

Послы Ивана предложение проигнорировали, обидев шведов отзывом об их короле: «Густав славился мудростию, а Эрик еще неизвестен». Но мир заключили, точнее, продлили старый договор. Однако маниакальную идею женитьбы на польской принцессе в условиях войны Ивану пришлось забыть. Вместо этого он взял в жены хорошенькую дочку черкесского князя Темрюка, получившую крестильное имя Мария. Правда, к обидам литовским Иван причислил (о чем не раз поминал) отказ выдать за него Екатерину. И мечтал нанести литовскому войску сокрушительный удар. Литовцам поэтому приходилось держать войска по своей части Ливонии, что ослабляло оборону в самой Литве.

15 февраля 1563 года Иван взял Полоцк. Польский король, которому об этом донесли, сначала не хотел этому даже верить. Спустя месяц разнеслась радостная весть: Мария Темрюковна родила царю сына Василия. Правда, спустя еще месяц ликование сменилось трауром: младенец умер.

А в Ливонии меж тем разыгрывалась интересная партия: Дания и Польша начали войну против Швеции. Швеция пока побеждала. Датский король теперь уже сам стал искать союза с Иваном, но Иван молчал. Зато со шведским Эриком, которого между своими именовал не иначе как хищником, заключил перемирие на семь лет и признал, что захваченные Эриком города принадлежат Швеции.

Впрочем, перемирие Иван дал и Сигизмунду: после взятия Полоцка тот стал более сговорчив. В самой Литве было несладко: князь Вишневецкий со своими казаками и татарами опустошал Чернигов и Стародуб, но был разбит. Именно после этой маленькой, но победы, начались новые переговоры о мире: по привычке Литва требова-

ла Новгорода и Пскова, а Москва — Киева и Волыни, но в конце послы просили хотя вернуть назад Полоцк, на что московские послы только усмехались. Мира не было.

Но положение усугубилось тем, что у Сигизмунда появился очень хороший советник — тот самый талантливый воевода Андрей Курбский. Он объяснил королю особенности войны с русским войском и некоторые недочеты московской внешней политики. В результате крымский хан, которого Иван считал своим другом, потому что платил ему за эту дружбу золотом, вдруг переметнулся на сторону поляков, чья дружба стоила дороже.

Иван как раз ехал на богомолье. И вдруг узнал, что хан уже под Рязанью. Хан не взял Рязани лишь чудом: в городе из воинов были только оба Басманова, отец и сын. Ее защищали жители. Несколько дней оборонялась Рязань, пока хан случаем не узнал, что царь не в Ливонии, а в Москве — тут его только и видели. Хан оставил Рязань и исчез за границей.

Самой же Литве приходилось плохо: около Полоцка ее били москвичи, в Эстонии — шведы, а в море те же шведы били союзника Польши — Данию. Ивану такая картина нравилась. Он ожидал, когда враги друг друга пережрут, и он останется единственным хозяином Ливонии. Так вот и тянулась эта ливонская канитель. И вроде бы ничего не собиралось меняться.

Для современников все изменилось мгновенно: «И вдруг, в начале зимы 1564 года, Москва узнала, что Царь едет неизвестно куда, с своими ближними, Дворянами, людьми Приказными, воинскими, поимянно созванными для того из самых городов отдаленных, с их женами и детьми.

3 Декабря, рано, явилось на Кремлевской площади множество саней: в них сносили из дворца золото и сереб-

ро, святые иконы, кресты, сосуды драгоценные, одежды, деньги. Духовенство, Бояре ждали Государя в церкви Успения: он пришел и велел Митрополиту служить Обедню; молился с усердием; принял благословение от Афанасия, милостиво дал целовать руку свою Боярам, чиновникам, купцам; сел в сани с Царицею, с двумя сыновьями, с Алексеем Басмановым, Михайлом Салтыковым, Князем Афанасием Вяземским, Иваном Чеботовым, с другими любимцами, и, провождаемый целым полком вооруженных всадников, уехал в село Коломенское, где жил две недели за распутием: ибо сделалась необыкновенная оттепель, шли дожди и реки вскрылись.

17 Декабря он с обозами своими переехал в село Тайнинское, оттуда в монастырь Троицкий, а к Рождеству в Александровскую Слободу.

В Москве, кроме Митрополита, находились тогда многие Святители: они вместе с Боярами, вместе с народом, не зная, что думать о Государевом необыкновенном, таинственном путешествии, беспокоились, унывали, ждали чего-нибудь чрезвычайного и, без сомнения, не радостного.

Прошел месяц. [1565 г.] 3 Генваря вручили Митрополиту Иоаннову грамоту, присланную с чиновником Константином Поливановым. Государь описывал в ней все мятежи, неустройства, беззакония Боярского правления во время его малолетства; доказывал, что и Вельможи, и приказные люди расхищали тогда казну, земли, поместья Государевы: радели о своем богатстве, забывая отечество; что сей дух в них не изменился; что они не перестают злодействовать: Воеводы не хотят быть защитниками Христиан, удаляются от службы, дают Хану, Литве, Немцам терзать Россию; а если Государь, движимый правосудием, объявляет гнев недо-

стойным Боярам и чиновникам, то Митрополит и Духовенство вступаются за виновных, грубят, стужают ему. „Вследствие чего,— писал Иоанн,— не хотя терпеть ваших измен, мы от великой жалости сердца оставили Государство и поехали, куда Бог укажет нам путь“.

Другую грамоту прислал он к гостям, купцам и мещанам: Дьяки Путило Михайлов и Андрей Васильев в собрании народа читали оную велегласно. Царь уверял добрых Москвитян в своей милости, сказывая, что опала и гнев его не касаются народа.

Столица пришла в ужас: безначалие казалось всем еще страшнее тиранства. „Государь нас оставил! — вопил народ.— Мы гибнем! Кто будет нашим защитником в войнах с иноплеменными? Как могут быть овцы без пастыря?“ Духовенство, Бояре, сановники, приказные люди, проливая слезы, требовали от Митрополита, чтобы он умилиствовал Иоанна, никого не жалея и ничего не страшась. Все говорили ему одно: „Пусть Царь казнит своих лиходеев: в животе и в смерти воля его; но Царство да не останется без главы! Он наш владыка, Богом данный: иного не ведаем. Мы все с своими головами едем за тобою бить челом Государю и плакаться“. То же говорили купцы и мещане, прибавляя: „Пусть Царь укажет нам своих изменников: мы сами истребим их!“

Митрополит немедленно хотел ехать к Царю; но в общем Совете положили, чтобы Архипастырь остался блюсти столицу, которая была в неопisanном смятении. Все дела пресеклись; суды, Приказы, лавки, караульни опустели. Избрали главными Послами Святителя Новгородского Пимена и Чудовского Архимандрита Левкия; но за ними отправились и все другие Епископы: Никандр Ростовский, Елевферий Суздальский, Филофей Рязанский, Матфей Крутицкий, Архи-

мандриты Троицкий, Симоновский, Спасский, Андрониковский; за Духовенством Вельможи, Князя Иван Дмитриевич Бельский, Иван Федорович Мстиславский, — все Бояре, Окольничие, Дворяне и Приказные люди, прямо из палат Митрополитовых, не захав к себе в дома; также и многие гости, купцы, мещане, чтобы *ударить челом Государю и плакаться.*

Святители остановились в Слотине, послав доложить о себе Иоанну: он велел им ехать в Александровскую Слободу с Приставами и 5 Генваря впустил их во дворец. Сказав Царю благословение от Митрополита, Епископы слезно молили его снять опалу с Духовенства, с Вельмож, Дворян, Приказных людей, не оставлять Государства, Царствовать и действовать, как ему угодно; молили наконец, чтобы он дозволил Боярам видеть очи Царские. Иоанн впустил и Бояр...»

Делегация возопила к Ивану, что нельзя оставлять государство без царя, на что Иван сообщил, что обязательно вернется, но на своих условиях. Что ж это за такие условия, жители гадали еще целый месяц.

«Наконец, 2 Февраля, Иоанн торжественно въехал в столицу и на другой день созвал Духовенство, Бояр, знатнейших чиновников. Вид его изумил всех. Опишем здесь наружность Иоаннову. Он был велик ростом, строен; имел *высокие* плечи, крепкие мышцы, широкую грудь, прекрасные волосы, длинный ус, нос римский, глаза небольшие, серые, но светлые, пронизательные, исполненные огня, и лицо некогда приятное. В сие время он так изменился, что нельзя было узнать его: на лице изображалась мрачная свирепость; все черты исказились; взор угас; а на голове и в бороде не осталось почти ни одного волоса, от неизъяснимого действия ярости, которая кипела в душе его.

Снова исчислив вины Бояр и подтвердив согласие остаться Царем, Иоанн много рассуждал о должности Венценосцев блюсти спокойствие Держав, брать все нужные для того меры — о кратковременности жизни, о необходимости видеть далее гроба, и предложил устав *отричаний*: имя, дотоле неизвестное! Иоанн сказал, что он для своей и государственной безопасности учреждает особенных телохранителей. Такая мысль никого не удивила: знали его недоверчивость, боязливость, свойственную нечистой совести; но обстоятельства удивили, а следствия привели в новый ужас Россию.

1) Царь объявлял своею собственностью города Можайск, Вязьму, Козельск, Перемышль, Белев, Лихвин, Ярославец, Суходровью, Медынь, Суздаль, Шую, Галич, Юрьевец, Балахну, Вологду, Устюг, Старую Русу, Каргополь, Вагу, также волости Московские и другие с их доходами;

2) выбирал 1000 телохранителей из Князей, Дворян, Детей Боярских и давал им поместья в сих городах, а тамошних вотчинников и владельцев переводил в иные места;

3) в самой Москве взял себе улицы Чертольскую, Арбатскую с Сивцевым Врагом, половину Никитской с разными слободами, откуда надлежало выслать всех Дворян и приказных людей, не записанных в Царскую тысячу;

4) назначил *особенных* сановников для услуг своих: Дворецкого, казначеев, Ключников, даже поваров, хлебников, ремесленников;

5) наконец, как бы возненавидев славные воспоминания Кремлевские и священные гробы предков, не хотел жить в великолепном дворце Иоанна III: указал строить новый за Неглинною, между Арбатом и Никитскою улицею, и подобно крепости оградить высокою стеною.

Сия часть России и Москвы, сия тысячная дружина Иоаннова, сей новый двор, как отдельная собственность Царя, находясь под его непосредственным ведомством, были названы *опричниною*, а все остальное — то есть все Государство — земщиною, которую Иоанн поручал Боярам, *земским*, Князьям Бельскому, Мстиславскому и другим, велев старым государственным чиновникам — Конюшему, Дворецкому, казначеям, — Дьякам — сидеть в их Приказах, решить все дела гражданские, а в важнейших относиться к Боярам, коим дозволялось в чрезвычайных случаях, особенно по ратным делам, ходить с докладом к государю.

То есть Иоанн по-видимому желал как бы удалиться от Царства, стеснив себя в малом кругу частного Владетеля, и в доказательство, что *Государево* и *государственное* уже не одно знаменуют в России, требовал себе из казны земской 100 000 рублей за издержки его путешествия от Москвы до Слободы Александровской!»

Так началось в Московии время, которое было так и названо — *опричниной*. Время страшное и кровавое. Исполнение царских условий начались с массовых казней. Князья и бояре были прорежены, как грядки на огороде. А те, что остались живыми, давали отныне клятву верности самому Ивану, но клятва эта стоила денег: каждый должен был найти себе поручителя, который вносил за возможное бегство и стало быть измену залог. Например, за князя Серебряного было назначено 25 000 рублей — по тем временам сумма чудовищная.

Вокруг себя Иван собрал людей незнатных, небогатых, но честолюбивых. Из них образовалось крошечное войско. Состояло оно в основном из дворян и детей боярских, молодых, дерзких и верных царю. Иван понимал, что поднятый из низов человек будет благо-

дарен тому, кто поднял. А молодой человек способен правильно измениться, если им правильно руководить. То, что пытался создать он у себя в Александровой слободе, было сродни монашеским военным орденам прошлого. В этом плане Иван уважал немцев, пленных ливонских рыцарей он таскал к себе в слободу и расспрашивал о тамошней жизни.

Молодых волонтеров набралось 6000 человек, все они были приведены к присяге, теперь у них не было другого родителя как царь, и служить ему они должны были верой и правдой. «Скоро увидели, что Иоанн предает всю Россию в жертву своим опричным, — горько говорит Карамзин, — они были всегда правы в судах, а на них не было ни суда, ни управы. Опричник или *крошешник* — так стали называть их, как бы извергов тьмы *крошешней* — мог безопасно теснить, грабить соседа и в случае жалобы брал с него пеню за бесчестье.

Сверх многих иных злодейств, к ужасу мирных граждан, следующее вошло в обыкновение: слуга опричника, исполняя волю господина, с некоторыми вещами прятался в доме купца или Дворянина; господин заявлял его мнимое бегство, мнимую кражу; требовал в суде пристава, находил своего беглеца с поличным и взыскивал с невинного хозяина пятьсот, тысячу или более рублей. Не было снисхождения: надлежало или немедленно заплатить, или идти на правож: то есть неудовлетворенному истцу давалось право вывести должника на площадь и сечь его всенародно до уплаты денег.

Иногда опричник сам подметывал что-нибудь в богатую лавку, уходил, возвращался с приставом, и за сию будто бы краденную у него вещь разорял купца; иногда, схватив человека на улице, вел его в суд, жалуясь на вымышленную обиду, на вымышленную брань: ибо ска-

зять неучтивое слово кромешнику значило оскорбить самого Царя; в таком случае невинный спасался от телесной казни тягостною денежною пенею.

Одним словом, люди земские, от Дворянина до мещанина, были безгласны, безответны против опричных; первые были *ловом*, последние *ловцами*, и единственно для того, чтобы Иоанн мог надеяться на усердие своих разбойников-телохранителей в новых, замышляемых им убийствах.

Чем более Государство ненавидело опричных, тем более Государь имел к ним доверенности: сия общая ненависть служила ему залогом их верности.

Затейливый ум Иоаннов изобрел достойный символ для своих ревностных слуг: они ездили всегда с *собачьими головами* и с *метлами*, привязанными к седлам, в ознаменование того, что *грызут* лиходеев Царских и *метут* Россию!»

Из Александровой слободы, прежде примечательной только загородным дворцом, Иван сделал городок с усиленной системой безопасности. Въехать просто так туда было невозможно, выехать без разрешения — тоже. Все опричники должны были служить верно, но не все были равны между собой. Царь подобрал себе внутренний круг, человек триста, именовал их он братией, а себя «Игуменом, Князя Афанасия Вяземского Келарем, Малюту Скуратова Параклисиархом; дал им *тафьи*, или скуфейки, и черные рясы, под коими носили они богатые золотом блестящие кафтаны с собольею опушкою; сочинил для них устав Монашеский и служил примером в исполнении онаго.

Так описывают сию монастырскую жизнь Иоаннову: в четвертом часу утра он ходил на колокольню с Царевичами и с Малютою Скуратовым благовестить к

Заутрене; братья спешили в церковь; кто не являлся, того наказывали осьмидневным заключением. Служба продолжалась до шести или семи часов. Царь пел, читал, молился столь ревностно, что на лбу всегда оставались у него знаки крепких земных поклонов.

В 8 часов опять собирались к Обедне, а в 10 садились за братскую трапезу, все, кроме Иоанна, который стоя читал вслух душеспасительные наставления. Между тем братья ели и пили досыта; всякой день казался праздником: не жалели ни вина, ни меду; остаток трапезы выносили из дворца на площадь для бедных. Игумен — то есть Царь — обедал после; беседовал с любимцами о Законе; дремал или ехал в темницу пытаться какого-нибудь несчастного. Казалось, что сие ужасное зрелище забавляло его: он возвращался с видом сердечного удовольствия; шутил, говаривал тогда веселее обыкновенного.

В 8 часов шли к Вечерне; в десятом Иоанн уходил в спальню, где трое слепых, один за другим, рассказывали ему сказки: он слушал их и засыпал, но не надолго: в полночь вставал — и день его начинался молитвою! Иногда докладывали ему в церкви о делах государственных; иногда самые жестокие повеления давал Иоанн во время Заутрени или Обедни!

Единообразие сей жизни он прерывал так называемыми *объездами*: посещал монастыри, и ближние и дальние; осматривал крепости на границе; ловил диких зверей в лесах и пустынях; любил в особенности медвежью травлю; между тем везде и всегда занимался делами: ибо земские Бояре, мнимо-уполномоченные Правители Государства, не смели ничего решить без его воли.

Когда приезжали к нам знатные послы иноземные, Иоанн являлся в Москве с обыкновенным великолепием

ем и торжественно принимал их в новой Кремлевской палате, близ церкви Св. Иоанна; являлся там и в других важных случаях, но редко. Опричники, блистая в своих золотых одеждах, наполняли дворец, но не заграждали пути к престолу и старым Боярам: только смотрели на них спесиво, величаясь как подлые рабы в чести недостойной».

Но некоторые дела в земщине требовали царского решения. Таким стало избрание нового митрополита. Из всех кандидатов Иван выбрал игумена Соловецкого монастыря Филиппа, который хотя происходил из бояр Колычевых, в молодом возрасте добровольно стал монахом. Но большей обиды, чем от Филиппа, Иван вряд ли от кого получил.

Одно время митрополит присматривался к нему, потом пробовал убедить в неправильно избранном для государя пути, он говорил царю «о долге державных быть отцами подданных, блюсти справедливость, уважать заслуги; о гнусных льстецах, которые теснятся к престолу, ослепляют ум государей, служат их страстям, а не отечеству, хвалят достойное хулы, порицают достохвальное; о тленности земного величия; о победах *невооруженной любви*, которые приобретаются государственными благодеяниями и еще славнее *побед ратных*», и кажется, царь был тронут.

Несколько месяцев прошли в мире и покое. Но тут Ивану далась мысль, что новый митрополит есть тайное орудие бояр, которые желают свести его со света. И началась новая волна казней.

Для этого была изобретена целая серия подметных писем якобы от польского короля и гетмана Ходкевича, в которых боярам предлагалось перейти на сторону Польши. Очевидно, понимая, кто настоящий автор этих воз-

званий, бояре написали гневные отповеди и попросили Ивана передать ответы по назначению. Но одно это стало поводом для обвинения в измене — тайная переписка с врагом. Казнили боярина Федорова, жену Конюшего Марию, князей Ивана Андреевича Куракина-Булгакова, Дмитрия Ряполовского (мужественного воина, одержавшего многие победы над Крымцами), трех князей Ростовских, Петра Щенятева, Ивана Турунта-Пронского, казначея Государева именем Хозяина Юрьевича Тютина, славного богатством, рассекли на части вместе с женою, с двумя сыновьями младенцами, с двумя юными дочерьми; думского дьяка, Казарина Дубровского, а также множество иных именитых людей.

Филипп только вздыхал и молился за убитых. Но настал и его час. Поводом стал отказ его благословить Ивана, вошедшего с толпой опричников в соборную церковь Успения. Филипп обвинил царя в убийствах, грабежах и насилии над честными людьми. Иван разгневался, даже ударил посохом в ярости, но с расправой медлил.

Пошли новые казни. Филипп решил снять с себя сан добровольно: не в силах переделать царя, он не желал находиться с ним рядом. Но этого ему сделать не дали. Царь сказал, что он не волен распоряжаться собой, пока суд не отрешит его от должности, и потребовал, чтобы он служил обедню 8 ноября.

Филипп понял, что означает это распоряжение. Он не ошибся. «Когда же Филипп в полном облачении стоял пред олтарем в храме Успения, явился там Боярин Алексей Басманов с толпою вооруженных опричников, держа в руке свиток. Народ изумился. Басманов велел читать бумагу: услышали, что Филипп собором Духовенства лишен сана Пастырского. Воины вступили в олтарь, сорвали с Митрополита одежду Святи-

тельскую, облекли его в бедную ризу, выгнали из церкви *метлами* и повезли на дровнях в обитель Богоявления. Народ бежал за Митрополитом, проливая слезы: Филипп с лицом светлым, с любовью благословлял людей и говорил им: „Молитесь!“

На другой день привели его в судную палату, где был сам Иоанн, для выслушания приговора: Филиппу, будто бы уличенному в тяжких винах и в волшебстве, надлежало кончить дни в заключении. Тут он простился с миром, великодушно, умирительно; не укорял судей, но в последний раз молил Иоанна сжалиться над Россиею, не терзать подданных, — вспомнить, как царствовали его предки, как он сам царствовал в юности, ко благу людей и собственному. Государь, не ответствуя ни слова, движением руки предал Филиппа воинам.

Дней восемь сидел он в темнице, в узах; был перевезен в обитель Св. Николая *Старого*, на берегу Москвы-реки; терпел голод и питался молитвою. Между тем Иоанн истреблял знатный род Колычевых: прислал к Филиппу отсеченную голову его племянника Ивана Борисовича и велел сказать: „Се твой любимый сродник: не помогли ему твои чары!“ Филипп встал, взял голову, благословил и возвратил принесшему. Опасаясь любви граждан Московских ко сверженному Митрополиту — слыша, что они с утра до вечера толпятся вокруг обители Николаевской, смотрят на келию заключенного и рассказывают друг другу о чудесах его святости, — Царь велел отвезти страдальца в Тверской монастырь, называемый Отрочим, и немедленно избрал нового Митрополита, Троицкого Архимандрита, именем Кирилла».

А война все тянулась и тянулась. Сигизмунд хотел мира, но требовал у Москвы все той же Ливонии, все того же Смоленска и все тех же отобранных в ходе вой-

ны городов. Казна была истощена. Иван понимал, что народу предстоит еще множество полуголодных лет, так что для того, чтобы переложить всю ответственность за будущий голод на сам народ, Иван рискнул собрать Земскую Думу и задал только один вопрос: мириться или воевать с королем?

Депутаты отлично представляли, что их ждет в случае неверного выбора ответа. Они дали правильный ответ. Теперь Иван мог сослаться на народное мнение, почему не приемлет мира с королем.

Переговоры с Сигизмундом тянулись не дни и месяцы, а годы. И все это время так же вяло шли боевые действия. А в 1569 году и Сигизмунду, и Ивану стало уже не до войны: оба они хотели получить вакантный польский престол. У Сигизмунда была проблема национального плана: польские феодалы плохо ладили с литовскими феодалами, а у Ивана все было еще безнадежнее. Сначала он хотел видеть на польском троне сына Ивана, затем почему-то решил, что если кому там и править, так только ему самому. Эта иллюзия не давала ему возможности помириться с соперником.

Но тут случился переворот власти в Швеции: Эрика, которого Иван считал братом и другом, сверг брат Карл. Иван принял сторону Эрика и на время замирился с Сигизмундом, потому теперь началась война с Карлом. Впрочем, в 1569 году вдруг умерла жена Ивана Мария, и вот тут он сразу же объявил, что она была отравлена, и назвал имена отравителей.

Пошли новые казни. Иван открыл страшную тайну страшного заговора: якобы все эти годы царь напрасно карал невинных, а настоящий злодей стоял рядом и был невидим, но теперь пришло время назвать его имя — князь Владимир Андреевич. «Весною в 1569 году, — рас-

сказывает Карамзин, — собирая войско в Нижнем Новгороде для защиты Астрахани, Иоанн не усомнился вверить оное своему мужественному брату; но сия мнимая доверенность произвела опалу и гибель.

Князь Владимир ехал в Нижний чрез Кострому, где граждане и Духовенство встретили его со крестами, с хлебом и солью, с великою честью, с изъявлением любви. Узнав о том, Царь велел привезти тамошних начальников в Москву и казнил их; а брата ласково звал к себе.

Владимир с супругою, с детьми, остановился верстах в трех от Александровской Слободы, в деревне Слотине; дал знать Царю о своем приезде, ждал ответа — и вдруг видит полк всадников: скачут во всю прыть с обнаженными мечами как на битву, окружают деревню; Иоанн с ними: сходит с коня и скрывается в одном из сельских домов. Василий Грязной, Малюта Скуратов объявляют Князю Владимиру, что он умышлял на жизнь Государеву, и представляют уличителя, царского повара, коему Владимир дал будто бы деньги и яд, чтобы отравить Иоанна. Все было вымышлено, приготовлено. Ведут несчастного с женою и с двумя юными сыновьями к Государю: они падают к ногам его, клянутся в своей невинности, требуют пострижения. Царь отвечивал: „Вы хотели умертвить меня ядом: пейте его сами!“

Подали отраву. Князь Владимир, готовый умереть, не хотел из собственных рук отравить себя. Тогда супруга его, Евдокия (родом Княжна Одоевская), умная, добродетельная — видя, что нет спасения, нет жалости в сердце губителя — отвратила лице свое от Иоанна, осушила слезы и с твердостью сказала мужу: „Не мы себя, но мучитель отравляет нас: лучше принять смерть от Царя, нежели от палача“.

Владимир простился с супругою, благословил детей и выпил яд: за ним Евдокия и сыновья. Они вместе молились. Яд начинал действовать: Иоанн был свидетелем их терзания и смерти! Призвав Боярынь и служанок Княгини Евдокии, он сказал: „Вот трупы моих злодеев! Вы служили им; но из милосердия дарую вам жизнь“. С трепетом увидев мертвые тела господ своих, они единоголосно отвечали: „Мы не хотим твоего милосердия, зверь кровожадный! Растерзай нас: гнушаясь тобою, презираем жизнь и муки!“ Сии юные жены, вдохновенные омерзением к злодейству, не боялись ни смерти, ни самого стыда: Иоанн велел обнажить их и расстрелять.

Мать Владимирова Евфросиния, некогда честолюбивая, но в Монашестве смиренная, уже думала только о спасении души: умертвив сына, Иоанн тогда же умертвил и мать: ее утопили в реке Шексне вместе с другою Инокинею, добродетельною Александрою, его невесткою, виновною, может быть, слезами о жертвах Царского гнева».

Покончив с князем, Иван тут же нашел другой источник инакомыслия, который следовало искоренить. Спустя сто лет после похода на вечевой Новгород Иван вел свое войско на другой, совершенно другой Новгород. Город, который прижигали и мучили его предки, с практически московским населением был ему по-прежнему страшен! Что же тогда говорить о всей Московии?

Поход начался в 1569 году, но дорога в Новгород не была прямой. Предварительно кромешное войско прошло огнем и мечом от Клина до Твери. Здесь в Отрочем монастыре сидел старец Филипп, за ним и пришел сюда царь. Бывшего митрополита собственными руками задушил Малюта Скуратов. Монахам же сказали, что их старец скончался от жара и спертого воздуха в келье. Сама Тверь была разграблена полностью, а жители за-

резаны, замучены, повешены и утоплены. Как пишет Карамзин, такого кошмара город не видел с 1237 года.

Далее войско двинулось на Торжок. В городской крепости сидели заключенные пленники: в одной башне — Ливонские, в другой — Крымские. Иван сам отправился насладиться картиной из гибели. Немцы не сопротивлялись своим палачам. Но не так оказалось с крымцами: те, «защищаясь, тяжело ранили Малюту Скуратова, едва не ранив и самого Иоанна».

Это зрелище Ивану не понравилось. И вот в 1570 году, в начале января, царь вошел в прежде великий Новгород. Точнее, вошли Ивановы кромешники, которые рассыпались по всему городу и окрестностям, опечатав все монастыри и церкви, все дома именитых граждан и купцов, и никто не знал, в чем их вина, и все ждали, что скажет, приехав, сам царь. А царь — не ехал. Только через 4 дня он въехал в ворота и остановился на Ярославовом Городище. Все эти дни кромешники истязали монахов, требуя уплаты пени, тех, кто не мог заплатить, ставили на правеж.

И вот 7 января в город привезли тех, кто и после правежа оказался неплатежеспособен. Их забили палками до смерти, а тела развели по монастырям. 8 января, наконец, причина гнева стала ясна. Встретив на мосту архиепископа Пимена, царь не принял от него благословения, обвинив в связях с Сигизмундом и желании передать город врагу. Тут же Иван велел Пимену идти и служить литургию, тот повиновался, а когда сели обедать, Иван страшно закричал, и по этому знаку ворвались кромешники.

«Явились воины,— говорит Карамзин,— схватили Архиепископа, чиновников, слуг его; ограбили палаты, келии, а Дворецкий, Лев Салтыков, и Духовник Государев Евстафий

церковь Софийскую: взяли ризную казну, сосуды, иконы, колокола; обнажили и другие храмы в монастырях богатых, после чего немедленно открылся суд на Городище...

Судили Иоанн и сын его таким образом: ежедневно представляли им от пятисот до тысячи и более Новгородцев; били их, мучили, жгли каким-то составом огненным, привязывали головою или ногами к саням, влекли на берег Волхова, где сия река не мерзнет зимою, и бросали с моста в воду, целыми семействами, жен с мужьями, матерей с грудными младенцами. Ратники Московские ездили на лодках по Волхову с кольями, баграми и секирами: кто из вверженных в реку всплывал, того кололи, рассекали на части.

Сии убийства продолжались пять недель и заключились грабежом общим: Иоанн с дружиною объехал все обители вокруг города; взял казны церковные и монастырские; велел опустошить дворы и келии, истребить хлеб, лошадей, скот; предал также и весь Новгород грабежу, лавки, дома, церкви; сам ездил из улицы в улицу; смотрел, как хищные воины ломились в палаты и кладовые, отбивали ворота, влезали в окна, делили между собою шелковые ткани, меха; жгли пеньку, кожи; бросали в реку воск и сало. Толпы злодеев были посланы и в пятины Новгородские губить достояние и жизнь людей без разбора, без ответа. Сие, как говорит Летописец, *неисповедимое колебание, падение, разрушение Великого Новгорода продолжалось около шести недель*».

Только 12 февраля кошмар прекратился, но напоследок Иван надругался над Пименом: «Его посадили на белую кобылу в худой одежде, с волынкою, с бубном в руках как шута или скомороха, возили из улицы в улицу и за крепкою стражею отвезли в Москву».

Дальше дорога Ивана лежала на другой город, который внушал опасения,— на Псков. В Пскове жители готовились к смерти, они прощались друг с другом и желали только одного: чтобы эта смерть была быстрой. Им было известно, что Иван любит сначала помучить.

Вечером, когда войско подходило к Пскову, на всех церквах начался колокольный перезвон. Иван, который любил благолепие, даже заслушался. А наместник Пскова Юрий Токмаков между тем распорядился, чтобы горожане оделись торжественно и вышли утром навстречу царю с дарами, чтобы на колени падать никак не забывали!

«На другой день, вступив в город, он с изумлением увидел на всех улицах пред домами столы с изготовленными яствами,— пишет Карамзин,— граждане, жены их, дети, держа хлеб и соль, преклоняли колена, благословляли, приветствовали Царя и говорили ему: „Государь Князь Великий! Мы, верные твои подданные, с усердием и любовью предлагаем тебе хлеб-соль; а с нами и животами нашими твори волю свою: ибо все, что имеем, и мы сами твои, Самодержец великий!“

Сия неожиданная покорность была приятна Иоанну. Игумен Печерский Корнилий с Духовенством встретил его на площади у церкви Св. Варлаама и Спаса. Царь слушал молебен в храме Троицы, поклонился гробу Св. Всеволода-Гавриила, с удивлением рассматривал тяжелый меч сего древнего Князя и зашел в келию к старцу Салосу Николе, который под защитою своего юродства не убоился обличать тирана в кровопийстве и святотатстве. Пишут, что он предложил Иоанну в дар... кусок сырого мяса; что Царь сказал: „Я Христианин и не ем мяса в Великий Пост“, а пустынный ответствовал: «Ты делаешь хуже: питаешься человеческою плотию и кровию, забывая не только Пост, но и Бога!»

Грозил ему, предсказывал несчастья и так устрашил Иоанна, что он немедленно выехал из города; жил несколько дней в предместьи; дозволил воинам грабить имение богатых людей, но не велел трогать Иноков и Священников; взял только казны монастырские и некоторые иконы, сосуды, книги и как бы невольно пощадив Ольгину родину, спешил в Москву, чтобы новою кровию утолять свою неутолимую жажду к мучительству».

Действительно, убийств в городе не было, но ограбил он Псков хорошо.

Возвращение в Москву ознаменовалось новыми казнями. Пять месяцев по всей земле искали соучастников Пимена. И нашли: хранитель печати «Иван Михайлович Висковатый, муж опытнейший в делах государственных — казначей Никита Фуников, также верный слуга Царя и Царства от юности до лет преклонных — Боярин Семен Васильевич Яковлев, Думные Дьяки Василий Степанов и Андрей Васильев были взяты под стражу; а с ними вместе, к общему удивлению, и первые любимцы Иоанновы: Вельможа Алексей Басманов, Воевода мужественный, но бесстыдный угодник тиранства — сын его, Крайчий Феодор, прекрасный лицом, гнусный душою, без коего Иоанн не мог ни веселиться на пирах, ни свирепствовать в убийствах, — наконец самый ближайший к его сердцу нечестивец Князь Афанасий Вяземский, обвиняемые в том, что они с Архиепископом Пименом хотели отдать Новгород и Псков Литве, извести Царя и посадить на трон Князя Владимира Андреевича».

Пытали всех жестоко, к дню казни многие уже не могли стоять. Саму казнь решили провести в Москве, на Лобном месте: «25 Июля, среди большой торговой площади, в Китае-городе, поставили 18 виселиц; разложили многие орудия мук; зажгли высокий костер и над ним повеси-

ли огромный чан с водою. Увидев сии грозные приготовления, несчастные жители вообразили, что настал последний день для Москвы; что Иоанн хочет истребить их всех без остатка: в беспамятстве страха они спешили укрыться где могли. Площадь опустела; в лавках отворенных лежали товары, деньги; не было ни одного человека, кроме толпы опричников у виселиц и костра пылающего.

В сей тишине раздался звук бубнов: явился Царь на коне с любимым старшим сыном, с Боярами и Князьями, с легионом кромешников, в стройном ополчении; позади шли осужденные, числом 300 или более, в виде мертвецов, истерзанные, окровавленные, от слабости едва передвигая ноги. Иоанн стал у виселиц, осмотрелся и, не видя народа, велел опричникам искать людей, гнать их отовсюду на площадь; не имев терпения ждать, сам поехал за ними, призывая Москвитян быть свидетелями его суда, обещая им безопасность и милость.

Жители не смели послушаться: выходили из ям, из погребов; трепетали, но шли: вся площадь наполнилась ими; на стене, на кровлях стояли зрители. Тогда Иоанн, возвысив голос, сказал: „Народ! увидишь муки и гибель; но караю изменников! Ответствуй: прав ли суд мой?“ Все ответствовали велегласно: „Да живет многие лета Государь Великий! Да погибнут изменники!“ Он приказал вывести 180 человек из толпы осужденных и даровал им жизнь, как менее виновным. Потом Думный Дьяк Государев, развернув свиток, произнес имена казнимых...»

Иван был изобретателен: для каждого из казнимых придумал особую казнь: кого били до смерти, у кого рвали куски мяса, кого топили, кого обваривали... Жены несчастных были пущены по кромешному кругу, а потом утоплены в реке. Счастливее всего были московские собаки: они пожирали рассеченные тела несколько дней.

О жестокостях Ивана Карамзин рассказывал чудовищные подробности. Понятно, что, прочитав историю о таком милостивом монархе, читатель хотел только одного — убить негодяя своими руками. И всякий раз историк еще и предупреждал, что это еще не конец злодействам, даже не середина.

Удивительно, но во внешней политике он старался казаться более вменяемым. Войну он вел вяло и стал больше полагаться на династический брак. Больше не шло речи о том, чтобы шляхтичи избрали себе его сына Ивана, какими бы перспективами это ни прельщало. Ивану понравилась идея жениться на сестре Сигизмунда Софье. На свою голову он уже примерял венец Ягеллонов, а земли Ливонии мечтал соединить в королевство под властью Москвы, и будто бы стоило только жителям Ливонии сообщить такую весть — они сами бы изгнали шведов.

Однако Королевство Ливония и венец Ягеллонов оказались несбыточными мечтами. Но в свою игру он сумел втянуть честолюбивого и неопытного датского принца Магнуса. Бедняга искренне верил в Королевство Ливонию и явился в Москву, чтобы получить ценные указания из уст русского монарха, как они этого совместно достигнут. Магнусу он обещал руку своей племянницы, дочери казненного им Владимира Андреевича, ласково именовал Магнуса женихом. Впрочем, брак отложили до счастливого момента, когда Магнус покорит для своей невесты еще непокоренные ливонские земли.

Вступая в Ливонию, наивный Магнус обещал ее жителям власть московского царя и вечный мир и покой. Учитывая, какими подвигами прославились русские в этой Ливонии и какие слухи ходили о русском царе, жители не хотели такой царской милости. Магнусу пришлось воевать.

Первым городом, на который нацелился принц, был Ревель. На предложение перейти под руку Ивана жители ответили, что лучше им умереть. Магнус сделал все, что мог: он послал к горожанам своего пастора, тот говорил и о золотом веке под скипетром Москвы, и о свободе, и о счастье, и о процветании.

Диалога не получилось. Осадив Ревель, Магнус простоял там 30 недель, извел людей и ушел отдыхать в Оберпален, выделенный в залог будущего королевства.

Иван в Магнусе разочаровался, не нравился ему и мир датчанина со шведским королем. Тем временем посланные с ним в Ливонию Крузе и Таубе решили при таком раскладе пойти на Дерпт и предложить жителям передаться либо полякам, либо шведам. Они ворвались в город, попытались достучаться до дерптских сердец, но скоро русские полки разметали их отряды, заодно побив и дерптских жителей. Узнав об этом конфузе и предательстве, Магнус предпочел удалиться на остров Эзель.

Но Иван надежд использовать Магнуса не оставлял. И хотя умерла вдруг его названная невеста Евфимия, он тут же предложил принцу руку младшей Марии. Наивный Магнус снова обещал завоевать Эстляндию и снова стал женихом. Правда, в 1571 году мечты Ивана хорошо потрепал крымский хан: неожиданно он появился перед стенами столицы. Иван перепугался и бежал в Коломну, из Коломны — в Александрову слободу, оттуда — в Ярославль. А хан велел зажечь посады, и Москва снова горела, и как горела! В три часа ее не стало. Среди развалин остались только Кремль да Успенский собор, где сидел в ужасе митрополит Кирилл. Карамзин называет до 800 000 погибших.

Девлет-Гирей посмотрел на пожарище и ушел в Крым. Пока посылали погоню, он успел пожечь и пограбить

южную часть Московского царства и увел до 100 000 пленных. Сам-то он ушел, но по возвращении в Москву Ивана ждал ханский посол. Тот объяснил причину пожара: надо вернуть Казань и Астрахань. В ответ Иван бил ханскому послу челом и обещал вернуть Астрахань, когда будет торжественно заключен мир. Карамзина потрясало, что в своей трусости он даже выдал крымского пленника, принявшего в Москве христианство.

На самом деле это был, конечно, театр. Иван тянул время, как всегда он это и делал, решая вопросы войны и мира, а что касается пленника — то его судьба царя не беспокоила вовсе. Человеком больше, человеком меньше... Незаменимых нет.

Но за момент его слабости и трусости снова заплатили подданные. Как враг смог дойти до самой Москвы? Без измены не обошлось. Снова начались казни. После этого, отойдя от государственных забот, он снова решил жениться. Теперь уже не на сестре Сигизмунда, а на избранной среди красавиц дочери простого купца Марфе Собакиной, из знатных девиц он подыскал невесту своему сыну Ивану — Евдокию Сабурову. Только царская невеста вдруг заболела, и это было объяснено тайными злодействами. Среди казненных по этому случаю был и бывший деверь, брат умершей его черкесской жены Михаил Темрюкович, которого посадили на кол.

Тем не менее царь все равно женился на Марфе, ожидая чуда. Ждать пришлось недолго: Марфа умерла через две недели. Ивану младшему повезло больше: его жена была здорова.

Похоронив Марфу, царь занялся Москвой. Теперь он приказал не строить посадов и запретить возведение высоких деревянных хором. А в 1572 году он женился в четвертый раз на Анне Алексеевне Колтовской, даже не

испросив разрешения, хотя церковь ограничивала количество возможных браков тремя. Только женившись, он попросил благословения. Куда было деваться иерархам? Дали. Иван отправился в Новгород, праздновать свадьбу со своим шурином Григорием Колтовским.

Тем временем на Москву снова пошел Девлет-Гирей, и хотя ему удалось обойти русские городки и засеки, на этот раз с Москвой ему не повезло: хана разбили, он бежал с остатками войска, бросив все обозы и добычу. Тем же годом умер враг Ивана Сигизмунд, оставив своим вельможам странное завещание: содействовать избранию на польский престол царя Ивана.

Из Новгорода царь вернулся с другим настроением. Он вдруг объявил, что государство достаточно вычищено, и отменил опричнину и земщину. Правда, Малюта Скуратов как занимал свой высокий пост, так и продолжал его занимать (но время его уже прошло: в этот год он погибнет в Эстляндии). Скуратов играл ведущую роль и при переговоре с приехавшими из Польши послами, которые предложили Ивану баллотироваться в короли. Иван ставил только пару условий: «Если угодно Всевышнему, чтобы я властвовал над вами, то обещаю ненарушимо блюсти все уставы, права, вольности ваши, и еще распространить их, буде надобно. Если Паны вздумают избрать в Короли моего Царевича, то знайте, что у меня два сына как два ока: не расстанусь ни с единым. Если же не захотите признать меня своим Государем, то можете чрез Великих Послов условиться со мною о мире. Не стою за Полоцк; соглашусь придать к нему и некоторые из моих наследственных владений, буде уступите мне всю Ливонию по Двину. Тогда обяжемся клятвою, я и дети мои, не воевать Литвы, доколе Царствует Дом наш в России Православной».

«Ливонский вопрос», впрочем, не исчез. Все тот же Магнус пытался честно завоевать для Ивана Эстляндию, мечтая о свободном королевстве Ливонии. Наконец-то его женили на обещанной Марии. Магнус ждал царских подарков. И дождался: «вместо *пяти бочек золота* привезли к нему в дом несколько сундуков с бельем и с нарядными одеждами молодой Королевы; вместо всей Ливонии Государь пожаловал своему зятю городок Каркус с следующим словесным и письменным наставлением: „Король Магнус! иди с супругою в удел, для вас назначенный. Я хотел ныне же вручить тебе власть и над иными городами Ливонскими вместе с богатым денежным приданым; но вспомнил измену Таубе и Крузе, осыпанных нашими милостями... Ты сын Венценосца и следственно могу иметь к тебе более доверенности, нежели к слугам подлым; но — ты человек! Если изменишь, то золотом казны моей наймешь воинов, чтобы действовать заодно с нашими врагами, и мы принуждены будем своею кровию вновь доставать Ливонию. Заслужи милость постоянную, испытанною верностию!“

Таким образом, Магнус с печальным сердцем уехал в Каркус, из Каркуса в Оберпален, где в ожидании Государства жил весьма бедно, *не имея более трех блюд на столе* (как писал его брат Фридерик, Король Датский, к своему тестю Герцогу Мекленбургскому), *веселя тринадцатилетнюю жену детскими игрушками, питая сластями и, к неудовольствию Россиян, одев ее в немецкое платье*».

А Иван ругательски ругался со шведским королем, заключив странное перемирие, где были упомянуты все спорные города и земли... кроме Ливонии. В Ливонии оба государя воевать собирались. Тем временем в Польше начался сейм, главный вопрос — выбор короля. Промосковская партия стояла за сына Ивана Федо-

ра, но Иван об этом теперь и слышать не хотел. Дипломатичные польские шляхтичи пытались объяснить причину, по которой Федор Иванович интересуется их больше: король должен быть в Варшаве, а не править через наместника, и король должен быть католиком.

На первое Иван сказал, что способен ездить между тремя столицами, а на второе, что венчать на королевство его должен русский митрополит. Очевидно, он сам понимал, как эти объяснения бессмысленны, потому что с легкостью соглашался, чтобы поляки избрали себе сына Максимилиана и чтобы сразу был заключен мир.

Сейм избрал Генриха Валуа. Королем он оказался никудышным, от Польши пришел в ужас, и как только смог — сбежал. Тут сторонники Москвы снова стали просить Ивана скорее прислать послов и взять Польшу на тех же условиях, что и Генрих.

Но пока Иван раздумывал, на польский трон избрали семиградского князя Стефана Батория. Это был замечательный выбор. Для Польши. В первой же грамоте к русскому царю Баторий твердо дал понять, что Ливонию не уступит. А дела у русских в Ливонии шли все хуже. Они не только не смогли взять в 1577 году город Ревель, но измученное долгой войной эстонское население стало вести против войска свою войну — настоящую крестьянскую войну.

Не выдержал напрасных обещаний и Магнус, он занял несколько ливонских крепостей и велел передать Ивану, что Ливония теперь его королевство. «Иван изумился», — пишет Карамзин. Изумление его было страшно. Он бросил свое войско на занятые Магнусом города. Они сдавались русским без сопротивления. Иван требовал Магнуса перед свои очи. Магнус сидел в Вендене и ехать не желал. Вместо себя он послал захваченного в

плен воеводу Батория, и тот открыл царю, что его «король» ведет переговоры о передаче Ливонии Баторию. Иван потребовал Магнуса немедленно. И тот побоялся послушаться. Скоро он уже сидел вместе со своими чиновниками в холодном и пустом доме на соломе.

Русские тем часом вошли в Венден. Немцы сопротивлялись отчаянно и заперлись в замке. Когда угроза захвата стала очевидной, они взорвали себя вместе с женами и детьми.

Из крупных крепостей теперь оставалась Рига. Но на Ригу Иван пойти не решился. Он взял мелкие городки, где сидели литовцы. Без боя. Магнуса со всеми его приближенными везли за собой как трофей. Но в Дерпте Иван почему-то его простил и отпустил, истребовав только выплатить Москве 40 000 гульденов. Даже вернул все, что Магнус сумел навоевать, и щедро добавил пару городков.

На этом успехи Ивана в Ливонии и закончились. Баторий, решив проблемы с немцами, обратил взгляд на Ливонию. Иван же, вернувшись в Москву, разочаровался в своей пятой жене и без всякого разрешения женился на Анне Васильчиковой, а потом и на шестой — Василисе Мелентьевой.

А Баторий наладил отношения с сыном Девлет-Гирея, и не пустыми обещаниями купил его верность, а настоящим золотом, так что у Польши появился отличный союзник — все тот же крымский хан. В Ливонии же немцам удалось отобрать назад город Венден, а Магнус простился с надеждами на русского царя и принял сторону Батория, шведы также теснили русских из Ливонии.

Как-то очень быстро положение изменилось ужасным образом для царя. Летом 1578 года он послал войско отобрать Венден, но оно потерпело такое сокрушительное поражение, что московские пушкари предпочли пове-

ситься на своих орудиях. Если до этого Иван игнорировал предложения Батория о мире, теперь он сам искал мира.

Поздно. Баторий желал войны. Первое, что он сделал, — пошел на Полоцк. Полоцк был вооружен плохо, но он был хорошо укреплен. Баторий взял город за три недели. Тем временем Иван, приехав во Псков, где было собрано большое войско, разбил его на отряды: один пустил грабить Курляндию, другой — на Карелию и Ижору, поставил гарнизоны в ливонских городках и собирался идти на Вильно и Варшаву.

Но тут пришло известие о Полоцке. Русские пробовали пробиться к городу — и не смогли. Из Полоцка Баторий пошел на Псков. Дойдя до границы, он из-за начала зимы (1580 года) вернулся в Варшаву. Войско короля было наемным, ему требовались деньги, чтобы платить воинам жалованье. Шляхтичи, прежде недовольные, услышав о планах Батория, деньги тут же выделили и обещали набрать новое войско.

Иван пытался с королем торговаться, но теперь получал один и тот же ответ: «Ты должен отдать Литве Новгород, Псков, Луки со всеми областями Витебскими и Полоцкими, также всю Ливонию, если желаешь мира». Такого мира Иван не желал. А другого не желал Баторий.

Иван, кажется, не понимал, что это не угрозы, это ультиматум. Он занимался более интересными делами. Женился в седьмой раз на Марии Нагой, а своего сына Федора женил на сестре набирающего силу Бориса Годунова, породнившегося годы назад с Малютой Скуратовым и через тот брак попавшего в окружение царя. «Два брака, ужасные своими неожиданными следствиями для России, вина и начало злу долговременному», — не мог не воскликнуть Карамзин.

В 1581 году царь неожиданно узнал, что Баторий взял Великие Луки и напрямик идет к Пскову. Иван был в ужасе. Он «вверил защиту Пскова Воеводам надежным: Боярам, Князьям Шуйским, Ивану Петровичу и Василию Федоровичу (Скопину), Никите Ивановичу Очину-Плещееву, Князю Андрею Хворостинину, Бахтеярову, Ростовскому-Лобанову; дал им письменный наказ и в храме Успения, пред Владимирскою иконою Богоматери, взял с них торжественную присягу, что они не сдадут города Баторию до своей смерти».

Поскольку воеводы отлично знали, какой смертью умрут, если сдадут Псков, или какой смертью умрут их семьи, если передадутся Баторию,— что ж, выхода у них не было. Они должны были или победить, или умереть. Назначенные царем, они потребовали такой же клятвы у своего войска. Войско поклялось.

18 августа Баторий подошел к Пскову. То, что он увидел, ему очень не понравилось. Это была настоящая каменная крепость. Взять ее приступом король не мог. Он это понял сразу же. Началась осада. Король вел борозды, ставил осадные орудия, и эта работа тянулась вплоть до 7 сентября.

Через день был приступ. Горожане его отбили. В этот день погибло 863 защитника и 1626 было ранено. У Батория полегло пять тысяч человек. Раненых никто не считал. Баторий пробовал напугать жителей и вынудить к сдаче, в ответ пустили стрелу с ответом, что будут биться до смерти.

Больше всего Баторий боялся, что осада затянется. Она и затянулась. Приступов было немало, вылазок осажденных — тоже. Войско короля редело не только от стрел и ядер, но и от болезней, холода, начинающегося голода.

Собрав все силы, Баторий сделал 2 ноября последний приступ. Он был неудачен. А когда сквозь ослабев-

шее войско короля к городу подошли свежие силы и смогли пробиться в город, Баторий понял: это поражение. Он приказал сниматься и уходить.

Отступая, Баторий оказался у Псково-Печерского монастыря, надеясь хоть там добыть необходимое для дальнейшей войны золото. Но теперь его приступы дважды отбили монахи. Баторий боялся в это верить. Монахи тоже не собирались сдаваться. Измученное, голодное, плохо одетое для зимы войско стало разбегаться. Первыми покинули короля немцы. Литовцы писали в отчаянии, что Баторий упрям, если он не повернет, то погибнет в снегах.

Но неудача Батория вполне компенсировалась удачей шведов — те брали назад отвоеванные русскими крепости Ливонии. Иван не знал, что делать: страна была истощена войной, то, что удалось удержать Псков, больше выглядело как чудо, но взять на себя ответственность и проиграть войну... этого он тоже боялся.

И опять ответственность за такой исход войны он переложил на бояр. На совете они приговорили: отдать Ливонию, но торговаться до конца, а со шведами мира не заключать. Баторий на переговоры согласился, но велел передать, что едет за свежим войском. Войско Баторий не получил, а переговоры тянулись долго, до января 1582 года. Иван отказался от Ливонии и отдал Полоцк и Вележ, а Баторий вернул все захваченные русские города.

В этот же год в ссоре Иван совершил роковой для своей династии поступок: убил сына Ивана. От содеянного он сам был в ужасе, несколько дней ничего не ел, сидя у гроба. Но исправить уже ничего было нельзя. Когда-то, еще в молодости, он облил своего шута горячим варевом и ткнул ножом, а потом звал лекаря и про-

сил вылечить, но шут умер. С сыном было хуже. Сын умирал у него на глазах. И лекари тоже не могли его вылечить. В отчаянии он даже позвал приближенных бояр и стал говорить, что теперь не может управлять государством, а Федор не способен по слабости ума, и просил избрать достойного.

Бояре, которых он немало увечил и казнил, содрогнулись от одной этой мысли. Они решили, что Иван их проверяет: вдруг — изберут? Что они могли сказать? «Не оставляй!» Он и не оставил. Слабость прошла. Весь двор он одел в цвета скорби, избавился от пышности и богатства.

Но потом и это стало меняться. Иван вернулся к войне. На этот раз со Швецией. После мира с Баторием Иван считал, что Швеция не устоит. И был не прав. После неудачи Батория у Пскова шляхтичи приговорили прекратить бессмысленную войну со Швецией. Им эта война тоже была не нужна. И так же неожиданно два короля заключили мир.

Теперь оказалось, что у шведов не будет второго противника. А если шведы не будут воевать с Баторием, то Москва вряд ли сможет Швецию одолеть. И Иван первым заговорил о мире. Его заключили в Плюссе, отдав Ям, Иван-город и Копорье.

Охладев к войне, царь вдруг снова захотел жениться. Теперь он искал себе невесту в Англии. Королева ответила ему, что дала обет безбрачия. Тогда Иван выразил желание взять в жены Марию Гастингс. Свою последнюю жену, бедную Марию Нагую, только что родившую царю наследника Дмитрия, он желал удалить от себя.

Но помолвка с Марией так и не состоялась. Елизавета писала к Ивану, что Мария веры своей переменить не может и вообще телесно нездорова. Посол заверил царя, что при необходимости в Лондоне можно подыс-

кать немало именитых и красивых невест. Его удивило, что царь просил королеву о возможности получить в Англии убежище, если придется бежать из Москвы. В Москве — враги. Враги могут его убить. Королева ему отвечала, что с удовольствием примет царя, даже если ему будет не нужно убежище.

Странная переписка. Но учитывая тот кошмар, который Иван сотворил своими руками, вполне объяснимая.

Убежища ему искать не пришлось. Убежищем для него стала смерть. До зимы 1584 года Иван, хоть и дряхлел, но был телесно крепок. Но той зимой вдруг появилась комета с крестообразным хвостом. Иван вышел на крыльцо, увидел комету и вдруг изменился лицом и сказал, что это знамение его смерти. Его бросились убеждать, но царь был тверд.

10 марта он велел писать завещание, «объявил Царевича Феодора наследником престола и Монархом; избрал знаменитых мужей Князя Ивана Петровича Шуйского (славного защитой Пскова), Ивана Федоровича Мстиславского (сына родной племянницы Великого Князя Василия), Никиту Романовича Юрьева (брата первой Царицы, добродетельной Анастасии), Бориса Годунова и Бельского в советники и блюстители Державы, да облегчают юному Феодору (слабому телом и душою) бремя забот государственных; младенцу Димитрию с матерью назначил в Удел город Углич и вверил его воспитание одному Бельскому; изъявил благодарность всем Боярам и Воеводам: называл их своими друзьями и сподвижниками в завоевании Царств неверных, в победах, одержанных над Ливонскими Рыцарями, над Ханом и Султаном; убеждал Феодора Царствовать *благочестиво, с любовью и милостию*, советовал ему и пяти главным Вельможам удаляться от войны с Христиан-

скими Державами; говорил о несчастных следствиях войны Литовской и Шведской; жалел об истощении России; предписал уменьшить налоги, освободить всех узников, даже пленников, Литовских и Немецких».

Еще до этого он призвал со всей земли астрологов, и те истолковали появление кометы именно как предвестник смерти, и назвали дату этой смерти — 18 марта. Когда наступило 17 марта и Иван был слаб, но не выглядел умирающим и даже почувствовал облегчение, он пообещал этим астрологам, что если не умрет, то велит их казнить. Астрологи отвечали, что день еще не миновал. Царю приготовили теплую ванну, он с удовольствием полежал в ней три часа, потом надел халат, сел на постель, взял доску с шахматами — и упал без сознания. Так и умер, хотя его и растирали, и оживляли. И пока он умирал, провели обряд пострижения и нарекли его Ионой. Карамзин писал, что этот обряд провели «над издыхающим» — вот его отношение к царю Ивану.

ФЕДОР И БОРИС

ЦАРСТВОВАНИЕ ФЕОДОРА ИОАННОВИЧА 1584—1598

Наследник Ивана, 27-летний царевич Федор, был не способен править самостоятельно. Именно потому перед смертью Иван и назначил ему в советники двоих людей, которым доверял: молодого царедворца Годунова и умудренного опытом Бельского.

О новом царе Карамзин говорит следующее: «На громоносном престоле свирепого мучителя Россия увидела *постника и молчальника*, более для келии и пещеры, нежели для власти державной рожденного: так, в часы искренности, говорил о Феодоре сам Иоанн, оплакивая смерть любимого, старшего сына. Не наследовав ума царственного, Феодор не имел ни сановитой наружности отца, ни мужественной красоты деда и прадеда: был росту малого, дрябл телом, лицом бледен, всегда улыбался, но без живости; двигался медленно, ходил неровным шагом, от слабости в ногах; одним словом, изъявлял в себе преждевременное изнеможение сил естественных и душевных».

Очевидно, жизнь рядом с Иваном полностью сделала из Федора отрешенного от жизни человека. Набожный и созерцательный, он жил в собственном выдуманном мире. Был ли он слабоумен? Этого никто подтвердить не мо-

жет, но ум у него был устроен иначе, чем у Ивана. По своей смерти последний оставил правящую Думу из пяти вельмож: князя Мстиславского, боярина Юрьева, князя Шуйского, любимца своего Бельского и Бориса Годунова.

В первый же день эта Дума расправилась со всеми жестокими исполнителями Ивановой власти, кого сослав, кого отправив в тюрьму, но особое внимание было уделено Марии Нагой с малолетним Дмитрием — Дмитрий считался наследником Ивана, а про Нагих говорили, что те замышляют переворот. Марию с ребенком сразу взяли под стражу и вместе со всеми родственниками отправили в город Углич. Для постоянного пригляда за несчастной царицей назначили охрану. Бельский, который считался воспитателем царевича, в Углич за ними не поехал.

Это решило его судьбу. Тут же поползли слухи, что боярин собирается посадить на престол Дмитрия. Начался мятеж. Народ рвался к дворцу и требовал выдать изменника. Тогда народу объявили, что Бельский будет выслан из Москвы, его назначили воеводой в Нижнем Новгороде. В этом решении принял участие и Годунов: если от него ожидали, что Борис станет защищать друга, этого не случилось. Борис показал полную лояльность. В мире, где было принято вступать в ту или иную клику и стоять за своих подельников, Борис стоял только за самого себя.

Этому помогало то, что его сестра была женой Федора и Борис имел непосредственный доступ к царю как ближайший член семьи. Ему было тогда 32 года, то есть с Федором они были почти ровесники. И Федор больше верил Борису, чем кому-то другому. А свою жену царь любил нежной и преданной любовью. Само собой, при нем Борис стал возвышаться.

Карамзин считал, что у Бориса были все черты, достойные царя (пусть он и не был царского рода), но одна

дурная особенность: если было выгодно, он не различал доброго и злого. Первое, что он сделал после мятежа, — расправился с возможными поджигателями, сослав их подальше от столицы. В этом видели объективность, но начинали страшиться роста его влияния на царя.

Борис выжидал. Свое влияние он показал только после законного венчания Федора Ивановича на царство. На этом венчании Борис держал скипетр, Юрьев и дядя Ирины Дмитрий Годунов — царский венец на золотом блюде, а сама Ирина сидела в короне под растворенным окном своей палаты. И во все царствование Федора венец (как символ власти) принадлежал царю, но скипетр (как сама власть) — Борису.

Новая Дума быстро убрала по всей стране наиболее одиозных наместников и судей, поставив людей, не замеченных в корыстолюбии и кровопролитиях. В то же время приходилось решать и насущные политические проблемы, доставшиеся от прежнего государя. Борису удалось быстро и безболезненно разобраться с мятежным Казанским царством, при нем было присоединено и Сибирское царство, которое начал завоевывать еще Иван. По всей сибирской земле Борис ставил укрепленные городки с гарнизонами. Туземное население смирилось.

«Около 1586 года Сибирь доставляла в казну 200 000 соболей, 10 000 лисиц черных и 500 000 белок, кроме бобров и горностаев», — пишет Карамзин. Это было отличное вливание в тощую казну. В отношении с другими странами Борис был предусмотрителен и благоразумен, напрасной войны он бы не затеял.

Сложнее были отношения с Баторием: тот хотел дожать русских и расширить плоды завоеваний, но Борис быстро понял, как следует себя держать: на требования послов он отвечал мягко, но твердо. Земли он никому

уступать не собирался, на провокации не поддавался. Благополучно управлял за царя он лишь в связке с Юрьевым, но стоило тому умереть от старости, Мстиславский сразу же примкнул к ненавистнику Бориса Шуйскому.

Годунову тайно шепнули, что против него готовят заговор. Было следствие. Мстиславского постригли в монахи, кого-то сослали и отправили в тюрьму, но Шуйского не тронули: у Бориса не было доказательств его вины.

Разумная политика с Польшей тем временем принесла свои плоды. Хотя Баторий угрожал и требовал северных русских городов, сейм принял решение о продлении мира. Этим в Москве были и удивлены, и обрадованы.

Точно так же — мягко и осторожно — Годунов вел политику и со шведами. Он просто предложил выкупить у шведов те города, которые они брали по Плюсскому миру. Сначала в Швеции само предложение встретило ярость, стали раздаваться призывы к войне, но все завершилось переговорами о новом мире.

Сложнее было с южными наследниками Орды, но и тут Борис проявил верх изобретательности: терпеливо ссорил этих опасных соседей и сам же выступал инициатором их замирения. В конце концов хан Ислам сделал для себя выбор: гораздо разумнее грабить земли Батория, а доброго Федора (рукой которого водил Борис) оставить в покое.

Удержал Борис и турецкую войну, свалив всю вину за стычки с турками на вольных казаков, причем литовских. Своего атамана Кишкина, злодействовавшего под Азовом, тут же отозвал в Москву. Еще одним удачным (хотя опасным из-за претензий турок) приобретением была Грузия: в 1586 году грузинский царь Александр перешел в подданство Москвы.

Обещал Борис и помощь персидскому царю против турок, за что последний передал всю Ширванскую землю. В то же время по мере разрастания Москвы на юге Борис ставил там крепости и городки. Если он обещал новым подданным мир и безопасность, то собирался эти обещания выполнить.

Но чем больше политика разумного равновесия приносила плоды, тем больше ненавидели Годунова Шуйские. Они сделали попытку отделить Федора от Бориса. Дело в том, что у Федора не было от Ирины детей, и поскольку прецедент развода уже существовал, то бояре умоляли царя взять себе другую жену. Так они бы отстранили Годунова. Но Годунов среагировал моментально: он мягко объяснил, что у Ирины еще могут быть дети, особо ссылаясь на огромную любовь Федора к жене. А претендентку, которую бояре предлагали вместо Ирины, княжну Мстиславскую, постриг в монашки.

Борис знал, кто стоит за заговором. Очень вовремя тут появился некий слуга Шуйских, который донес, что его господу готовят измену. Всех заподозренных, и не только семейство Шуйских, судили, признали виновными (не имея ничего, кроме слухов) и отправили кого в ссылку, кого в тюрьму. Только Ивану Скопину-Шуйскому, как не замеченному в заговоре, разрешили остаться в Москве. Шестерым московским купцам-заговорщикам всенародно отрубили головы. Двоих Шуйских (один был героем обороны Пскова) тихо удавили в тюрьме.

Впрочем, опасаться нужно было не только разговоров. Годунов представлял, что угрозой будет любой неожиданный наследник. Поэтому он выманил из Европы несчастную жену Магнуса, к тому времени уже почившего, Марию с маленькой дочкой Евдокией. Мария надеялась на жениха, но получила монашество, а

ее дочь, как говорили, умерла не по своей воле. Так в те времена решались династические споры.

Между тем царь Федор стал претендовать на польский престол. В 1586 году умер Баторий, и трон был свободен. Литовская партия, которая и прежде желала посадить на него Федора, теперь желала использовать удачный шанс. Желал соединить все русские, литовские и польские земли в единой державе и Борис. Так что неизвестно, по своей ли воле Федор захотел стать польским королем (а он мог, учитывая посылку литовских послов и настойчивые уговоры) или за него так решил Борис, но Федор свои претензии на престол заявил. Только условия, которые он ставил польским панам, были для панов неприемлемы.

Так что, хотя Годунов ездил на переговоры и расписывал достоинства Федора, ничего из переговоров не получилось. Ни мягкость, ни терпение, ни красноречие Борису не помогли. Польские шляхтичи выбрали на этот престол двух претендентов — шведского короля и Максимилиана.

Литовские паны в ответ бросились умолять Федора принять королевский венец по латинскому обряду (в этом была главная загвоздка: Федор от православия отступать отказался), обещая, что при согласии они пойдут всей Литвой на Краков и утвердят его на престоле силой. Федор оказался в крайне неловком положении: силой он не хотел, но изменить православию боялся еще больше.

Пока он решал, как лучше поступить (и тут Годунов тоже был бессилён), паны, даже литовские, решение приняли. Королем избрали Сигизмунда. Федор обиделся, не столько за себя, сколько за Максимилиана. Как и отец, он был сторонником австрийского двора. И даже хотел помочь Максимилиану утвердиться силой, посы-

лал для переговоров гонцов, тратил на это деньги, но все впустую. Максимилиан престола не желал. Годунову удалось раскрыть глаза царю на этот предмет: император Рудольф купил свободу своему брату Максимилиану ценой отказа от польского престола.

В 1589 году, во время очередного тура шведских переговоров, Федор вдруг радикально изменил к ним отношение. И Борис, очевидно, тут тоже оказался бессилён. Федор дал своему послу такой наказ: не хотим ни мира, ни перемирия, если Шведы, сверх Новгородских земель, ими захваченных, не уступят нам Ревеля и всей Эстонии. Проще было сказать: мы объявляем Швеции войну.

Зимой 1590 года русское войско пошло на Нарву. Город был взят. Другая часть войска прошла по Эстляндии до Ревеля и по Финляндии до Абова. Шведы запросили мира. Они соглашались отдать все русские крепости, а вопрос об Эстляндии предстояло решить на новых переговорах.

Федор был счастлив. Но вместо обещанных переговоров шведский король ввел новые войска. Войска были снова разбиты. Вроде бы удача сопутствовала русским, но войну со шведами использовали польские послы на переговорах о мире, которые так все еще и велись. Они обвинили Федора в нарушении соглашения о шведах и требовали снова северных русских городов. Все же договоренность была достигнута, продлив перемирие на 12 лет. Москва обещала остановить на год войну со Швецией.

Снова установился мир. И, пожалуй, благодаря взвешенной политике Годунова. Что мог наделать Федор без Бориса, показывает пример с началом шведской кампании. Но Федор слушался Бориса. Жаль только, что был слаб здоровьем. И Борис размышлял, каково станет его будущее после смерти царя. По закону наследником назо-

вут царевича Дмитрия. К власти придут Нагие. Они не дадут Борису ни шанса. Таким образом, по мнению Карамзина, у Годунова возникла мысль убить наследника.

По Карамзину, для начала Борис распустил слух о склонности царевича к жестокости и кровопролитию: «В Москве говорили всенародно (следственно, без страха оскорбить Царя и Правителя), что сей младенец, еще имея не более шести или семи лет от роду, есть будто бы совершенное подобие отца: любит муки и кровь: с веселием смотрит на убиение животных: даже сам убивает их. Сею сказкою хотели произвести ненависть к Димитрию в народе; выдумали и другую для сановников знатных: рассказывали, что Царевич, играя однажды на льду с другими детьми, велел сделать из снега двадцать человеческих изображений, назвал оные именами первых мужей Государственных, поставил рядом и начал рубить саблею: изображению Бориса Годунова отсек голову, иным руки и ноги, приговаривая: „Так вам будет в мое Царствование!“»

Говорили и обратное, но примеров невинности и ума не приводили, так что как-то больше верится в разрубленную ледяную фигуру.

Извести младенца, по Карамзину, пытались разными путями: мамка Волохова давала ему яд и в еде, и в питье, яд не действовал; несчастные случаи не срабатывали. Тогда, говорит историк, Борис послал в Углич глядеть за Дмитрием дьяка Битюговского, «ознаменованного на лице печатью зверства», ему и было поручено устранение наследника.

Карамзин рисует картину убийства так: «15 мая, в субботу, в шестом часу дня, Царица возвратилась с сыном из церкви и готовилась обедать; братьев ее не было во дворце; слуги носили кушанье. В сию минуту Боярыня Волохова позвала Димитрия гулять на двор: Царица, думая идти

с ними же, в каком-то несчастном рассеянии остановилась. Кормилица удерживала Царевича, сама не зная, для чего, но мамка силою вывела его из горницы в сени и к нижнему крыльцу, где явились Осип Волохов, Данило Битяговский, Никита Качалов. Первый, взяв Димитрия за руку, сказал: „Государь! у тебя новое ожерелье“. Младенец, с улыбкою невинности подняв голову, отвечал: „Нет, старое...“ Тут блеснул над ним убийственный нож; едва коснулся гортани его и выпал из рук Волохова. Закричав от ужаса, кормилица обняла своего Державного питомца. Волохов бежал; но Данило Битяговский и Качалов вырвали жертву, зарезали и кинулись вниз с лестницы, в самое то мгновение, когда Царица вышла из сеней на крыльцо...

Девятилетний Святой Мученик лежал окровавленный в объятиях той, которая воспитала и хотела защитить его своею грудью: он *трепетал, как голубь*, испуская дух, и скончался, уже не слышав вопля отчаянной матери... Кормилица указывала на безбожную мамку, смятенную злодейством, и на убийц, бежавших двором к воротам: некому было остановить их; но Всевышний мститель присутствовал!»

На самом деле, история смерти царевича так и осталась тайной. Если прочесть протоколы следственной комиссии (ее назначил Борис), то свидетели путаются в собственных словах, а некоторых листов и вовсе нет. Этот сохранившийся реальный документ ставит больше вопросов, чем разрешает ответы. Вот почему историк пришел к выводу, что подлинные свидетельства были подтасованы Борисом: «Взяли и переписали грамоты Углицкие: сказали в них, что Царевич в судорожном припадке заколол себя ножом от небрежения Нагих, которые, закрывая вину свою, бесстыдно оклеветали Дьяка Битяговского и ближних его в убиении Димитрия, взволновали народ, злодей-

ски истерзали невинных. С сим подлогом Годунов спешил к Феодору, лицемерно изъясняя скорбь душевную; трепетал, смотрел на небо — и, вымолвив ужасное слово о смерти Димитриевой, смешал слезы крокодиловы с искренними слезами доброго, нежного брата.

Царь, по словам Летописца, горько плакал, долго безмолвствуя; наконец сказал: „Да будет воля Божия!“ и всему поверил. Но требовалось чего-нибудь более для России: хотели оказать усердие в исследовании всех обстоятельств сего несчастья: нимало не медля, послали для того в Углич двух знатных сановников государственных — и кого же? Окольничего Андрея Клешиина, главного Борисова пособника в злодействе!

Не дивились сему выбору, могли удивиться другому: Боярина Князя Василия Ивановича Шуйского, коего старший брат, Князь Андрей, погиб от Годунова и который сам несколько лет ждал от него гибели, будучи в опале. Но хитрый Борис уже примирился с сим Князем честолюбивым, легкомысленным, умным без правил добродетели, и с меньшим его братом, Димитрием, женив последнего на своей юной своячине, и дав ему сан Боярина. Годунов знал людей и не ошибся в Князе Василии, оказав таким выбором мнимую неустрашимость, мнимое беспристрастие».

Комиссия сделала вывод, который и был необходим Борису: царевич погиб в результате несчастного случая. А вскоре хан сговорился со шведами, и на юг страны снова нагрянули кочевники. Разговоры о царевиче прекратились, народ был занят более важной проблемой — войной. Хан шел на Москву. Бились у самых стен Москвы несколько дней, и с той, и с другой стороны было немало убитых. Хан бежал без памяти, гнали его до самой Тавриды. 2 октября с третью своего войска и

покалеченной в бою рукой Казы-Гирей вернулся в Бахчисарай. Все свои обозы он бросил по дороге на Крым.

Эта удачная война с ханом полностью загасила сплетни о неестественной смерти Дмитрия. Но не везде. Вдруг в 1592 году прошел слух, что в Алексине толкуют, будто Борис навел хана специально, чтобы забыли о царевиче. Начался розыск и казни. Тут Карамзин тоже находит признаки Борисовой вины: был бы без вины, остался бы великодушен: если казнил — боялся, так что — убил... Хотя, скорее, таким образом Борис стал вершить правосудие: из-за сплетен страна была на грани мятежа.

В этот же год стало известно, что Ирина наконец-то беременна. Карамзин рисует тяжелые душевные муки Бориса, что тому приходилось радоваться, когда хотелось выть от боли: только что убил одного, а вот будет другой законный наследник. Но по всем свидетельствам Борис радовался. Увы, Ирина родила дочь. Правда, снова ходили слухи, что Борис подменил мальчика на девочку. А иные всерьез рассуждали: имеет ли право новорожденная Феодосия, если братьев так и не родится, наследовать престол?

Но через год и говорить стало не о чем: девочка умерла. И в этом тоже тайно обвинили Бориса. Так что, если эти слухи собрать воедино, получится, что Борис несправимый детоубийца. Недаром в поэме Пушкина у него «мальчики кровавые в глазах».

Но сплетни утихли. Тому способствовали успехи политические: Москва наконец-то заключила мир со Швецией. Правда, по этому договору шведы получили Эстляндию и Нарву, зато Москва вернула все новгородские владения. После неудачного похода притих и крымский хан, уверяя московских послов в дружбе и любви.

Только отношения с Султаном турецким по-прежнему были натянутыми. В легенду, которую ему преподнесли

послы («Мы ничего у вас не отняли: ибо Князя Горские, Черкесские и Шавкалские были издревле *нашими подданными Рязанских пределов*, бежали в горы и там покорились отцу моему, своему давнишнему, законному властителю»), он не поверил. Появилось и странное письмо, якобы от императора, но сообщающее о победах некоего Хлопицкого над крымцами и желании бить турок. Оказалось по разъяснении, что казаки Хлопицкого хотят подданства Московского. Учитывая, что казаки были литовскими подданными, Москва попадала в щекотливое положение. И казаков оставили без ответа.

В самом же государстве Борис ввел новый закон о крестьянах, запретив им переход из волости в волость. Дополненный указом 1597 года о розыске и возвращении беглых крестьян в течение пяти лет, он стал основой для формирования крепостного права. Законы возмутили крестьян, но обрадовали мелких землевладельцев: теперь их крестьяне становились их собственностью.

Впрочем, успешная политика не могла дать Годунову успешного будущего: его жизнь зависела от здоровья Федора. А Федор слабел. Он сам это чувствовал и готовился к смерти заранее: к концу дней он стал еще более набожным. Умер царь после тяжелой болезни в 1598 году. Завещать царство ему было некому, на нем пресекалась династия. По завещанию «Феодор вручал Державу Ирине, а душу свою приказывал великому Святителю Иову, двоюродному брату Федору Никитичу Романову-Юрьеву (племяннику Царицы Анастасии) и шурина Бориса Годунову, то есть избрал их быть главными советниками трона».

Бояре впервые после его смерти присягнули не царю, а царице. Присягнул и народ, но Ирина отказалась от власти и постриглась в монахини под именем Алек-

сандры. Узнав об этом, собрались думцы и приговорили, что в таком тяжелом для страны случае трон нужно передать брату царицы — Борису Годунову.

ЦАРСТВОВАНИЕ БОРИСА ГОДУНОВА 1598—1605

Борис, конечно, хотел принять этот трон, но не мог без некоего театрального действия. Он желал, чтобы его уговорили. Все-таки после падения династии он ощущал неудобство в пользовании чужим имуществом. И если, как считал Карамзин, Борис был узурпатором власти, то стыдливым узурпатором. Открыто претендовать на царское место он считал и опасным, и неловким.

Но патриарх и бояре были настроены решительно: Бориса даже обвиняли в уклонении от воли самого Бога! Единственное, что могло помочь, — съезд представителей от всей русской земли. Таким образом был созван первый собор такого рода — Земский великий собор. Сам Борис все это время провел подле сестры в монастыре. Указы, которые принимались, писались именем Александры, то есть именем инокини, прежде бывшей царицей Ириной. Народ понимал, что безначалие хуже назначенной власти. Поэтому собор постановил возвести Бориса на царство. Несколько раз Борис отказывался, но тогда стали собираться толпы и идти к его убежищу. В конце концов, когда эти толпы стали опасны и могли начать мятеж, Борис принял власть. Так он стал московским царем.

Царица со слезами при полном стечении народа передала ему эту царскую власть, сославшись на волю бога. Борис стал воистину богоизбранным. 26 февраля 1598 года

он въехал торжественно в столицу. Вместе с ним чествовали его жену Марию Федоровну, сына Федора и дочь Ксению. Зрелище было патриотическим и требовало слез. Затем вся земля целовала крест на верность новому царю.

Борис был деятелен и неутомим, он сразу занялся государственными делами, которые требовали разрешения, но первое время провел подле безутешной сестры. Только потом уже он переселился с семьей из монастырских стен в кремлевские. Для полного производства в цари ему требовалось пройти обряд венчания на царство, но он отложил этот трепетный момент, спеша справиться с новой угрозой с юга. Хотя сведения об этой угрозе были малодостоверными, Борис ее не игнорировал. Он собрал огромное войско, готовое отразить врага. Но вместо врага ко двору явились ханские послы. По одной версии, Борис затеял этот маскарад с войском для демонстрации силы своей власти, по другой — и, возможно, более справедливой — демонстрация силы заставила крымского хана отменить свой поход. Если хан рассчитывал поживиться в ослабевшей Москве, то теперь он убедился, что она сильнее, чем прежде.

После такого бескровного укрощения хана народ славил Бориса и был счастлив. Свое венчание он назначил на 1 сентября — в этот день в Москве начинался новый год. С нового года он думал строить новую Русь. Почти сразу он возобновил мирные договоры с другими странами, а русско-польский договор установил 20 лет тишины и покоя. Все было прекрасно! Дочь Ксению он решил выдать за датского герцога Иоанна, брата короля Христиана. Обручение и свадьбу решили отложить до зимы. Но этому браку было не суждено свершиться: герцог заболел в Москве и умер. Царевна, получив ужасное известие, без чувств упала к ногам отца. Несчастливого жениха не решились вез-

ти на родину, его похоронили в самой Москве, в немецкой слободе, в недавно построенной Аутсбургской церкви.

Сплетники находили повод злословия и в этой смерти: шептались, что Борис послал к больному медиков, которые его и погубили. Но зачем бы это было нужно Борису? Нового жениха он подобрал для царевны только в 1604 году, но то было уже время, когда предложение стало бессмысленным.

Первые два года правления Бориса Карамзин считал лучшими для Москвы. Ему удалось наладить с соседями прочный мир, успокоить кочевые народы на окраинах, укрепить порядок внутри страны, но имя Бориса для многих было связано с делом царевича Дмитрия, и слухи, которые он желал бы уничтожить, никак не пресекались. Он постарался удалить тех, кто мог желать ему вреда. Бывший друг Бельский был отправлен строить на берегу Северного Донца крепость Борисов. Бельский покорно принял новость. Но вскоре с Донца кто-то донес, что боярин собирается стать независимым от царя. Борис посадил его в тюрьму там же, на Донце.

Боярин Никита Романов-Юрьев на смертном одре призвал Бориса быть его сыновьям вместо отца. Борис по видимости наградил этих детей, но Романовых он опасался: ходили слухи, что они могут претендовать на царскую власть. По доносу в доме у Александра Романова провели обыск и нашли какие-то коренья в мешках, которые тут же были признаны колдовскими: якобы Романовы умышляли колдовством извести семью Бориса. Завелось дело. Вместе с Романовыми пострадали князья Черкасские, Шестуновы, Репнины, Карповы, Сицкие.

«В июне 1601 года,— пишет Карамзин,— исполнился приговор Боярский: Федора Никитича Романова (будущего знаменитого Иерарха), постриженного и названного

Филаретом, сослали в Сийскую Антониеву Обитель; супругу его, Ксению Ивановну, также постриженную и названную Марфою, в один из заонежских погостов; тещу Федорову, Дворянку *Шестову*, в Чебоксары, в Никольский Девичий монастырь; Александра Никитича в Усолье-Луду, к Белому морю; третьего Романова, Михайла, в Великую Пермь, в Ныробскую волость; четвертого, Ивана, в Нелым; пятого, Василья, в Яренск; зятя их, Князя Бориса Черкасского, с женою и с детьми ее брата, Федора Никитича, с шестилетним Михаилом (будущим Царем!) и с юною дочерью, на Белоозеро, сына Борисова, Князя Ивана, в Малмыж на Вятку; Князя Ивана Васильевича Сицкого в Кожеозерский монастырь, а жену его в пустыню Сумского острога; других Сицких, Федора и Владимира Шестуновых, Карповых и Князей Репниных в темницы разных городов: одного же из последних, Воеводу Яренского, будто бы за расхищение Царского достояния, в Уфу. Вотчины и поместья опальных раздали другим; имение движимое и дома взяли в казну».

С годами Борис становился все более недоверчив. Ополчился он не только против Романовых. Князьям Мстиславскому и Шуйскому было запрещено жениться — Борис боялся, что их наследники смогут претендовать на престол.

Началось страшное время доносов. Достаточно было какой-то мелочи, чтобы человека взяли и лишили свободы и имущества.

Постепенно народная любовь сменилась такой же нелюбовью. Этому помогали и климатические условия. С 1601 года Москву преследовала непогода. Урожая в тот год не было, не было его и в следующий. Постоянные дожди и холод не давали зерновым вызреть, поля были покрыты жалкими растениями, которые не приносили плодов. Начался голод.

Борис сделал единственное, наверно, что мог, — открыл для народа царские житницы и выдавал хлеб из государственных запасов. Но на этой раздаче хлеба и денег наживались перекупщики, которые умудрялись разжиться государственным хлебом и тут же торговать им в 15 раз дороже настоящей цены.

Вместе с голодом пошли грабежи и убийства. Ко всему прочему из-за голода и неестественного питания корой или древесной трухой начались болезни. Иногда вымирали целые деревни. От непогребенных трупов шли эпидемии.

Борис старался уменьшить беды, но любовь к нему убывала: сами эти беды как бы говорили, что они обрушились в царствие Бориса не случайно, люди видели в них небесный гнев.

1603 год был для Бориса ужасным: к недороду, разбоям и прочим свидетельствам беспокойного времени прибавилась смерть любимой сестры. Он тяжело это пережил и был безутешен долго. Но со смертью бывшей царицы, кажется, рухнул и весь мир.

Неожиданно на юге появился человек, который выдавал себя за спасшегося чудом царевича Дмитрия. Карамзин рассказывает об этом искателе престола следующее: «Бедный сын Боярский, Галичанин Юрий Отрепьев, в юности лишаась отца, именем Богдана-Якова, стрелецкого сотника, зарезанного в Москве пьяным Литвином, служил в доме у Романовых и Князя Бориса Черкасского; знал грамоте; оказывал много ума, но мало благоразумия; скучал низким состоянием и решил искать удовольствия беспечной праздности в сане Инока, следуя примеру деда, Замятни-Отрепьева, который уже давно монашествовал в обители Чудовской.

Постриженный Вятским Игуменом Трифоном и названный Григорием, сей юный Чернец скитался из места

в место; жил несколько времени в Суздале, в обители Св. Евфимия, в Галицкой Иоанна Предтечи и в других; наконец в Чудове монастыре, в келии у деда, под началом. Там Патриарх Иов узнал его, посвятил в Диаконы и взял к себе для *книжного дела*: ибо Григорий умел не только хорошо списывать, но даже и сочинять каноны Святым лучше многих старых книжников того времени.

Пользуясь милостию Иова, он часто ездил с ним и во дворец: видел пышность Царскую и пленялся ею; изъявлял необыкновенное любопытство; с жадностию слушал людей разумных, особенно когда в искренних, тайных беседах произносилось имя Димитрия Царевича; везде, где мог, выведывал обстоятельства его судьбы несчастной и записывал на хартии. Мысль чудная уже поселилась и зрела в душе мечтателя, внушенная ему, как уверяют, одним злым Иноком: мысль, что смелый самозванец может воспользоваться легковерием Россиян, умиляемых памятью Димитрия, и в честь Небесного Правосудия казнить святоубийцу!

Семя пало на землю плодоносную: юный Диакон с прилежанием читал Российские летописи и нескромно, хотя и в шутку, говаривал иногда Чудовским Монахам: „Знаете ли, что я буду Царем на Москве?“ Одни смеялись; другие плевали ему в глаза, как вралю дерзкому.

Сии или подобные речи дошли до ростовского Митрополита Ионы, который объявил Патриарху и самому Царю, что „недостойный Инок Григорий хочет быть сосудом дьявольским“: добродушный Патриарх не уважил Митрополитова извета, но Царь велел Дьяку своему, Смирнову-Васильеву, отправить безумца Григория в Соловки, или в Белозерские пустыни, будто бы за ересь, на вечное покаяние.

Смирной сказал о том другому Дьяку, Евфимьеву; Евфимьев же, будучи свойственником Отрепьевых, умолил

его не спешить в исполнении Царского указа и дал способ опальному Диакону спастись бегством (в Феврале 1602 года), вместе с двумя Иноками Чудовскими, Священником Варлаамом и Крылошанином Мисаилом Повадиным.

Не думали гнаться за ними и не известили Царя, как уверяют, о сем побеге, коего следствия оказались столь важными. Бродяги-Иноки были тогда явлением обыкновенным; всякая обитель служила для них гостиницею: во всякой находили они покой и довольствие, а на путь запас и благословение.

Григорий и товарищи его свободно достигли Новагорода Северского, где Архимандрит Спасской обители принял их весьма дружелюбно и дал им слугу с лошадьми, чтобы ехать в Путивль; но беглецы, отослав провожатого, спешили в Киев, и Спасский Архимандрит нашел в келии, где жил Григорий, следующую записку: „Я Царевич Димитрий, сын Иоаннов, и не забуду твоей ласки, когда сяду на престол отца моего“. Архимандрит ужаснулся; не знал, что делать; решился молчать».

Карамзин считал, что Григорий Отрепьев и был человеком, далее известным как Лжедмитрий Первый, или Самозванец. Но самое его стремление занять московский трон он связывал с Литвой. Не будь этой Литвы, не получил бы Самозванец необходимой для похода за властью силы.

Именно в Литве у пана Вишневецкого появился этот беглец из Московии. И Вишневецкий, которому открыли тайну чудесного спасения, якобы поверил в историю, рассказанную беглецом почти на смертном одре. Как особые царские знаки беглец продемонстрировал также какой-то документ, в котором объявлено было, что податель сего спасенный медиком царский сын Дмитрий, и золотой с камнями крест.

О чудесном беглеце пан рассказал Юрию Мнишку. У Мнишка был холоп, который ходил за Дмитрием, когда тот был нескольких лет от роду. Тот назвал приметы царского сына, которые не были никому известны: бородавки на лице и одна рука короче другой. Приметы совпали. Оба пана решили, что в руках у них истинный наследник Федора.

Далее беглеца стали наставлять, как он может вернуть себе трон. Король Сигизмунд был не столь доверчив и не слишком желал портить отношения с Москвой. Но его удалось убедить как обоим панам, так и Ордену иезуитов, которые видели в беглеце возможность проникновения католической веры в Москву. Так что Сигизмунд назначил претенденту на престол ежегодную выплату в 40 000 золотых. Тот употребил эти деньги на финансирование войска.

Войско он стал набирать там, где вооруженных людей было в избытке, — среди казаков. Одни верили тому, что это настоящий Дмитрий, другие — не верили, но участие в походе прельщало их возможностями хорошо пограбить и повоевать. К тому же это была плата за обиду, когда Москва отвернулась от казаков и сделала вид, что их не существует.

Борису о человеке, именуящим себя царевичем Дмитрием, стало известно в январе 1604 года. Борис был в смятении. Он сразу послал узнать, кто может скрываться под именем мертвого царевича и кто в Москве может держать нити заговора. Что это заговор — он не сомневался. Подозревая мать Дмитрия, он велел привезти ее во дворец, но та была удивлена не меньше. Тут Борису и донесли, что царевич — это расстрига Отрепьев. Борис знал свой народ и боялся, что он поверит прелестным письмам, которые в обилии рассылал Самозванец. Поэ-

тому приказал объявить о Гришке подлинную историю. Она и была обнародована, но это не помогло.

Тогда Борис отправил к польским вельможам дядьку Григория Смирного-Отрепьева — и безуспешно. Он послал к донским казакам Хрущева с изложением Гришкиной истории — и это не помогло тоже. Напротив, казаки схватили Хрущева и привели к Самозванцу. Хрущев, просидевший с месяц в цепях, увидел Самозванца, пал на колени и зарыдал. То ли он желал избавиться от цепей, то ли поверил, что царевич действительно воскрес. Про Бориса в казачьем стане говорили одни только гадости, но среди них была мысль, достойная своего времени: Борис — не природный государь.

Сигизмунд все больше впутывался в сложные династические проблемы Москвы. Теперь ему пришлось платить не только Самозванцу, но и казакам, и даже крымскому хану, от которого ожидали деятельного участия в русском походе для возвращения трона природному царевичу. Помощь свою он скрывал. Причина тайны была понятна: это стало бы поводом для войны. Пока Самозванец выступал как частное лицо, мирный договор на 20 лет вперед считался не нарушенным.

Борис со своей стороны тоже боролся с Самозванцем. Он велел патриарху писать грамоты к западным христианам, заверяя клятвой, что Дмитрий мертв.

Тем временем Лжедмитрий собрал войска и двинулся на Москву. В октябре 1604 года войско его перешло границу. Только теперь Годунов опомнился: он стал собирать свои войска, чтобы отразить мятежников. Но было поздно. Народ переходил на сторону Самозванца. Скоро весь юг готов был встать под его знамя. Московские воеводы отступали. Причина была такова: многие подозревали, что Дмитрий мог чудом уцелеть, а вместо

него был убит другой ребенок. Они боялись поднять руку на того, кто мог оказаться природным государем!

В 1605 году Годунов поставил во главе войска Василия Шуйского. Это была его роковая ошибка. В первой битве под Севском Шуйскому удалось потеснить Самозванца, Годунов радовался счастливому избавлению. Напрасно. Все больше и больше желающих стекалось в Путивль, чтобы умереть за природного царя. Кромь Шуйскому взять уже не удалось.

Борис в Москве вдруг занемог и скончался от апоплексического удара. Он еще успел благословить сына Федора на царство. Но судьба Федора была предрешена. Если Годунову покорялись, пусть и не любили, в последние пару лет, то его мягкому и наивному сыну никто покоряться не желал. Про Бориса говорили, что Бог сам покарал убийцу Дмитрия, а сидеть на троне его отродью позволить нельзя. Тем не менее народ был приведен к присяге.

Присяга была такова: «Царице Марии и детям ее, Царю Феодору и Ксении, обязываясь страшными клятвами не изменять им, не умышлять на их жизнь и не хотеть на Государство Московское ни бывшего Великого Князя Тверского, слепца Симеона, ни злодея, именующего себя Димитрием; не избегать Царской службы и не бояться в ней ни трудов, ни смерти».

Сам текст присяги вызывал сомнения. Федор удержать бразды правления сам не мог, так что сразу же около него возникли три роковые фигуры: князь Мстиславский, князья Василий и Дмитрий Шуйские. Воеводой назначили Федора Басманова. Однако мужественный воин внезапно перешел на сторону Самозванца. Карамзина эта странность потрясала: был верным, смог разбить Лжедмитрия в начале его похода и вдруг, получив все регалии власти, изменил.

Измена Басманова разом перекроила ход мыслей в войске: оно тоже стало передаваться Самозванцу. Кромские защитники брательничали с противником и клялись вместе идти отвоевывать Москву для природного царя. Желая подготовить в Москве общественное мнение, Самозванец послал туда двух сановников, Плещеева и Пушкина, чтобы те довели до слуха грамоту ко всем жителям Московии.

«Вы клялись отцу моему,— писал расстрига,— не изменять его детям и потомству во веки веков, но взяли Годунова в Цари. Не упрекаю вас: вы думали, что Борис умертвил меня в летах младенческих; не знали его лукавства и не смели противиться человеку, который уже самовластвовал и в Царствование Феодора Иоанновича,— жаловал и казнил, кого хотел. Им обольщенные, вы не верили, что я, спасенный Богом, иду к вам с любовью и кротостию. Драгоценная кровь лилася... Но жалею о том без гнева: неведение и страх извиняют вас. Уже судьба решилась: города и войско мои. Дерзните ли на брань междоусобную в угодность Марии Годуновой и сыну ее? Им не жаль России: они не своим, а чужим владеют; упитали кровию землю Северскую и хотят разорения Москвы. Вспомните, что было от Годунова вам, Бояре, Воеводы и все люди знаменитые: сколько опал и бесчестия несносного? А вы, Дворяне и Дети Боярские, чего не претерпели в тягостных службах и в ссылках? А вы, купцы и гости, сколько утеснений имели в торговле и какими неумеренными пошлинами отягощались? Мы же хотим вас жаловать беспримерно: Бояр и всех мужей сановитых честию и новыми отчинами, Дворян и людей приказных милостию, гостей и купцев льготою в непрерывное течение дней мирных и тихих. Дерзните ли быть непреклонными? Но от нашей Царской руки не избудете: иду и сяду на престоле отца мое-

го; иду с сильным войском, своим и Литовским: ибо не только Россияне, но и чужеземцы охотно жертвуют мне жизнью. Самые неверные Ногаи хотели следовать за мною: я велел им остаться в степях, щадя Россию. Страшитесь гибели, временной и вечной; страшитесь ответа в день суда Божия: смиритесь и немедленно пришлите Митрополитов, Архиепископов, мужей Думных, Больших Дворян и Дьяков, людей воинских и торговых, бить нам челом, как вашему Царю законному».

Народ Московский слушал с благоговением и рассуждал так: «Войско и Бояре поддалися без сомнения не ложному Димитрию. Он приближается к Москве: с кем стоять нам против его силы? с горстию ли беглецов Кромских? с нашими ли старцами, женами и младенцами? и за кого? за ненавистных Годуновых, похитителей державной власти? Для их спасения предадим ли Москву пламени и разорению? Но не спасем ни их, ни себя сопротивлением бесполезным. Следственно не о чем думать: должно прибегнуть к милосердию Димитрия!»

В общем, народ письму поверил. Толпы пошли на Кремль, вытащили из палат жену и детей Бориса, заперли их в Борисовом доме под стражей, а имущество тех, кто был за Годунова, тут же расхитили.

3 июня знатнейшие вельможи явились на поклон к Самозванцу. Он пока что сидел в Туле. Москвичи спустя неделю свершили над Годуновыми свой суд: мать и сына они убили, а Ксению оставили в живых, не лишать ее жизни распорядился сам Лжедмитрий.

ВРЕМЯ СМУТЫ

ЦАРСТВОВАНИЕ ЛЖЕДИМИТРИЯ 1605—1606

Смерть семьи Годуновых Карамзин считал последней страницей истории старой России — с царствования Лжедмитрия, по его мнению, начался отсчет нового времени.

Странный, конечно, отсчет, но в чем-то историк прав: правление Лжедмитрия навсегда изменило Московию. Оно привело к шести годам непрерывной гражданской войны, более известной как Смутное время.

Для народа возвращение природного царя (а народ верил безоговорочно) было реставрацией истинной династии. Когда эта реставрация состоялась, вдруг оказалось, что новый царь принес в замшелую Москву европейские веяния. И то, что не смог сделать Годунов с его школами и закупкой иностранных специалистов, смог этот человек — царского или не царского рода — неважно. Он просто показал, насколько свободнее и солнечнее в Европе.

Москва от этого в ужасе отшатнулась, но будущие русские цари вынуждены были перенимать у Европы то, что прежде считалось грехом и развратом. Очень медленно, шаг за шагом они снова входили со своим народом в семью европейских народов. Войти им удалось только при Петре Великом. Но они старались.

Москва, поверившая в чудесное спасение Дмитрия, ждала его с распростертыми объятьями. Убедившись, что главный враг патриарх Иов смещен со своего поста, а Годуновы обезврежены, Самозванец начал движение из Тулы в Москву. Это было триумфальное шествие. Ни одного другого будущего царя не встречали с такими надеждами и такой трогательной любовью.

«20 Июня, в прекрасный летний день,— пишет Карамзин,— Самозванец вступил в Москву, торжественно и пышно. Впереди Поляки, литаврщики, трубачи, дружина всадников с копьями, пищальники, колесницы, заложенные шестернями, и верховые лошади Царские, богато украшенные; далее барабанщики и полки Россиян, Духовенство с крестами и Лжедмитрий на белом коне, в одежде великолепной, в блестящем ожерелье, ценою в 150 000 червонных: вокруг его 60 Бояр и Князей; за ними дружина Литовская, Немцы, Козаки и стрельцы.

Звонили во все колокола Московские. Улицы были наполнены бесчисленным множеством людей; кровли домов и церквей, башни и стены также усыпаны зрителями. Видя Лжедмитрия, народ падал ниц с восклицанием: „Здравствуй отец наш, Государь и Великий Князь Димитрий Иоаннович, спасенный Богом для нашего благоденствия! Сияй и красуйся, о солнце России!“

Лжедмитрий всех громко приветствовал и называл своими добрыми подданными, веля им встать и молиться за него Богу. Невзирая на то, он еще не верил Москвитянам: ближние чиновники его скакали из улицы в улицу и непрестанно доносили ему о всех движениях народных: все было тихо и радостно.

Но вдруг, когда Лжедмитрий чрез Живой мост и ворота Москворецкие выехал на площадь, сделался страшный вихрь: всадники едва могли усидеть на ко-

нях; пыль взвилась столбом и заслепила им глаза, так что Царское шествие остановилось. Сей случай естественный поразил воинов и граждан; они крестились в ужасе, говоря друг другу: „Спаси нас, Господи, от беды! Это худое предзнаменование для России и Димитрия!“

Тут же люди благочестивые были встревожены соблазном: когда расстрига, встреченный Святителями и всем Клиром Московским на лобном месте, сошел с коня, чтобы приложиться к образам, Литовские музыканты играли на трубах и били в бубны, заглушая пение молебна. Увидели и другую непристойность: вступив за Духовенством в Кремль и в Соборную церковь Успения, Лжедмитрий ввел туда и многих иноверцев, Ляхов, Венгров: чего никогда не бывало и что казалось народу осквернением храма. Так расстрига на самом первом шагу изумил столицу легкомысленным неуважением к святыне!..

Оттуда спешил он в церковь Архистратига Михаила, где с видом благоговения преклонился на гроб Иоаннов, лил слезы и сказал: „О родитель любезный! Ты оставил меня в сиротстве и гонении; но святыми твоими молитвами я цел и державствую!“ Сие искусное лицедейство было не бесполезно: народ плакал и говорил: „То истинный Димитрий!“ Наконец расстрига в чертогах Иоанновых сел на престол Государей Московских».

Впрочем, сразу вводить новые порядки Лжедмитрий побоялся. Он понимал, что московские люди могут возмутиться. Поэтому начал с доброго дела: помилования всех узников и объявления прочих милостей. Пострадавшие при Борисе и даже еще ранее, при Иване, могли возблагодарить его за этот поступок.

Далее Лжедмитрий объявил, что все желающие подать челобитную будут судимы им самим справедливым судом. Отпустил он своей волей и всех иностранцев,

которых было немало в его войске. Но тут случился казус: поляки уходить из Москвы не собирались...

Органы управления Московии он постарался привести к европейскому образцу, изменив состав Думы (он ввел туда от духовенства, кроме Патриарха, еще четырех митрополитов, а думцев назвал сенаторами — что выглядело, конечно, забавно, если учесть, каковы были думцы в той Москве, — и увеличил их число до 70). Очевидно, он хотел учредить дееспособный орган, сходный по строению с Сеймом, — другой образец для подражания он вряд ли имел. Для венчания на царство ему требовалось избрать нового Патриарха, и он назначил грека Игнатия, кипрского митрополита, что не посягало на православие, но в то же время греческий изгнанник не держался ничьей стороны.

Для разрешения всех народных сомнений он устроил торжественную встречу со своей «матерью», и эта встреча лишила слухи о самозванстве последней опоры. Мать узнала своего «сына», оба плакали и целовались.

Теперь, когда все было подготовлено, новый правитель назначил день венчания на царство. Обряд прошел по всем правилам, тоже торжественно и душевно, если бы не одна деталь: после его завершения с латинской молитвой выступил иезуит Черниковский. Это была та самая ложка дегтя, которая многим не понравилась.

Новый царь был симпатичным и живым человеком, так он себя и держал, забывая, что лучшей характеристикой русского царя были всегда степенность, отеческая строгость, набожность. Ничего подобного в характере у царя не имелось. Он держался со всеми одинаково, не делал различий по чину и происхождению, и это не могло нравиться русским боярам XVII века, которые держались за свое место так, что бороны трещали.

Что же касается бороды, то бороды новый правитель не имел. А это была страшная крамола. И кафтан на нем был западного образца — легкий, удобный, а не то тяжеленное сооружение, что вменялось носить царям.

Словом, чудесным образом спасенный Дмитрий оказался иноземцем. И если сначала думали, что он отвык на чужбине от русских обычаев, то потом стали поговаривать, что он не желает этих обычаев. «Страстный к обычаям иноземным,— пишет историк,— ветренный Лжедмитрий не думал следовать Русским: желал во всем уподобляться Ляху, в одежде и в прическе, в походке и в телодвижениях; ел телятину, которая считалась у нас заповедным, грешным яством; не мог терпеть бани и никогда не ложился спать после обеда (как издревле делали все Россияне от Венценосца до мещанина), но любил в сие время гулять: украдкою выходил из дворца, один или сам-друг; бегал из места в место, к художникам, золотарям, аптекарям; а Царедворцы, не зная, где Царь, везде искали его с беспокойством и спрашивали о нем на улицах: чему дивились Москвитяне, дотоле видав Государей только в пышности, окруженных на каждом шагу толпою знатных сановников.

Все забавы и склонности Лжедмитриевы казались странными: он любил ездить верхом на диких бешеных жеребцах и собственною рукою, в присутствии двора и народа, бить медведей; сам испытывал новые пушки и стрелял из них в цель с редкою меткостью; сам учил воинов, строил, брал приступом земляные крепости, кидался в свалку и терпел, что иногда толкали его небережно, сшибали с ног, давили — то есть хвалился искусством всадника, зверолова, пушкаря, бойца, забывая достоинство Монарха. Он не помнил сего достоинства и в действиях своего нрава вспльчивого: за малейшую вину,

ошибку, неловкость выходил из себя и бивал, палкою, знатнейших воинских чиновников — а низость в Государе противнее самой жестокости для народа.

Осуждали еще в Самозванце непомерную расточительность: он сыпал деньгами и награждал без ума; давал иноземным музыкантам жалованье, какого не имели и первые Государственные люди; любя роскошь и великолепие, непрестанно покупал, заказывал всякие драгоценные вещи и месяца в три издержал более семи миллионов рублей — а народ не любил расточительности в Государях, ибо страшится налогов. Описывая тогдашний блеск Московского двора, иноземцы с удивлением говорят о Лжедимитриевом престоле, вылитом из чистого золота, обвешенном кистями алмазными и жемчужными, утвержденном внизу на двух серебряных львах и покрытом крестообразно четырьмя богатыми щитами, над коими сиял золотой шар и прекрасный орел из того же металла.

Хотя расстрига ездил всегда верхом, даже в церковь, но имел множество колесниц и саней, окованных серебром, обитых бархатом и соболями; на гордых азиатских его конях седла, узды, стремяна блистали золотом, изумрудами и яхонтами; возницы, конюхи Царские одевались как Вельможи.

Не любя голых стен в палатах Кремлевских, находя их печальными и сломав деревянный дворец Борисов как памятник ненавистный, Самозванец построил для себя, ближе к Москве-реке, новый дворец, также деревянный, украсил стены шелковыми персидскими тканями, цветные изразцовые печи серебряными решетками, замки у дверей яркою позолотою, и в удивление Москвитянам пред сим любимым своим жилищем поставил изваянный образ адского стража, медного огромного Цербера, коего три челюсти от легкого

прикосновения разверзались и бряцали: „Чем Лжедмитрий,— как сказано в летописи,— предвестил себе жилище в вечности: ад и тьму кромешную!“»

Это не нравилось, но народ бы стерпел и такую западную пакость. Но Лжедмитрий собирался жениться. Он обещал, что его невеста, дочь польского магната Марина Мнишек, примет русские обычаи. Но Марина напугала Москву даже больше, чем сам жених. Посольство за ней было отправлено еще в начале его царствования, но Мнишки в Москву не спешили: Юрий требовал денег, и Марина была у него их залогом.

Несчастный Лжедмитрий любил свою невесту истово, он был готов на все. Но когда Сигизмунд стал его упрекать в небрежении словом, в том, что он не желает выдать ему шведских послов, нареченных им мятежниками, царь не сдержался: он дал ясно понять, что на трон он взошел по праву, что он был венчан на царство и что выполнять чужие условия не будет.

Мнишек ждал обещанных ему северских земель, а Марине — Пскова и Новгорода, и только еще одно обещание сдвинуло свадебный торг с мертвой точки. Мнишки отправились медленно к Москве. Тем временем Лжедмитрий наивно приблизил к себе Василия Шуйского, он верил, что князь хочет быть ему другом. Князь не хотел. Он распускал слухи, что знает истинное происхождение Дмитрия и что он — Гришка Отрепьев, беглый расстрига. Совсем недавно Шуйский убеждал народ, что Лжедмитрий — истинный царевич. А много лет назад, при Борисе, он с такой же убежденностью рассказывал народу, что видел убитого царевича, который погиб в результате несчастного случая.

Лжедмитрий не замечал хитрости старого князя. Он даже оказал ему благодеяние: снял запрет на брак,

установленный Годуновым. И князь женился. Но даже эта милость не укоротила его языка.

Врагом не менее опасным стала для Лжедмитрия и церковь. Цари привыкли обходиться с богатым духовенством кротко, вымаливая у них деньги на нужды отечества. Новый царь просто требовал денег, не объясняя причины и не ползая на коленях. Это было возмутительно. К тому же он всячески судил священников за торговлю в храмах, одним махом выселил всех священников из арбатских и чертопольских домов, поселив там свою охрану, но, кроме всего этого, сделал полную опись монастырского хозяйства по всей стране. И оказалось, что это хозяйство богаче самого государства. Он думал изъять излишки для общего блага, но церковь держалась за имущество мертвой хваткой. Как только иерархам стало понятно, что будут грабить, духовенство увидело в царе не богом данного владыку, а злодея. До этого бы она стерпела бы даже Гришку Отрепьева, так привыкла угождать власти.

А потом 25 апреля 1606 года в Москву торжественно въехал отец Марины. По этому случаю был дан роскошный обед. Мнишек прослезился от пышности, которую увидел. Лжедмитрий радовался и веселился, затеял что-то вроде карнавала. Готовилось бракосочетание.

Марина по соглашению должна была принять хотя бы видимость греческой веры, посещать церкви и следовать обрядам, правда, ей разрешалось также не отказываться от католичества, так постановил патриарх Игнатий, хотя такое предложение возмутило русских иерархов. Они хотели полного перехода полячки в православие.

Марина уже приближалась к Москве. Но если она думала, что окажется во дворце, то вместо дворца сразу попала в монастырь — так по русскому обычаю следо-

вало размещать невест до свадьбы. Горожанам не понравилось, что Марину встречали литаврщики и шум стоял неимоверный, им не понравилась и сама невеста, одетая, как не подобает (русские женщины так не одевались), не понравилось, что Марина ужаснулась перспективой прожить неделю до свадьбы в келье.

Москва вознегодовала, узнав, что будущая царица вместо того, чтобы поститься перед крещением в истинную веру, ест заморские блюда (Лжедмитрий отправил к ней своего повара), а вместо того, чтобы постигать русские молитвы, развлекается кривлянием скоморохов. Шуйский проводил агитацию и настраивал народ против Лжедмитрия. Свадьба должна была стать днем гибели нового царя!

«7 мая, ночью,— рассказывает Карамзин,— невеста вышла из монастыря и при свете двухсот факелов, в колеснице, окруженной телохранителями и Детьми Боярскими, переехала во дворец, где, в следующее утро, совершилось обручение по уставу нашей Церкви и древнему обычаю; но, вопреки сему уставу и сему обычаю, в тот же день, накануне Пятницы и Святого Праздника, совершился и брак: ибо Самозванец не хотел ни одним днем своего счастья жертвовать, как он думал, народному предрассудку.

Невесту для обручения ввели в столовую палату Княгиня Мстиславская и Воевода Сендомирский. Тут присутствовали только ближайшие родственники Мнишковы и чиновники свадебные: Тысяцкий Князь Василий Шуйский, дружки (брат его и Григорий Нагой), свахи и весьма немногие из бояр. Марина, усыпанная алмазами, яхонтами, жемчугом, была в Русском, красном бархатном платье с широкими рукавами и в сафьянных сапогах; на голове ее сиял венец. В таком же платье был и самозванец, также с головы до ног блистая алмазами и всякими камнями драгоценными. Духовник Царский,

Благовещенский Протоиерей, читал молитвы; дружки резали караваи с сырами и разносили ширинки.

Оттуда пошли в Грановитую палату, где находились все Бояре и сановники Двора, знатные Ляхи и Послы Сигизмундовы. Там увидели Россияне важную новость: два престола, один для Самозванца, другой для Марины — и Князь Василий Шуйский сказал ей: „Наияснейшая Великая Государыня, *Цесарева* Мария Юриевна! Волею Божиею и непобедимого Самодержца, Цесаря и Великого Князя всея России, ты избрана быть его супругою: вступи же на свой Цесарский *маестат* и властвуй вместе с Государем над нами!“

Она села. Вельможа Михайло Нагой держал перед нею корону Мономахову и диадему. Велели Марине поцеловать их и Духовнику Царскому нести в храм Успения, где уже все изготовили к торжественному обряду, и куда, по разостланным сукнам и бархатам, вел жениха Воевода Сендомирский, а невесту княгиня Мстиславская; впереди шли, сквозь ряды телохранителей и стрельцов, Стольники, Стряпчие, все знатные Ляхи, чиновники свадебные, Князь Василий Голицын с жезлом или скиптром, Басманов с державою; позади Бояре, люди Думные, Дворяне и Дьяки. Народа было множество.

В церкви Марина приложилась к образам — и началось священнодействие, дотоле беспримерное в России: Царское венчание невесты, коим Лжедмитрий хотел удовлетворить ее честолюбию, возвысить ее в глазах Россиян и, может быть, дать ей, в случае своей смерти и неимения детей, право на державство. Среди храма, на возвышенном, так называемом *чертожном* месте сидели жених, невеста и Патриарх: первый на золотом троне Персидском, вторая на серебряном. Лжедмитрий говорил речь: Патриарх ему ответство-

вал и с молитвою возложил Животворящий Крест на Марину, бармы, диадему и корону (для чего свахи сняли головной убор или венец невесты). Лики пели многолетие Государю и *благодарной Цесареве Марии*, которую Патриарх на Литургии украсил цепию Мономаховою, помазал и причастил. Таким образом, дочь Мнишкова, еще не будучи супругою Царя, уже была венчанною Царицею (не имела только Державы и скипетра). Духовенство и Бояре целовали ее руку с обетом верности».

Так состоялось это венчание, которое очень не понравилось московитам. Простая польская панночка (не королевского даже рода) венчалась на царство, не сменив латинской веры. Не понравился народу и последовавший за венчанием праздник по случаю свадьбы. Гремела музыка, устраивались торжественные обеды. Но один вид Марины в царской короне бросал московских жителей в дрожь. Самозванец затевал в ближайшем будущем построить потешную крепость и устроить потешный бой. Марина ворковала над своими нарядами. Оба были счастливы, так счастливы, как только могут быть свободные люди.

Но будущее оказалось суровым. Шуйский взбунтовал Москву. «Положили *избыть* расстригу и Ляхов,— пишет Карамзин,— не боясь ни клятвопреступления, ни безначалия: ибо Шуйский и друзья его, овладев умами, смело брали на свою душу, именем отечества, Веры, Духовенства, все затруднения людей совестных и смело обещали России Царя лучшего.

Условились в главных мерах. Градские Сотники и Пятидесятники ответствовали за народ, воинские чиновники за воинов, господа за слуг усердных. Богатые Шуйские имели в своем распоряжении несколько тысяч надежных людей, призванных ими в Москву из их

собственных владений, будто бы для того, чтобы они видели пышность Царской свадьбы.

Назначили день и час; ждали, готовились — и хотя не было *прямых* доносов (ибо доносчики страшились, кажется, быть жертвою народной злобы): но какая скромность могла утаить движения заговора, столь многолюдного?»

Признаки заговора были налицо. Самозванцу сообщали, что в Москве происходит что-то нехорошее, но он не верил. Он даже не усилил своей охраны. Мнишек умолял зятя быть осторожнее, тот только отмахнулся. Правда, чтобы успокоить Юрия, он наказал расставить по улицам стрельцов. Но эти меры были недостаточными. Дома поляков уже поместили тайными знаками, а народ ожидал звука набата, вооружаясь, кто чем мог.

На рассвете 17 мая набат зазвучал. Собрался готовый к бою народ. Шуйский въехал с обнаженным мечом через Спасские ворота в Кремль. За ним хлынула вооруженная толпа. Дворцовая стража была сразу смята. Лжедмитрий отчаянно сражался, но когда попытался спастись бегством, неудачно выпрыгнул из окна и разбился.

Толпа этого только и ждала. Стрельцы едва отбили его, полуживого, и требовали честного суда: рядом жила привезенная в Москву Мария Нагая. Послали за ней и спросили будто бы, сын ли он ей. Мария отреклась (по другому источнику, толпа ничего не спрашивала). С криками толпа бросилась на окровавленного Самозванца и забила его до смерти так, что когда труп показали Марии, та сказала, что, не знает, ее ли это сын — узнать его было невозможно.

Марина же спаслась чудом. Ее в простой одежде московский народ не узнал. Покончив с царем и царицей, народ-богоносец бросился убивать поляков. Врывались в дома, хватали сонных с их постелей, избивали,

резали и грабили. Таким было это веселое утро 17 мая, накануне потешного праздника.

Несчастному Мнишку, который был в шоке от этого кошмара, сказали просто: кончилось Царство бродяги. Марину взяли под стражу и держали как пленницу. Мнишку разрешили с ней видеться, но путь к дочери теперь лежал сквозь вооруженный строй москвичей.

Резня остановилась только к полудню. Весь день до вечера русские праздновали свою победу. А потом задумались: кто же будет управлять страной? Сомнений быть не могло: Василий Шуйский, изобличивший измену. Для того, чтобы утверждение нового царя было законным, с тем же вопросом обратились к Думе. Дума без колебаний назвала Шуйского. 19 мая его провозгласили царем. Причем в срочном порядке: патриарха Игнатия сместили, а нового избрать не успели, так что обошлись одними митрополитами и епископами. А телом несчастного царя Дмитрия в конце мая выстрелили из пушки в ту сторону, откуда он въехал в Москву.

ЦАРСТВОВАНИЕ ВАСИЛИЯ ИОАННОВИЧА ШУЙСКОГО 1606—1610

Василий в первую очередь отменил все нововведения Лжедмитрия. Он не видел в них никакого смысла, одну ересь. Своей задачей он считал вернуть все так, как было раньше, то есть до Самозванца.

Другой задачей было, конечно, разобраться с арестантами, а таковых оказалось немало. Вероятно, пытаные узники сообщали теперь странные сведения: и о Дми-

трии они знали, что он не царь природный, и замышлял он собрать всех знатных бояр и убить, и вред он желал принести Москве, и Русь он ненавидел лютой ненавистью — чего под пытками не скажешь?

Чтобы успокоить людей, все результаты допросов сразу же были обнародованы. Потом привели народ к присяге, где чаще всего встречается частица «не»: Шуйский не без оснований боялся, что народ, попробовавший крови, усомнится в неприкосновенности жизни богоданного царя.

1 июня его венчали на царство. Обряд был скромным, чтобы в приятную сторону отличаться от недавней латинской пышности. Василий пиров не затевал, денег не раздавал, никаких милостей от него не дождались.

Начались опалы. Шуйский отлично понимал, что врагов у него больше, чем друзей, и поэтому хотел разобраться сразу со всеми, чтобы потом не умереть так, как наивный Самозванец.

Но радости, что справедливость восторжествовала, в столице не было. Дело не в том, что Шуйский был плох. Шуйский был стар. Следовательно, после его смерти встала бы такая же проблема с престолонаследием. Дабы хоть как-то придать торжественность (и справедливость) своему воцарению, Василий приказал перенести мощи царевича Дмитрия из Углича в Москву и выставить для всеобщего обозрения. Он надеялся, что вопрос о царевиче закрыт теперь навсегда.

Раку перенесли. Народ рыдал. Тут же появились какие-то чудесно исцеленные. Кто-то прозревал, кто-то начинал ходить. Когда Василий решил было раку захоронить, народ взвыл, что мощи теперь чудотворные. Пришлось так и оставить кости Дмитрия в церкви, сделав новую деревянную раку и обшив ее атласом, на по-

мосте, чтобы можно было благостно приложиться и получить исцеление.

Такое решение одобрил и новый избранный патриарх Гермоген, причислив Дмитрия к святым угодникам. После недолгого правления Самозванца в Москве не хотели иного патриарха — только сурового гонителя любой ереси. Гермоген был православен настолько, что прежде (да и потом) наживал себе врагов.

А между тем арестованные поляки сидели в застенках, и нужно было думать, что с ними делать дальше. Сигизмунд, озабоченный тем же самым, то есть тем, что сделают с его подданными, велел послам идти договариваться. Русские теперь не слушали, а обвиняли. Послов сразу поставили на место, упомянув, что Самозванца на Москву привели они сами и что король тоже отвечает за то, как пострадала Москва.

Послы только оправдывались и просили отпустить заключенных под стражу с миром, обещая никакого вреда Москве не принести. Василий отпустил простых воинов, но всех знатных поляков и Мнишка в Москве задержал, обещая, что этот вопрос решится между ним и королем. Но король был в замешательстве, он тоже не знал, защищать своих панов или не защищать.

Пока Василий пытался успокоить народ, а Сигизмунд решал, что для него лучше, появился второй самозванец. Он тоже начал вербовку единомышленников в казачьей среде. Еще при Лжедмитрии в Путивль был послан Басмановым князь Шаховской. Узнав о московских новостях, он тут же объявил: Дмитрий не убит, он спасся и теперь скрывается, а когда будет необходимо — объявится.

Эта весть утешила сторонников Дмитрия, и народ стал ожидать появления их царя. Условием скорейшего явления Дмитрия Шаховской назвал свержение

узурпатора Шуйского. Народ восстал. Пламя восстания охватило все города южной Руси. Спасенный Дмитрий должен был, по заверениям Шаховского, прийти из того же Сандомирского воеводства. Скоро прошли слухи, что там действительно скрывается какой-то инок, беглый из Москвы, но выяснилось, что он не Дмитрий, а убийца Федора Годунова, некто Молчанов.

Слухи затихли, а ожидание напряглось. Василий просил (а скорее, заставил) Марию Нагую писать в южную Русь, что Самозванец не был ее сыном, а ее родной сын давно мертв и его гроб перевезен в Москву. Инокinya написала. Но и Шаховской писал свои указы именем Дмитрия и звал русских и украинцев соединиться ради торжества справедливости, ради венчанного царя.

Тут к Шаховскому пристали Иван Болотников, который недавно бежал из турецкого плена, Веневский сотник Истома Пашков, рязанский воевода Григорий Сунбулов, рязанский дворянин Прокопий Ляпунов. Посланные против восставших московские воеводы были пойманы, скованы и отправлены в Путивль.

Василий не уставал доказывать, что никакого Дмитрия нет, а Самозванец мертв, он всего лишь имя, но ему верили все меньше и меньше. Огромное войско шло на Москву. Только мужество молодого полководца Скопина-Шуйского спасло Москву на этот раз: Пашков сдался ему на милость, но Болотников дрался до изнеможения, только при очевидном поражении его отряд рассеялся. В Москве праздновали победу. Оказалось — рано.

Зимой восставшие снова стали подходить к Москве. Посланные воеводы, кто погиб в бою, а кто и передался на сторону противника. Василия измена ужасала. Он стал сам не свой. Единственное, что мог противопоставить мятежникам Шуйский, — церковную анафему.

Но и анафема не помогла. Теперь восставшие сидели в Туле. «Воеводы Московские взяли Дедилов, Кропивну, Епифань и не пускали никого ни в Тулу, ни из Тулы: Василий хотел одолеть ее жестокое сопротивление голодом, чтобы в одном гнезде захватить всех главных злодеев и тем прекратить бедственную войну междоусобную. «Но Россия,— говорит Летописец,— утопала в пучине крамол, и волны стремились за волнами: рушились одне, поднимались другие».

На волне этих крамол и всплыл второй Самозванец. Нашли его где-то на Украине, был он поповским сыном по имени Матвей Веревкин. «Сей самозванец и видом и свойствами отличался от расстриги,— говорит Карамзин,— был груб, свиреп, корыстолюбив до низости: только, подобно Отрепьеву, имел дерзость в сердце и некоторую хитрость в уме; владел искусно двумя языками, Русским и Польским; знал твердо Св. Писание и Круг Церковный; разумел, если верить одному чужеземному Историку, и язык Еврейский, читал Тальмуд, книги Раввинов, среди самых опасностей воинских; хвалился мудростию и предвидением будущего.

Пан Меховецкий, друг первого обманщика, сделался руководителем и наставником второго; впечатлел ему в память все обстоятельства и случаи Лжедмитриевой истории,— открыл много и тайного, чтобы изумлять тем любопытных; взял на себя чин его Гетмана; пригласил сподвижников, как некогда Воевода Сендомирский, чтобы возратить Державному изгнаннику Царство; находил менее легковерных, но столько же, или еще более, ревнителей славы или корысти. «Не спрашивали,— говорит Историк Польский,— истинный ли Димитрий или обманщик зовет воителей? Довольно было того, что Шуйский сидел на престоле,

обогранным кровию Ляхов. Война Ливонская кончилась: юношество, скучая праздностию, кипело любовью к ратной деятельности; не ждало указа Королевского и решения чинов государственных: хотело и могло действовать самовольно, но, конечно, с тайного одобрения Сигизмундова и панов думных. Богатые давали деньги бедным на предприятие, коего целью было расхищение целой Державы. Выставили знамена, образовалось войско; и весть за вестью приходила к жителям Северским, что скоро будет у них Димитрий».

И он объявился. Точнее, сначала пришли в город Стародуб двое странников, которые поведали тайну, что Димитрий с войском уже движется на помощь. Народ возопил и стал расспрашивать, где их царь. Тогда один из странников скромно потупился и сказал: «Он здесь». Он даже перенес пытки и только потом открыл, что его спутник и есть царевич Димитрий.

Атаман Заруцкий, который отлично знал первого Димитрия, упал к ногам второго. Ему теперь было все равно, кто станет иконой похода, он хотел свести с трона Василия. Движение разом охватило весь юг, новый Димитрий вел народ на Москву.

На этом ужасающем фоне в Москве праздновали взятие Тулы. Во всех церквах провели благодарственные молебны. По случаю такой радости помиловали чуть не половину пленных, только часть утопили, часть удавили, часть повесили, а немцев (они были среди восставших) в полном комплекте отправили в Сибирь. Но не успели отпраздновать Тулу, как снова вспыхнул бунт в Калуге. Тут уж был виноват сам Василий: он решил подавить мятежников руками других мятежников и отправил 4000 донских казаков, взятых в Туле, отвоевать ему Калугу. Донцы отвоевали: они яви-

лись в калужский стан к московским воеводам, выгнали их, взяли власть и соединились с восставшей Калугой. А из Литвы подходили отчаянные мятежные паны, им тоже было дело до московского трона.

В декабре 1607 года Лжедмитрий Второй вошел в Орел. Здесь он спокойно перезимовал, еще больше усилился и двинулся на Москву. Шуйский понял, что теперь должен идти самозванцу навстречу. Встреча состоялась 13 апреля 1608 года под Болховом. Шуйский был разбит, часть его воевод бежала в Москву, часть укрылась в Болхове. Шуйский сведал об измене, нашел изменников, тут же приказал их пытаться в Москве, выведать правду и казнить или сослать, последнее определялось знатностью: менее виновных, но не знатных, казнили, а более виновных, но князей — сослали.

Но пока Шуйский выискивал измену, Лжедмитрий обошел его ставку и отправился к Москве другим путем.

Встал новый самозванец лагерем в селе Тушино, чтобы видом своего войска пугать московских воевод. Он слал в Москву письма, разоблачающие Василия, но ответа не получал. Против него на Ходынке встали части Василия. Между двумя неприятелями регулярно происходили кровавые стычки. Воспользовавшись самозванцем, поляки снова стали требовать возвращения московских пленников. Королевские послы теперь приходили к Василию прямо из тушинского лагеря!

Только к концу июля договорились о размене. И только договорились, как отряд Рожинского ударил по Москве из Тушинского лагеря. Василий поспешил избавиться от пленников (и, как он думал, от тушинских поляков). Но только освобожденные отъехали, тушинский лагерь усилился отрядами Сапеги, а Лисовский по дороге взял и потерял Коломну. Сапега оказался

противником серьезным. Посланные на него воеводы были разбиты.

Несчастную Марину меж тем везли к Смоленской границе, но выехать она так и не смогла. По дороге ее перехватил отряд Зборовского. Ей вручили письмо от самозванца. Все это время Марина не имела даже понятия, что ее Дмитрий давно мертв. Теперь, читая письмо, она обливалась слезами счастья.

Карамзин считал, что Марина знала о его смерти, но в этом он не прав. В своем дневнике Марина Мнишек описала тот кошмар, который пережила, — как она вдруг поняла, что ей придется играть роль счастливой жены воскресшего мужа, ей шепнул это польский шляхтич, на полдороге в Тушино повернув назад, и все полдороги до лагеря самозванца она рыдала. Потом, увидев «воскресшего», она только играла назначенную ей роль.

Марину продал Мнишек. Ему требовались деньги. Так тушинский лагерь обзавелся «воссоединенной семьей». Уже и народ в Москве стал сомневаться, что Дмитрий был убит, и даже в том, что он не спасся во младенчестве. Но большинству было и вовсе все равно, кто царь, а кто мятежник: «Столица уже не имела войска в поле: конные дружины неприятельские, разъезжая в виду стен ее, прикрывали бегство Московских изменников, воинов и чиновников, к Самозванцу; многие из них возвращались с уверением, что он не Димитрий, и снова уходили к нему. Злодейство уже казалось только легкомыслием; уже не мерзили сими обыкновенными беглецами, а шутили над ними, называя их *перелетами*.

Разврат был столь ужасен, что родственники и ближние уговаривались между собою, кому оставаться в Москве, кому ехать в Тушино, чтобы пользоваться выгодами той и другой стороны, а в случае несчастья, здесь или там, иметь за-

ступников. Вместе обедав и пиروвав (тогда еще пиروвали в Москве!), одни спешили к Царю в Кремлевские палаты, другие к *Царьку*, так именовали второго Лжедмитрия. Взяв жалованье из казны Московской, требовали иного из Тушинской — и получали! Купцы и Дворяне за деньги снабдевали стан неприятельский яствами, солью, платьем, оружием, и не тайно: знали, видели и молчали; а кто доносил Царю, именовался *наушником*.

Василий колебался: то не смел в крайности быть жестоким подобно Годуну и спускал преступникам; то хотел строгостью унять их и, веря иногда клеветникам, наказывал невинных, к умножению зла».

Положение Шуйского становилось все хуже. Настолько хуже, что он отправил Скопина-Шуйского к шведскому королю, договариваться о войне против Польши. Многие города между тем целовали крест новому самозванцу. В Ростове мятежники захватили митрополита Филарета (отца будущего царя Михаила Романова). Его босого и полуголого привезли в Тушинский лагерь, но Лжедмитрий встретил его ласково, одел в дорогие одежды, препоясал золотым поясом и нарек патриархом. Правда, для безопасности патриарха держали в заключении, использовали только по мере надобности.

Пока Скопин-Шуйский добирался до шведов, большая часть Московского царства передалась на сторону самозванца. На Москву собирался идти Сигизмунд. В таких условиях встал вопрос: что делать и кто виноват? Если на первый можно было ответить — сделать все, чтобы спасти страну (как это будет лучше, каждый представлял по-своему), то на второй ответ был ясен: Шуйский.

17 февраля Шуйского попытались отрешить от власти. Но первая попытка не удалась. Против «снятия с должности царя» выступил Гермоген, а вслед за ним и

Дума. Когда Василия попытались вытащить из дома, он устыдил недовольных: «Чего хотите? Если убить меня, то я пред вами и не боюсь смерти; но свергнуть меня с Царства не можете без Думы земской. Да соберутся великие Бояре и чины государственные, и в моем присутствии да решат судьбу отечества и мою собственную: их суд будет для меня законом, но не воля крамольников!»

Пытались Шуйского убить, но эта попытка провалилась. А тем временем к Москве подходили шведы. Шли они, конечно, не из любви к соседу: Шуйский обещал хорошо заплатить и подарить за услугу Кексгольм.

Появление шведов было своевременным. Войско Делгарди понемногу очистило северные от Москвы города. Однако, дойдя до Твери, шведы вдруг повернули назад. Причина была проста: Шуйский не выплатил жалованье, за бесплатно шведы и финны умирать не хотели.

Михаил Скопин-Шуйский обнаружил отсутствие союзника только при Городне, он тут же послал сказать «не изменять чести, не срамить имени Шведского, не выдавать друзей, в то время, когда неприятель, более раздраженный, нежели ослабленный, готовится к решительному делу. Сии представления и серебро, врученное наемникам корыстолюбивым, их усовестили: Генерал Зоме с частию пехоты и конницы возвратился к Князю Михаилу накануне величайшей для него опасности и славы».

Думается, что помогло не взывание к шведской чести, а обещание того самого серебра. С поляками эти союзники сошлись на топких берегах Жабны. Битва длилась до заката, поляки отступили, союзники не стали их догонять. Скопин-Шуйский готовился к битве за Москву и стал собирать большое войско. Но тут, очевидно, кончились выплаты, потому что Карамзин говорит о новом уходе части шведского войска и новом его

возврате после обещания выплатить 6000 рублей деньгами, 5000 рублей соболями. Только после этого Делагарди пошел к Калязину, где стоял Михаил.

Между тем самозванец не знал, что ему делать. Взять Москву он не мог, можно было только надеяться, что холод и голод вынудят жителей передумать. Пан Бобовский был уверен, что достаточно одного хорошего приступа. Он попробовал. Московское войско гнало до самого лагеря. Тушинцы пытались пойти всей силой и сжечь город, но снова выступило войско Дмитрия Шуйского, смешало вражеские ряды и заставило отступить.

Это выглядело почти как победа. Тем более что новости в Москву приходили хорошие: отложившиеся города снова признавали власть царя. Однако во Владимире царю присягать отказался не народ, а воевода Вельяминов, которого этот народ забил на площади камнями.

Василий ожидал, что наконец-то подойдут свежие войска и Тушино перестанет существовать. Но тут неожиданно Лисовский малой силой разбил огромную рать Шереметева. На время Москва притихла, а через пару дней снова радостное сообщение: Скопин-Шуйский отбил Переяславль и соединился с Делагарди. Затем они вместе заняли Александровскую слободу и стали ждать подхода новых частей.

Но на Смоленск уже шел Сигизмунд. Жители писали в отчаянии Василию, чтобы прислал войско, иначе не выстоять. Для того, чтобы королю негде было закрепиться, выжгли посады. 23 сентября поляки начали приступ, но не смогли одолеть. 26 сентября — второй, но их снова отбили.

Не желая терять воинов, Сигизмунд перешел к осаде, одновременно делал подкопы, но неудачно: смоляне успевали взорвать подкопы вместе с поляками. На-

чалась зима. Сигизмунд стоял у Смоленска и не шел в Тушино, где его появления ждали с нетерпением.

В отчаянии из Тушина отправили послов к Смоленску, спрашивая короля, отчего он медлит. И получили страннейший ответ: «Вам надлежало не посылать к Королю, а ждать его Посольства: тогда вы узнали бы, для чего он вступил в Россию. Отечество наше, конечно, славится редкою свободою; но и свобода имеет законы, без коих Государство стоять не может. Закон Республики не дозволяет воевать и Королю без согласия чинов государственных; а вы, люди частные, своевольным нападением раздражаете опаснейшего из врагов ее: вами озлобленный Шуйский мстит ей Крымцами и Шведами. Легко призвать, трудно удалить опасность. Хвалитесь победами; но вы еще среди неприятелей сильных... Идите и скажите своим клеветам, что искать славы и корысти беззаконием, мятежничать и нагло оскорблять Верховную Власть есть дело не граждан свободных, а людей диких и хищных».

В Тушино долго пытались это осмыслить. Смысл не нравился. Впрочем, продержав тушинцев в состоянии паники, Сигизмунд соизволил дать им милостивое прощение: он ждет добрых сынов отечества под свои хоругви, забывает вину дерзких, обещает всем жалованье и награды.

В тушинском лагере начался раздор. Паны в глаза называли самозванца самозванцем. В то же время Сигизмунд призвал из тушинского стана именитых русских и сообщил им, что не собирается посягать на независимость Московского царства. Он пришел «утишить бунт, истребить бесстыдного Самозванца, низвергнуть тирана вероломного (Шуйского), освободить народ, утвердить Веру и Церковь».

Речь имела успех. Русская делегация готова была признать Сигизмундову правду. Здесь Карамзин пытал-

ся изо всех сил доказать, что не было среди бояр никакого сговора с королем, а за спиной настоящих патриотов действовала шайка предателей. Это не так. Но мне придется изложить версию истории по Карамзину, а не так, как бы мне этого хотелось.

«Уверенные в согласии Тушинских Россиян иметь Царем Сигизмунда,— пишет историк,— Послы в то же время готовы были вступить в сношение и с Василием, как законным Монархом: доставили ему грамоту Королевскую и, вероятно, предложили бы мир на условии возвратить Литве Смоленск или землю Северскую: чем могло бы удовольствоваться властолюбие Сигизмундово, если бы Россияне не захотели изменить своему Венценосцу.

Но Василий, перехватив возмутительные письма Королевские к Духовенству, Боярам и гражданам столицы, не отвечал Сигизмунду, в знак презрения: обнародовал только его вероломство и козни, чтобы исполнить негодование сердца Россиян. Москва была спокойна; а в Тушине вспыхнул мятеж.

Дав Конфедератам (то есть тушинскому лагерю) время на размышление, Послы Сигизмундовы уже тайно склонили Князя Рожинского и главных Воевод присоединиться к Королю. Не хотели вдруг оставить Самозванца, боясь, чтобы многолюдная сволочь Тушинская не передалась к Василию: условились до времени терпеть в стане мнимое господство Лжедмитриево для устрашения Москвы, а действовать по воле Сигизмунда, имея главною целию низвергнуть Шуйского.

Но ослепление и спокойствие бродяги уже исчезли: угадывая или сведав замышляемую измену, он призвал Рожинского и с видом гордым спросил, что делают в Тушине Вельможи Сигизмундовы, и для чего к нему не являются?

Гетман нетрезвый забыл лицемерие: отвечал бранью и даже поднял руку. Самозванец в ужасе бежал к Марине; кинулся к ее ногам; сказал ей: „Гетман выдает меня Королю; я должен спастись: прости“ — и ночью (29 Декабря), надев крестьянское платье, с шутком своим, Петром Кошелевым, в навозных санях уехал искать нового гнезда для злодейства: ибо Царство злодея еще не кончилось!»

Когда наутро обнаружилось отсутствие Лжедмитрия, началась паника — поляки начали собираться к своему королю, русские бежали, кто к Василию, кто за самозванцем. Марина же оказалась в чудовищном положении: ее все бросили, но она думала бороться за право на власть, ведь она все еще оставалась царицей. В 1610 году ее второй муж сидел в Калуге. Здесь его встретили с почестями, предоставили лучший кров, одежды, коней. Вслед за ним перешел князь Шаховской со своим отрядом, состоящим из казаков. Теперь немцев и поляков Лжедмитрий считал предателями и писал своим сподвижникам в Тушино, что скоро вернется с богатой казной и накажет измену.

Послы самозванца пытались звать сторонников в Калугу, но в лагере слушали их с недоверием. Убедить их смогла неожиданно Марина. Она говорила с такой верой в будущее, что донские казаки тут же бросились к Лжедмитрию. Несогласные тушинцы догнали их и многих порубили, оставшиеся вернулись в лагерь.

В феврале Марина решила бежать. Она уехала из стана в мужском платье, оставив письмо, где обвиняла в бедствиях Рожинского. Когда утром это письмо читали вслух, то разъяренные тушинцы чуть не прикончили своего гетмана.

Сигизмунд все стоял под Смоленском. Там он снова принял послов от русских тушинцев. Они объявили, что обдумали слова короля и решили просить на царство

его сына Владислава. Начались переговоры. Тушинцы просили Сигизмунда идти на Москву, пока не дошел до нее Скопин-Шуйский, ввести туда польские войска, сместить Шуйского и устроить мир в государстве.

Сигизмунд ответил уклончиво. Он боялся отдавать своего сына в эту бурлящую страну. Владиславу было всего 16 лет. Тушинцы же просили еще одного: чтобы Владислав перешел в православие, на что король отвечал столь же туманно, но обещал, что венчать на царство его будет русский патриарх.

Тушинскими поляками король был не так доволен: они требовали Пскова и Новгорода для Марины, особого княжества для Дмитрия, а также много-много денег и Потоцкого, чтобы он взял Москву. Потоцкий ехать отказался. Он опасался, что перестанет быть королевским любимцем. А король не хотел идти от Смоленска, где держал осаду. Когда послы донесли, как с ними разговаривал король, они приуныли.

В то же время пришли вести из Калуги, там царило ликование из-за приезда Марины. На королевских послов они накричали, хотели идти и грабить самого Сигизмунда или соединиться с самозванцем. Только силой удалось гетману их утихомирить.

Между тем к досаде тушинцев Скопин-Шуйский и Делагарди освободили Троицкую лавру, отбив восставших от ее стен. Сапега бросил весь свой стан. Князь Куракин настиг его только под стенами Дмитрова и погнал к Клину. Сапега бросил тушинцев на произвол. Тушинцы поняли, что без Сапеги московское войско сомнет их в считанные часы. Так что лагерь опустел: кто ушел к Сигизмунду, кто к самозванцу, кто в Москву к Василию Шуйскому, кто к Сапеге.

Князь Скопин-Шуйский с Делагарди вошли в Москву. Но у Василия уже созрели подозрения, что князь Миха-

ил жаждет отобрать у него власть. Молодым полководцем восхищались. Шуйский был ревнив. Опытный в таких делах Делагарди предупреждал князя, что царь готовит против него какое-то зло. Он был прав. На обеде, куда был приглашен Скопин-Шуйский, ему подали отравленное вино. Князь умер через несколько часов.

Но это вызвало не тот эффект, на который рассчитывал Шуйский. Москва сначала онемела, потом начала бурлить. Сам Василий имел вид безутешный. Но ему не верили. Тем временем настала пора идти на Смоленск. Вместо князя Михаила был назначен Дмитрий Шуйский. Войска не хватало. Ждали нового союзника — крымского хана. Его думали пустить с парой московских полков на Калугу.

Смерть Скопина-Шуйского вызвала мятеж в Рязани. Там Ляпунов собрал единомышленников. Он обвинял Василия и Дмитрия Шуйского во всех бедах и призывал свести его с престола силой. Рязань отложились. Посланные на Ляпунова войска перешли на его сторону.

Узнав, что к Смоленску идут союзники, Сигизмунд отправил им на перехват гетмана Жолкевского. В бою у села Клушина гетман разбил это соединенное войско (30 000 русских плюс 5000 шведов), имея всего 2000 конных и 1000 пеших воинов! Делагарди дал слово гетману не помогать Василию и повернул остатки своего войска на Новгород. Дмитрий Шуйский, бросив своих воинов, трусливо бежал в Москву.

Жолкевский, захватив в плен такую силу русских, не знал, что с ней делать. Он представил дело так, что пленные присягнули как бы уже избранному на царство королевичу Владиславу. И вся эта русско-польская армия двинулась в сторону Москвы, по пути приводя к присяге Владиславу местных жителей.

«В одно время столица узнала,— говорит Карамзин,— о сем бедствии и читала воззвание Жолкевского к ее жителям, распространенное в ней деятельными единомышленниками Салтыкова. „Виною всех ваших зол,— писал Гетман,— есть Шуйский: от него Царство в крови и в пепле. Для одного ли человека гибнуть миллионам? Спасение пред вами: победоносное войско Королевское и новый Царь благодатный: да здравствует Владислав!“»

Василий пытался собрать войско, но города снова отложились от Москвы, воинов он не получил. А от союзника, крымского хана, получил одни неприятности: крымцы погромили посланные им навстречу союзные части и ушли в степи.

К Москве снова шел Лжедмитрий, туда же шел Ляпунов. Москва наконец-то проснулась и хотела одного: свести Василия с царства. Объединились даже тушинцы с москвичами: первые обещали предать своего самозванца, вторые — своего Василия, и выбрать нового царя.

Так что для Василия все закончилось плачевно. Не дожидаясь никакого собора всей земли, горожане вытащили к Серпуховским воротам патриарха и бояр, показали им направление, откуда придет Жолкевский, и предложили избавить царя Василия от трона.

Василия и сняли с занимаемой должности. А на другой день к нему пришли несколько бояр и священники из Чудовского монастыря и насильно постригли его в монахи.

«Самозванец грозил Москве нападением,— говорит Карамзин,— Гетман к ней приближался, народ вольничал, холопы не слушались господ и многие люди чиновные, страшась быть жертвою безначалия и бунта, уходили из столицы, даже в стан к Лжедмитрию, единственно для безопасности личной».

Ситуация была ужасная. В Москве перестала существовать всякая власть. Не стало не то что Московского царства, не стало вообще ничего – разрозненные островки жизни. Из этой каши в другой стране можно было слепить республику, но в Москве это было невозможно. И как победить эту ситуацию, предлагали разные рецепты. Ляпунов – царя, избранного всей землей, Мстиславский – царя, посаженного на престол наиболее родственным русским монархом, королем Сигизмундом. Мстиславский предполагал королевича Владислава, патриарх – князя Василия Голицына или Михаила Романова, сына Филарета.

Послали спросить стоявшего у Москвы гетмана, враг он или друг. Гетман признался в дружбе. Москвичи решили, что в ситуации, когда время дорого, выборы всей землей – роскошь, а выборы неизвестных кандидатов вроде Василия или Михаила – глупость. Они согласились на Владислава. Тем более что самим боярам 16-летний Владислав казался не страшным, с его помощью они думали управлять страной.

Была составлена договорная грамота, которая регламентировала права будущего монарха, а затем народ привели к присяге. Труднее гетману пришлось на переговорах со сторонниками Лжедмитрия. Но и там он сумел обнажить тылы самозванца: русские целовали крест Владиславу, Сапега перешел на сторону Сигизмунда, оставленные всеми Марина с Лжедмитрием уехали в Калугу.

Коалиция распадалась. В рядах Лжедмитрия остались только атаман Заруцкий, часть татар, часть казаков и считанное число русских. Угрозы эта сила теперь не представляла. Сумел Жолкевский и убрать из Москвы возможных претендентов на (теперь уже) Владиславов престол – Василия Голицына и Филарета, чей

сын рекомендовался в цари. Они поехали послами к королю для вручения грамоты об избрании его сына на русский престол. Вместе с ними ехало еще несколько именитых людей. Бывшего царя Василия передали полякам, чтобы доставить его в Иосифовскую обитель.

Была только одна беда, которую не предвидел Жолкевский: Сигизмунд хотел сам сесть на русский престол. Это и стало причиной дальнейших бед. Карамзин считал, что позиция непреклонных послов, ставших у Сигизмунда пленниками, послужила спасению Московского царства. В той ситуации, возможно, и да. А если бы Сигизмунд дал Владислава и были соблюдены все условия договора? Если рассуждать теоретически, то послы могли и согласиться. Так что виной новой волны мятежей стала позиция самого короля.

Гетман, который знал о ходе переговоров, хватался за голову. В конце концов он сам поехал к своему королю. С собой он захватил в качестве трофея семейство Шуйских — бывшего воеводу, бывшего царя и его жену. Гетман напрасно думал переубедить Сигизмунда: король собирался и дальше стоять у Смоленска, дать сына на царство он отказался.

Жолкевский был умный и дальновидный человек: он объяснял Сигизмунду, что такой шанс навсегда соединить два государства и дать им во всем обозримом будущем мир и покой выпадает редко, что в противном случае будут годы, а то и века долгой и тяжелой войны. Но Сигизмунд был из той же породы, что и Иван, который жаждал польского трона не для сына, а для себя. И, имея возможность получить всю страну мирным путем, он хотел одного — Смоленска. Даже Жолкевского он заставил требовать Смоленска у послов. Гетман не хотел, но послушаться не мог.

Что же касается самозванца, то в декабре он был убит одним из татарских ханов, отца которого он приказал казнить. Марина так была потрясена этой мезтью, что металась полуодетая по улицам Калуги и призывала к мести. Кутру, говорит историк, во всей Калуге не осталось ни одного живого татарина. После смерти Лжедмитрия Второго она родила сына, названного Иваном. Младенца тут же объявили царевичем Иваном. Но теперь сторонников у нее почти не осталось. В конце концов Калугу сдали, бывшие соратники Лжедмитрия целовали крест Владиславу, а Марину взяли под стражу и с младенцем посадили в узилище.

МЕЖДОЦАРСТВИЕ 1611—1612

Московская Дума вовсе не знала, что ей делать. В 1611 году Думе было тяжело. Сигизмунд уперся в Смоленск и трон, послы находили предлоги не подписывать договора, снова пошли бунты, наперекор присяге возникло патриотическое движение за выбор царя всей землей. Дума просила послов отдать Смоленск, согласиться ехать в Литву за Владиславом, только бы вернуть мир.

Дума просила Сигизмунда унять Ляпунова с его патриотизмом, обрисовав его как полного мятежника. Дума велела защитникам и Шеину сдать Смоленск. Дума отправила свое войско во Владимир, где не хотели польского царевича. Но до Владимира оно не дошло: было разбито ополчением союзных городов. Глава этой Думы Мстиславский писал Сигизмунду отчаянное письмо: «что обстоятельства ужасны и время дорого; что одна

столица еще не изменяет Владиславу, а Держава в безначалии готова разделиться; что Ивань-город и Псков, обольщенные генералом Делагарди, желают иметь Царем Шведского Принца; что Астрахань и Казань, где господствует злочастие Магометово, умышляют предаться Шаху Аббасу; что области Низовье, Степные, Восточные и Северные до пустынь Сибирских возмущены Ляпуновым; но что немедленное прибытие Королевича еще может все исправить, спасти Россию и честь Королевскую».

В Думе большинство было согласно уж хоть и на Сигизмунда, поскольку Дума ничем уже больше не управляла. Но ничем не управлял и Сигизмунд. Надеялись только на умницу Жолкевского. Но что мог гетман против короля?

Между тем в рязанской земле усиливалось недовольство, там за Ляпуновым шли практически все. Москва в отчаянной попытке послала биться с ляпуновцами донских казаков, которых все равно нужно было куда-то деть, чтобы те не бесчинствовали в Москве. Казаки сильно потеснили Ляпунова, но тут пришел с помощью князь Пожарский из Зарайска, патриоты объединились, казаки бежали, и теперь эта возросшая сила, поддержанная самым сильным аргументом того времени — церковью, двинулась на Москву: «Ляпунов из Рязани, Князь Дмитрий Трубецкой из Калуги, Заруцкий из Тулы, Князь Литвинов-Мосальский и Артемий Измайлов из Владимира, Просовецкий из Суздаля, Князь Федор Волконский из Костромы, Иван Волынский из Ярославля, Князь Козловский из Романова, с Дворянами, Детьми Боярскими, стрельцами, гражданами, земледельцами, Татарами и Козаками; были на пути встречаемы жителями с хлебом и солью, иконами и крестами, с усердными кликами и пальбою; шли бодро, но тихо — и сия, вероятно невольная, неминуемая по обстоятель-

ствам медленность имела для Москвы ужасное следствие».

Дума пыталась в отчаянии этот поход остановить, но ополченцы слушались только патриарха Гермогена.

На этом фоне в Москве вспыхнул бунт. Снова резали поляков. Несчастный командир поляков, которому был поручен покой Москвы, не знал, что делать, и велел резать москвичей в ответ. Теперь резня стала всеобщей. Не помог и поспешивший на помощь Маржерет. Резня продолжалась.

Тогда сторонники Сигизмунда применили последнее известное им средство — пожар. Карамзин обвиняет в этом Салтыкова. Но, по сути-то, Салтыков был прав: пожар отвлек москвичей от уничтожения поляков: добро им было дороже. Но даже пожар полностью этой резни не прекратил.

Дума (тут Карамзин именует ее членов изменниками ожесточенными) просила Гусевского сжечь Москву. Другого выхода она уже не видела. Полякам идея не нравилась, но и они другого выхода не видели. Начался всемосковский поджог. Все бы, может, и успокоилось, но в этот момент появились ополченцы Ляпунова. Бились теперь не за Москву — за отдельные части Москвы. Но огонь оказался сильнее и русских, и поляков. Москва сгорела. Напрасно Карамзин пишет, что «Ляхи с гордостью победителей возвратились в Китай и Кремль, любоваться зрелищем, ими произведенным; бурным пламенным морем, которое, разливаясь вокруг их, *обещало* им *безопасность*, как они думали, не заботясь о дальнейших, вековых следствиях такого дела и презирая месть Россиян».

Поляки были в не меньшем ужасе от огня, чем московские жители. Единственное, что они могли, — укрыться в каменной части города, в Кремле. Несчаст-

ная Дума была вместе с ними. Правительство надеялось, что страшный московский народ усмирен, теперь придет Владислав, принеся освобождение от разбойников, мир и покой. Правительство даже лишило сана Гермогена, а на его место поставило патриархом того самого Игнатия, который венчал на царство Лжедмитрия Первого и его красавицу Марину. Гермогена тут же посадили под замок.

Но московский пожар вместо усмирения резни вызвал совершенно обратную реакцию. Ляпуновские и пожарские ополченцы подъезжали к сгоревшим дотла окраинам и клялись, водрузив знамена, «не чтить ни Владислава Царем, ни Бояр Московских Правителями, служить Церкви и Государству до избрания Государя нового, не крамольствовать ни делом, ни словом,— блюсти закон, тишину и братство, ненавидеть единственно врагов отечества, злодеев, изменников, и сражаться с ними усердно».

Московское правительство, которого больше не существовало, сидело среди Москвы, которой больше не существовало, внутри Кремля и среди польского гарнизона. Полки ополченцев обложили эту Москву и закрыли пути продовольствию. Так что неожиданно Кремль оказался в осаде. Из этого своего узилища Гусевский тайно высылал людей за продовольствием и слал отчаянные просьбы Сигизмунду дать помощь. А Гермоген слал свои тайные письма: бить ляхов до последнего.

Но и в лагере освободителей не было согласия. В это освободительное движение влились все — и сторонники Владислава, и казаки, преданные «Мариинкину сыну», и ляпуновцы с требованием избрать законного царя всей земли, и просто отчаянные люди, которым было все равно, с кем и за что воевать. И когда речь зашла о выборе

единого вождя, это вовсе не удалось. Выбрали сразу троих: Ляпунова, Трубецкого и Заруцкого – так сказать, глав трех партий: за царя, за Маринку, за грабеж. В это движение хотел даже влиться Лев Сапега, но тут уж ему отказали. С Сапегой было все понятно: он волевал только за хорошее жалованье.

Тогда Сапега предложил свои услуги противной стороне. Тем терять было уже нечего, а денег и других несъедобных ценностей в Кремле было много. Гюсевский выпустил небольшой польский отряд в помощь Сапеге и отправил... усмирить бунтующую страну. Но страна была большая, и усмирить ее Сапега не мог.

Кремлевские сидельцы меж тем наивно радовались, что скоро придет к ним на помощь гетман Жолкевский. Это известие только ожесточило осаждающих, и бедняге Гюсевскому приходилось выдерживать приступ за приступом, а гетман все не шел. Сигизмунд вроде бы предложил ему управление Москвой и даже Московией, если тот усмирит бунтующий народ. Но гетман не принял предложения. Он ответил Сигизмунду, что теперь уже слишком поздно, и уехал в свои владения. Он больше не хотел связываться ни с королем, ни с русскими.

Так что в Кремле поляки с думцами ждали его помощи совершенно напрасно. Гетман только, точно в насмешку, прислал к ним гонца с пожеланием доброго здоровья. Осажденные с тем же гонцом обвинили его в нарушении клятвы и пригрозили страшным судом и богом. Гетман не ответил.

А Сигизмунд все стоял под Смоленском. Осада ничуть не помогала. Тогда он пошел на решительный приступ. Но и горожане поняли, что это решительный приступ. И они сделали ровно то, что когда-то несчастные немцы Магнуса: когда стало ясно, что стены не выдер-

жат, смоляне взорвали порох, и на воздух взлетел весь тот Смоленск, о котором мечтал король. Выжившие смоляне вместе с воеводой Шеиным попали в плен. Вместо цветущего города королю достались развалины.

Смешно, но Сигизмунд гордился и считал это победой. Героя последнего приступа Потоцкого он хорошо наградил. После этой победы, забыв о всякой Москве и гарнизоне Гусевского, Сигизмунд торжественно развернулся и... ушел в Польшу.

На его место двинулся талантливый полководец гетман Ходкевич. Гетмана вызвали из Ливонии, где он успешно бил шведов. Теперь его просили бить русских.

Что же касается короля, 1612 год был для него триумфальным. Он въехал в свою столицу как победитель. Победитель привез с собой (правда, руками гетмана Жолкевского) и полное свидетельство триумфа — семейство Шуйских. Пленников провезли по городу перед глазами любопытной публики. Шляхта глядела на бывшего царя так, как в цирке на забавных обезьянок. Впрочем, представляя Василия, гетман Жолкевский сказал проникновенно, что «самые знаменитейшие Венценосцы не могут назваться счастливыми до конца своей жизни».

Своих пленников он поручил великодушию Сигизмунда. Это великодушие требовалось: Юрий Мнишек откровенно обвинял Василия, что тот погубил его Марину. И он был прав: ее судьба действительно на совести Шуйского. Несчастливая Марина, которую сдали приверженцы второго самозванца, находилась в руках Заруцкого. Тот стерег ее и возил за собой, сделав не царицей, а пленницей. Он даже отобрал у Марины ребенка, которого обихаживала какая-то «мамка». Заруцкий, как ему думалось, имел на руках беспронгрышный ко-

зырь — царевича Ивана. Но под это знамя почему-то не хотели вставать.

Ляпунов требовал собрания депутатов от всей земли для выборов нового царя. Составленную им уставную грамоту подписали представители со всей земли: в ополчении были и бояре, и дворяне, и жители 25 городов. Ляпунов, правда, в истинно русском царе успел разочароваться. Теперь он думал, что будет лучше взять государя их хорошей христианской страны. Ему казалось, что такая страна — Швеция. Новгородцы думали так же. Они имели на примете сына Карла Девятого.

Так что Ляпунов послал в Новгород своих людей, чтобы договориться с Делаярди о принятии шведского королевича Филиппа. Его посол Бутурлин объяснил Делаярди этот выбор так: «Два бедственные избрания доказали, что подданному нельзя быть у нас Царем благословенным».

Но у Делаярди было свое на уме: он хотел отошедших назад к русским крепостей. Переговорщики возмутились и связались с Ляпуновым. Тот знал, что Делаярди только пробует торговаться. Так что он распорядился «впустить их в Невскую крепость и выдать им несколько тысяч рублей из казны Новгородской, если они поспешат к Москве, чтобы вместе с верными Россиянами очистить ее престол от тени Владиславовой — для Филиппа».

Об этом упущенном шансе Карамзин сожалел: если бы Делаярди «неукоснительно присоединился к нашему войску под столицю, чтобы усилить Ляпунова, разделить с ним славу успеха, истребить Гюсевского и Сапегу, отразить Ходкевича, восстановить Россию: то венец Мономахов, исторгнутый из рук Литовских, возвратился бы, вероятно, потомству Варяжскому, и брат Густава Адольфа или сам Адольф, в освобожденной Москве за-

конно избранный, законно утвержденный на престоле Великою Думою земскою, включил бы Россию в систему Держав, которые, чрез несколько лет, Вестфальским миром основали равновесие Европы до времен новейших».

Возвращение престола Рюриковичей потомкам Рюрика он считал справедливым. Ведь смогли же варяги успокоить мятежных словен, мерю и весь в IX веке? Смогли бы и в XVII.

Но Делагарди не поспешил. Вместо Москвы он пошел в Новгород. Новгород потомки Рюрика взяли как вражескую крепость. Впрочем, там и битвы особой не было, народ в ужасе кидался в Волхов, спасаясь от пожаров. А потом воевода Одоевский заключил с Делагарди мир. «Да будет Царем и великим Князем Владимирским и Московским сын Короля Шведского, Густав Адольф или Филипп. Новгород целует ему крест в верности и до его прибытия обязывается слушать Военачальника Иакова Делагарди», — так было записано в этом мирном договоре.

И народ привели к присяге. Новгородская Русь признала шведского королевича своим царем. Бутурлин, считая, что теперь все наладится, поспешил с радостным известием в русский лагерь. Но там уже не было Ляпунова. Его предательски убили. В лагере были мятеж и резня. И когда Бутурлин добрался до лагеря, шведский королевич был никому уже больше не нужен.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: ОПЫТ САМОДЕРЖАВИЯ

Карамзин не успел дописать своей истории даже до окончания времени Смуты. «И что была тогда Россия? — задавал он последний вопрос и сам на него отвечал: — Вся полуденная беззащитною жертвою грабителей Ногайских и Крымских: пепелищем кровавым, пустынею; вся юго-западная, от Десны до Оки, в руках Ляхов, которые, по убиении Лжедмитрия в Калуге, взяли, разорили верные ему города: Орел, Болхов, Белев, Карачев, Алексин и другие; Астрахань, гнездо мелких самозванцев, как бы отделилась от России и думала существовать в виде особенного Царства, не слушаясь ни Думы Боярской, ни Воевод Московского стана; Шведы, схватив Новгород, убеждениями и силою присвоивали себе наши северо-западные владения, где господствовало безначалие, — где явился еще новый, третий или четвертый Лжедмитрий, достойный предшественников, чтобы прибавить новый стыд к стыду Россиян современных и новыми гнусностями обременить историю, — и где еще держался Лисовский с своими злодейскими шайками. Высланный наконец жителями из Пскова и не впущенный в крепкий Ивань-город, он взял Вороночь, Красный, Заволочье; напал на малочисленные отряды Шведов; грабил, где и кого мог. Тихвин, Ладога сдались Генералу Делагарди на условиях Новгородских; Орешек не сдавался...»

Дальнейшие события Смутного времени показали, что надежда на приглашение царя из чужой земли для XVII столетия была мероприятием бессмысленным. И дело не в том, что Владислав или Филипп были бы плохими царями. Очень может быть, что и нет. Но даже не народ, а сами бояре и еще более православное духовенство такого царя не желали.

Для духовенства иноземный претендент должен был так переменить веру, чтобы сразу стать русским.

Для бояр он должен был так хорошо знать тонкости их происхождения и оказывать такие знаки внимания, как мог делать это только русский.

Для народа призванный чужой царь должен был и выглядеть так, как должен русский царь.

Конечно же, все зарубежные кандидаты этим условиям не отвечали. Московское царство так сильно отличалось от соседних стран, что иностранец в ней остался бы иностранцем. А чужого царя никто иметь не хотел. Его бы ждала та же судьба, что и первого Самозванца.

Ведь по большому счету Лжедмитрий был замечательным царем. Но все его действия оказались для тогдашней Московии неприемлемыми. За века рабства эта страна не могла оценить свободного мышления. Москва была ханжеской, чванливой, очень консервативной землей. Какие-то изменения казались ее насельникам нарушением всех устоев государства, кощунством. Ожидать, что такая страна приняла бы спокойно новые законы или даже хотя бы новую моду в одежде, — наивность. Не приняла бы. Перекроить ее по западному образцу было невозможно. Но и по образцу Орды она тоже жить не хотела, заволжские или крымские или сибирские ханы ей уже казались тогда дикарями. От этой части ордынского наследия она отходила.

Единственный возможный путь лежал через ненасилованное соединение с оторванными когда-то частями единого целого. Ни Швеция, ни Польша такими частями не были. Объединиться она могла, например, при первом сыне Ивана Грозного, став Московской и Литовской Русью. Но что бы это было за объединение? Насколько долговечное? Характер Ивана Ивановича был таков, что жаль мне тогдашней Литвы.

На то, чтобы литовские русские земли соединились с московскими и украинскими, ушли века. Московское царство тогда уже имело новую династию. К XIX веку страна была уже совершенно другой. Карамзину она казалась мощной, способной дать своему народу достойную жизнь. Превращение отсталой Московии в Российскую империю казалось ему огромным завоеванием. Для него это был правильный порядок, правильное течение исторического процесса. И этот правильный процесс направляла и удерживала только твердая власть одного человека — самодержца. Все остальные модели развития он считал губительными. Недаром бунтующие казачьи отряды XVII века он именуется конфедератами или республиканцами.

Даже Речь Посполитую он называет Республикой! Нет в ней твердой власти, хотя во главе государства находится король. Не такая это полная и правильная власть, как абсолютная монархия. Но что может дать республика? Плюрализм. А борьба идей автоматически превращается в борьбу людей. И начинается время Смуты.

Эту смуту, но западную, он наблюдал во Франции. Она была отвратительной. Так что не стоит винить первого русского сочинителя романов, что он обратился к истории своей страны и увидел ее с позиции просвещенного

абсолютизма. Но, читая его «Историю», об этом забывать не стоит.

Не стоит хотя бы потому, что абсолютная власть в нашей стране уже к концу его XIX столетия стала тормозом для прогресса, а еще позже империя развалилась.

Для XX века абсолютная власть приняла форму диктаторских тоталитарных государств. В одном из них мы имели несчастье родиться. Это государство тоже стремилось принять форму империи. Но и эта империя развалилась. И сегодня на необозримом пространстве бывшего СССР существуют снова отдельные государства, объединить которые в новую империю можно только силой.

Никогда не забывайте, что силой можно создать только то, что в советских учебниках когда-то именовалось «тюрьмой народов».

А Карамзин? Отдадим ему должное. Чужое мнение нужно уметь выслушивать, понимать и уважать.

СОДЕРЖАНИЕ

Летописец или историк?	5
------------------------------	---

Часть первая

Портреты властителей Древней Руси 962—1174	109
Начало Древней Руси	137
Потомство Владимира Святого	168
Мономах и Мономашичи	199

Часть вторая

ПОРТРЕТЫ ВЛАСТИТЕЛЕЙ МОСКОВСКОЙ РУСИ 1174—1462

Владимиро-Суздальская Русь	243
Под ханами	269
Московская Русь 1328—1462	317

Часть третья

ПОРТРЕТЫ ВЛАСТИТЕЛЕЙ МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА 1462—1612

Приобщение к Византии. Иоанн, прозванный Грозным	407
Федор и Борис	471
Время смуты	495
Вместо заключения: Опыт самодержавия	534

Популярное издание

Н. М. Карамзин

**ПОЛНЫЙ КУРС РУССКОЙ ИСТОРИИ
В ОДНОЙ КНИГЕ**

Ведущий редактор *В. Пименова*
Художественный редактор *Ю. С. Межова*
Технический редактор *В. В. Беляева*
Верстка *Т. Ю. Алиевой*
Корректор *В. Н. Леснова*

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская область,
г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Астрель-СПб»
197372, Санкт-Петербург,
ул. Ситцевая, д. 17, лит. Б, пом. 6-Н
E-mail: mail@astrel.spb.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Издательско-
полиграфическое предприятие «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78, 20-50-52
www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВА «АСТ» И «АСТРЕЛЬ-СПБ»
ПРЕДСТАВЛЯЮТ НОВЫЕ КНИГИ

ЛИН ФОН ПАЛЬ

МЕСТЬ ТАМЕРЛАНА

Новая увлекательная книга Лин фон Паль рассказывает о загадках и легендах, связанных с именем Тамерлана. Деяния этого знаменитого воителя древности отразились на судьбах всего мира, а его личность и по сей день оказывает магическое воздействие на потомков.

Тамерлан заботился только о своей стране и своей власти. Но вот парадокс: эта истовая забота помогла европейцам сохранить христианские обычаи. Воистину — вершащий зло нередко творит добро...

Однако Тамерлан не был бы самим собой, не пожелав отомстить тем, кто придет после него. А в чем заключалась его месть, вы узнаете, прочитав эту книгу!

РУСЬ И ОРДА

Считается, что в результате татаро-монгольского нашествия Русь остановилась в своем развитии, по крайней мере на несколько столетий.

И это действительно так!

Но явились ли татарские орды единственной причиной подобного отставания?

Возможно, существовали объективные исторические предпосылки, позволившие монголам безнаказанно хозяйничать на Руси в XIII—XIV веках?

В своей новой книге Лин фон Паль, признанный мастер исторических расследований, делает эффектную попытку ответить на эти и другие вопросы, касающиеся прошлого и настоящего нашей страны.

ИЗДАТЕЛЬСТВА «АСТ» И «АСТРЕЛЬ-СПБ»
ПРЕДСТАВЛЯЮТ НОВЫЕ КНИГИ

ДМИТРИЯ ЧЕРКАСОВА
В СЕРИИ

**«ПОДВОДНЫЙ
СПЕЦНАЗ»**

Подразделения спецназначения по самому определению являются структурами глубоко засекреченными; это относится как к диверсионным, так и антидиверсионным отрядам. О российском спецназе мало что известно не то что за рубежом, но и на родине. А его подразделения в составе военно-морского флота вообще окутаны непроницаемой завесой секретности.

Об авторе:

Родился в 1965 году в Ленинграде. Энциклопедически образован, владеет многими иностранными языками. Служил в частях особого назначения. Сотрудничает с рядом печатных СМИ С.-Петербурга. Мастер литературных мистификаций.

Дмитрий Черкасов — один из псевдонимов автора.

Серия книг о захватывающих приключениях микробиолога
и подводного спецназовца Владислава Рокотова

СМЕРТЬ ЭКСПРЕССОМ

Мир на грани катастрофы!

Боевики и экстремисты всех мастей опять развязали кровавый террор.

В ход идут любые средства вплоть до дельфинов особого назначения.

Однако не стоит отчаиваться!

Влад Рокотов, скромный микробиолог и крутой ас подводного спецназа, опять на своем посту.

Зло будет наказано!

ПОТОП

Борьба за власть в стране достигла апогея!

Депутаты не брезгают ничем, ради своей выгоды они готовы затопить целый город ...

И теперь только Влад Рокотов, скромный микробиолог и крутой ас подводного спецназа, может сорвать жестокие планы злодеев!

ОБРАТНЫЙ ОТСЧЕТ

Оборотни в погонах по-прежнему хотят править миром!

Они не остановятся ни перед чем, лишь бы достичь задуманного.

Их новая цель — подводный газопровод, который они намерены взорвать.

Но Влад Рокотов, скромный микробиолог и крутой ас подводного спецназа, тоже не дремлет! Он уже вступил в игру, и теперь злодеям не уйти от расправы!

ИЗДАТЕЛЬСТВА «АСТ» И «АСТРЕЛЬ-СПБ»
ПРЕДСТАВЛЯЮТ НОВЫЕ КНИГИ

ДМИТРИЯ ЧЕРКАСОВА
В СЕРИИ

**«ПОДВОДНЫЙ
СПЕЦНАЗ»**

Серия книг о подводных приключениях отряда спецназа
«Сирены», который возглавляет капитан
Александр Каретников, кличка Посейдон

«СИРЕНЫ» АТАКУЮТ

...Гладилин уже развернулся, реакция у него оказалась весьма хорошая. Он резко отпрянул, одновременно вытягивая из кармана оружие, и Посейдон ударил его по запястью носком ботинка. Реставраторы не носят такой обуви, Каретников успел переобуться; сношенные кроссовки окончательно переселились в его вымышленную и ныне забытую жизнь.

Капитан успел вытащить пистолет, и тот полетел на пол, а не остался в кармане, и это было хорошо. Сделав еще шаг, Посейдон отшвырнул его ногой. Тут же пришлось отвлечься на сержанта, так как удар, очевидно, оказался недостаточно сильным, и тот начал приходить в себя, выпрямляться. Посейдон повернулся на носке, как циркуль, правая нога описала широкую дугу, и милиционер — довольно грузный товарищ — обрушился так, что пол загудел. А уже в следующий миг предводитель «Сирен» еле успел увернуться от кулака Гладилина, пронесшегося в паре дюймов от его виска.

ПАРИЖСКИЙ ДЕСАНТ ПОСЕЙДОНА

...Медуза выстрелила — блондина отбросило к стене.

Глаза у него закатились.

Внизу заспешили, теперь уже никто не таился. Крадущиеся шаги перешли в дробный топот. Сильвер, приглушенно матерясь и морщась от боли, тянул из-за пояса второй пистолет. Видя, что не успевает, он выдернул нож, который держал ближе, и с силой метнул его в незнакомца, фигура которого только что нарисовалась пролетом ниже. Нож угодил в висок; бросок был такой силы, что лезвие, пробив кость, вошло почти по рукоятку. Нападавший упал, а Сильвер вновь завел руку за спину; в ту же секунду две пули ударили его в левое плечо.

Издательство «Астрель-СПб»
представляет

Все тайны Земли, которые надо узнать прежде, чем умрешь

Ошеломляющие открытия, невероятные гипотезы, величайшие битвы, леденящие душу истории тайных обществ, четвертое измерение, путешествие во времени и стычки с пришельцами — самый интересный опыт человечества, накопленный веками, уместился на страницах этой книги.

Вы узнаете:

- откуда взялось человечество;
- почему исчезли великие цивилизации;
- что скрывают древние пирамиды;
- где искать ненайденные клады;
- что представлял собой священный Грааль и где прячут свои сокровища тамплиеры.

Вам откроются:

- тайны профессионального гипноза и скрытого управления людьми;
- магические приемы, ритуалы и предсказания;
- правда о гибели великих людей.

Вы встретитесь:

- С монстрами, привидениями и инопланетянами.

Вы отправитесь в увлекательнейшее путешествие вместе с авторами книги! Откройте первую страницу — и не сможете остановиться.

Александр Попов

Полная история ислама и арабских завоеваний в одной книге

Жизнь пророка Мухаммеда и деяния халифов, тайные психотехники фанатиков-убийц ассасинов и новые факты о трагедии 11 сентября, джихад и обучение шахидов, религиозные обряды суфиев и культурные традиции мусульман — вот далеко не полный перечень тем, затронутых в этой книге.

Вы сможете получить наиболее полную информацию о зарождении и постепенном распространении ислама по всему миру, о влиянии мусульманской цивилизации на мировую историю и найти для себя ответ на вопрос, в чем же сила ислама.

Если вам интересно узнать обо всех аспектах исламского фундаментализма и периодах спада и подъема Арабского халифата, Османской империи, о войнах России на Кавказе (вплоть до чеченской кампании) и стать настоящим специалистом по исламскому вопросу, то эта книга — для вас.

Николай Михайлович Карамзин (1766–1826) — выдающийся русский историк, литератор и журналист. В дореволюционное время считался отцом-основателем русской истории. Практически все учебники для детей и юношества строились на основе его многотомного труда «История государства Российского». О характере написанной им «Истории» даже желчный критик девятнадцатого столетия В. Г. Белинский заметил, что это «поэма, написанная прозой».

Перед вами сокращенное изложение трудов великого историка, дополненное современными комментариями. Грандиозный труд теперь доступен восприятию любого читателя, интересующегося отечественной историей.

ISBN 978-5-17-065090-3

9 785170 650903